
Бритта Рёстлунд
У ПОДНОЖИЯ МОНМАРТРА
WORLD SENSATION ★★★ МИРОВАЯ СЕНСАЦИЯ ★★★
Непредсказуемая захватывающая история о случайной встрече, способной изменить жизнь. Восхитительная книга!
goodreads.com

У подножия Монмартра
Бритта Рёстлунд

Аннотация
Бритта Рёстлунд. У подножия Монмартра. Роман

Аннотация

Журналистка Хелена Фоласаду, конечно, должна была сказать «нет», когда незнакомец в кафе спросил, не месье ли Белливье она ждет. Но творческий застой и природная авантюрная жилка заставили ее сказать «да». Так она получила высокооплачиваемую и весьма странную работу, вызывающую ощущение причастности к тайне. Выходец из Туниса Мансебо, владелец маленького магазинчика в окрестностях Монмартра, ведет размеренную жизнь. Но однажды к нему обращается соседка из дома напротив и предлагает проследить за ее неверным мужем. К своему удивлению, Мансебо соглашается. Хелена и Мансебо прежде никогда не встречались, но их миссии пересекутся самым удивительным образом. И как только это произойдет, станет ясно, что кафе и улочки Парижа хранят куда больше секретов, чем можно было бы предположить…

Бритта Рёстлунд
У подножия Монмартра
Роман

© Britta Röstlund 2016
© Перевод и издание на русском языке, «Центрполиграф», 2018
© Художественное оформление «Центрполиграф», 2018

* * *

В Париже, в доме 73 по бульвару Батиньоль, расположена маленькая бакалейная лавка. Англоговорящие туристы обычно называют такие магазинчики «арабскими лавками». Такое название ничего не говорит о хозяине этого магазина на бульваре Батиньоль, да и сам он не привык так говорить о ней. Правда, и туристов на бульваре бывает мало. Большая их часть бродит по Елисейским Полям, вокруг Лувра, Эйфелевой башни или Триумфальной арки.

Те, кто хотят увидеть «правильный» Париж, идут, например, в Шато-Руж или находят в себе мужество отойти немного в сторону от входов в метро. Печальная же правда заключается в том, что все это не имеет отношения к настоящему, правильному Парижу. У этого города расколотая психика. Лучший способ познать Париж — это посмотреть на него со скамеек. Сидя на них, можно изучать, как миллионы людей находят себе место под солнцем.

Одним из тех, кто именно так каждый день открывает для себя Париж, был Мансебо, охотно сидевший на скамеечке перед входом в свою бакалейную лавку на бульваре Батиньоль, дом

семьдесят три.

Главным отличием парижских лавок такого рода можно считать то, что они торгуют, помимо прочего, пряностями и специями из бывших французских колоний в Северной Африке, что цены в них выше обычных под предлогом первой свежести товара. Для туриста это экзотика — разве что купить там пряности для пикника с бутылкой вина, тайком пронесенной в гостиничный номер. Для парижан это своеобразная визитная карточка города, которая к тому же часто спасает при необходимости. В бакалейных лавках есть что-то умиротворяющее. Работающие там люди часто принадлежат к известным и уважаемым в квартале семействам и вносят нотку интимности в анонимность большого города.

Мансебо и сам едва ли осознает, что, сидя у входа в свой магазин, он каждый день изучает Париж. То, что происходит на улице, он впитывает подсознательно. Эти наблюдения может прервать только еда. Первый раз это происходит во время обеда. Обед готовит его жена Фатима на втором этаже, в жилых комнатах. Но прежде чем Мансебо успевает собрать соус со дна фарфоровой тарелки, как снег на голову является его кузен Тарик. Он работает неподалеку, собственно на

противоположной стороне бульвара, где держит сапожную мастерскую, которую каждый день клятвенно обещает закрыть, продать и переехать в Саудовскую Аравию, чтобы основать там парашютную школу.

Тарик ничего не понимает в прыжках с парашютом, но ровно пять лет назад в его мастерскую уверенно вошел человек, чтобы починить башмак, у которого отвалился каблук. Пока подсыхал клей, они разговорились, и клиент поведал Тарику, что незадолго до этого продал свою консультативную фирму в Париже и переехал в Иорданию, где открыл школу по прыжкам на батуте. Так случилось, что в тот же день в мастерскую заглянул молодой человек и рассказал, что они с женой перебрались в Дубай. В Париже они влачили трудную жизнь работяг, а в Дубае живут как короли. Прошло довольно много времени, прежде чем у Тарика возникла идея открыть школу парашютного спорта в Саудовской Аравии. «Саудовцы задыхаются и хотят воспарить в небо», — любил повторять Тарик.

Он был убежден, что носящие тюрбаны и драгоценные украшения люди никогда не смогут обрести спасение, если не начнут учиться прыгать с парашютом. Тарик был уверен, что, пока

течет нефть, саудовцы будут платить за все. Он уже начал брать в библиотеке книги о Саудовской Аравии. Фатима рассудительно заметила на это, что Тарику следовало бы сначала усовершенствоваться в парашютном спорте.

Тарик относится к Парижу не так, как Мансебо. Тарик любит сидеть в мастерской и курить в каптерке. Мансебо же может насладиться всего лишь одной сигаретой в день. Впрочем, ему хватает нескольких затяжек. Фатима разрешила ему курить только после ужина. «Разве можно, чтобы в продуктовом магазине пахло табаком и дымом?» — не раз говорила она.

Еще она твердила, что у нее аллергия на сигаретный дым, и запретила Мансебо курить дома. Он в принципе не боится жену, во всяком случае, когда все идет как должно. Пока Мансебо работает — а это бывает семь дней в неделю, Фатима находится дома. В точности он не знает, что она там, собственно, делает, но не осмеливается спрашивать. Во всяком случае, еду она готовит исправно — на столе всегда есть обед.

Тарик и Мансебо работают неподалеку друг от друга, а живут практически вместе. Тарик и его жена Адель занимают квартиру над бакалейным магазином, а Мансебо, Фатима и их сын Амир

— ту, что над ней. Если бы Мансебо мог выбрать, он поменялся бы с Тариком. Это было бы куда более естественно — каждый день спускаться всего на один марш вниз, чтобы открыть магазин, а потом, вечером, подняться всего на один марш после закрытия. Но Фатима была против. Она говорила: «Это единственная для тебя возможность хоть немного двигаться».

Несколько лет назад, когда у Мансебо было куда больше сил и энергии, он убеждал жену, приводя все доступные ему аргументы, поменяться квартирами с Тариком. Во-первых, и это самое главное, он намного старше Тарика, и пройдет не так уж много лет до того, как эти лестницы станут для него невыносимой пыткой. Во-вторых, он встает раньше всех и, спускаясь по лестнице, будит Тарика и его жену. В-третьих, Фатима могла бы готовить еду на втором этаже, там лучше плита.

Все это было ясно как белый день; все доводы в пользу Мансебо — его семья должна жить на втором этаже. Он тщательно подбирал аргументы и выкладывал их за отлично прожаренным цыпленком. Но его планы и прожекты не находили ни у кого поддержки, даже у собственной супруги, что, по его мнению, было странно. Но она потеша-

лась над его чудачеством и спрашивала, не хочет ли он собрать подписи в свою поддержку среди соседей по кварталу. Тарик, как всегда, смеялся, Адель, как обычно, отмалчивалась, а Амир вообще не прислушивался ко всей этой декламации. Но теперь у Мансебо нет ни времени, ни энергии на споры об обмене квартиры.

Если кто-нибудь спрашивал Мансебо о месте его работы, он отвечал, что трудится в сфере услуг. Если же этот человек желал знать подробности, то Мансебо говорил, что он владелец бакалейного магазина. Все это правда. Если же спрашивали, где находится его магазин, то Мансебо отвечал, что он находится у подножия Монмартра. Вот с этим можно было поспорить.

Мансебо нравилась сама мысль, что он живет и работает у подножия белой, как сахарная голова, церкви Сакре-Кёр. Кроме того, такой ответ заставлял многих поверить в то, что Мансебо и его крошечный магазинчик можно найти у такого же крошечного рынка Парви-де-Сакре-Кёр, или, может быть, его лавка стиснута бесчисленными домами в одном из переулков Монмартра. Понятно, что с бульвара Батиньоль при желании можно разглядеть высокую церковь на Монмартре, купол которой возвышается над выводком домов.

Фатима считает, что ее муж ведет себя как малое дитя, говоря всем, что его лавка находится у подножия Монмартра, и каждый раз фыркает, когда слышит это. Иногда она нашептывает ему это на ухо, и всякий раз Мансебо отвечает, что мало кому известно, насколько продолжительно подножие Монмартра. И это святая правда.

Повседневная жизнь Мансебо управляется запахами и видами города и его обитателей, поэтому часы ему не нужны. Однако будильник у него есть, и этот будильник звонит ежедневно, ровно в пять часов. В четверть шестого он уже сидит за рулем своего белого пикапа и едет на юг, в Рунжи, чтобы закупить свежие овощи и фрукты. В начале девятого он снова в Париже, а через несколько минут заходит к Франсуа, в бар «Ле-Солейль», побаловать себя, вместо завтрака, чашкой эспрессо. Мастерская двоюродного брата, бар «Ле-Солейль» вместе с магазином Мансебо образуют в квартале треугольник. «Золотой треугольник», — подшучивает Франсуа, намекая на знаменитый золотой треугольник, образованный тремя фешенебельными кафе: «Кафе-де-Флор», «Ле-Дё-Маго», и «Брассери-Липп». «Бермудский треугольник», всякий раз небрежно роняет Тарик, но ни Франсуа, ни Мансебо не понимают,

что он хочет этим сказать.

В девять часов Мансебо поднимает решетки окон, и лавка начинает дышать парижским воздухом. Он работает до тех пор, пока не учует запах обеда. Тогда он опускает решетку и поднимается наверх обедать. Мансебо плотно ест, но аппетит меняется в зависимости от блюд и тем, обговоренных за столом. Потом Мансебо снова спускается на первый этаж и поднимает решетку, второй раз за день открывая лавку. Во второй половине дня Мансебо опускает решетку и идет к Франсуа, в «Ле-Солейль», выпить с Тариком по рюмке анисового ликера. Потом возвращается в лавку и работает до ужина, когда аромат еды снова тяжело повисает в доме. Это происходит около девяти вечера, и Мансебо окончательно опускает решетку — до следующего утра.

Вот и еще один день прошел. Мансебо еще раз впитал в себя Париж со своего крыльца. Как обычно, он пересчитывает дневную выручку, перетягивает пачки купюр резинками и кладет деньги в пластиковый мешок. Их надо отнести в банк. С верхнего этажа, сквозь дверь, словно через полуоткрытый рот, в лавку проникает соблазнительный запах из полной кастрюли на третьем этаже.

Все выглядит так, словно запах пищи за много лет отыскал свой собственный путь с кухни квартиры в холл, оттуда сквозь дверь на лестницу, чтобы затем, по коридорам и лестничным клеткам просочиться в лавку. Это ароматное дуновение подсказывало Мансебо, что пора опускать жалюзи, а это, в свою очередь, служило сигналом Тарику, что пора закрывать мастерскую на перерыв или на ночь. Аромат еды был путеводной нитью, ведущей к обеденному столу.

По утрам, когда Мансебо открывает лавку, запах вчерашнего дня еще чувствуется в ней, но недолго, всего лишь несколько минут, или ровно столько времени, сколько требуется Мансебо, чтобы разложить фрукты и овощи. После этого запах смешивается с более или менее свежим утренним парижским воздухом.

Мансебо заканчивает подсчет выручки. День был не слишком удачным. Жара укачала город, разморила его, но, похоже, погода скоро испортится. Он запирает зеленые дверцы лотков с овощами. Это сигнал Тарику. Мансебо тянется за маленькой черной шапочкой, которую носит уже много лет. Без шапочки он чувствует себя голым. Все равно как если бы Адель вышла на люди без платка. Он вспоминает, что днем они

как раз обсуждали сходство между его шапочкой и ее платком. Головные уборы стали частью существа обоих.

Фатима считает, что ни в шапочке Мансебо, ни в платке Адели нет никакого смысла. Сама она никогда не надевает платок, разве только в путешествиях, если в этом возникает надобность. Фатима злится на Адель за то, что та не помогает ей по хозяйству, и говорит, что те, кто носит платок, целыми днями сидят и слушают радио. Собственно, Адель так и поступает, если не считать чтения. Она может просто не делать ничего другого под тем предлогом, что у нее от рождения болит спина — как она утверждает. Фатима уверена, что эта болезнь спины мешает Адели рожать детей. Не сама, конечно, болезнь, а невозможность принять положение для «деторождения», как называет это Фатима.

Мансебо закатывает внутрь лотки с фруктами и овощами, чтобы Тарик скорее закрывал свою мастерскую, не дожидаясь, пока Мансебо начнет колотить в его дверь. Собственно, Тарику всего-то дел — запереть дверь мастерской. Иногда, впрочем, мастерская бывает некоторое время закрыта после рюмки ликера в «Ле-Солейль». Сам Тарик все время сидит в своей каптерке, в задней ком-

нате мастерской. Зато он никогда не покидает мастерскую до еды. «Что прикажете мне делать наверху среди этих несносных баб?» — говорит он обычно. Мансебо точно не знает, что делает Тарик в каптерке, когда рано закрывает мастерскую. Сам Тарик утверждал, что у него масса финансовых дел. Но на самом деле он сидит без дела, читает газеты и курит. Мансебо все видит из своей лавки.

В магазин входит дама среднего возраста, и Мансебо приветливо с ней здоровается. Мансебо знает эту женщину. Она часто покупает у него что-нибудь к ужину. Вообще-то она делает большие покупки в другом месте, а к Мансебо заглядывает только в тех случаях, когда забывает что-то купить днем. Сегодня она покупает соленое печенье и бутылку кока-колы. Женщина расплачивается, Мансебо желает ей приятного вечера и провожает до двери. Женщина уходит, но тотчас появляется Тарик, хлопает кузена по плечу, открывает дверь на лестницу и исчезает наверху.

Это был абсолютно обычный день. День, начавшийся точно так же, как все остальные дни, продолжавшийся, как все остальные дни, и Мансебо уверен, что, как и следовало ожидать,

закончится он точно так же, как и другие дни в череде дней. Правда, на самом деле Мансебо сейчас ни о чем не думает. День только тогда может стать необычным, когда обычным останется время, в которое этот день вплетется. Фактически же Мансебо сейчас не думает ни о чем, кроме еды.

Возможно, Фатима права, когда говорит, что чем ближе к вечеру продвигается день, тем сильнее работает у Мансебо мозг пресмыкающегося. По утрам он был бодр и свеж, ехал в Рунжи, подсчитывал в уме, сколько разного товара ему нужно, в течение дня он должен был обслуживать самых разных людей, но чем ближе клонился день к вечеру, тем пассивнее становился Мансебо. Сигналом к такому замедлению темпа служил ликер в «Ле-Солейль». День после этого близился к завершению, и чем ближе становился этот момент, тем сильнее охватывали его мысли об ужине и сигарете.

Решетка на окне опущена, Мансебо тщательно запирает лавку. Гасит свет и поднимается по лестнице.

— Хей, хей! — покрикивает он, словно оповещая всех о своем скором появлении.

Фатима, покачнувшись, крепко ухватывает оранжевый горшок, а Тарик высасывает свою

шестнадцатую сигарету за день, одновременно жалуясь, что у него весь день не было времени покурить в свое удовольствие.

— Ты слышишь?! — восклицает Фатима. — У Тарика весь день не было времени покурить.

Она смеется и пробует варево из горшка.

— Привет, бедняга, — приветствует Мансебо Тарика, с притворной свирепостью треплет по голове сына Амира и нежно целует Фатиму в щеку. Во всех трех действиях видна непритворная, искренняя любовь.

Жара в комнате стоит невыносимая. Адель, кажется, страдает от жары меньше всех, несмотря на то что платок покрывает ее волосы, да еще и часть лица. Низенький стол накрыт, все садятся на ковры; все, кроме Фатимы, которая продолжает хлопотать у плиты. Тарик поднимает руку и делает такой жест, словно командует собаке «место!», и Фатима тотчас, словно ожидала команды, садится к столу. Все с жадностью принимаются за еду. Тарик тушит сигарету, Адель откидывает с лица платок.

— Можно умереть от пассивного курения, — ворчит Мансебо, больше для того, чтобы польстить Фатиме.

Все, как обычно, хвалят кулинарное искусство

Фатимы, кроме Адели, которая весь вечер необычно молчалива. Это очень не нравится Тарику.

Адель внезапно вздрагивает, обводит стол тревожным взглядом и спрашивает:

— Вы ничего не слышали?

Фатима качает головой так энергично, что вздрагивает двойной подбородок, а затем принимается указательным пальцем собирать соус со дна тарелки. Звонит мобильный телефон Амира, и Фатима жестом показывает ему, чтобы он вышел из-за стола поговорить.

— Расслабься, солнышко, это звонил мобильный, — пытается успокоить жену Тарик.

— Нет, это было раньше, как будто кто-то стучал… колотил в дверь.

Она не успевает ничего добавить, потому что все слышат какой-то звук. Всем становится ясно, что кто-то изо всех сил, сквозь решетку, стучит в дверь лавки. Тарик встает, закуривает следующую сигарету и выглядывает в окно. На улице моросит мелкий дождь, и на бульваре пусто.

— Я никого не вижу, но понятно, что внизу кто-то есть.

Снова раздается сильный стук. Мансебо, не говоря ни слова, надевает свою черную шапочку и торопливо спускается по лестнице. Собственно,

он не думает о том, кто это может быть, даже не хочет гадать. Он слишком устал для того, чтобы думать. В принципе он сейчас спускается вниз только для того, чтобы потом вернуться наверх, покончить с ужином, успокоиться, расслабиться, покурить и лечь спать.

У входа в лавку стоит какая-то женщина. После того как Мансебо отпирает дверь и поднимает решетку, женщина буквально врывается в лавку. «Хлеб закончится, когда я вернусь» — это единственное, о чем сейчас думает Мансебо. Одновременно он понимает, что его выживание зависит от качества обслуживания клиентов в лавке, и ради этого можно пойти и на гибкий график работы. Иначе все клиенты переметнутся в «Монопри» или в близлежащий «Франпри». Многие из его товаров продаются там в два раза дешевле. Однако это не отменяет того факта, что к моменту его возвращения наверх хлеб, как бог свят, закончится. Женщина оглядывается с таким видом, словно ее страшно удивило, что она вдруг оказалась в мини-маркете. Она улыбается. Мансебо не отвечает ей улыбкой. Женщина улыбается еще раз, и Мансебо, на этот раз, улыбается тоже.

— Чем могу быть вам полезен, мадам?

Женщина снова осматривается, словно не

вполне понимает, где находится; как будто кто-то натянул ей на глаза повязку. Она снова улыбается, но Мансебо не позволяет себе реагировать на ее улыбку. Он вдруг ощущает непомерную усталость и думает о том, что ему очень не хватает чая и сладкого торта.

Женщина вдруг начинает живо интересоваться товарами, словно поняв, что терпение Мансебо не безгранично. Она буквально мечется по лавке — лучшего слова Мансебо подобрать не может. Он чешет затылок под шапочкой и демонстративно зевает. Женщина останавливается, но на этот раз не улыбается, серьезно смотрит на Мансебо, быстро берет с полки банку оливок и идет к кассе. Она ставит банку на прилавок и поднимает ее вверх, словно желая показать, что именно нашла, и ожидая, что Мансебо сейчас удивленно воскликнет: «Я и не знал, что здесь есть такие вещи!» Однако Мансебо не удивляется, и тогда женщина, приподняв банку еще на несколько сантиметров, ставит ее на прилавок.

— Что-то еще? — не скрывая усталости и раздражения, спрашивает Мансебо.

Он никак не может вспомнить, где видел эту женщину. Она в третий раз поднимает банку оливок над прилавком, таинственно усмехается,

словно хочет заставить Мансебо что-то понять, снова ставит банку на прилавок и через окно смотрит на улицу. Затем она расплачивается, благодарит и выходит из лавки. Мансебо, второй раз за вечер, опускает решетку и запирает дверь, а затем поднимается по лестнице, недоуменно качая головой.

— Это оказалась какая-то чокнутая тетка, — пыхтя, сказал Мансебо, второй раз за вечер поднявшись по лестнице.

— Я когда-то сказал, — вставляет слово Тарик, — что всех парижан надо запирать на ночь и выпускать только под утро, тогда ночью в этом миллионном городе никого не останется.

Фатима смеется и знаком показывает Мансебо, что сберегла для него немного хлеба. Он вгрызается в теплую питу, и в ту же секунду кто-то снова начинает барабанить в дверь. За столом все переглядываются. Они не ослышались? Фатима хмурит брови и уходит на кухню.

Стук в дверь на этот раз еще громче и отчаяннее, чем в первый раз, но Мансебо продолжает сидеть и невозмутимо есть свой хлеб. Когда грохот раздается в третий раз, все смотрят на Мансебо, давая ему понять, что он, и никто другой, должен что-то сделать. Мансебо берет в одну

руку хлеб и, не меняясь в лице, решительно направляется вниз по ступеням, от души надеясь не увидеть ничего нового. На середине лестницы он замечает, что забыл надеть свою черную шапочку. Он ни за что на свете не мог допустить, чтобы какой-нибудь незнакомец увидел его без головного убора, и поэтому поворачивает назад и слышит оживленный разговор. Долгое молчание в этом доме большая редкость. Адель бросает рассеянный взгляд на Мансебо, но остальные его не замечают.

Мансебо зажигает лампу над кассой и, щурясь, смотрит на дверь и решетку, но ничего там не видит и начинает сомневаться в том, что кто-то на самом деле только что стучал в дверь. Он несколько секунд барабанит пальцами по дверному косяку, ожидая, что произойдет дальше. Потом перестает барабанить и начинает прислушиваться — не услышит ли он какой-нибудь звук. Но он не слышит ничего, кроме тишины и шелеста мелкого дождя.

Мансебо зевает и гасит свет. Прошло довольно много времени, и Мансебо почти начисто забыл, что он делает здесь внизу, в лавке. Но в ту секунду, когда он уже пустился в обратный путь, в дверь снова сильно застучали — на этот

раз так громко, словно стучавший бил в дверь не рукой, а каким-то тяжелым предметом. Вот дьявольщина, думает Мансебо, снова зажигает свет и решительно, но и одновременно не без опаски, вспомнив, что говорил Тарик о всяких сумасшедших, болтающихся по Парижу, подходит к двери. Теперь он видит, что это та же самая женщина, которая всего несколько минут назад покупала у него оливки. Улыбка говорит о том, что она сама сознает неловкость положения, но у нее нет иного выбора.

Капли дождя бьют Мансебо по пальцам, когда он открывает дверь. Решетку он, из предосторожности, не поднимает и смотрит на стоящую под дождем женщину в длинном черном плаще и черных туфлях. Мокрые волосы выглядят почти черными, и на их фоне лицо выделяется неестественно светлым пятном. Она высоко поднимает банку с оливками, как будто один ее вид должен заставить Мансебо поднять решетку. Вода лилась в магазин, и Мансебо решил, что пойдет на эту странную встречу хотя бы из светской вежливости.

— Что теперь угодно, мадам? Я чем-то могу вам помочь?

Мансебо был сам удивлен своему терпению.

Женщина истерически закивала:

— Да, вы можете мне помочь, месье…

Она помолчала, видимо ожидая, что Мансебо вставит в паузу свое имя, но этого Мансебо не желал делать ни в коем случае.

— Да, вы можете мне помочь, месье, но сначала впустите меня внутрь.

— Магазин закрыт, мадам. То, что вам нужно, не может подождать до утра?

Женщина покачала головой:

— Нет, это не может ждать до утра.

В голосе женщины сквозило отчаяние. Мансебо выглянул на улицу и осмотрелся — нет ли здесь кого-нибудь, кроме странной незнакомки? Однако Мансебо не заметил никого, кроме нескольких человек, которые вдалеке бежали по бульвару, застигнутые дождем. Женщина судорожным движением подняла банку с оливками, и Мансебо понял, что именно ею она сейчас стучала в дверь. Женщина посмотрела ему прямо в глаза:

— Обещаю вам, месье, надолго я не задержусь.

Мансебо до конца поднимает решетку, и женщина, быстро и грациозно, словно мокрая кошка, проходит в лавку. Сбрасывает с головы капюшон и энергично встряхивает головой. Она улыбается, на этот раз какой-то приятной, уютной улыбкой и

осматривается. Казалось, она совершенно забыла о неотложном деле, приведшем ее сюда.

Мансебо буквально физически чувствует, как в воздухе повисает напряжение. Такого чувства он до сих пор никогда не испытывал. Это происшествие ломает его привычную размеренную жизнь; возможно, сейчас произойдет что-то необычное, о чем он потом сможет с гордостью рассказывать. Обычно Тарик приходит с разными веселыми и захватывающими историями. Конечно, все это он читает в Интернете, но тем не менее… Чтобы оправдать свое вечное молчание, Мансебо всегда говорит, что у владельцев сапожных мастерских есть время на всякий вздор, что сапожник — это совсем не то, что хозяин бакалейной лавки.

Дождь закончился сразу, как только женщина вошла в лавку. Можно было подумать, что ее преследуют боги непогоды. Продолжая чувствовать некоторое напряжение, Мансебо не смотрит на женщину в упор, но осторожно разглядывает ее искоса. Женщина смеется и ставит на прилавок уже давно оплаченную банку.

— Чтобы вы не подумали, что я ее украла.

Кажется, что она тянет время, словно ей страшно не хочется снова выходить на бульвар. Может

быть, что-то испугало ее на улице? — спрашивает себя Мансебо. Но на улице полно баров и ресторанов; к тому же совсем недалеко «Макдоналдс», а он до сих пор открыт. Лавка Мансебо уже закрыта, и женщина не могла заранее знать, что он услышит стук в дверь или что он спустится открыть ей. Женщина проводит кончиками длинных белых пальцев по ряду банок, словно проверяя, нет ли на них пыли.

— Чем я могу помочь вам, мадам?

Она бросает на Мансебо несколько разочарованный взгляд — словно он немного поторопился с вопросом, как будто она хотела что-то сказать или сделать, прежде чем задать вопрос.

— Можете называть меня Кэт, — почти шепотом произнесла она и протянула руку.

Мансебо машинально пожимает женщине руку и задумывается над ее словами.

— Мадам Кэт?

— Нет, нет, просто Кэт.

— Как… кот?

Она кивает. Мансебо кивает в ответ, чувствуя, что вся эта история с каждой минутой становится интереснее. Он уже не думает о торте и чае.

— Так чем я могу помочь вам… мадам… Кэт?

Женщина внезапно сникает и лихорадочно

оглядывается.

— Чем могу быть вам полезен? — повторяет Мансебо.

— Вы — единственный, кто может мне помочь, месье…

— Мансебо.

— Мы можем здесь поговорить? Нам никто не помешает?

Мансебо кивает и горделиво выпрямляет спину. Сейчас он чувствует себя важной персоной. До сих пор ему ни разу не случалось быть единственным, кто мог бы помочь кому бы то ни было. Бывали, конечно, случаи, когда он оказывался единственным, кто мог что-то сделать, если все другие магазины были закрыты, если кому-то надо было срочно купить кое-какие консервы или если кому-то вдруг взбредало в голову запастись провизией для пикника. Но никогда и никто еще не говорил Мансебо, что он — единственный, кто может помочь. Мадам Кэт бросает быстрый взгляд на тротуар.

— Я хочу попросить вас об одной услуге, или, правильнее сказать, я хочу предложить вам работу.

— Но у меня есть работа.

— Именно потому, что у вас есть эта работа, я и

хочу предложить вам другую.

Мансебо окидывает мадам Кэт скептическим взглядом.

— Никто не выполнит эту работу лучше, чем вы, месье Мансебо.

Снова полил дождь, и какие-то подростки, взявшись за руки, с радостными воплями пробежали мимо. От этого крика мадам Кэт испуганно вздрагивает.

— Я хочу, чтобы вы последили за моим мужем.

Впервые за все время разговора Мансебо задумывается: не шутка ли это? Он смотрит в глаза мадам Кэт и вдруг понимает, что эта женщина и не думает шутить. Она очень серьезна, насколько может быть серьезной женщина.

— Я должен следить за вашим мужем? Зачем? Я не могу целыми днями бегать за незнакомым мне человеком, у меня просто нет на это времени. Разве вы не видите, что мне есть чем заняться? Каждое утро я встаю в пять часов и еду за товаром, а закрываю лавку почти ночью.

— Именно это мне и нужно, — говорит она. — Вы сами ответили на все свои вопросы. Видите тот дом?

Она вытягивает руку с длинными, все еще мокрыми пальцами в направлении противопо-

ложной стороны бульвара. Мансебо смотрит и видит дом, на первом этаже которого находится мастерская Тарика. Дом этот точно такой же, как и тот, в котором они сейчас находятся. В том доме на первом этаже мастерская, а над ней — два этажа, на каждом из которых по одной квартире. Тот дом отличается только тем, что немного выступает вперед за красную линию, а в торце видна пожарная лестница.

— Мы с мужем живем на самом верхнем этаже. Квартира под нами пустует. Я уже довольно давно подозреваю, что муж меня обманывает. Меня часто и подолгу не бывает дома, потому что я много летаю — я стюардесса. Мой муж писатель и работает дома. Он всегда работал дома, но теперь вдруг его привычки резко изменились. Он не так много пишет, как раньше… и моя подруга несколько раз видела его на улице.

— Но что именно заставляет вас подозревать его в обмане?

— Женщины всегда это чувствуют.

Мансебо вдруг ощутил страшную усталость в спине, но мозг его работает живо, чего нельзя сказать о сердце, которое отвыкло быстро гонять кровь по жилам. Он поднял руку, показывая, что сейчас вернется, и прося женщину не уходить,

выходит в подсобное помещение и возвращается с двумя скамеечками. Женщина садится и расстегивает плащ. Мансебо расценивает это как признак доверия и испытывает гордость от оказанной ему чести. Да что говорить, он едва не лопается от гордости, как петух, и важно присаживается на вторую скамеечку.

Волосы мадам Кэт подсохли, и Мансебо видит, что на самом деле они темно-каштановые. Невзирая на свой широкий жест, Мансебо пока не думает, что примет предложение Кэт, но он сгорает от желания услышать до конца эту волнующую историю. Каждый день он выслушивает кучу сплетен от соседей по кварталу, но такого он еще никогда не слыхивал.

— Но у вас должны быть более веские доказательства его неверности, нежели то, что его видели на улице, разве не так?

— У меня они есть. Он ведет себя так, как будто у него сильный стресс.

Мадам Кэт умолкает, как будто пытается вспомнить нечто такое, что могло бы изменить все происходящее в последнее время.

— Он приносит домой книги.

— И что? Кажется, вы сами сказали, что он — писатель, так что же странного вы находите

в книгах?

— Ну… он пишет детективы и любит их читать, но в последнее время он носит домой самые разные книги. Однажды я даже видела руководство по уходу за фруктовыми деревьями.

— И что с того?

Мадам Кэт окидывает Мансебо недоуменным взглядом:

— Мы живем в городской квартире.

Мансебо становится стыдно за недогадливость. Он, конечно, не самый сообразительный детектив, но разве одно только то, что он перестал писать, значит, что он — неверный муж? Кажется, это называют кризисом творчества, думает Мансебо. Да и вообще, для того, чтобы обвинять человека в измене, надо иметь более веские доказательства. Подумать только, подруга видела его на улице…

— Но как я смогу узнать вашего мужа? — спрашивает Мансебо, чтобы выказать свое здравомыслие.

Мадам Кэт снова бросает на Мансебо недоуменный взгляд:

— В этом доме живем только мы. Муж носит коричневую бейсболку. Я хотела нанять профессионального частного детектива и некоторым

из них позвонила. Вы знаете, что в Париже две тысячи тридцать семь частных детективов?

Мансебо качает головой, но принимает информацию к сведению. Ему нравятся такие короткие, но емкие утверждения. Теперь будет чем блеснуть в «Ле-Солейль».

— Но в субботу, когда муж вышел, чтобы купить сигарет, я решила заглянуть в его компьютер, случайно посмотрела в окно и увидела вас, сидящего у дверей магазина на скамеечке. Естественно, я и до этого видела вас тысячу раз, но в тот миг мне пришла в голову хорошая идея. Я поняла, что никто не справится с этим делом лучше вас! Вас никто не заподозрит, потому что вы каждый божий день сидите перед своим магазином с раннего утра до позднего вечера. И мало того, в вашем поведении ровным счетом ничего не изменится.

Мадам Кэт понижает голос и наклоняется к Мансебо:

— Единственное, что мне от вас нужно, — это ежедневный письменный отчет о том, что происходит с утра до вечера. Когда он выходит из дома, когда возвращается. Кто входит в дом. Пишите все, что покажется вам интересным. Вы получите достойное вознаграждение, такое же, как и про-

фессиональный детектив.

Она поднимает с прилавка банку. Мансебо чешет затылок и едва не снимает шапочку, но вовремя спохватывается.

— Деньги я буду получать в банке?

Мадам Кэт кивает:

— Я живу здесь достаточно долго, чтобы знать, что каждый вечер в воскресенье вы выставляете на улицу тару для вывоза мусора, не так ли? Вы будете класть туда пустую банку из-под оливок с еженедельным рапортом, который я буду забирать в понедельник до семи утра. Консервы вам привозят утром во вторник, до того, как вы открываете магазин. Вместе с консервами вы отныне будете получать и банку с вознаграждением.

Мансебо снова чешет затылок.

— Извините, месье Мансебо, но мне нужен ваш ответ. Я очень долго ждала.

* * *

Мне показалось странным, что я не испытала никаких особых чувств, снова оказавшись в этом кафе. Когда я была здесь в последний раз, меня дотошно расспрашивали о разоблачениях касательно банка Эйч-эс-би-си, который помогал своим клиентам переводить состояния в Швейца-

рию, дабы не платить сотни миллионов долларов налогов в своих родных странах.

Я была не единственной, кто расследовал махинации банка. Нас было сто сорок журналистов из сорока пяти стран, но работали мы все поодиночке. В конце концов мне пришлось трудиться днями и ночами, потому что «Монд» заранее определила сроки публикации. По ходу расследования выяснилось, что банк занимался аферами с торговцами оружием, которые снабжали им наемников в Африке. Масштабы махинаций росли, вместе с ними росло и напряжение нашей работы.

Теперь я вернулась в это до тошноты знакомое кафе, чтобы найти новое задание. Таблетки лежали в сумочке. Так, на всякий случай. Впрочем, я принимала их недостаточно долго для того, чтобы они дали мне обещанное производителем освобождение от всего земного. Все месяцы работы по банку я надеялась на результат, и мне надо было сохранять способность к концентрации внимания. Когда в мире все идет хорошо, работа теряет смысл, а с потерей смысла, рука об руку, приходит неудача.

Конечно, я ощущала предостерегающие сигналы: меня мучила бессонница, я находилась на

грани полного изнеможения, но не могла себе позволить ни отойти в сторону, ни проявить равнодушие. Лекарства, которые я принимала, подавляли тревожность и страх. Я ждала больших сложностей и только поэтому глотала таблетки. Когда являлся страх, я решительно принимала лекарство…

Он вошел в зал, как все, но затем, словно не зная, что делать дальше, застыл в центре кафе. Взгляд его блуждал, не задерживаясь долго на людях, которых он, по очереди, разглядывал. В глазах мужчины отражалась необычная и довольно привлекательная смесь неуверенности, надежды и решимости. После того как окинул взглядом посетителей, сидевших возле кассы, он обратил свой взор на группу неподалеку от себя. Он посмотрел и на меня, и я не отвела глаз, встретившись с ним взглядом, но не стала отвечать незнакомцу заинтересованностью. Он продолжал напряженно оглядывать зал, и я вдруг отчетливо поняла, что он высматривает какую-то женщину. Я уставилась в экран и снова принялась за работу.

— Мадам, вы ждете месье Белливье?

Вопрос был чисто формальным и, собственно говоря, не требовал ответа. Это было нечто боль-

шее, чем приветствие, это было сообщение, код. В вопросе не было надежды, в нем не было ничего личного, никаких проявлений чувства. Я рефлекторно покачала головой. Мужчина задержал на мне взгляд, словно давая время одуматься, потом отступил на несколько шагов, снова занял позицию в центре и продолжил свою охоту.

Я стала внимательно его изучать, и с каждой секундой все больше убеждалась в том, что месье Белливье должна ожидать женщина. На мужчин этот человек не смотрел, он их отсеивал.

Он обратился к другой женщине, и, хотя я не могла на таком расстоянии разобрать слов, была уверена, что он задал ей тот же вопрос. Она в ответ покачала головой. Я угадала, и принялась внимательно рассматривать женщину. У нее, как и у меня, были каштановые, подстриженные в форме каре волосы. Мужчина вернулся на прежнее место, словно там на полу была поставлена точка, с которой он всякий раз делал свои вылазки. В глазах мужчины мелькнуло отчаяние. Был ли это сам месье Белливье или лишь его представитель?

Человек был преисполнен решимости найти женщину, ожидавшую месье Белливье, и тут мне в голову пришла идея. Сама по себе она была ба-

нальной, но одновременно пугала и соблазняла меня. Мужчина снова оглядел посетителей. Эта женщина должна находиться здесь. Я помахала ему рукой. Первый шаг сделан — призывный взмах руки. Мужчина не выказал удивления, хотя, видимо, был озадачен тем, что я не сделала этого раньше. Я прошептала:

— Да, это я жду месье Белливье.

Мужчина протянул руку, и мы обменялись рукопожатиями, но при этом никто из нас не представился. Одно мгновение я раздумывала, почему он не представился, но потом истолковала его поведение как признание в том, что фактически он и есть месье Белливье. Мне тоже не было никакой нужды представляться, потому что он, очевидно, знал, кто я. Молчаливого рукопожатия оказалось вполне достаточно. Холодное рукопожатие сказало мне, что между Белливье и той женщиной не было никаких личных контактов, ибо в противном случае он чмокнул бы меня в щеку. Здесь речь шла исключительно о найме на работу.

Не стоит ли мне теперь объясниться и сказать ему правду? Я оказалась заложницей собственной авантюры. Однако идея поиграть еще немного показалась мне невероятно соблазнительной, и

я не смогла устоять. Надо сделать еще несколько мелких шажков ему навстречу, и он в любом случае должен понять, что я не та, за кого себя выдаю, как только мы начнем говорить.

Я закрыла свой ноутбук. Он мог выдать меня с головой. Если мужчина поймет, что я не та женщина, которую он искал, то, во всяком случае, не узнает, кто я на самом деле. Мужчина оглядел зал, чтобы удостовериться, что за нами никто не следит. Он сел в кресло напротив меня и машинально подтянул брюки, а я незаметно выключила в сумочке мобильный телефон. Еще одна попытка как можно дольше сохранить инкогнито.

Мужчина вдруг встал и спросил, не хочу ли я чего-нибудь. Я, не говоря ни слова, кивнула, потому что все еще опасалась заговорить. Может быть, нужная ему женщина уже говорила с ним по телефону, и он по голосу поймет, что я не та, за которую себя выдаю. Мужчина направился к кассе. Когда он отошел, зеленое кресло, в котором я сидела, показалось мне огромным и неуютным. Такая забота внезапно показалась мне слишком навязчивой.

Мужчина положил в кофе сахар и размешал его ложечкой. Я продолжала хранить молчание.

Теперь моей главной мыслью было: как мне выпутаться из этой идиотской ситуации? Однако фантазии о том, кто был этот человек и кто здесь ждал месье Белливье, пересилили страх. Может быть, он думает, что я девочка для эскорта? Может быть, дело именно в этом? Может быть, он вызвал женщину именно для этого и теперь собирается повести ее в шикарный отель?

— Вы долго ждали?

Этот вопрос был таким же шаблонным, как и первый. Это была либо лишь формальная любезность, либо вопрос на засыпку. Он сам мог запоздать или, наоборот, прийти слишком рано.

— Я постаралась прийти вовремя, — ответила я, удивляясь полнозвучности вернувшегося ко мне голоса.

Похоже, мужчина хотел улыбнуться, но передумал, и выражение его лица осталось деловым и бесстрастным.

— Меня прислал месье Белливье. К сожалению, он не смог прийти сам, но вы можете быть уверены, что в скором времени вам представится случай его увидеть.

Так, значит, сидящий напротив меня мужчина — не месье Белливье. Впрочем, толку от этой информации было немного. Пока он еще мог быть

кем угодно, а это означало, что и я пока оставалась бестелесной.

— Меня радует, что вы согласились работать, и надеюсь, что вам у нас понравится.

«Что вы согласились». Значит, это будут обязанности, которые мне придется исполнять. В голову снова закралась мысль о девочках из эскорта.

— Вы устали?

Я энергично кивнула и улыбнулась.

— Да, мне, пожалуй, не стоит сидеть здесь и распространяться о работе. Лучше будет пойти в учреждение, и там, на месте, я вам все объясню и покажу. Кроме того, вы сможете сразу устроиться на рабочем месте.

Он любезно придержал дверь кафе, и мы вышли в дневную жару. У меня было такое впечатление, что я наткнулась на горячую стенку. Мой выбор именно этого кафе для работы был обусловлен исключительно его эффективным кондиционером. Сидеть и работать здесь было прекрасным средством вернуться в реальность и нормально себя чувствовать.

Я искоса посмотрела на мужчину, когда мы по эскалатору спускались на площадь, и я, естественно, задумалась о том, как мне от него ускользнуть. Я могла сделать вид, что получила эсэмэс от

человека, которого на самом деле ждала, и извиниться за недоразумение. Я могла прикинуться больной.

— Тут недалеко, — сказал мужчина и улыбнулся.

Действительно, через пару минут мы остановились перед зданием «Аревы», компании, расположенной в самом высоком из небоскребов делового центра. Мысли об эскорте можно было отбросить. «Арева» — одна из ведущих компаний энергетического сектора французской экономики, и здесь располагается ее штаб-квартира. Все последние недели название компании не сходило со страниц газет в связи с сомнительными операциями в разных частях мира. Мне часто приходилось сталкиваться с этим названием во время расследования махинаций банка Эйч-эс-би-си в Африке.

Не там ли работал месье Белливье? Не стоит ли мне попытаться заглянуть в секретные документы? Не ждет ли меня сенсация? Мне стало на самом деле интересно, что это были за операции, однако одновременно я почувствовала укол страха. Мне надо узнать больше. Через вращающиеся двери мужчина вошел в огромный вестибюль и перекинулся несколькими словами с девушкой

у стойки. Он вернулся скорее, чем я ожидала, и протянул мне пропуск:

— Смотрите не потеряйте.

Скосив взгляд вниз, я посмотрела на карточку, чтобы узнать наконец, кто я, боясь, что увижу на картонке свое собственное имя. Но на голубой пластинке значилась только профессия — «менеджер по продажам». Никакого имени я там не увидела. Человек оценил мою реакцию, а потом сказал с неопределенной интонацией:

— Он не лишен чувства юмора.

Я поняла, что мой спутник имел в виду месье Белливье. Все говорило о том, что мне предстоит быть отнюдь не менеджером по продажам. Шансы заглянуть в документы, кажется, несколько возросли.

У мужчины тоже был пропуск, и я попыталась разглядеть, что там написано, но это мне не удалось. Прикрыв карточку ладонью, он приложил ее к валидатору и после сигнала прошел за ограждение. Похоже, мне предстояло сделать то же самое. Я упустила шанс улизнуть естественным путем — настолько естественным, насколько это было возможно в той ситуации.

Мы остановились у лифта. У дверей выстроилась очередь из нескольких человек, а значит,

в лифте мне не придется ехать наедине с моим спутником. Здесь и сейчас, шептал мне внутренний голос, ты можешь отработать назад. Собственно, это я поняла с самого начала.

Мы вошли в лифт вместе с несколькими одетыми в строгие костюмы мужчинами и одной женщиной в красном платье. Красивые ноги смотрелись умопомрачительно на фоне изумительного красного цвета. К своему ужасу, я убедилась, что мужчины нажали кнопку следующего этажа. Но от этого мысль о секретных документах только укрепилась. Вероятно, их хранили не так близко к уличному входу. Прежде чем покинуть лифт, мужчины пожелали нам удачного вечера. Мы отправились выше, но очень скоро точеные ножки тоже покинули нас. Я стиснула пальцами пропуск.

Мы с моим спутником наконец оказались наедине в замкнутом пространстве. Мы были вдвоем, и мне показалось, что он слегка занервничал. Может быть, он должен был что-то сделать, но не сделал? Может быть, мы оба должны были что-то сделать? Подъем казался мне бесконечно долгим. Но все лифты в конце концов останавливаются — остановился и этот. Двери разъехались. Мужчина театральным жестом предложил мне

выйти раньше его. Мы окунулись в тишину. В лифтовом холле не было ни души.

Я увидела запасный выход — совсем рядом с лифтом. Но что я буду делать, подумалось мне, если выход окажется запертым. Меня охватила паника, я кинулась к двери и рванула на себя ручку. Дверь поддалась. За ней я услышала гомон нескольких мужских голосов. Я оглянулась. Мой спутник не сделал ни малейшей попытки меня остановить. Он просто стоял возле лифта и изумленно смотрел на меня. Тяжело дыша, я опустила глаза и сделала несколько шагов вниз по лестнице, едва не столкнувшись с человеком, спешившим вверх по ступеням с чашкой кофе в руке.

Немного постояв, я развернулась и возвратилась в холл. Внизу находились сотни людей. Дверь запасного выхода вела прямиком к ним. Лестница конечно же использовалась всеми сотрудниками, которым до смерти надоело ездить в лифте. Они могли легко дотянуться до меня, как и я до них. Я вышла в холл и обратилась к моему спутнику:

— Прошу прощения. Со мной иногда такое случается. У меня клаустрофобия, мне очень плохо в лифте. Еще раз извините.

— Это совершенно безопасно, но вы должны были меня предупредить. Как видите, здесь есть лестницы.

Я последовала за ним. В коридоре находилось множество дверей с окнами, и сквозь полуоткрытые жалюзи я разглядела нечто вроде большого конференц-зала.

— Мы пришли, — сказал мужчина и сделал широкий приглашающий жест.

Я остановилась. Мужчина достал из кармана два одинаковых ключа и одним из них отпер дверь. На этот раз мой спутник не стал пропускать меня вперед, а быстро вошел в помещение сам. Я в нерешительности остановилась в дверном проеме. Это на самом деле был конференц-зал с классическим круглым столом в центре. У окна стоял низенький стол с компьютером. В углу я увидела старый, весьма ободранный вертящийся стул. Кажется, сюда свалили всю отслужившую свое мебель. Компьютер тоже был не из новых.

Мужчина выглянул в окно.

— Обстановка, конечно, спартанская, но зато здесь чисто — каждый день приходит женщина и убирается, так что к вашему приходу корзина для мусора будет пуста, а пол вычищен пылесосом, — сказал он.

В этом месте мне надо было его поблагодарить? Я промолчала. Мужчина снял с кольца ключ и передал его мне. Я взяла ключ и прочитала в глазах своего спутника невероятное облегчение. Кажется, я избавила его от непосильного бремени.

— Теперь я должна сесть и ждать объяснений?

Мужчина хлопнул в ладоши.

— Да, на панораму вам жаловаться не придется.

Действительно, уже от двери я увидела сквозь окно весь Париж.

— Отсюда открывается вид до подножия Монмартра. Видите Сакре-Кёр? До чего же красивая церковь!

Очевидно, что разговор о церкви был прелюдией, облегчающей мне привыкание к новому месту, и я приняла приглашение к игре. Вид из окна, впрочем, открывался действительно величественный. Мы оба как зачарованные смотрели на панораму великого города, и взгляды наши встретились в отражении от оконных стекол. Он отвернулся от окна, а я продолжала изучать отражение незнакомки в окне.

— Да, но мне надо кое-что сделать…

Он поставил на пол коричневый портфель, раскрыл его и достал из него какой-то документ.

— Вы прочтете его сами, а потом зададите интересующие вас вопросы. Я пока схожу за кофе. Этажом ниже есть кофейный аппарат. Можете в любое время им пользоваться.

Всего несколько минут назад я сидела в кафе и страшно боялась раскрыть свою личность. Теперь же мне предстояло прочесть нечто, названное трудовым контрактом, пока абсолютно незнакомый мне работодатель ходил за кофе. Он оставил дверь полуоткрытой, за что я была ему несказанно благодарна. Я вытащила из сумочки мобильный телефон. Теперь он не представлял для меня ни малейшей опасности и даже, наоборот, успокаивал, хотя я и не имела ни малейшего понятия, куда мне звонить в случае необходимости. Пока еще в какой-то мере контролировала ситуацию, я принялась за чтение двух сложенных пополам страниц.

Так называемый договор был отлично сформулирован и прекрасно напечатан, но ответов на большинство моих вопросов я так и не получила. Была определена продолжительность рабочего дня, очень, впрочем, небольшая, и мне показалось, что это не было случайностью. Почему я должна была приходить на работу позже других сотрудников, а уходить до окончания рабочего

дня?

Контракт заключался на три недели. Соответственно, здесь не было ни слова о поводах для увольнения, но зато подробно перечислялись обязанности. Жирным шрифтом был напечатан размер гонорара. Достаточно большая сумма денег. Это, должно быть, не обычная журналистская работа.

С равным успехом я могла бы заниматься такой работой, сидя в кафе неподалеку. Но здесь у меня, возможно, появится возможность заглянуть в какие-нибудь интересные материалы. Я, правда, сомневалась, получу ли когда-нибудь обещанные мне деньги, но если их получу, то нам с сыном не придется проводить отпуск в душном городе.

Я собралась еще раз посмотреть на Сакре-Кёр, но в этот момент раздался стук в дверь. Я вздрогнула от неожиданности.

— Простите, что напугал вас, но вы должны привыкнуть к тому, что теперь это ваш кабинет и никто не имеет права входить к вам без стука.

Мужчина держал в руках два пластиковых стакана с кофе. Как ни странно, но мне было приятно снова видеть моего спутника — он, по крайней мере, был реален. Он не был отвлеченным именем, безликой подписью или бестелесной тенью.

Он не был из тех людей, о которых говорят, но зато был человеком, с которым можно поговорить. Он казался мне более реальным, нежели я сама. Теперь я не имела ни малейшего представления о том, кто я, особенно после того, как прочитала контракт. Мужчина поставил на стол оба стакана и взял ручку.

— Да, вероятно, вы уже поняли, что на работе у вас будет масса мертвого времени. К сожалению, ваша работа не будет богата событиями. Она не потребует напряжения интеллекта, но зато многие говорят, что она не вызывает стресс. Здесь вы будете заняты другими вещами.

Он жестом указал на коричневый картонный ящик, стоявший под столом. Я, к своему стыду, раньше его просто не замечала. Несмотря ни на что, я сомневалась, что ящик стоял под столом, когда мы вошли в помещение.

— Месье Белливье сказал, что вы любите читать, и поэтому оставил здесь коробку с книгами. Он прав?

Контракт был подписан неразборчивой подписью. Я заранее не подумала о том, что в таких контрактах подпись часто требуется расшифровать. Мужчина взял в руки контракт, а я принялась громко восхищаться открывающимся из окна

видом, чтобы отвлечь его от размышлений о подписи. Тянуло же меня на приключения!

— Ну вот, с официальной частью покончено. На случай, если мы с вами больше не увидимся, я хочу пожелать вам удачи. Впрочем, пока все и так идет хорошо.

Я согласно кивнула.

— Сейчас можете быть свободны. К работе приступите завтра утром.

— Но у меня есть несколько вопросов. Что, если что-нибудь случится, например сломается компьютер. Будет ли у меня возможность с кем-нибудь связаться? Я могу с кем-либо контактировать?

В первый раз ему пришлось выйти за рамки заготовленного сценария, и он сменил тон. Это была уже совершенно другая пьеса.

— Здесь не может ничего случиться. Все будет работать нормально. Если же вдруг, паче чаяния, что-нибудь все же произойдет, то очень важно, чтобы вы не контактировали ни с кем… посторонним. Если что-то перестанет работать, то, я уверен, сюда быстро придет месье Белливье, выяснит причину и будет контактировать лично с вами.

Мы направились к лифту. Что мне говорить,

если какой-нибудь сотрудник «Аревы» спросит меня, что я здесь делаю? Я не стала об этом спрашивать, и так знала, что именно ответит на это мой спутник. «Сюда никто и никогда не придет». Наверное, это правда. Дверь лифта открылась, и мы вошли в кабину.

— Вы не знаете, кто занимал этот верхний этаж раньше? Эти помещения выглядят как исполинская жилая квартира.

Я помотала головой, чтобы отогнать шальную мысль о том, что это личные апартаменты месье Белливье.

— До «Аревы» здесь располагалась компания «Фраматом», она владела зданием, а до «Фраматома» — штаб-квартира «Фиата», автомобильного гиганта. Шеф концерна, Джованни Аньели, устроил здесь свои личные апартаменты.

Этот анекдотический рассказ как нельзя лучше заполнил время спуска и пришелся весьма кстати.

— Будет очень хорошо, если вы не станете контактировать ни с кем из тех, кто в этом здании работает. Как бы удачнее выразиться? Вы должны быть как можно скромнее и незаметнее. Но вы наверняка и сами это понимаете.

Да, я хорошо это понимала.

* * *

Мансебо просыпается от резких толчков. Фатима изо всех сил трясет его за плечи. За двадцать лет Мансебо проспал всего дважды. Этот раз стал третьим. Он смотрит на будильник. 6:59. Мансебо сквозь зубы цедит ругательство, потом еще одно.

Фатима вскакивает с кровати, надевает туфли и принимается по всей комнате искать брюки своего мужа.

— Где ты вчера раздевался, муженек?

В конце концов Мансебо обнаруживает брюки на диване, а затем переворачивает комнату вверх дном, пытаясь отыскать ключи от машины. Никогда прежде ключам не удавалось столь чудесным образом исчезнуть, но ведь и сам Мансебо сегодня первый день играет роль частного детектива.

— Успокойся, милый муженек, в конце концов, у тебя не ресторан суши.

Несколько дней назад Мансебо поведал жене, что в Рунжи скоро откроется пункт снабжения ресторанов суши. Скоро там будет благородная рыба, и особенным спросом, наверное, будет пользоваться жирный тунец.

Спустившись вниз и усевшись в свой белый пикап, Мансебо вставляет в гнездо ключ зажи-

гания, но вдруг задумывается. Если он сейчас поедет в Рунжи, то вернется и откроет магазин не раньше десяти, а то и позже. Все зависит от пробок. Не может же он начать первый рабочий день на новой работе с опоздания. Он смотрит в зеркало заднего вида, оценивает, как выглядит, и проводит ладонью по жесткой щетине, а потом начинает внутренний монолог. Возможности у него, собственно говоря, две. Либо он едет в Рунжи и получает свежий товар, но тогда откроет лавку по меньшей мере на час позже обычного. Но как это будет выглядеть, если мадам Кэт станет известно, насколько вольно он относится к своим новым обязанностям? Она точно знает, когда открывается его магазин. Если он махнет рукой на поездку в Рунжи, то впервые за всю историю останется среди недели без свежих овощей и фруктов, но зато вовремя начнет свой первый рабочий день. Однако то, что в конце концов заставляет его вылезти из машины, — это зеленые глаза мадам Кэт и предвкушение, как он будет рассказывать о новом приключении семье, когда оно закончится.

Мансебо, как обычно, отпирает дверь. Как обычно, поднимает решетку. Как обычно, выносит он на улицу овощи и фрукты и, как всегда, здорова-

ется с мадам Брюнетт, которая проходит мимо со своим белым, небрежно подстриженным пуделем. На самом деле, конечно, Мансебо все делает отнюдь не так, как обычно. Все перечисленное он делает без обычной энергии, интереса, напряжения, старания, мысли и чувства, ибо все стало иным и необычным. Весь мир Мансебо теперь съежился до размеров стоящего напротив дома.

Город еще дремлет. Запах дождя пробуждает в Мансебо воспоминание о прошедшей ночи, и он мысленно улыбается. Что бы ни происходило дальше, важно то, что уже произошло. Он познакомился с женщиной по имени мадам Кэт, которая попросила его следить за ее законным супругом. Никто не сможет этого отнять у Мансебо. Будут ли у него трудности в первый рабочий день, появится ли писатель в бейсболке или нет — это не важно, важно, что он должен подробно описать наступающий день. То, что произошло вчера ночью, уже произошло. И это главное.

Что ж, начинаем работать, думает Мансебо, раскладывает на прилавке сухие, сморщенные яблочки и брызгает на них водой, чтобы хоть немного освежить. Город начинает просыпаться, как просыпаются все большие города. Медленно, нехотя, готовясь к приему миллионов людей,

которые скоро появятся на его улицах. Солнце красиво подсвечивает крыши домов. День обещает быть ясным после вчерашнего дождя.

Большая часть моркови отправляется прямиком в мусорный мешок. Помидоры, впрочем, выглядят ненамного лучше. Мансебо роется в перце, отбирая испорченные стручки, и это занятие целиком поглощает его внимание. В такой ранний час он еще может контролировать свое хозяйство, тем более что все это лишь зелень, которую иногда не жалко и выбросить. Потом, когда день вступит в свои права, станет труднее, и Мансебо прекрасно это сознает.

На улицу шаркающей походкой выходит одетая в черное женщина. Черная фигура отвлекает Мансебо от ярких, пестрых фруктов. Ему требуется еще несколько секунд, чтобы понять, что эта женщина — его жена Фатима. А он и не знал, что жена имеет обыкновение до обеда выходить на улицу. Впрочем, он не знает и того, почему втемяшил себе в голову, что она по утрам всегда сидит дома. Наверное, причина в том, что она никогда не говорит, что выходит из дома по каким-то делам в утренние часы. Может быть, он пришел к такому выводу из-за уверенности, что она рассказывает ему обо всех своих делах. Ман-

себо выходит на тротуар и смотрит вслед жене, идущей по бульвару. Но вдруг происходит нечто странное и необычное. Фатима, словно у нее открылись глаза на затылке, вдруг резко оборачивается и сверлит взглядом мужа, который стоит на тротуаре, держа в каждой руке по перчику.

— Что ты здесь делаешь?! — кричит она и поворачивает назад, к магазину.

На несколько секунд Мансебо забывает, что сейчас он ни при каких обстоятельствах не может быть в магазине. Время приближается к восьми. Он сейчас не может быть даже в «Ле-Солейль» и пить там кофе. Сейчас он должен быть на шоссе и ехать назад в Париж из Рунжи в машине, набитой овощами и фруктами.

Однако, как и положено заправскому частному детективу, Мансебо не лезет за словом в карман.

— Эта проклятая жестянка не хочет заводиться. Чихала, чихала, а потом взяла и совсем заглохла. Не поехала. Что скажут покупатели? Пойди взгляни на овощи!

Он делает вид, что смахивает слезу со щеки — для верности. Фатима критически рассматривает овощи и злобно выбрасывает несколько морковок.

— Я сколько раз говорила тебе, что это лишь

вопрос времени — когда сломается твоя проклятая машина. И что ты собираешься делать завтра утром? — ворчит Фатима.

— Завтра утром?

— Да, как ты завтра утром поедешь в Рунжи?

— Да, да, нет… но у меня впереди целый день, и я разберусь с машиной.

Мансебо так захвачен попытками выбраться из затруднительного положения, что начисто забывает спросить, что его жена делает на улице в такую рань.

— Яблочки тоже неважно выглядят, их никто не купит. — Фатима тычет пальцем в яблоки и начинает брызгать на них водой.

Мансебо внезапно начинает злиться. Если бы его машина и правда сломалась и он не смог бы поехать в Рунжи, то реакция Фатимы была несправедливой. Почему она на него злится? В чем она хочет его обвинить?

— Между прочим, что ты делаешь на улице в такую рань? — спрашивает он.

— В такую рань? Я слышала, что машина не завелась, слышала, как ужасно она чихала, ты же сам это говоришь. Я на балконе вытряхивала половики и подумала, что надо тебе помочь в сортировке фруктов. Что в этом странного?

Мансебо замечает, что в руке Фатима держит кошелек. И почему она собралась переходить бульвар, куда она направлялась?

Мансебо молчит, и не из страха перед Фатимой, а потому что отныне должен вести себя очень и очень осмотрительно.

Все больше и больше людей заполняют тротуар, и Мансебо становится труднее замечать всех проходящих мимо. Никакой коричневой бейсболки он пока не видел. Еще не было и десяти, а желудок уже начал бунтовать. Причина, по мнению Мансебо, в том, что сегодня утром он не пил кофе. Горячий напиток заставлял желудок молчать до обеда. Он смотрит на дом, но в окнах по-прежнему сумрачно. Мансебо слышит на лестнице какой-то шум, и почти в ту же секунду из двери вываливается Тарик.

— Я уже слышал про машину. Чертовское невезение. Хочешь, я позвоню Рафаэлю? Он придет, глянет на твою жестянку.

Рафаэль — закадычный друг Тарика. Он работает электриком, но на самом деле волшебник, способный, как говорят, починить все, что сломалось. Последний раз Рафаэль проявил свое недюжинное искусство, когда починил электрический массажер для ног Фатимы. Он пылился

в кладовке, и никто не чаял когда-нибудь им воспользоваться, но Рафаэль смог починить его и запустить.

— Спасибо, я и сам могу ему позвонить, но сначала постараюсь разобраться. День сегодня будет спокойный, потому что все это больше похоже не на овощи, а на компостную яму.

— Это плохо.

— Да.

Тарик закуривает сигарету, уже явно не первую за день, и переходит бульвар. Мансебо вдруг приходит в голову, что Тарик, возможно, знаком с писателем, живущим на верхнем этаже над его сапожной мастерской. Может быть, писатель даже добрый клиент Тарика. Но Мансебо не помнит, чтобы ему приходилось слышать рассказы о живущем над мастерской клиенте, или о писателе, который время от времени заходит в мастерскую подлатать обувь. Это странно, особенно если подумать, что у всех людей время от времени рвется обувь и часто возникает необходимость сделать копию ключа, и тогда люди, как правило, обращаются в ближайшую мастерскую, а в случае с писателем ближайшей, как ни крути, была мастерская Тарика.

Что ему написать в отчете мадам Кэт, если

ничего так и не произойдет? Утро прошло, а на противоположной стороне улицы ровным счетом ничего не случилось. Во всяком случае, ничего драматического. Кухонный чад спустился из квартиры в магазин. Ну, наконец! Голод, мучивший Мансебо, понемногу переходил в тошноту. Он неохотно прикрывает лотки с овощами и фруктами, но при этом ежесекундно пристально смотрит на стоящий напротив дом. Нет, в отчете писать решительно нечего. Приходит Тарик и помогает Мансебо опустить решетку. Они молча поднимаются по лестнице, идя на аромат еды, на аромат обеда, как обычно, но в необычный день.

Мансебо, сидя за низеньким столом, непрестанно крутит головой, стараясь не спускать взгляда с дома напротив, чтобы не пропустить ничего важного. Ничто не должно ускользнуть от его внимания, во всяком случае, не в первый день. Один за другим члены семьи, не говоря ни слова, садились за стол, а Мансебо раздумывал, правильно ли это. У каждого есть определенное место. Сам он всегда сидел спиной к окну, в углу, рядом с Тариком. Он не мог вспомнить, почему уже много лет занимает именно это место и как оно ему досталось, как не мог восстановить в памяти, почему все остальные получили именно

свои места. Но, насколько Мансебо помнил, все всегда сидели именно так. Адель сидит у торца стола. Амир напротив Тарика, а сам Мансебо напротив Фатимы. Возможно, в таком распределении мест есть своя логика. Фатима сидит ближе всех к кухне и никому не мешает, когда поминутно вскакивает, чтобы сбегать на кухню и принести очередное приготовленное ею лакомство. Рядом с Фатимой сидит Амир. Наверное, это тоже правильно, потому что Амир часто опаздывает к обеду и может сесть на свое место, не протискиваясь мимо других членов семьи.

Адель со своего места в торце стола могла видеть все и всех, но для этого у Мансебо было только одно объяснение — несмотря ни на что, Адель была хозяйка, это ее дом, невзирая на то что она никогда не готовила еду. Мансебо отирает со лба пот и оглядывает всех присутствующих за столом. Он смотрит на них, как на незнакомцев, и это ощущение поражает его своей новизной. Но раньше у него не было от них никаких тайн, а теперь есть. Мансебо понимает, что едва ли сможет в споре убедить их сменить места за столом. Но сделать это необходимо. Часть задания заключается в том, что он должен вести себя как обычно. И это самая трудная часть. От напряже-

ния у Мансебо начинает дергаться веко правого глаза. Боль отвлекает его, и он не слышит, что Адель, уже который раз, спрашивает, поедут ли они этим летом в Тунис.

«Я не могу сидеть спиной к моей работе. Я обязан выполнять мою работу добросовестно», — думает Мансебо, решая, как ему поступить. Он встает и решительно садится на место Амира, благо того еще нет дома. Все поражены так, словно Мансебо совершил ужасное преступление или внезапно переместился на другой континент. Стол и люди за ним превращаются в волнующееся море. Всего несколько секунд назад Мансебо находился на его противоположном берегу. Тарик устало смотрит на происходящее и закуривает сигарету.

— Что ты делаешь? — спрашивает Тарик.

— Что я делаю?

— Да, зачем ты пересел?

Входит Фатима с дымящимся рисом.

— Что ты здесь забыл? Отодвинься, муженек, пока я тебя не обожгла.

Рискованное поведение требует предельной концентрации внимания, и Мансебо изо всех сил сосредотачивается. Таким собранным он, пожалуй, не был никогда в жизни. Не спуская глаз с

дома напротив, Мансебо должен одновременно найти выход из ситуации, в которую он сам себя загнал. Адель искоса смотрит на Мансебо, но молчит.

— Почему ты сел сюда? Что ты натворил на своем месте? — спрашивает Фатима и садится рядом с мужем.

— Мансебо сегодня хочет смотреть на меня, — смеется Тарик. — То, что он и так целыми днями на меня пялится, не в счет.

Фатима внимательно смотрит на то место, где только что сидел Мансебо, ища пятна или другие причины столь странного поведения мужа.

— Это фэншун, — внезапно изрекает Мансебо.

Тарик тушит сигарету и, улыбаясь, оглядывает родственников.

— Это называется фэншуй, — смеется Адель.

Фатима в изумлении таращит на мужа глаза.

— То, как мы сидели раньше, или, точнее, как я сидел раньше, было очень нехорошо. Там были два старика, а здесь не было ни одного, потому что нет Амира, а окно расположено там… нет, это очень плохой фэншуй.

— Ты можешь предложить что-то лучше? — с неподдельным интересом спрашивает Адель.

— Я сижу здесь, и получается мужчина и жен-

щина рядом, а у противоположной стороны стола та же картина — мужчина и женщина. Значит, ты, Адель, должна подвинуться к Тарику, а у края стола вместо тебя должен сесть Амир, когда он придет.

Мансебо не имеет ни малейшего представления о смысле слов, слетающих с его губ, но несколько недель назад он слышал, как Адель объясняла совершенно равнодушной Фатиме, что такое фэншуй. Фатима до такой степени неприлично демонстрировала свое безразличие, что Мансебо решил, что это грех, и притворился очень заинтересованным. Но даже притворяясь, надо слушать и понимать, хотя бы для того, чтобы задать несколько вежливых вопросов. Теперь это милосердие Мансебо принесло свои плоды.

— Что ты в этом понимаешь? — спрашивает Фатима.

— Рассказ и объяснение Адели сильно меня заинтересовали. Потом, я кое-что слышал об этом по радио, в машине. То, что делаем мы, это плохой фэншуй. Такое положение надо изменить. Тогда все дела у нас вообще могут пойти на лад. Торговля тоже, может быть, наладится. Добрый фэншуй приносит счастье и удачу — равновесие, гармонию, успех. Речь идет об устроении всего

образа жизни.

Мансебо израсходовал все слова, слышанные от Адели, когда она произносила свою страстную проповедь. Адель хихикает. Фатима качает головой, Тарик принимается за еду.

— Куда же сядет твой сын, когда придет? — спрашивает Фатима.

— Свет падает оттуда, комната имеет прямоугольную форму… кухня там, ковер красный… он должен сесть там! — восклицает Мансебо и тычет пальцем в угол, где стоит телевизор. — Там сядет мой сын, когда придет домой.

Адель громко хохочет. Смеется и Тарик. Сам Мансебо едва сдерживает смех — губы так и стремятся разъехаться в улыбке.

— Что ты несешь, муженек? Ты хорошо себя чувствуешь? Как ты до всего этого додумался? Ты, часом, не спятил? — Фатима с тревогой смотрит на мужа.

Мансебо чувствует, что следующими действиями должен успокоить Фатиму, убедить ее, что все в полном порядке. Он целует жену в потный лоб.

— Нет, нет, я шучу. Амир может сесть куда захочет, но мы все же можем кое-что и изменить. Адель так интересно рассказывала про фэншуй, что нам стоит попробовать. Честно сказать, эта

мысль пришла мне в голову после того, как я сегодня утром проспал. Я сразу подумал о том давнем разговоре с Аделью, о том, как она говорила, что фэншуй может сотворить чудо с нашим магазином, и я подумал, что нам стоило бы попробовать.

Мансебо не может надивиться собственному красноречию.

— Ладно, старый дуралей, давайте есть, пока все не остыло, и считай, тебе повезло, что Амир сегодня обедает не дома, а то бы ты так легко не отделался.

Мансебо никогда раньше не поверил бы, что тот бессмысленный разговор с Аделью так выручит его сегодня в этой щекотливой ситуации. Все принялись за еду.

— Так мне звонить Рафаэлю? — спрашивает Тарик, издав странный звук — нечто среднее между отрыжкой и тяжким вздохом.

— Нет, я сам это сделаю.

Мансебо встает, тянется за шапочкой и, только выходя из квартиры, вспоминает, что всегда моет руки после еды. Ни в коем случае нельзя нарушать заведенный порядок, чтобы ни у кого не возникло никаких подозрений. Открыв кран и подставив руки под струю, Мансебо вдруг вспо-

минает, что обычно напевает, когда моет руки. Однако то, что слетает с его губ, кажется ему самому абсолютно незнакомым. Он начисто забыл, что обычно мурлычет за мытьем рук, но тем не менее продолжает напевать начатую мелодию, пусть все его нутро и протестует против этого. Ему кажется, что все провожают его странными взглядами, когда он выходит на лестницу.

У дверей магазина стоит пожилой человек с красным мобильным телефоном в руке. Обычно Мансебо узнает в лицо всех своих покупателей, если это, разумеется, не туристы. Этот человек, несомненно, парижанин, но живет где-то далеко и точно не в этом квартале. Мансебо приветливо здоровается с покупателем и включает вентилятор, стоящий возле кассы. Обычно Мансебо с удовольствием заговаривает с новыми покупателями, но сейчас он не испытывает ничего, кроме раздражения. Единственное, о чем он сейчас думает, — это о своей новой работе.

Мужчина с телефоном покупает бутылку вина, хлеб, сыр, оливки и несколько лимонных пирожных.

— Для импровизированного пикника? — спрашивает Мансебо, и человек кивает в ответ.

В конце концов, он не так уж и глуп для частно-

го детектива. Всю свою жизнь Мансебо не делал ничего иного, кроме как встречался и разговаривал с самыми разными людьми. А сколько часов провел он на скамеечке у входа в магазин, рассматривая и изучая проходящих мимо людей. Это очень полезно для его новой профессии. Мужчина ставит на прилавок банку оливок, а Мансебо сразу вспоминает вчерашний вечер и испытывает сильное волнение.

Мансебо кажется, что прошло уже несколько недель с тех пор, как мадам Кэт посетила его лавку. Кассовый аппарат жужжит и рокочет. Мужчина исчезает с едой для пикника, уложенной в маленький пластиковый пакет. Мансебо торопливо выносит на улицу скамеечку и усаживается на свое место, на котором он провел много лет. Но цели у него теперь совершенно иные.

Часы текут медленно, солнце плетется по небосводу и, как кажется Мансебо, неподвижно повисает над его магазинчиком. Ничто вокруг не нарушает сонного спокойствия. По радио предупредили, чтобы старики и дети сидели дома и пили много воды. Никто не выходит из дома напротив, и никто туда не входит. Во всяком случае, Мансебо этого не видит. Он понемногу приходит в отчаяние. Может быть, ему не суждено даже

начать выполнять задание, внесшее нечто новое и необычное в его пресную жизнь.

Опуская решетку, он понимает, что надо поторопиться. Неуловимые сигналы, которые, как он чувствует, посылают ему город и его жители, говорят, что он слишком сильно затягивает с послеполуденным перерывом. Мадам Брюнетт уже прошла мимо со своим пуделем. В ресторан, расположенный неподалеку, уже привезли вечерний хлеб, и Мансебо понимает, что он опаздывает в «Ле-Солейль», на рюмочку ликера, уже приблизительно на полчаса. Неторопливо подходит Тарик, выбирает из кучи сморщенное яблоко и корчит недовольную гримасу. Потом они молча идут к «Ле-Солейль». «Солнце». В такой день лучшего названия для бара не придумаешь. Двоюродные братья дружно отирают со лба пот.

— Чертова погода, — бурчит Тарик, через силу жуя яблоко.

— Да, на лето из Парижа лучше куда-нибудь уезжать.

— Да, да, ты прав. Ты знаешь, что в Саудовской Аравии на каждой маленькой площади установлены кондиционеры?

Они сворачивают на улицу Клапейрона и оказываются в тени высоких домов.

— Брат, ты звонил Рафаэлю? — спрашивает Тарик.

— Нет, я думаю, что автомобиль уже работает. У двигателя, наверное, случился тепловой удар.

— Ты думаешь? Как ты можешь думать, что автомобиль починился сам? Тебе надо испытать его — вдруг он снова не заведется, когда ты завтра поедешь в Рунжи?

— Да, конечно, ты прав, и я это сделаю, после того как мы пропустим по стаканчику.

Последнее, чего хочется Мансебо сейчас, — это садиться за руль, но он понимает, что вся его история должна выглядеть в высшей степени правдоподобно.

Франсуа пожимает братьям руки и направляет струю воздуха от вентилятора на стол, за который усаживаются Мансебо и Тарик.

— Это для моих ВИП-гостей, — говорит Франсуа и ставит перед ними по стакану ликера — один стакан со льдом, а другой — без.

— У Мансебо сломалась машина, — сообщает Тарик бармену.

Эта откровенность не на шутку раздражает Мансебо. Как может такой пустяк, какая-то сломанная машина, которая на самом деле вовсе и не сломана, занимать столько места в разговорах.

Почему Тарик никак не может оставить эту тему? Мансебо думает, что он всегда сам разбирается со своими проблемами. Конечно, он благодарен Тарику за то, что тот помогает чинить решетку, когда ее заклинивает, и составляет за него налоговые декларации, но сейчас Мансебо решительно не желает делиться своими неприятностями с кузеном.

— Да, сегодня утром я не смог поехать в Рунжи, но один день можно обойтись и без свежих овощей и фруктов.

— Позвони Рафаэлю, — советует Франсуа.

— Я ему уже говорил. — Тарик обхватывает ладонью стакан.

Тарик продолжает разглагольствовать и на обратном пути. Мансебо молчит. Ему немного грустно. День почти прошел, а писатель так и не показался. Может быть, все так и закончится ничем и все это задание окажется сущей бессмыслицей. Наверное, ему не удастся ни о чем рассказать мадам Кэт. Мансебо совсем пал духом, когда они наконец добрели до магазина. Тарик рассказывал про какого-то бомжа, который утром оставил в мастерской пару ботинок.

Мансебо настолько подавлен, что уже не думает о необходимости вести себя как обычно, и это,

как ни странно, успокаивает его, и он на самом деле начинает вести себя как всегда. Однако он помнит, что должен проехаться на машине, чтобы в доме воцарилось спокойствие.

Машина завелась с первого поворота ключа, но ради правдоподобия Мансебо включает стартер несколько раз, потому что все должны слышать, как он проверяет мотор. Мансебо тяжело вздыхает и выезжает в плотный поток машин. Знойный воздух висит неподвижно. «Я сейчас становлюсь виновником парникового эффекта», — думает Мансебо и останавливается на красный свет. Это чистое безумие — выезжать на улицу после того, как всех призвали не пользоваться сегодня машинами. Мансебо медленно объезжает квартал. Проезжая мимо «Ле-Солейль», он видит, как из-за бутылок на витрине на него смотрит Франсуа, машет рукой и вскидывает брови, словно спрашивая, все ли в порядке с машиной. Мансебо в ответ поднимает большой палец и изображает на лице широчайшую улыбку. Надо немедленно положить конец этой автомобильной истории.

Несмотря на то что Мансебо находится в какой-то сотне метров от своей овощной лавки, ему кажется, что он заново открывает для себя до боли и жути знакомый квартал. Как будто видит

его в первый раз. За тридцать лет он исходил квартал вдоль и поперек, но ни разу не ездил по нему в машине. Для этого, собственно, не было никаких причин. Захваченный своими мыслями о том, что с места водителя квартал выглядит совсем иначе, Мансебо сворачивает на улицу с односторонним движением, и парижане отреагировали мгновенно, принявшись отчаянно сигналить, чтобы обратить внимание Мансебо на его оплошность.

Мансебо поднимает руку, чтобы показать всем, что заметил свою ошибку, вполголоса ругается и начинает лихорадочно озираться, чтобы поскорее снова выбраться на надежный бульвар. Мансебо охватывает волнение. Движение пугает его. Пока не загорелся зеленый, у него есть небольшая передышка. Из-под шапочки на лоб потекла струйка пота. Ничего, надо просто дождаться подходящего момента и выбраться отсюда. По улице, разморенные жарой, бредут туристы с развернутой картой.

Мансебо скашивает глаза и видит нескольких голубей, невозмутимо справляющих нужду на балконе. Наверное, они не могут летать и испражняться одновременно, почему-то думает Мансебо. На светофоре вспыхивает зеленый свет.

Мансебо перестраивается вправо и испытывает невероятное облегчение, видя впереди родной бульвар. Чем ближе к бульвару, тем медленнее становится движение. В этот момент Мансебо замечает писателя. Он идет по направлению к пожарной лестнице. В руке писатель держит пачку документов. Мансебо сигналит, хотя и прекрасно понимает, что это ни на йоту ему не поможет, но зато нажатие на клаксон позволяет сбросить лишний стресс. Включив левый поворотник, он одновременно поворачивает вправо.

Впрочем, выбора у него не было. Он не может, не имеет права упустить такой шанс. Плотное движение отнюдь не мешает Мансебо, оно позволяет ему ехать с той же скоростью, с какой писатель идет по противоположной стороне бульвара. Мансебо изо всех сил сжимает руль. Писатель сворачивает на улицу Шеруа. Мансебо давит на газ и быстро огибает развязку с круговым движением, чтобы снова оказаться рядом с писателем. Улица у́же бульвара, и Мансебо оказывается совсем близко к объекту наблюдения и может не спеша внимательно его изучить. Писатель идет, глядя прямо перед собой и ни о чем не подозревая. Ничто в облике этого человека не говорит о встрече с любовницей. Мансебо, правда,

не вполне понимает, какими, собственно, должны быть такие признаки. Следы губной помады? Нет, это слишком прямолинейно и грубо. Мансебо во все глаза смотрит на писателя, стараясь отыскать какие-то следы неверности, когда вдруг ощущает сильный удар.

Мансебо грудью ударяется о рулевое колесо. Он не пристегнулся ремнем безопасности, потому что решил всего лишь сделать круг, чтобы проверить машину. Все остановились. В машине наступила тишина. Мансебо решает посмотреть писателю в глаза. Он тоже, как и многие пешеходы, застыл на месте. Таксист, молодой, низкорослый, татуированный парень, уже вышел из машины на тротуар. Мансебо, по рассеянности, въехал в такси.

Мансебо понимает, что должен выйти из машины и объясниться. От удара у него сильно болит грудь. Он берет четки, висящие на зеркале заднего вида, и открывает дверь машины. Боясь, что его могут принять за террориста, ибо в последнее время виновниками всех терактов стали считать мусульман, он прячет за спиной жемчужные четки и начинает потными пальцами перебирать их — жемчужину за жемчужиной. Так всегда поступал его отец, попадая в неприятные ситуации.

На месте происшествия словно из-под земли появляются двое полицейских. Мансебо недоумевает, как они смогли попасть сюда так быстро. Вероятно, они занимались неподалеку неправильно припаркованными на бульваре машинами. Оба уже приготовили блокноты.

Левая фара пикапа разбита вдребезги. Хуже было то, что и на машине такси виднелась изрядная вмятина. Прежде чем подойти к Мансебо, один из полицейских сказал, что остаться следует только тем из пешеходов, кто сам видел происшествие. Остальные могут идти своей дорогой.

Мансебо бросает взгляд на писателя, который остается стоять на месте после слов полицейского. Пальцы Мансебо стали настолько влажными, что он с трудом перебирает четки. «Не закончится ли мое задание после такого многообещающего начала?» — думает Мансебо. Если писатель заявит, что он свидетель, то все будет кончено. Они с писателем станут знакомыми, он, Мансебо, перестанет быть для этого человека сидящим напротив безымянным владельцем лавки и превратится в человека, въехавшего в таксиста.

Водитель такси дает объяснения полиции, за что Мансебо очень ему благодарен. Мансебо уверен, что шофер говорит, как все было на самом

деле, потому что сам Мансебо не имеет ни малейшего представления о том, как все произошло. Писатель медленно уходит с места происшествия. Полицейский направляется к Мансебо.

* * *

Мои обязанности состояли в дальнейшей передаче поступивших электронных писем господину Белливье. Каждый раз, когда поступало сообщение, его надо было отправить дальше. Мой адрес был tout.mon.mondee@free. fr, и все сообщения, поступившие на этот адрес, я должна была передавать по адресу monsieur.bellivier@free.fr. О том, почему эти письма нельзя передавать непосредственно месье Белливье, в контракте не было сказано ни слова. К тому же из контракта следовало, что я не имела права сохранять письма или что-то в них менять, — я должна была неукоснительно передавать их дальше.

Очень странно, что перед моим первым рабочим днем я прекрасно спала, несмотря на поразившую город жару. Тогда я не знала, что пройдет куда больше времени, прежде чем я обрету спокойный сон, и что он не зависел от колебаний температуры. Я взяла с собой зеленые контактные линзы, хотя они не были мне нужны

на новой работе. Но какая-то часть моего существа была уверена, что большую часть дня мне придется провести в кафе.

По пути к новому рабочему месту меня подстерегало множество опасностей. Первая — вращающиеся двери, которым никогда нельзя доверять. За дверями следовала следующая опасность — стойка приемной. Меня могли остановить на этом пункте. Возможно, до девушки у стойки дошли слухи о том, что кто-то попытался незаконно проникнуть на верхний этаж здания. Возможно, камеры наблюдения позволили зафиксировать, что два человека прошли в здание, пользуясь подложными пропусками. В ящике стола девушки теперь лежит фотография преступников — то есть моя фотография и фотография моего спутника. Мужчины и женщины. Но поймают они только женщину, потому что она оказалась достаточно глупа для того, чтобы вернуться на место преступления. И если меня не остановит девушка за стойкой, то остановит пропуск. Загорится ли зеленый индикатор, когда я приложу карточку к валидатору? То, что карточка сработала накануне, не говорило ровным счетом ни о чем. Возможно, она была уже просрочена.

Последним барьером была дверь самой кон-

торы. Подойдет ли к замку мой ключ? Ничто не гарантировало, что заработает компьютер или что на него когда-нибудь придет имейл. Из-за этого немыслимого количества возможных рогаток и препятствий я и взяла с собой зеленые контактные линзы. Скорее всего, мне предстояло стать сегодня бедуином киберпространства. Я долго колебалась: стоит ли мне брать с собой таблетки от страха, и в конце концов все же положила их в сумочку.

Дважды поменяв одежду, я поняла, что на самом деле меня сильно смущал мой внешний вид. Меня долго потом преследовало это чувство. Впоследствии меня вообще очень многое смущало. Излишне говорить, что я была полна надежд, но себя стеснялась, и это еще мягко сказано. В течение многих месяцев я одевалась и брала с собой самые разнообразные вещи, совершенно не думая о том, что на мне надето и что лежит у меня в сумке. Но в тот день я впервые задумалась.

Очень трудно одеться, если и сама не знаешь, кто ты. Ничто не подсказывало мне, кем мне следует себя считать. Самым логичным было бы предположить, что проще всего мне будет, если я останусь сама собой, но это как раз пугало меня больше всего. Это было то же самое, что выйти на

сцену без сценического костюма.

Это невыносимое чувство неуверенности стало неумолимо заползать мне в душу, и я краем глаза заглянула в сумочку, ища таблетки. Единственным способом сделать ситуацию сносной и даже немного приятной было твердо решить, кто я есть. Я установила правила игры — ни больше ни меньше. Другие должны были приспосабливаться ко мне, а не я к ним. Во всяком случае, я сумела себе это внушить. Пропуск определил мою идентичность, так как там стояло: менеджер по продажам, и поэтому я в конце концов выбрала черную юбку, белую блузку с короткими рукавами и красные туфли. В зеркале я увидела похожую на меня женщину.

В большом городе человек всегда в какой-то степени одинок, и я буду далеко не одинока, входя утром в высоченный черный небоскреб. Но я была все же единственной из всех, так как оказалась в уникальной ситуации. При этой мысли я еще сильнее вцепилась в сумку с компьютером. Или я действительно та, за кого себя выдаю? Может быть, здесь многие являются лишь безвольными пешками в неизвестной им игре, просто играют отведенные им роли и выполняют бессмысленную, по видимости, работу.

Вращающаяся дверь ударила меня по лицу. Обошлось без травмы, но у меня возникло впечатление, что дверь услышала мои мысленные опасения. Возможно, дверь просто наказала меня за неловкость и неопытность. Рядом возник темнокожий мужчина в костюме и спросил, все ли в порядке. Я кивнула и улыбнулась, хотя сердце буквально запрыгало у меня в груди. За стойкой сидела та же девушка, что и вчера. Она говорила по телефону, и было видно, что мысленно она находится очень далеко отсюда. Может быть, на проводе полиция? Турникеты находились по обе стороны от стойки. Возможно, здесь два лифтовых холла, и лифт в каждом из них поднимает людей в разные секторы здания. Я присоединилась к потоку людей, шедших налево. Поскольку в дверях со мной ничего не случилось, то, пожалуй, мне теперь следовало бы меньше нервничать. Настало время приготовить пропуск. Я успокоила себя тем, что если пропуск не сработает, то на турникете вспыхнет красная лампочка и мне придется всего-навсего просто покинуть здание и переместиться в знакомое кафе. Никто не обратит внимания на неработающую карточку. Тем не менее загорелся зеленый индикатор, и я бросилась к лифту, чтобы индикатор не успел

сменить цвет.

Лифт с самого начала показался мне ненадежным и опасным местом. Ограниченное пространство, четыре стены, а все, кто входил в лифт, здоровались с остальными его пассажирами. Это меня просто зачаровало. Женщины были невероятно женственны, а мужчины — мужественны. Здесь правил перфекционизм, и я была очень довольна выбранной мною одеждой. До верхнего этажа я добралась в полном одиночестве.

Первое, что я заметила, выйдя из лифта, — это то, что в холле было темно. Вероятно, такова была система освещения во всем здании. Я сразу убедила себя в том, что так и должно быть. В холле и коридоре стояла мертвая тишина. Лифт поехал вниз, а я направилась к дверям. Красные туфли превосходно гармонировали с темно-красным ковром. Я вставила ключ в скважину и открыла дверь. В помещении не было ни души. Однако сегодня все выглядело иначе, чем вчера. Наверное, дело было в освещении. Я вынула из сумки контракт, чтобы получить доступ к компьютеру. Он долго загружался, и я подошла к окну полюбоваться на Сакре-Кёр.

Я ввела логин и пароль. Почтовый ящик был пуст. В нем не было ни одного письма от озна-

ченного в контракте оператора. Похоже, кто-то заглядывал в почту до меня. Я включила мой компьютер. Действительно, зачем мне терять время на безделье, если вдруг вся моя работа окажется блефом. Если ничего не произойдет до обеда, то уйду и покончу с этой работой, решила я и принялась за статью, которую никак не могла закончить. Посвятить несколько часов такой тривиальной вещи, как красоты Парижа, было совсем не плохо. Во всяком случае, панорама позволяла мне хотя бы одной ногой остаться стоять в реальности. Так я и стояла, пока не произошло соединение. Пришло письмо. Я открыла его, прочла и улыбнулась. Несмотря ни на что, это было даже забавно. Все оказалось правдой. Письмо пришло.

Я встала и заперла дверь. Теперь это мой настоящий кабинет, настоящее рабочее место. Так как теперь твердо знала, что должна делать с приходящими письмами, я взяла контракт и снова, вчитываясь в каждое слово, перечитала его. Словно потеряв уверенность в своих способностях, я одним пальцем, буква за буквой набрала адрес и отправила письмо дальше. Письмо содержало комбинацию цифр. Скорее всего, это был номер счета. Отправителем значился: laposte.92800@free.fr.

Словно выполняя ритуальное действо, я кликнула на иконку «отправить». Некоторое время я сидела, уставившись в экран, а потом вернулась к реальности и принялась с удвоенной энергией описывать самые популярные парижские достопримечательности.

До обеда на компьютер пришли еще три сообщения. Все три раза все прошло совершенно спокойно. Последние несколько месяцев я прожила словно в тумане. Мне казалось, что я дышала тяжелым, густым, непроницаемым воздухом. Он был для меня настолько тяжелым, что пришлось обратиться за помощью. Все мои дни были заполнены сеансами психотерапии, таблетками, уколами больной совести и борьбой с душевной пустотой. Как могло это совершенно бессмысленное занятие придать моей жизни осмысленность и полноту? Но именно так все и вышло. Эта работа меня успокоила. Я надеялась, что она позволит мне приоткрыть завесу над грязными операциями «Аревы» в Северной Африке. Но чем больше сообщений я получала, тем лучше понимала, что это был не тот случай. Сообщения, по видимости, были абсолютно бессодержательными, и их было невозможно разнести по категориям. Отправителем всегда выступал laposte.92800@free.fr, и уже

из первого письма я поняла, что набор цифр в адресе был почтовым индексом района расположения учреждения.

Я по нескольку раз перечитывала каждое письмо, но это ничем мне не помогло. Чаще всего послания состояли из комбинации цифр, к которым в некоторых случаях добавлялись заглавные буквы. В посланиях никогда не было больше трех рядов цифр и букв. Между приемами писем я много размышляла, для этого у меня было достаточно времени. Одна поистине пугающая мысль закралась мне в голову уже в первый день на новой работе и теперь не давала мне покоя. Не стала ли я пешкой в террористической сети, являющейся очередной мишенью службы безопасности? Перспектива была более чем реалистичной: Париж был местом многих международных афер, так как здесь располагались штаб-квартиры крупнейших французских и транснациональных компаний.

Я зашла в Гугл, чтобы узнать, как работают террористические организации, и результат поиска поверг меня в ужас. Очень часто эти организации состоят из изолированных друг от друга ячеек. Эти ячейки действуют независимо, и их члены часто даже не знают о существовании других ячеек. Я изо всех сил старалась сохранить

спокойствие. Я попыталась убедить себя, что это всего лишь невинные письма, которые мне надо передать дальше. Здесь не надо было, сжимая в кармане газовый баллон, пробираться мимо сомнительных кабаков парижских пригородов. Не могу вспомнить, сколько раз мне приходилось осаживать себя и начинать с чистого листа, чтобы успокоиться, оценить ситуацию и рассмотреть ее реально. В принципе все было ясно: месье Белливье не хотел, чтобы кто-то знал, где он находится, и поэтому получал электронные письма через посредника.

Прохождение писем было легко отследить, и если бы я лучше разбиралась в компьютерах, то смогла бы выяснить, кто такие laposte92800 и сам месье Белливье, или, по крайней мере, определить, где они находятся. Месье Белливье хотел от laposte92800 чего-то преступного, а я была посредником, а значит, находилась на линии огня. Если это так и я вовлечена в деятельность террористической организации, то, следовательно, никогда не смогу узнать, кому я передаю эти сообщения. Мало того, тот, кто привел меня сюда, тоже не знал, кто я такая. Но, видимо, такова специфика этой работы. Наверное, здесь не принято знать своих сотрудников. «Арева» был самым высоким

небоскребом в деловом районе и мог стать превосходной мишенью. Но зачем нужно сажать человека на верхний этаж мишени, чтобы он передавал дальше какие-то странные сообщения?

В конце концов я смогла взять себя в руки настолько, чтобы пойти пообедать в «Макдоналдс». Я могла быть уверена в том, что не встречу там никого из своих старых и новых коллег. Усевшись за стол с порцией фишбургера, я посмотрела на часы, словно меня на работе кто-то ждал. Но меня никто не ждал. Тем не менее на работе у меня было дело, за которое я отвечала. В контракте значилось, что мой обед продолжается с 12.00 до 13.30. За пять минут до окончания перерыва я вернулась на рабочее место, закрыла и заперла дверь. После «Макдоналдса» мысли о террористах стали менее мучительными. За время обеда не поступило ни одного сообщения.

Статья о Париже стала приобретать некоторую законченность. Нельзя сказать, что я была ею особенно довольна. Надо находиться в более уравновешенном состоянии, чтобы писать статьи о парижских достопримечательностях. Поступило первое во второй половине дня сообщение. На этот раз оно состояло из последовательности цифр, за которыми следовала комбинация букв

«инк. НДС». Неужели, подумала я, террористы платят налог на добавленную стоимость? Во второй половине дня поступило всего несколько сообщений, и я смогла отредактировать статью о политическом положении в стране. В течение последнего часа я сидела у окна и созерцала Сакре-Кёр.

Поступило еще одно сообщение. Оно состояло из двух букв AF, за которыми следовали две цифры. Мне показалось, что я смогу понять значение этих букв и цифр, но потом засомневалась и, сама не знаю зачем, сохранила их в моем телефоне. До конца рабочего дня оставалась четверть часа. Пройдет всего несколько минут, и я снова окунусь в реальность, спущусь в метро и поеду вместе с другими живыми мертвецами. Еще через пару часов я заберу сына из садика. Все это придает нам, людям, ощущение собственной безопасности, но на самом деле делает нас невероятно уязвимыми. Сообщений больше не было. Я выключила компьютер, вышла из помещения, заперла дверь и направилась к лифту.

В такой ситуации я была уверена, что все трудности остались позади. В конце концов, я ожидала препятствия на входе в здание, а не на выходе из него. Карточка сработала замечательно, на

турникете вспыхнул зеленый индикатор. В вестибюле почти никого не было. В это время никто еще не покидал работу и уже не приходил на нее, если, конечно, причиной не было какое-нибудь общее собрание.

— Мадам!

Я сразу поняла, что оклик девушки за стойкой относился ко мне, но сначала просто не поверила своим ушам. Как хорошо все начиналось. Я остановилась и посмотрела на носки своих туфель. Красные туфли неплохо смотрелись на фоне белого мрамора пола. Я обернулась. Девушка за стойкой лучезарно улыбалась.

— Не забудьте взять вот это, мадам.

Она протянула мне букетик красивых цветов.

— Это мне?

Я сразу поняла, что совершила ошибку. Не надо было так явно демонстрировать свое удивление. Но я была не в состоянии совершить над собой такое насилие. В конечном счете люди часто действуют чисто рефлекторно.

— Да. Смотрите, какие они красивые, правда? — говорит девушка.

По вестибюлю прокатывается волна холодного воздуха. Хорошие кондиционеры есть не только в кафе.

Цветочные стебли липли к руке. Цветы похожи на красные гвоздики; букет украшен несколькими зелеными веточками. Из-за цветов я начинаю чувствовать, что меня преследуют. Наверное, месье Белливье решил проследить за мной до дома. Не было ни визитной карточки, ни клочка бумаги с именем дарителя букета. Зато была карточка с указанием названия цветочного магазина, где был куплен букет. В первый день на новой работе все было хорошо до получения этих странных цветов.

Высокие каблуки начали утопать в рыхлой земле, когда я свернула с проспекта. Цветы мешали мне до такой степени, что я желала только одного — как можно скорее от них избавиться. Самым простым выходом было бы выбросить их в ближайшую урну. Но я почему-то решила, что это будет ошибкой. Дело было даже не в том, что мне была противна сама мысль о том, чтобы выбросить в урну красивые свежие цветы, нет, я понимала, что надо поступить по-другому.

В моем мозгу укоренилась поистине паранойяльная мысль. Этот букет — не что иное, как безымянная эстафетная палочка. Я получила ее от девушки за стойкой, она получила цветы от месье Белливье, а теперь наступила моя очередь

передать букет дальше. Поступить с букетом точно так же, как с сообщениями. Я решила подарить цветы усопшему, и именно для этого свернула с проспекта и вошла на территорию кладбища. Но дело было не только в этом, мне надо было как-то провести время и воспользоваться передышкой до того, как забрать сына. Это было средством вернуться в окружающую действительность. Мертвые напоминали мне о жизни.

Женщина в караульной будке кивнула мне, когда я вошла на территорию еврейского кладбища. В последнее время на всех еврейских кладбищах появились сторожа, так как вместе с волной терроризма поднялась и волна осквернений еврейских могил. Букет цветов превращал меня из случайной посетительницы в скорбящую родственницу.

Я рассеянно, без всякого плана, шла между могилами. Под ногами хрустели сухие листья — странный звук, обычно характерный для осени. Чем дальше я углублялась на территорию кладбища, тем прохладнее становилось вокруг. Холодные могильные камни стойко противостояли жаре. Я много раз бродила здесь и до этого, но раньше почти не обращала внимания на детали. Если умершая была еврейкой, но была замужем

за неевреем, то на камне значилась и девичья фамилия, напоминавшая о происхождении этой женщины. Но никаких еврейских символов на могилах не было — ни звезд Давида, ни семисвечников. Не было и надписей еврейскими буквами. Были видны лишь имена и даты жизни — год рождения и год смерти.

Большие фамильные склепы возвышались над другими могилами, похожие на гигантские детские строительные конструкторы из каменных кубиков. Многие могилы выглядели заброшенными и поросли милосердным мхом. На иных могилах гордо красовались свежие цветы. В заброшенных могилах не было ничего печального, наоборот, они были красивы в своем природном одеянии. Самый печальный вид был у могил с искусственными пластиковыми цветами. Эти цветы говорили не о заброшенности, а о чем-то худшем — о фальши. Кто-то вспомнил о чувстве долга перед мертвым и заглушил свою нечистую совесть, положив на камень вечные цветы. Пластмассовые цветы не вянут и не растут, они — всего лишь неодушевленный, равнодушный предмет, мертвый, как камень. Уходя, я кладу цветы к могиле некой Юдифи Гольденберг.

Утренние часы я провожу по-разному, в за-

висимости от того, дома мой сын или нет. Мой бывший муж не смог взять этим летом отпуск, а я не могла уйти в отпуск сразу после выхода с больничного листа. По этой причине сын проводил лето в детском саду. Мне кажется, ему там нравилось, хотя, быть может, я просто внушила себе эту идею, так как очень хотела в это верить и не могла придумать никакого другого выхода. Когда я спрашивала его, хорошо ли он проводит время, сын в ответ лишь пожимал плечами. Такие вопросы я всегда задавала по утрам. В течение дня я была сильно занята, а к вечеру слишком сильно уставала, чтобы задавать какие бы то ни было вопросы. Так был решен вопрос с чувствами.

На следующее утро я спросила сына, правильно ли поступила, согласившись на мою новую работу. Сын смотрел на меня удивленно, видя, как я вхожу на кухню в платье, а в следующую секунду уже в брюках. Не знаю, что он думал по поводу всех этих переодеваний. Правда, я понимала, что если он расскажет о них своему папе, то тот сразу решит, что я кого-то встретила. Впрочем, это меня совершенно не волновало.

В это утро я миновала вращающиеся двери без всяких проблем. Девушка за стойкой приветливо мне улыбнулась. Что она могла знать о моей

работе? Что знала она обо мне и месье Белливье? Я изо всех сил старалась об этом не думать. Тем не менее я не могла, как будто это естественно, подойти к ней и прямо спросить об этом. Войдя в помещение, я сразу поняла, что в нем кто-то уже побывал. Я не могла догадаться, почему я это поняла, до того, как повесила на плечики одежду и не села на стул. В помещении было убрано. Корзины были вытряхнуты, а стулья расставлены в неестественном порядке. Стекла окон стали блестеть ярче. Здесь кто-то побывал и убрался.

Несмотря на то что мне пришлось несколько раз отвлечься на прием и передачу сообщений, я все же многое успела сделать. Я закончила статью и принялась смотреть в окно. По улицам взад и вперед ездили армейские машины. Отсюда, сверху, они выглядели как игрушечные машинки моего сына. Вероятно, эти машины были призваны внушить ложный покой всем гражданам и показать, что террористы находятся под контролем.

— Мадам!

Окончание рабочего дня повторилось. Все было как вчера. Я обернулась, с улыбкой приняла букет из рук девушки за стойкой и поблагодарила ее. На этот раз букет состоял из нежных голубых

цветов, к которым были добавлены несколько желтых цветочков. Единственное, что мешало мне примириться с моей новой работой, — это ее странное неизменное окончание. Одна мысль о том, что и все следующие дни будут заканчиваться так же, вызывала у меня легкую тошноту. У меня вдруг возникло ощущение, что я замахнулась на слишком многое. Я ничего не упустила из виду? Не упустила ли я вещи, которые должна была понять или заметить? Кому, собственно, предназначены эти цветы? Той, кто выиграла соревнование, удачно завершила год, той, которую любят, той, которая умерла…

Я села на бордюр фонтана возле входа в метро, и в этот момент мне пришло в голову, что я — единственный человек, выходящий из здания «Аревы» с букетом цветов. Я выделялась из множества других людей. За мной могли легко следить люди, которым была дана инструкция следить за женщиной, вышедшей из «Аревы» с букетом цветов. Цветы были всего лишь опознавательным знаком. Я нервно огляделась. Я физически ощутила, как паранойя захлестывает все мое тело. Не зная, что делать, я встала и оперлась рукой о мокрый и скользкий край фонтана. Это было похоже на эстрадное выступление. Я

подняла букет высоко над головой. Это был единственный способ показать, что я все поняла и теперь преимущество на моей стороне. Теперь я могла показать, что разгадала их хитрость, что знала, какую роль играли цветы. Теперь, надо думать, этот ритуал прекратится, и, может быть, паранойя оставит меня в покое.

Эти голубые и желтые цветочки сейчас обретут нового владельца. Теперь, правда, это будет живой человек. Рядом стояла беременная женщина, поглощенная телефонным разговором. На ее лице была видна нешуточная игра страстей. Я дождалась, когда она окончит разговор. Женщина посмотрела на часы и задумчиво огляделась.

— Приветствую вас. Извините, но вы не хотите взять их?

Я протянула женщине букет. Она посмотрела сначала на него, а потом на меня.

— Нет, — сказала она после недолгого молчания. — Почему я должна этого хотеть?

— Дело в том, что я получила их от моего поклонника, но скоро подойдет мой муж, и я решила, что вместо того, чтобы бросить цветы в урну, лучше подарю их кому-нибудь.

— Да, такие красивые цветы нельзя выбрасывать, это же грех.

— Возьми их. Немного красивых цветов могут сделать день лучше.

— Ну, тогда спасибо. И счастья тебе… с мужем.

Оглянувшись, я заметила, что она довольно небрежно положила цветы рядом с собой. Вероятно, она не слишком высоко оценила мой дар. Но теперь это уже не играло никакой роли. Самое главное, что я смогла избавиться от цветов, не выбросив их в урну. Куда они попали, играло значительно меньшую роль. Самое важное заключалось в том, что мне удалось внушить себе, что цветы попали в добрые руки.

На следующее утро я легко проснулась в полной уверенности, что теперь смогу точно узнать, откуда приходят комбинации цифр. Я вышла на кухню и занялась бумажником. Сосед напротив уже не спал. Он болел раком. Об этом мне сказала консьержка. Он не спал не из-за рака, а из-за страха перед ним. Я видела, как он нервно расхаживает по кухне от стола к радиоприемнику. Я достала из бумажника карточку постоянного клиента «Эр-Франс» и сравнила комбинации цифр на ней с комбинацией, которую я записала на телефоне. Сомнений быть не могло. Это была комбинация цифр карточки клиента с баллами по программе скидок «Эр-Франс».

Мне стало физически плохо. Ну почему это не была комбинация цифр для номера карты клиента какой-нибудь сети супермаркетов? Авиакомпания «Эр-Франс» вызвала у меня непроизвольную ассоциацию с террористами. Но ведь люди могут летать на самолетах, не вынашивая планов взрывать их в воздухе. Сосед подошел к окну, держа на руках кошку, которую он ласково гладил по голове. Его страх, его тревога заставили меня оцепенеть и застыть на месте. Что могут означать какие-то комбинации цифр в сравнении со страшной участью каждую ночь смотреть в глаза смерти?

* * *

Мансебо требуется некоторое время, чтобы понять, почему у него болит грудная клетка. Воспоминание о вчерашнем происшествии смешивается с воспоминанием о зеленых глазах мадам Кэт, когда Мансебо выбирается из кровати. Он проснулся до того, как зазвонил будильник, но чувствует, что хорошо отдохнул и готов приняться за обе свои работы. Прежде чем идти в туалет, он переключает будильник так, чтобы тот не зазвонил. Никогда прежде Мансебо не просыпался сам, и Фатима сильно удивилась бы, проснув-

шись от звонка и не обнаружив рядом мужа.

Гордый своей идеей насчет будильника Мансебо тащится в туалет, где, встав перед зеркалом, задирает рубашку и смотрит, не осталось ли следов после вчерашнего ушиба. Но на коже нет никаких следов удара. Все внутри, решает Мансебо.

Прежде чем уйти, Мансебо некоторое время стоит посреди комнаты и смотрит на крепко спящую жену. Он все еще хочет знать, что она делала на улице в столь ранний час. Но сейчас у него нет ни времени, ни желания занимать себя этим вопросом. Сегодня у него и без того уйма всяких других дел. Нельзя терять ни одной минуты, только в этом случае все будет идти по плану. Вынужденная ложь привела к тому, что теперь его автомобиль и в самом деле сломан. Но машина ехала, а это самое главное. Он все проконтролировал после того, как заполнил все бумаги по страхованию с помощью полицейского и шофера такси. Теперь проблема заключается в том, чтобы никто в семье не узнал, что он разбил фару.

«Бог хочет меня наказать, — думает Мансебо. — Всемогущий наказал меня за ложь, которую я сотворил». Мансебо надевает шапочку. Теперь и в самом деле придется звонить Рафаэлю.

Воздух густой и тяжелый. Судя по всему, сегодня будет жаркий день, думает Мансебо, когда грузит в машину товар, купленный в Рунжи. Покончив с этим делом, он берет курс на Париж. Пробок на дороге нет, и Мансебо сильнее давит на газ, чтобы успеть сделать еще одно неотложное дело. Это одноразовое дело, но оно необходимо для успешного продолжения работы. Оно поможет ему правильно и профессионально выполнять новую работу. Для этого надо купить записную книжку.

Он сворачивает на проспект Италии и едет по нему до тринадцатого округа. Мансебо знает этот квартал, но не как человек, который здесь живет, а как случайный посетитель, знающий, что здесь можно купить записную книжку. В тринадцатом округе живет и работает много китайцев, и Мансебо не слишком охотно сюда ездит, потому что ему трудно общаться с китайцами, которых он плохо понимает. Их французский звучит как абсолютно незнакомый язык, но что делать — выбора у него нет.

Мансебо выходит из машины. За те несколько минут, что еще остались в его распоряжении, он должен, прежде чем ехать дальше, купить записную книжку. Он идет по улице, глядя на вывески.

Китайские банки, китайские магазины одежды, китайские зеленные лавки, пункты проката видеофильмов, витрины, заваленные китайскими боевиками. Однако все магазины и учреждения закрыты. Китайцы еще не проснулись. Мансебо уже готов сдаться, когда вдруг видит мужчину и женщину, которые носят картонные коробки в открытую дверь магазина. Мансебо подходит ближе и видит выставленные на витрине черные и красные сумки. Внутри магазина Мансебо видит фарфоровых зайцев и картину с изображением водопада.

— Доброе утро, простите, у вас есть записные книжки?

Китайская чета опасливо смотрит на Мансебо, а потом обменивается такими же испуганными взглядами. Они не привыкли видеть в такое время суток арабов в своем квартале, особенно арабов, желающих купить записную книжку.

— Мы еще не открылись.

— Я вижу, мадам, но мне нужна записная книжка. Может быть, у вас есть маленькие книжки. Мне не важно, как она выглядит, главное, чтобы у нее был твердый переплет.

— Из этого ничего не выйдет, — говорит женщина.

Мужчина молчит как рыба. Наверное, он вообще не умеет говорить — во всяком случае, по-французски.

— У вас нет даже маленькой записной книжки?

— Ничего не выйдет.

— Ничего не выйдет? Что вы хотите этим сказать, мадам?

Мансебо начинает кипятиться. За все годы, что работает в магазине, Мансебо ни разу не отвечал покупателям, что у них ничего не выйдет. Разве это обслуживание?!

— Я хочу сказать, что ничего не выйдет. Мы торгуем только с предприятиями, с оптовиками, а не с частными лицами, такими как вы, месье. Мы продаем книжки только большими партиями, а не по отдельности.

Мансебо паркует свой белый пикап у бара «Ле-Солейль», но в машине он не один. Компанию ему составляют три коробки салата, две коробки зеленых и красных яблок, несколько килограммов моркови, пять корзиночек с малиной и семьдесят китайских записных книжек. Старинные часы за баром показывают восемь тридцать шесть. Пока все идет очень удачно.

Наступила пятница, а это значит, что темп па-

рижских улиц несколько убыстрился. Парижане хотят успеть сделать все до выходных и поэтому сильно спешат. Улицы заполняются людьми, которые жаждут справиться с делами после работы, но непременно до полудня. К таким делам относится и аперитив с друзьями, как будто у людей не было времени увидеться среди недели. Тарик всегда ходит в официальные учреждения только по пятницам, и обязательно во второй половине дня. Тарик придумал теорию, согласно которой даже самые отпетые бюрократы распускают узел на галстуке после принятого днем стаканчика вина и начинают благодушествовать. Во всяком случае, Тарик всегда добивался своего вечерами в пятницу.

Тарик только что открыл свою обувную мастерскую, а Мансебо потратил некоторое время на то, чтобы записать результаты охоты в одну из своих многочисленных записных книжек. Однако он ни на одну секунду не забывает наблюдать за тем, что происходит на противоположной стороне улицы. Один раз Мансебо даже вздрогнул от неожиданности, потому что в доме напротив открылась дверь. Но оказалось, что это Тарик вышел на улицу, чтобы опустить маркизу. Испытывая гордость, Мансебо заполняет первую

страницу отчетом за четверг, ставит на чистом следующем листе сегодняшнее число, закрывает пеструю записную книжку и прячет ее в ящик под кассовым аппаратом, где лежат счета, важные квитанции и несколько рулонов кассовых чеков. Остальные записные книжки Мансебо кладет на полку под кассой. Что он будет с ними делать, Мансебо не имеет ни малейшего представления. Собственно, их можно выбросить, но все в Мансебо восстает против такой расточительной траты и без того ограниченных ресурсов.

Как раз в тот момент, когда Мансебо прячет на полку под кассой оставшиеся записные книжки, по пожарной лестнице дома напротив спускается человек в коричневой бейсболке. Первой мыслью Мансебо было выбежать на улицу и подойти ближе, чтобы не упустить из виду ни одного движения, ни одного звука, которые могли бы изобличить наличие любовницы. Но Мансебо вовремя себя останавливает. Он должен выйти на улицу, как обычно, мелькает мысль. Он успокаивается, берет в руки мел и тряпку и неспешной трусцой выкатывается из двери магазина на улицу.

Писатель ловко спрыгивает с лестницы, некоторое время смотрит в небо, словно решая, какая

сегодня будет погода, потом быстро поворачивает налево, проходит мимо обувной мастерской и идет дальше по тротуару. В руке у писателя Мансебо видит небольшую дорожную сумку. Идет писатель, как всегда, быстро, и это говорит о том, что сумка не слишком тяжела, а это, в свою очередь, говорит о том, что писатель собирается отлучиться ненадолго, а уже это означает, что уехать он собирается только на выходные.

Мансебо сразу анализирует все альтернативные возможности. Может быть, писатель собирается в Нормандию, чтобы вместе с любовницей провести на море выходные? Мысль эта кажется Мансебо привлекательной, она придает ему энергии, так необходимой для выполнения задания мадам Кэт.

В своих фантазиях Мансебо следует за писателем до вокзала Сен-Лазар, где видит, как тот встречается с любовницей под табло, на котором указано время отправления поездов в Нормандию. Они садятся в вагон первого класса, держась за руки, и нежно целуются, и в тот момент, когда поезд трогается в направлении моря, Мансебо в последний миг вскакивает в вагон, чтобы следить за парочкой во время ее вылазки на выходные дни. Он садится через проход, сзади и наискосок

от влюбленных, прикрыв лицо газетой, но не пропуская ни одного сказанного ими слова.

Тем временем писатель читает вслух главу своего нового творения. Любовница открыв рот слушает. Она красива, как только что распустившаяся роза. Мансебо не приходит на ум более емкое, менее банальное сравнение. Потом они идут в вагон-ресторан, чтобы выпить по бокалу шампанского, а Мансебо быстро записывает все услышанное и увиденное в красную китайскую записную книжку. Когда парочка возвращается, он прячет записную книжку и снова прикрывает лицо газетой.

До Мансебо наконец доходит, что ему надо посмотреть, который час, и перестать грезить наяву. Писатель, с равным успехом, может сейчас встретиться с женой и провести выходные с ней. Мансебо поднимает глаза и смотрит на церковные часы, но их циферблат лишь издевательски ухмыляется ему в ответ. Впрочем, циферблат напоминает лицо без глаз и рта — он слеп и нем. Часы давно остановились. Зато в магазин входит пожилая чета.

— Доброе утро, мадам, доброе утро, месье.

— Доброе утро, месье Мансебо, — отвечает дама.

Ее спутник кивает в знак приветствия. Эта пара живет неподалеку от бульвара, и Мансебо знает их столько же лет, сколько работает его магазин.

— Чем могу служить вам в это прекрасное утро?

— Мне нужен пакет пирожных, лучше из темного теста и с клетчаткой, у меня, знаете ли, проблемы со стулом, вы понимаете, что я имею в виду. Доктор прописал мне кексы с клетчаткой.

— В таком случае я вынужден попросить у вас рецепт.

Муж и жена смеются, правда, смех мужчины звучит немного неестественно. Мансебо принимается за поиски. Наконец, он натыкается на пакет, который лежит на полке с незапамятных времен. Пожалуй, с тех самых пор, как остановились часы на старой церкви. Зато на пакете написано, что кексы испечены из цельных злаков.

— Кажется, у меня есть то, что вам нужно.

Женщина придирчиво рассматривает пакет, а затем начинает искать очки в красной хозяйственной сумке. Мужчина отнимает у жены пакет и принимается вслух читать состав кексов.

— Мы их попробуем, — говорит женщина, чтобы спастись от сеанса громкого чтения.

Мансебо забирает пакет и идет к кассе.

— Как дела с вашим автомобилем? — спрашивает женщина.

— Ты бы лучше спросила, как дела у самого месье Мансебо. — Мужчина тяжело вздыхает и укоризненно качает головой.

— С автомобилем? — переспрашивает Мансебо.

Он притворяется, что его это совершенно не волнует.

Он вообще не понимает, о чем идет речь.

— Да, мы стали свидетелями происшествия, ведь все случилось буквально под нашими окнами. Мы наблюдали как из партера.

Женщина смеется, а мужчина снова вздыхает.

— Ах да, происшествие…

Мансебо хочет обратить все в шутку, но подходящие слова не приходят ему в голову.

— Нет, нет, все хорошо. У меня всего лишь разбита фара. Такой вот пустяк. Думаю, все случилось из-за жары.

— Да, ваша жена говорит то же самое.

— Моя жена?

— Да, Фатима.

— Может быть, мы пойдем? — говорит мужчина.

— Моя жена видела аварию?

— Нет, мы встретили ее позже, во второй половине дня, и спросили ее, как у вас дела.

— Вы ее встретили? Где?

— В табачной лавке, под нашей квартирой.

Женщина начинает смущаться от вопросов Мансебо, а мужчина, взяв кексы с отрубями, всем своим видом говорит, что им пора домой.

— Что она там делала?

Женщина вопросительно смотрит на Мансебо.

— Этого я не знаю. Она часто пьет кофе с хозяином магазина. Они сидят за занавеской, в его конторе. Я думала, вы в курсе…

— Дорогая, оставь в покое частную жизнь месье Мансебо. Мы сейчас возьмем кексы и пойдем домой, решать твои проблемы.

Мужчина забирает пакет с целебными кексами, которые должны будут привести в порядок желудок его жены. Мансебо видит, что мужчине не терпится уйти.

Солнце стоит высоко в небе, а автомобильные выхлопные газы проникают во все поры. Миллионы людей пытаются выжить в этом раскаленном котле, который перестает варить несчастных только ночью. Мансебо вытирает со лба пот и раздумывает, не снять ли ему шапочку, но потом

отгоняет эту мысль. Впервые он сомневается, стоит ли все прояснять. Слишком уж все прямолинейно. Он не в силах переварить то, что услышал о Фатиме. От слов «за занавеской» Мансебо становится просто не по себе. Что делает Фатима за занавеской с табачным торговцем и почему она не спросила о происшествии, о котором узнала одной из первых? Обычно она сразу набрасывается на Мансебо, если он что-то делает не так.

От жары Мансебо не может связно мыслить. Он встает, заходит в магазин и берет бутылку с водой, потом поспешно возвращается и усаживается на скамеечку. Это надежное место. Под ножками скамеечки, на которой сидит Мансебо, в асфальте образовались заметные углубления, и каждый раз, вынося скамеечку на улицу, Мансебо подсознательно ставит ее так, чтобы ножки попали в эти старые углубления. Другие торговцы тоже выносят на улицу стулья и скамеечки, чтобы подышать если не свежим, то хотя бы просто воздухом.

В жару торговля идет плохо во всех магазинах, если не считать сети магазинов «Пикар», торгующих мороженым. В жару объем продаж этой сети подскакивает процентов на тридцать. Некоторые заходят туда просто для того, чтобы

несколько минут отдохнуть от невыносимой жары. Бездомные толкаются в этих магазинах, чтобы понежиться у вентиляционных систем. Но для маленькой бакалейной лавки жара — это подлинный бич. Даже кондиционер не способен заманить в лавку покупателей.

Во второй половине дня Мансебо садится записывать результаты дневных наблюдений. Он даже составляет список вещей, необходимых ему для работы. Проблема, правда, заключается в том, что он не знает, когда сможет все это купить. Обычно он поручает такие вещи Фатиме, но как он объяснит жене, что ему вдруг понадобились наручные часы и бинокль? Правда, насчет бинокля он пока не вполне уверен. Цель, конечно, заключается в том, чтобы вести себя как обычно, абсолютно нормально, но ему все равно придется приспосабливаться к меняющейся ситуации. Возможно, случится так, что ему потребуется следить за писателем более профессионально и при не слишком благоприятных условиях.

На горизонте появляется большая черная туча, которая сулит отдохновение от жары. Приближается благодатная прохлада. От двери мастерской свистит Тарик, давая знать, что настало время идти в «Ле-Солейль». Мансебо вскидывает вверх

большой палец. Тарик быстро закрывает мастерскую — ему не надо ничего вносить туда с улицы, потом подходит к магазину Мансебо, помогает ему закрыть двери и, как обычно, берет яблоко.

— Братец, тебя, случайно, не хватил солнечный удар? — говорит вдруг Тарик и тычет пальцем в яблоки.

Рано утром Мансебо сосредоточенно стер с доски старую цену и проставил новую: теперь он продавал яблоки по цене сорок девять евро за килограмм.

— Знаешь, они, пожалуй, не настолько хороши.

Мансебо чешет затылок и лихорадочно соображает, как такое могло случиться. «Я зацикливаюсь, — думает он, — мне надо развивать способность думать одновременно о нескольких вещах». Он стирает цену рукавом, и они с братом выходят на бульвар — Тарик с румяным яблоком в руке, а Мансебо с мелом на правом рукаве.

Тарик и Франсуа обсуждают погоду. Мансебо пытается участвовать в разговоре, но невольно отвлекается на свои фантазии. Мысленно он находится не здесь, в насквозь прокуренном парижском баре, а в Нормандии. Там тоже светит яркое солнце, но легкий ветерок с моря остужает

разгоряченный лоб и высушивает пот. Писатель все отлично продумал. Путешествие должно было состояться уже несколько недель назад, но им никак не удавалось выкроить время, и вот наконец жена писателя и муж любовницы отлучились на одни и те же выходные дни. На берег накатываются небольшие волны, а писатель и его подруга пьют аперитив, празднуя свою встречу. Но пьют ли они на пляже? Разве они не пили шампанское в поезде? Может быть, они забронировали номер в гостинице рыбацкой деревушки или…

Мансебо одергивает себя нарочитым покашливанием. Надо дать молодым любовникам насладиться уединением. Он не должен к ним приближаться и навязывать им свое общество. «Мой друг — профессионализм», — говорит себе Мансебо и отпивает глоток анисового ликера. Перерыв окончен, пора возвращаться на работу.

После того как Мансебо убеждается в том, что писатель уехал на все выходные или по крайней мере на ночь, он со спокойной совестью возвращается в магазин, чтобы неспешно окунуться в свою личную жизнь.

— Я, пожалуй, зайду в магазин купить сигарет, — извиняющимся тоном говорит Мансебо, когда братья выходят на бульвар Батиньоль.

— Можешь взять сигарету у меня, брат, — предлагает Тарик. — Если хочешь, я буду снабжать тебя сигаретами до конца твоих дней. Это же всего одна пачка в месяц, потому что твоя жена сильно печется о твоем здоровье.

Неужели Тарик так радуется тому, что жена посадила Мансебо на голодный табачный паек? Мансебо и сам не понимает, почему всякий раз, когда начинается разговор, он чувствует себя униженным.

— Уж не Фатима ли снабжает тебя сигаретами?

Вопрос вырывается у Мансебо случайно, от мыслей о том, что делает Фатима с хозяином табачной лавки.

— Какого дьявола ты имеешь в виду?

Тарик хватает Мансебо за рукав, но сразу жалеет об этом и старается разрядить обстановку.

— Прости, но все же, о чем это ты?

Глаза Тарика делаются бездонно черными. Таких черных глаз Мансебо не видел у Тарика еще ни разу. Мансебо становится страшно. Двоюродные братья смотрят в глаза друг другу. Мансебо понимает, что должен во что бы то ни стало привлечь Тарика на свою сторону. Он понимает, что Тарик не должен стать его врагом, во всяком случае, не сейчас.

— Что я говорю? Честное слово, не помню, брат. Но почему ты так разозлился?

Тарик несколько секунд пристально разглядывает Мансебо, потом лицо его смягчается, Тарик непринужденно смеется:

— Прости, это у меня от жары съехала крыша.

— От нее у всех нас едет крыша, — говорит Мансебо и улыбается.

Собственно, Мансебо не было никакой нужды хитрить для того, чтобы зайти в табачную лавку на улице Шеруа, вместо того магазина, куда он обычно ходил за сигаретами. Но, ввиду странной реакции двоюродного брата, он не отважился сделать это, и, как обычно, свернул налево, к своему магазину. Он хочет, но не решается обернуться, чтобы убедиться в том, что Тарик провожает его взглядом.

Мансебо входит в табачную лавку, выжидает несколько секунд, а потом снова выходит на улицу. Выйдя из магазина, он поворачивает на площадь Проспера Губо и огибает квартал, чтобы кружным путем выйти на улицу Шеруа. Воспоминание о столкновении ударяет его, словно током, когда Мансебо оказывается на месте вчерашнего происшествия. Нет ни осколков стекла, ни следов торможения. Ничто не говорит о том, что здесь

столкнулись две машины. Мансебо в душе испытывает благодарность к парижским дворникам с их длинными зелеными метлами.

Думай о Фатиме за занавеской, мысленно приказывает себе Мансебо, входя в табачную лавку. Он был здесь всего один раз, очень давно, когда заходил сюда с Амиром, чтобы купить газету для урока в школе. Почему он не покупает сигареты в этой лавке, Мансебо и сам не знает. Наверное, все дело в привычке.

Мансебо открывает дверь, звякает колокольчик, и его обволакивает живительная, чудесная прохлада. Видимо, дела у этого торговца идут неплохо, думает Мансебо. Огромный, толстый владелец лавки оборачивается и вскидывает брови так, словно его страшно удивляет приход Мансебо в его магазин. «Странно, — думает Мансебо, — ведь я не знаю этого человека». Наверное, жара так действует на этого толстяка, успокаивает себя Мансебо. Он впервые спрашивает себя, зачем вообще сюда пришел. Он не имеет ни малейшего понятия о том, что сейчас должен сделать. Однако не может оторвать взгляд от занавески.

— Добрый день.

— Добрый день, месье. Чем могу быть вам по-

лезен?

— Как чудесно здесь у вас.

Человек вопросительно смотрит на Мансебо.

— Здесь прохладно и хорошо, — продолжает Мансебо.

— Да, да, — с облегчением соглашается хозяин.

«Как мне естественно и непринужденно поинтересоваться, здесь ли моя жена?» — приходя в отчаяние, думает Мансебо.

— Ну, собственно, я пришел сюда, потому что ищу мою жену.

— Вашу жену? Здесь?

— Да, она говорила, что пошла сюда.

— Ага… А как ее зовут?

— Фатима.

Человек начинает аккуратно приводить в порядок кипу газет на прилавке.

— Нет, здесь никого нет, кроме меня.

— Это я вижу, месье, но скажите, она вообще бывает здесь?

— Нет, я очень сожалею, но я даже не понимаю, о ком вы говорите. Я незнаком с Фатимой. Может быть, вы перепутали магазины? Еще один табачный магазин находится на этой же улице, но немного дальше.

— Да, возможно.

Мансебо понимает, что должен прибегнуть к той же тактике, которая выручила его в столкновении с Тариком несколько минут назад. Надо сдаться, упасть и притвориться мертвым, как делают звери, чтобы выпутаться из сложной ситуации.

— Хорошего вам дня, месье, и удачи в делах.

— И вам того же, — желает ему толстяк, нацепив на лицо фальшивую улыбку.

Мансебо поспешно ретируется. Синяя рабочая куртка развевается, словно знамя, когда он едва ли не бегом снова огибает квартал в противоположном направлении. Он возвращается на бульвар Батиньоль и бросается к своему табачному магазину.

— Добрый день, Мансебо. Что это вы бегаете по улицам в такую несусветную жару? — спрашивает хозяин.

— Сейчас побегу обратно в лавку.

— Значит, дела идут неплохо?

Мансебо улыбается и кладет на прилавок деньги. Выйдя на бульвар, он скашивает глаза на обувную мастерскую. Тарик стоит в дверном проеме и смотрит на Мансебо. То, что покупка сигарет заняла так много времени, не должно удивить Тарика, потому что Мансебо обычно по-

долгу разговаривает с хозяином табачной лавки.

Мансебо высоко поднимает пачку сигарет, как доказательство того, что он не наделал никаких глупостей. Тарик кивает и скрывается в глубине мастерской.

•

Ночью начинается долгожданный дождь. Вместе с дождем пришла и гроза. Над городом полыхают молнии, и гремит гром. Мансебо отбрасывает одеяло и встает. Он смотрит на безлюдный бульвар и на пустую квартиру в доме напротив. Он получил бы огромное удовольствие, если бы закурил, но вечерняя сигарета была уже выкурена. Да и что бы сказала Фатима, увидев мужа курящим среди ночи. Об этом лучше не думать.

Мансебо вздрогнул. Сверкнула ослепительная молния, и громыхнуло так, что Мансебо едва не подпрыгнул. Проснулась даже Фатима, которую обычно было практически невозможно разбудить. Мансебо заметил, что жена тоже прильнула к окну всем своим нескладным оплывшим телом. Как только она смогла так быстро вскочить и добежать до окна? — подумалось Мансебо. Фатима лихорадочно осматривала улицу. Стараясь понять, куда ударила молния. Мансебо же не

отрываясь вглядывался в пустую квартиру напротив. Никакие громы и молнии не могли отвлечь его от ответственной работы.

— Точно, ударило в церковный шпиль, — проворчала Фатима.

Мансебо внимательно смотрит на жену, изучает ее профиль. Она и толстый табачник? Сама мысль об этом была невыносима. Мансебо напрягает воображение и старается представить себе жену и табачного торговца за занавеской, но у него ничего не выходит. Кстати, почему она не устроила ему скандал по поводу помятой машины? «Но знай, — мысленно обращается Мансебо к жене, — у меня теперь тоже есть тайны, и я совсем не тот, кем ты меня считаешь».

* * *

Я наконец открыла Гугл и набрала в поисковике имя «Белливье». Поисковик выдал довольно много результатов. Я просеяла их и сразу отвергла самые неподходящие, как, например, какого-то бельгийского крестьянина. После отсева осталось всего несколько кандидатов, и среди них гинеколог Бертран Белливье, который принимал неподалеку, всего в нескольких станциях метро от делового центра. Прежде чем позвонить, я

удостоверилась, что никто не стоит за дверью.

— Здравствуйте, я хотела бы записаться на прием к доктору Белливье.

— Вы его пациентка?

— Нет.

— Прошу извинения, но, к сожалению, доктор Белливье пока не принимает новых пациенток.

— Это очень срочно. Дело в том, что мой гинеколог в отъезде, а мне надо обязательно проконсультироваться. Это будет лишь однократный прием…

— Хорошо, у меня есть окно на следующей неделе, и я запишу вас на это время, — ответила секретарша.

— Это должно быть между двенадцатью и половиной второго…

В первой половине дня, между получением писем, я успела сделать попытку забронировать билеты на рейс до Мальдивских островов от имени месье Белливье, воспользовавшись номером скидочной карты «Эр-Франс». Это было нужно для того, чтобы проверить, соответствуют ли цифры имени. Однако для того, чтобы сделать заказ, мне надо было представить компании первое имя и номер телефона клиента. Я снова вернулась к пункту первому. Снова бросила наудачу кость и

позвонила в сервисную клиентскую службу.

— Добрый день, у меня оказалась карта клиента «Эр-Франс», и мне надо знать, кому она принадлежит.

— Зачем вам нужны эти сведения?

— Я нашла карту на своем рабочем месте и хочу знать, кто ее потерял.

— Понятно, но на всех картах проставлено имя владельца.

— Но дело в том, что на этой карте имя стерто, и я не могу его прочитать. Остался только номер.

— Очень сожалею, мадам, но я не могу выдать вам личную информацию о клиенте. Прошу вас, пришлите нам карту, и мы сами свяжемся с клиентом, которого это касается.

— Спасибо.

Я снова вернулась к тому, с чего начала. Кости выпали криво, во всяком случае сегодня. Раздался сигнал, извещавший о получении очередного письма.

Пребывая в невеселом расположении духа, я вызвала лифт и отправилась на обед. Мало того что оказалась совершенно одинокой на своей новой работе, я была одинока вообще. Отчуждение сына усиливалось с каждым днем, проведенным мною на новой работе. Он стал растворяться,

удаляясь от меня, и это приводило меня в невыносимое уныние.

Единственное давало мне силы продолжать и не терять почву под ногами — это то, что работа не будет продолжаться вечно. Еще три недели я буду слышать этот компьютерный звон, а потом кошмар все же закончится. Я вернусь в привычный для меня мир. Что я от этого выиграю? Отчасти деньги, воспоминания и, возможно, небольшое воодушевление. Об этом я думала, выйдя из делового центра и присев на скамейку. Было слишком жарко для того, чтобы обедать на веранде, а я сильно страдала от жары и невероятно потела.

Над крышами небоскребов с ревом промчался самолет. Я машинально подняла голову и посмотрела в небо. В злых руках самолет может превратиться в оружие массового поражения. По иронии судьбы, это был самолет «Эр-Франс», компании, за штурвалом самолета которой находились злодеи, изменившие больше десяти лет назад ход мировой истории. Но труба зовет… Я встала.

Я решила перестать вынюхивать сведения в «Эр-Франс», разбираться в цифровых кодах и выяснять, кто такой гинеколог, фамилия которого

случайно совпала с фамилией моего работодателя, и вместо этого сосредоточиться на работе. Мне надо было закончить несколько статей. В этом будет мое спасение. Никакие электронные письма не должны мешать мне сосредоточиться. Я умело распоряжалась своим временем. Понимала, что немного задерживаюсь, но мне надо было во что бы то ни стало закончить начатую статью. Во всяком случае, я все равно покину здание раньше, чем все остальные сотрудники, так что не видела в этом никакой проблемы.

Послышался звук, разительно отличавшийся от всех прочих звуков, которые я слышала во время работы. К моему этажу приближался лифт. Что мне делать, если это охранник? Я напомнила себе, что в моем пропуске значится: «Менеджер по продажам», и это прибавило мне уверенности. Я прижала к уху мобильный телефон. Если кто-то войдет, то я притворюсь, что говорю о чем-то очень важном, о том, что могло задержать меня на работе сверх положенного времени. Свой собственный компьютер я убрала в мгновение ока. Не стоит оставлять за собой ненужных следов. За жалюзи появился неясный силуэт, и, прежде чем я успела подумать, кто бы это мог быть, в помещение вошла женщина. Я опустила телефон.

— Добрый день.
— Добрый день.
— Я сейчас уйду.

Женщина ничего не ответила, но втащила в зал огромный пылесос, а затем вкатила тележку с принадлежностями для уборки. Я вспомнила, что тот человек как будто даже назвал мне имя уборщицы. Может быть, она в курсе всего того, что здесь происходило? Или и сама не осознавала, что является членом террористической ячейки? Пылесос оглушительно взвыл, и мне захотелось выскочить из помещения и выяснить, слышат ли этот шум внизу? Потом до меня дошло, что женщина, вероятно, каждый день убирается здесь в это время, и люди внизу привыкли к завыванию пылесоса. Может быть, правда до нижележащего этажа эти звуки не доходят. Это была пугающая мысль. Я вышла из почты и выключила компьютер.

— До свидания, мадам.
— До свидания, мадам.

Мужчина стоял, погрузившись в свои мысли и наклоняясь в такт с качающимся вагоном метро. Он попытался позвонить, но в вагоне не было связи. Я стояла в паре метров от него. Желто-коричневые глаза источали жизнелюбие, видимо

помогавшее ему выживать.

Я сразу же начала фантазировать, лепя себе его психологический портрет. Это жизнелюбивый оптимист, обожающий хорошую еду и все удовольствия жизни. Такое заключение я вывела, оценив незначительную полноту. Он окончил работу, и теперь волнуется, все ли правильно сделал за сегодняшний день, справился ли с проектами. Нет, это не то. Жизнелюбие не задушить никакой работой, даже самой трудной. Мужчина посмотрел на меня, и я отвела взгляд, уставившись на носки своих туфель.

Я все спланировала, хотя со стороны это могло выглядеть как импульсивное случайное действие. Поезд остановился на станции «Сен-Поль». Когда двери открылись, мужчина немного отступил назад. Я вышла и остановилась на платформе, ожидая, когда все желающие войдут в вагон. После этого я протянула мужчине букет. Он рефлекторно взял его, просто для того, чтобы не уронить, и вопросительно взглянул на меня. Двери закрылись, и я пошла вдоль платформы.

•

Принимая предложение новой работы, я считала себя очень одиноким человеком. Но потом

поняла, что это была моя ошибка. Наоборот, я только теперь стала по-настоящему одинокой. Я перестала разговаривать с людьми и опускала взгляд всякий раз, когда кто-нибудь обращался ко мне. Я пришла в себя только тогда, когда директор детского сада, куда ходил мой сын, спросил, будет ли он ходить в бассейн на следующей неделе. Я сама перестала понимать, кто я. Я навязала себе роль, которую научилась неплохо играть, но при этом усугубила свое одиночество.

Моя анонимность зашла так далеко, что я стала отдавать цветы незнакомым людям, даже мертвым. Юдифь Гольденберг за первую неделю получила уже несколько букетов. Возможно, я выбрала ее могилу за некоторую анонимность, потому что эта могила была чем-то похожа на меня. Возможно также, я выбрала ее, потому что она была одной из немногих могил, которые не были украшены ни живыми, ни искусственными цветами. С этой могилой я чувствовала себя в безопасности, потому что едва ли у Юдифи были близкие, которые могли бы счесть себя оскорбленными моими непрошеными цветами. Теперь же у нее появилась родственница.

К пропуску я привыкла, к цветам — нет. Розы я получила на выходе только один раз, но все

цветы, без исключения, казались мне колючими и враждебными. Цветы, которые вручали мне на выходе с работы, были нарушением границ дозволенного. Цветы стали, очевидно, связующим звеном между работой и личной жизнью, а это очень мне не нравилось.

Для того чтобы немного разнообразить свою жизнь и перестать раздавать букеты мертвецам и незнакомцам, я однажды решила передать этот эстафетный букет человеку, который забирал из сада нашего сына, но в последний момент передумала. Он мог принять это за признание того, что я пренебрегаю своими обязанностями и раскаиваюсь в этом. В общем, я довольно скучный компаньон, обычно не вступаю в дискуссии, особенно с соседями, боясь невольно открыть им, чем я занимаюсь. Те, кто знают меня последние полгода, списывали мою молчаливость на счет депрессии. Но я не страдала отчуждением, во всяком случае, в определенных пределах.

Молодой человек одарил меня дежурной приветливой улыбкой. Он совершенно не походил на человека, работающего в цветочном магазине. Я не могла понять, где бы он мог работать, но чувствовала, что не здесь. Впрочем, само местоположение цветочного магазина тоже было

неудачным — над станцией метро и неподалеку от мусорных баков. Среди бетона красовались цветы всех мыслимых расцветок и форм. Я давно собиралась навестить этот магазин и навести справки, но мне не хватало мужества. Я сказала, что хотела бы знать, кто посылает цветы и кто ежедневно доставляет цветы на проходную «Аревы». Молодой человек подозрительно посмотрел на меня, и сделал это с полным правом.

— Зачем вы хотите это знать? — спросил он.

— Мне просто интересно.

— К сожалению, я не смогу ответить на ваш вопрос. Кто вы?

Разумеется, продавцу цветов не было никакого дела до моего имени, это была всего лишь дежурная фраза, но от его вопроса у меня сильно забилось сердце. Чтобы увильнуть от ответа на поставленный вопрос, я показала продавцу букет.

— Он вам нравится? Я сам его составлял, он очень красив, согласитесь, — сказал продавец и улыбнулся.

Я кивнула:

— Да, мне нравятся все букеты, и поэтому я хочу знать, от кого их получаю.

Он заколебался, и я достаточно быстро поняла:

он убежден, что посылающий мне цветы человек стремится завоевать мое сердце. Я посмотрела на молодого человека. С одной стороны, он был очень горд своим посредничеством между мной и неизвестным, но, с другой стороны, сознавал свой долг и не желал открыть мне имя заказчика.

— Мне очень жаль, мадам, но я ничем не могу вам помочь. На карточке не проставлено имя отправителя… или отправительницы, а это значит, что он или она пожелали сохранить инкогнито.

— Это месье Белливье? — спросила я.

На лице продавца не дрогнул ни один мускул.

В метро было многолюдно, и я заметила, что некоторые пассажиры весьма неодобрительно смотрят на то, как небрежно я обращаюсь со своим букетом. Его часто прижимали и мяли люди в сутолоке, особенно те, кто выходил из вагона на станциях. Осыпавшиеся листья усеивали пол вокруг меня, словно отмечая занятую мною территорию.

Пожилая дама улыбнулась мне, возможно, и ей тоже приходилось так же небрежно обращаться с букетами. Во всяком случае, мне показалось, что она вполне понимала, что я в тот момент испытывала. После такого путешествия в подземке букет явно не смог бы украсить могилу Юдифи

Гольденберг. Надо уважать мертвых.

Я положила букет в холодные бронзовые объятия Мишеля Монтеня. Мне показалось, что статуя в до блеска вычищенных ботфортах осталась довольна. До моего слуха донеслись нестройные аплодисменты. Это оказались студенты Сорбонны, восхищенные моим действием. Я оценила созданную мною инсталляцию. Да, Мишель де Монтень был просто создан для того, чтобы держать в руках букеты цветов. Я была свободна, как и мои руки. Я поспешила домой — мне не терпелось вернуться в мою настоящую жизнь.

Дверь открылась. Небольшое помещение можно было с некоторой натяжкой назвать приемной — маленький белый стол и несколько стульев составляли все убранство. Я прошла в комнату ожидания. Там сидела молодая женщина и ее бойфренд. Вероятно, именно он осчастливил женщину беременностью. Да, она была в положении, вероятно месяце на седьмом. Мы обменялись молчаливыми приветствиями, как это принято среди людей, оказавшихся в одном помещении. Это были скромные кивки — сдержанные, но достаточно вежливые. Молодые люди сидели взявшись за руки. Они пришли сюда, потому что любили друг друга. Я же пришла к гинекологу,

потому что меня мучила паранойя. Они пришли, потому что хотели сохранить то самое дорогое, что у них было, — своего будущего ребенка. Я же явилась сюда только из-за имени гинеколога.

Я прекрасно понимала при этом, что моя идея с гинекологом — это удар в штангу. Такой же глупый жест, как поднятие вверх букета цветов. Оба поступка были попыткой подавить ощущение собственного бессилия и чувство чужой власти над собой. Запись на прием к гинекологу с такой же фамилией, что и у моего работодателя, была лишь жестом отчаяния. Даже то, что гинеколог, возможно, оказался бы тем самым месье Белливье, что вторгся в мою жизнь, по сути, ничего не означало. Это ничего не меняло, если не считать того, что он сейчас заглянет в мои внутренности.

Послышались голоса, и я поняла, что сейчас из кабинета выйдет пациентка. В приемную вышла женщина моего возраста. Вслед за ней вышел седовласый мужчина маленького роста. Они остановились и пожали друг другу руки, в то время как ко мне с напряженной улыбкой подошла секретарша. Седовласый человек, гинеколог, обернулся. При этом он не взглянул в мою сторону, и это меня несколько разочаровало, хотя я и чувствовала небольшой прилив бодрости, ибо

впервые надеялась увидеть настоящего, живого месье Белливье. Я наконец увижу его — в первый и последний раз, поклялась я себе. Доктор Белливье кивнул молодой паре. Они поднялись, и молодой человек повел подругу впереди себя так, словно она была неспособна передвигаться самостоятельно. Но она по достоинству оценила этот жест.

У меня на лбу выступил холодный пот. Мне стало физически плохо. Мне показалось, что меня сейчас вырвет, и успокаивало лишь то, что я не буду первой, кого вырвет в этой приемной.

— Мадам.

Секретарша попыталась привлечь мое внимание. Как раз в тот момент, когда я собиралась встать, чтобы подойти к ее столу, она сама оказалась рядом со мной, протягивая мне формуляр медицинской карты.

— Поскольку вы здесь в первый раз, заполните анкету, — сказала она, быстро вернулась на свое место и принялась полировать ногти.

Я стала записывать в формуляр свои личные данные. Имя, адрес и год рождения я придумала. Впервые в жизни лгала о таких вещах. Я решила сказать, что свою медицинскую карту забыла дома — в конце концов, это обойдется

мне в несколько лишних евро. Я просмотрела все графы, чтобы убедиться, не наделала ли ошибок — то есть не проставила ли в графах хотя бы одну настоящую букву или цифру.

Самым странным было то, что, придумывая адрес, я выбрала местоположение, находившееся недалеко от места моего настоящего проживания. В Париже тысячи улиц, так почему я выбрала один из соседних переулков? Наверное, мне все же хотелось как можно ближе держаться к истине или просто сказался недостаток фантазии. Собственно, это не играло никакой роли. Ничто больше не играло никакой роли. Один ребенок, сын, написала я. В этом не могла врать. Я не знала, что может прочитать гинеколог по внешнему виду моих половых органов. Может быть, там, как у деревьев, есть годовые кольца, которые говорят если не о возрасте ребенка, то о числе детей. Это я знала. В конечном счете я стерла слово «сын» и написала «дочь».

Я не знала, надо ли мне вернуть карту секретарше или отдать ее непосредственно врачу, но не успела обдумать этот вопрос, как секретарша забрала у меня формуляр и ручку. Время ускорило бег. Через двадцать минут мне надо быть в конторе, хотя мир, конечно, не перевернется,

если письмо будет передано месье Белливье на пару-другую минут позже. Снова послышались голоса. К двери приблизились молодые люди и врач. Собственно, я и сама не понимала, что заставляло меня так сильно переживать и нервничать. Вероятно, я боялась одного только факта, что через несколько мгновений мне предстояло оказаться с глазу на глаз с неким месье Белливье. Однако может быть, меня мучило сознание того, что я явилась сюда под вымышленным предлогом и назвалась фальшивым именем.

Я наконец увидела лицо доктора Белливье. Собственно, я не знаю, как его себе до этого представляла, но в тот момент он почему-то показался мне смутно знакомым. Доктор жестом показал мне, что я могу пройти в кабинет, и взял у секретарши заполненный мною формуляр медицинской карты. Он не брал карту у секретарши, когда принимал молодую парочку. Но молодые люди явно были у него уже не в первый раз. Весь мой организм горел одним желанием — бежать отсюда без оглядки, бежать от своей лжи, от самой себя и от того немыслимого, абсурдного положения, в которое я сама себя поставила. Может быть, этот врач — психопат, который завлекает сюда молодых женщин, сначала спроваживая

их на верхний этаж небоскреба, а затем спускает вниз, чтобы заглянуть в их нутро.

К горлу вновь подступила тошнота, и я оглянулась в поисках урны, которой смогла бы воспользоваться в случае необходимости. Я, видимо, пропустила предложение сесть и осталась стоять, глядя на изображение беременной женщины в разрезе. Нельзя сказать, что это зрелище уменьшило тошноту. У меня закружилась голова, когда я услышала, как за моей спиной захлопнулась дверь.

— Присаживайтесь, мадам.

Почему его лицо кажется мне таким знакомым? Он сел в кресло напротив, избегая смотреть мне в глаза, и принялся просматривать бланк моей медицинской карты. Лицо врача было абсолютно спокойным.

— Чему я обязан честью вашего посещения?

Мне показалось, что в светлом кабинете внезапно стало темно. Может ли врач выражаться подобным образом? «Чему я обязан честью вашего посещения?» Хотел ли он этой фразой просто разрядить атмосферу?

— Я… я хотела бы сделать цитологический анализ, — заикаясь, произнесла я.

— Так, так. Когда вам в последний раз делали

этот анализ?

— Думаю, несколько лет назад.

— У вас есть гинеколог?

— Да, точнее, был, я совсем недавно переехала.

Он не спросил имени гинеколога, а встал и жестом предложил мне пройти за ширму. По моей ноге пробежали вниз несколько капель пота.

Результату цитологического анализа предстояло изрядно попутешествовать по городу. Правда, сама я так никогда и не узнаю, есть ли в шейке моей матки какие-то изменения. Месье Белливье, наоборот, будет знать этот результат, или, скажем точнее, доктор Белливье. Мне все же надо разделять этих двух разных людей.

Доктор сказал, что даст мне знать, если в анализе что-то покажется ему странным, а результат я получу по почте. Естественно, никакого результата я никогда не получу, да и доктор не сможет ни о чем дать мне знать. Результат анализа, вполне вероятно, вернется в почтовое отделение, где останется мирно соседствовать с письмами, отправленными по вымышленным, ошибочным и несуществующим адресам.

Ночью я долго не могла уснуть и, выйдя на кухню, села за стол и открыла окно, но очень скоро снова его закрыла. На улице было пока еще

жарче, чем в квартире.

В окне дома напротив вспыхнул свет. Мой больной раком сосед принялся расхаживать взад и вперед по кухне. От вида этого человека меня вдруг затошнило. Снова. Может быть, у меня самой есть раковые изменения клеток, а я сижу и осуждаю соседа. Зачем я только выбрала цитологический анализ, как предлог для посещения гинеколога? Может быть, теперь я наказана за свою легкомысленную игру с такими серьезными вещами, и получила то, чего боялась. Я дала себе клятву пойти к врачу и узнать реальные результаты анализа, а заодно попросить у него прощения. Это было бы извинением и перед всеми теми несчастными, которые на самом деле страдают этим страшным заболеванием.

Часы, проведенные на кухне, были необходимы для моего просветления. Я прекрасно разобралась с ситуацией, в результате которой оказалась в небоскребе и передавала куда-то загадочные сообщения. Все дело было не в реальности, а в мыслях и странностях, которые я не могла контролировать. Я дала волю своему воображению в отношении абсолютно невинного задания. Мои собственные мысли и страхи стали причиной безумной игры воображения с совершенно

банальными событиями — дарением цветов, посещением гинеколога, цифрами сообщений… Вся эта ерунда продлится очень недолго, и мне стоит сосредоточиться на действительно важных вещах — на моей работе и на сыне. Мне надо смотреть на странное задание как на то, чем оно являлось на самом деле, — на трехнедельную передачу в никуда бессмысленных писем. И никак иначе.

* * *

Обычно по выходным дням Амир помогает своему отцу в лавке. Однако Мансебо объясняет сыну, что сегодня он на несколько часов должен покинуть магазин и поэтому просит сына заменить его, но в воскресенье Амир будет свободен. Мансебо все продумал во время бессонной ночи.

Амир без возражений соглашается с предложенным отцом планом и даже не спрашивает, почему он будет не нужен в лавке в воскресенье. Мансебо уверен, что не упустил ничего, и, вопреки обыкновению, не обсуждает свои планы на выходные дни с Фатимой. К тому же Фатима с Аделью каждое воскресенье ходят в хамам, и она не узнает, будет Амир в лавке или нет.

Воздух напоен свежестью. В квартире все спо-

койно. Мансебо держит ситуацию под контролем. Он сидит, слегка покачиваясь, на скамеечке, и, несмотря на бессонную ночь, превосходно себя чувствует. Ни в коем случае нельзя выказывать нетерпение. К этому выводу Мансебо пришел сегодня ночью.

Прошло всего только двое суток, он несет вахту третий день, но уже значимо вырос в профессиональном плане. Мансебо ощутил особый вкус работы детективом после того, как писатель исчез из дома с дорожной сумкой. Мансебо замечает, как Тарик со своей обычной бестактностью появляется в магазине. Он снисходительно хлопает Мансебо по плечу и быстро выходит на бульвар, где его едва не переезжает автомобиль. Булочник что-то громко кричит, и Мансебо слышит визг тормозов. Водитель знаками показывает, что ни в чем не виноват. Собственно, он прав, и закон на его стороне. Мансебо все это видел своими глазами. Тарик и булочник перекидываются несколькими словами. Мансебо догадывается, что Тарик рассказывает о том, что заспался утром. Мансебо легко представляет себе детали. Да, несомненно, в последние дни он сильно развил у себя способность к наблюдению.

Он вспоминает, что мама всегда говорила,

что единственная помеха наблюдательности — тщеславие, но Мансебо не тщеславен, далеко не тщеславен. Если немного напрячься, то он сможет по губам булочника понять, что тот говорит. Ну конечно, речь идет о ночной непогоде, о том, что у нас теперь странный климат — сегодня муссонный ливень, а завтра — палящее, как в пустыне, солнце. Тарик отвечает что-то об изменении климата. Что он может об этом знать? — думает Мансебо, машинально перебирая сливы и одновременно здороваясь с двумя знакомыми прохожими.

Мансебо продолжает раскачиваться на скамеечке и очень доволен тем, что ножки ее становятся точно в углубления в асфальте. Как это у него получилось поставить скамеечку именно в такое положение? — думает Мансебо, когда подходит Амир и кладет руку отцу на плечо.

— Все в порядке, папа?

— Да, все спокойно. Когда на улице слишком жарко, люди ничего не покупают именно по этой причине, а когда прохладно, все сразу вспоминают, что у них есть и другие дела, более важные, чем хождение по магазинам. Я вернусь через час или два. Если тебе вдруг понадобится помощь, закрой лавку и иди к Тарику, о'кей?

Амир кивает.

— Вернусь через час или два, я уже это сказал?

Амир снова кивает, садится на отцовскую скамеечку и принимается листать комикс.

— Не забывай улыбаться, сын мой. Это единственное, что мы выдаем в магазине бесплатно.

Мансебо треплет сына по щеке и идет в гараж. Оттуда он звонит Рафаэлю. Первым делом надо привести в порядок машину. «Это мое дополнительное задание», — думает Мансебо, и немного сильнее, чем обычно, давит на педаль газа. Авто просто преобразилось после того, как Рафаэль залатал повреждения. Мансебо бормотал что-то невразумительное о том, как он смог разбить фару, но, похоже, Рафаэля это не слишком сильно интересовало — он занимался устранением поломок.

Мансебо был совершенно незнаком с этим округом Парижа, и нога его ни разу не ступала на улицы, по которым он теперь ехал. Первым делом Мансебо заехал на парковку. Он не стал терять время на поиск места, где можно было встать на улице. Поднялся шлагбаум, и Мансебо по спиральному пандусу спустился на подземный уровень. То, что он выбрал для посещения Галерею Лафайет, было обусловлено тремя обсто-

ятельствами. Во-первых, ему был нужен магазин, в котором, без сомнения, должны быть все вещи из его списка. Во-вторых, этот магазин должен быть расположен недалеко от дома Рафаэля. В-третьих, Мансебо был уверен, что в этом магазине он не столкнется ни с кем из знакомых.

В лифте Мансебо оказывается с молодой парой, которая вкатила в кабину большую тележку. Мансебо всегда чувствует себя скованно рядом с такими тележками, и даже выставляет вперед руку, чтобы тележка случайно не отдавила ему ногу. Но это неудобство не идет ни в какое сравнение с тем ужасом, который — когда открываются двери лифта — испытывает Мансебо от блеска, шума, запахов, суеты, денег, стремительно меняющих хозяев, огромных флаконов с духами, зеркал, хрустальных люстр, яркого света и массы красивых людей, охотящихся за всеми этими вещами. Мансебо, в своей нелепой синей куртке и черной шапочке, застывает на месте, не понимая, куда теперь идти. Ему кажется, что все смотрят только на него, и он не может вспомнить, когда в последний раз был в таком людном месте. Мимо непрерывным потоком текут красивые, пахнущие дорогими духами люди, и Мансебо ощущает себя призраком, незаметным, ничтожным при-

зраком, который должен тем не менее сделать свое дело. Его вдруг поражает мысль о том, что здесь он может столкнуться с мадам Кэт. Она наверняка часто ходит в такие магазины. Она такая же очаровательная и красивая, как идущие мимо Мансебо женщины.

Мансебо достает из внутреннего кармана клочок бумаги. Первым пунктом в списке покупок значатся часы. Мансебо озирается в поисках информационного табло. Для того чтобы расширить обзор, Мансебо выходит в середину зала, но отсюда он видит лишь пестроту, блеск и яркий свет. Знала бы Фатима, что он сейчас находится в Галерее Лафайет, думает Мансебо, и эта мысль заставляет его улыбнуться и решительно шагнуть в адский круговорот. Теперь он видит справочный стол и, собравшись с духом, обращается к сотруднице.

Маленькие часы, большие часы, светящиеся часы, матовые часы, жутко дорогие часы, цветные, точные, дамские, мужские часы, часы для ныряния, будильники, уродливые и красивые часы, часы с боем и часы без боя.

— Чем я могу помочь вам, месье?

— Я могу купить у вас часы?

— Какие именно часы вам нужны?

— Мне нужны обычные наручные часы.

— Вас интересует какая-то определенная марка?

Мансебо не имеет ни малейшего понятия о марках часов, но он знает, в какой стране делают часы.

— Мне нужны швейцарские часы, точные, но не слишком дорогие.

Молодой продавец улыбается, уходит и скоро возвращается с часами, которые идеально подходят для частного детектива.

Мансебо вычеркивает из списка слово «часы». Собственно, он и так знает, что ему нужно, но со списком все это выглядит более солидно и профессионально. Второй, и последний пункт списка — «бинокль». Мансебо решает вернуться к справочному столу. Та же доброжелательная женщина, что направила его в отдел часов, подскажет ему дорогу и в отдел биноклей.

Путь Мансебо к справочному столу преграждает толпа японских туристов, шествующих по торговому центру. Гид следит, чтобы его подопечные не разбредались, и пробиться сквозь эту сплоченную группу практически невозможно. Мансебо терпеливо ждет, пока японцы пройдут мимо.

Выбор биноклей заметно беднее, чем выбор часов. Здесь есть пластиковые бинокли — для охоты, догадывается Мансебо, несколько типов классических черных биноклей и два типа театральных биноклей.

— Добрый день, месье, чем могу быть вам полезен?

— Это все бинокли, что у вас есть?

— Да, скажите, для какой цели вам нужен бинокль?

Мансебо озирается, а потом вполголоса отвечает:

— Для шпионажа.

Мансебо жалеет о сказанном в ту же секунду, как это слово слетает с его губ. Он мог бы, по крайней мере, сказать, что бинокль нужен ему для работы детектива. Но слово «шпионаж» должно показать, что он не простой владелец бакалейной лавки, а настоящий, хотя и переодетый частный детектив, требующий уважения. Мансебо горделиво выпрямляет спину. Все это, конечно, не безупречно. Он, вероятно, вызывает подозрение, и никакой уверенности в себе у Мансебо нет и в помине.

— Да, это звучит захватывающе. Знаете, в таком случае я рекомендую вам вот этот бинокль. Он го-

дится для рассматривания объектов на дальнем расстоянии, например если вы сидите в машине или в каком-то подобном укрытии.

Продавец протягивает Мансебо большой черный классический бинокль.

— Однако если вы находитесь близко к интересующему вас человеку или иному объекту, то я могу порекомендовать один из этих двух театральных биноклей. Они дают более… четкое изображение.

Продавец кладет рядом с большим биноклем два бинокля меньшего размера.

— Я беру бинокль, который дороже.

Выбор более дорогого из двух биноклей подчеркивает отсутствие всякого уважения к нему со стороны мира, в котором Мансебо чувствует себя так неуверенно. Он вычеркивает из короткого списка слово «бинокль». Задание выполнено.

Мансебо надевает часы высоко на запястье, чтобы их не было видно, и для верности еще и поддергивает к низу рукав. Спрашивается, к чему было покупать швейцарские часы в Галерее Лафайет, если их нельзя никому показать? Часы показывают 12:45, когда Мансебо выезжает с парковки.

Он вставляет в щели два парковочных билета,

получает две квитанции и выезжает на улицу, окунаясь в оживленное движение. Через семнадцать минут Мансебо останавливает машину, укладывает бинокль в глубокий боковой карман куртки и машет рукой Амиру, который по-прежнему погружен в свои комиксы. Мансебо выходит из машины и отправляется в мастерскую Тарика. В мастерской находится клиент, и Мансебо ждет, когда Тарик освободится, машинально поигрывает ключами и смотрит на свой магазин с противоположной стороны бульвара. Как много можно увидеть из обувной мастерской? Можно ли отсюда разглядеть, что, например, делает Амир? Можно ли что-нибудь спрятать в магазине так, чтобы это было незаметно отсюда? Как свет из окна падает внутрь магазина? Мансебо успевает все это обдумать и запомнить до того, как Тарик прощается с клиентом.

— Ты куда-то отъезжал? — спрашивает Тарик.

— Я был у Рафаэля, он починил машину.

— Мне кажется, ты говорил, что машина на ходу.

— Да, она нормально ездила, но начались проблемы с передней фарой, и я подумал, что надо бы показать машину Рафаэлю.

— Ты все правильно сделал. Как у него дела?

Мансебо не хочет продолжения разговора, ему совсем не хочется обсуждать, что он делал у Рафаэля. Он просто пока не понял, что ему пора расслабиться. Все задания на сегодня выполнены, и теперь ему не нужны никакие алиби.

— У него все хорошо. Знаешь, его жена Камилла — само очарование. Вот какую жену надо иметь — приветливую и свежую.

— Короче, не такую, как наши.

Мужчины от души смеются, обмениваются рукопожатиями и желают удачного дня. Мансебо переходит бульвар с часами на запястье и с биноклем в кармане.

— Все прошло хорошо?

Амир, вместо ответа, кивает, встает и идет по своим делам. Вероятно, он сейчас займется чем-то более интересным, чем сидение в лавке, думает Мансебо и кладет бинокль в тайник, рядом с шестьюдесятью девятью китайскими записными книжками.

Солнце быстро начинает клониться к закату, и, так как вечер наступает пока слишком рано для лета, пляжи еще не оккупированы немецкими и английскими туристами. Эти последние сейчас заполняют нормандские пляжи, только когда сюда заходят круизные лайнеры, на которых они

путешествуют, и перед ними открывается страна, принадлежащая совершенно иной культуре. Вдали от пляжа видны бегущие по кругу рысаки — их тренируют к скорым скачкам. Дети испытывают новенькие воздушные змеи, но больше всего здесь купальщиков, которые к вечеру начинают паковать свои полотенца, солнечные кремы и корзинки, чтобы уйти с пляжа и принять душ перед ужином.

Писатель и его любовница уже приняли душ и теперь отдыхают. Они идут по набережной. Оба сняли обувь. Она держит писателя под руку. Вероятно, они говорят о чем-то важном для них, говорят о том, что их любовь до невозможности коротка и изменчива, как партия в покер. Как и всякая игра, их любовь подвержена случайностям. Они полюбили друг друга не из трезвого расчета. Они отлично понимают, как дороги, как бесценны проведенные ими вместе часы. Ими овладевает меланхолия. Мансебо очень нравится это слово. Он не припомнит, чтобы он когда-нибудь его употреблял, даже мысленно, но теперь он с удовольствием это делает. Он несколько раз вспоминает это слово в своих фантазиях о писателе и его милой.

Мансебо, как обычно, сидит на скамеечке пе-

ред входом в свой магазин. Весь день прошел спокойно, и Мансебо благодарен судьбе за это спокойствие. Это как раз то, что больше всего нужно ему после бессонной ночи и суматошного выхода в Галерею Лафайет. Мысленно Мансебо возвращается к писателю и Нормандии. Писатель, несомненно, выбрал место вблизи от Кабура. Сейчас возлюбленная пара проходит мимо Гранд-отеля, который возвышается над всеми пляжами побережья. Здесь жил Марсель Пруст, который, вне всякого сомнения, являет собой образец для писателя. Здесь было единственное место, где великого писателя на время отпускали приступы тяжелой астмы. Обо всем этом писатель сейчас рассказывает своей возлюбленной, а она слушает, преданно глядя ему в глаза. Мансебо знает о таком писателе, как Пруст, потому что когда-то помогал Амиру писать о нем школьное сочинение. Мальчик тогда озадачил этим сочинением всю семью. В этом деле принял участие даже Тарик, а Фатима говорила, что ей скоро тоже придется уехать в Кабур, чтобы не заболеть астмой из-за Мансебо и Тарика, которые постоянно ее обкуривают. Мансебо помнит все это в самых подробных деталях.

Чем больше Мансебо думает о греховной пароч-

ке, тем большим сочувствием к ней проникается. Его симпатии на ее стороне. Конечно, это может показаться странным после тех чувств, какие пробудила в Мансебо мадам Кэт своим рассказом. Но Мансебо не может соединить в единый сюжет отчаяние мадам Кэт и неверность ее мужа-писателя. Это две независимые составные части одной истории, и Мансебо против воли проникается все большим состраданием к «преступникам».

Мансебо задумывается о том, как это может повлиять на его работу. Разве не должен частный детектив беспристрастно держаться стороны клиента и не поддаваться эмоциям и чувствам? В противном случае он будет выглядеть как адвокат, который в своей заключительной речи выступит на стороне обвинения. В этом случае все красноречие адвоката пропадет даром, потому что он одновременно повредит своему клиенту, но не поможет и обвинению. Мансебо настолько глубоко погружается в эту аналогию, что едва не пропускает столкновение между мотороллером и автомобилем, происшедшее прямо напротив дверей булочной. Собралась толпа людей, жаждущих узнать, что произошло. Мансебо тоже встает, и в этот момент вдруг понимает, что это превосходная возможность испытать бинокль.

Мансебо приставляет окуляры к глазам и направляет бинокль на толпу, но видит лишь серую сливающуюся массу. Собственно, Мансебо первый раз в жизни держит в руках бинокль, но понимает, что надо навести его на резкость. Он вздрагивает и быстро отводит бинокль от лица. Некоторые люди из толпы вдруг оказались так близко от него, что у Мансебо перехватило дыхание. Раньше он не мог даже представить себе, насколько эффективным может быть бинокль. Мансебо снова подносит его к глазам и начинает рассматривать каждого человека в отдельности, а потом направляет бинокль на дом, стоящий напротив лавки. Изображение снова расплывается, и Мансебо приходится еще раз наводить бинокль на резкость. Мансебо отлично видит Тарика. В бинокле Тарик выглядит каким-то нереальным. У Мансебо возникает впечатление, что он впервые видит собственного кузена. Неужели он и в самом деле такой мрачный? — думает Мансебо и, прежде чем аккуратно уложить бинокль в футляр и спрятать его на полке под кассой, бросает последний взгляд на пожарную лестницу в торце дома писателя. Мансебо возвращается на свою скамеечку и ждет, когда из дома в магазин проникнет духовитый аромат обеда.

При всей радости, которую доставляет Мансебо его новая работа, он начинает ощущать, как понемногу усиливается его одиночество. В комнате темно, и Мансебо отлично понимает, что ему необходимы несколько часов сна. Если он хочет справляться с делами в магазине и с работой частного детектива, он должен хорошо спать. Однако все изменилось до неузнаваемости с того вечера, когда мадам Кэт вошла в его жизнь. Внешне при этом не изменилось ничего.

Мансебо лежит на спине, сложив руки на груди, и вдруг понимает, что в этой позе похож на умершего, и тотчас меняет положение. Время от времени за окном проезжают автомобили, иногда слышны звуки сирен, но в остальном на улице царит необычная тишина. Чувство отчуждения поразило его сегодня за обедом, когда он снова занял за столом свое новое место.

Впервые в жизни он занимается делом, о котором ничего не рассказывает своей семье. Во всяком случае, у него нет такого намерения. Положив руки под голову, Мансебо, глядя на угрожающую трещину в белом потолке, не может решить, хорошо это или плохо. Но одно он понимает отчетливо. Он будет продолжать начатое дело и доведет его до конца.

* * *

Церковь Сакре-Кёр, словно сахарная голова, возвышалась над окутанным туманом Парижем. По радио и телевидению людей призывали оставлять дома машины и пользоваться общественным транспортом. Мои глаза были влажны от слез, но не из-за загрязнения воздуха. Глаза слезились от недосыпания, это было ясно как день. За вчерашним ночным бдением неотвратимо последовало наказание.

Первое письмо пришло днем — «3A 3B 27E 27F». Мне потребовалось известное усилие для того, чтобы передать это сообщение дальше. Обычно я испытываю большие трудности при запоминании чисел, но теперь я стала изо всех сил пытаться откладывать в памяти самые разнообразные комбинации цифр.

Во второй половине дня я занялась личными делами — записалась на прием к гинекологу для повторного цитологического анализа, отменила семинар и заказала пару туфель. Прежде чем уйти домой, я даже успела просмотреть предложения туристических агентств.

На моем этаже остановился лифт. Я отлично понимала, что это приехала уборщица, но мое

тело тем не менее приготовилось к бегству. Надо покинуть помещение, прежде чем она в него войдет, подумалось мне. Так я и поступила. Дверь лифта открылась, и женщина выкатила из кабины пылесос и тележку с принадлежностями.

— Добрый день.

Женщина вздрогнула, словно ее отвлекли от мыслей, в которые она была погружена.

— Добрый день, — ответила она, не изменившись в лице.

Тот мужчина не говорил мне, что я не должна разговаривать с уборщицей, он лишь просил ограничить контакты с теми, кто постоянно здесь работает.

— Вы уже уходите? — спросила она.

Может быть, и эта женщина получила такое же распоряжение, что и я. Она вкатила пылесос в помещение. Я осталась стоять в коридоре, думая, стоит ли мне продолжать этот диалог.

— Вы давно здесь работаете? Вы работаете и в других зданиях? — спросила я.

Женщина смотрит на меня, и я впервые замечаю, что она сильно косит, и не знаю, на какой ее глаз мне надо смотреть. Это была полная, небольшого роста женщина лет пятидесяти, видимо арабского происхождения.

— В этом здании я убираюсь по вечерам, а в другом здании по утрам.

Я не знала, что мне делать с этими ценными сведениями. Тема для разговоров иссякла.

— Хорошего вам вечера, — сказала я и пошла к лифту.

Психологически я уже была готова получить очередной букет.

В последнее время у меня возникла и укоренилась одна мысль. Не знаю, было бы мне легче, если бы я наверняка знала, что являюсь отдельной ячейкой террористической сети. Но я стала подозревать, что стала объектом некоего исследования. Я не могла знать этого наверняка, но, возможно, оказалась человеком, подходящим для определенного эксперимента. Самый лучший выбор — это одинокая, необщительная женщина. Дальше следует сам опыт, по ходу которого его организаторы наблюдают, как люди приспосабливаются к новому окружению и получаемым сведениям. Смотрят, как такие люди реагируют на непонятные и абсолютно бессмысленные на первый взгляд поручения. Этакий современный вариант павловских собак. Однако у Павлова собаки получали еду, а я получаю цветы. Таким образом, я выполняла эту работу не просто так, а

за вознаграждение.

Мысль о том, что единственной целью этих букетов была возможность выделить мою персону из толпы, приводила меня в состояние, в котором, наверное, пребывает бык, когда его хватают за рога. Эти цветы были опознавательным знаком для человека, который, наверное, следил за мной. Я села на скамейку возле «Аревы» и вызывающе положила букет на колени. Сегодня это был самый красивый букет из всех, что я получала до сих пор, — было такое впечатление, что его собрали на летнем лугу, но тем не менее он не вызывал у меня ничего, кроме отвращения. Щеки мои горели, на глаза навертывались слезы. Для того чтобы вопреки одиночеству и унижению продолжать эту игру, требовалось мужество, а я не знала, достанет ли его у меня.

Я находилась под наблюдением. Это не было дурное предчувствие, это не была паранойя. Нет, краем глаза я заметила мужчину, стоявшего метрах в десяти от меня. Он внимательно смотрел в мою сторону. Я быстро опустила глаза, чтобы не встречаться с ним взглядом.

Может быть, он стоял здесь каждый день, ожидая моего выхода из здания? Не поднимая глаз, я встала и не спеша направилась в метро. Если

он идет за мной, подумала я, то я смогу легко стряхнуть его со следа. Я прекрасно знала этот район — лучше, чем многие. Если же я смогу избавиться от слежки, то, возможно, мы даже поменяемся ролями. Эта мысль придала мне мужества. Одновременно я подумала, что прямое противостояние может положить конец неопределенности, но не знала, хочу этого или нет.

Я медленно ступила на лестницу, ведущую на открытую площадь. Я не стала оглядываться, чтобы посмотреть, идет ли тот мужчина за мной. Я могла убедиться в его преследовании, просто посмотрев в большие зеркальные окна банка. Я обошла старую карусель, откуда доносился беспечный детский смех, и на меня вдруг снизошло ощущение полной нереальности происходящего. Меня преследуют в Париже, среди бела дня, на переполненной людьми площади возле гигантского делового центра, а я иду, держа в руке луговые цветы и слушая веселый детский смех.

Я прошла мимо входа в банк и посмотрела в зеркальное окно, в котором сразу увидела отражение мужчины. Он продолжал идти за мной. Это не могло быть случайностью. Его путь не мог случайно совпасть с моим до такой степени. Я свернула в сторону Центра новой промышлен-

ности и технологий и поняла, как продолжу эту игру в кошки-мышки.

В каждом углу ЦНПТ находятся небольшие стеклянные лифты, поднимающие посетителей на верхний этаж. Этот этаж выполнен в виде стеклянного туннеля, который, как галерея, огибает все здание по периметру. В кабины этих лифтов вмещается не больше трех человек, и мне было трудно представить себе, что человек, следующий за мной словно тень и желающий сохранить анонимность, отважится войти в лифт вместе со мной. Человек, который меня преследовал, вероятно, хочет сохранить инкогнито. Как только на первом этаже остановится один из лифтов, я быстро вскочу в него, поднимусь в галерею и оттуда внимательно присмотрюсь к своему преследователю. Ускользнуть он не успеет. Составив этот план, я направилась в ЦНПТ.

Войдя в центр, я увидела, что с верхнего этажа спускается лифт, находящийся в дальнем левом углу здания, и медленно пошла к нему. Кабина остановилась, открылись двери, и из лифта вышла красивая молодая пара. Глядя себе под ноги, я нажала кнопку. Двери начали закрываться, но в этот момент кто-то вошел в кабину, и двери, встретив препятствие, снова открылись, впустив

нового пассажира.

— Здравствуйте еще раз, — сказал он.

Я ничего не ответила, хотя мгновенно поняла, что это тот самый человек. Да, тот самый, которому я вручила букет в вагоне метро.

Букет в моей руке приобрел тем временем совершенно жалкий вид. Пока я шла в центр, он растерял всю свою свежесть. Моя ладонь купалась в смеси пота и млечного сока стеблей. Мои пальцы судорожно сжимали тонкие веточки. Лифт поехал вверх, и людское море осталось внизу. Собственно, я не была обязана отвечать на его приветствие. Может быть, он откажется от своих намерений, если я не пойду на контакт с ним. Может быть, он оставит меня в покое, когда лифт остановится, и снова поедет вниз. Я не разговаривала с этим человеком никогда и не видела причины делать это сейчас.

Я внимательно смотрела на носки моих черных туфель, к одному из которых прилип голубой лепесток. Лифт резко остановился, закругленные двери открылись, выпустив нас в стеклянный туннель, который, как я надеялась, мог послужить мне наблюдательной башней и убежищем.

Несмотря на то что у меня не было времени обдумать свой следующий шаг, я все же не потеряла

способность мыслить логически. Этот человек едва ли был замешан в то, чем я сейчас занималась в «Ареве», по той простой причине, что именно я стала инициатором нашего первого контакта. Это я вошла в вагон метро, и это я выбрала его, чтобы вручить букет. Я вышла из лифта первой и без всякого плана пошла по туннелю.

— Может быть, нам все-таки стоит поздороваться друг с другом, — услышала я за спиной его голос.

Я продолжала идти, сомневаясь, что поступаю правильно. Теперь я была уверена, что этот человек не имеет ничего общего с месье Белливье, и, наверное, мне не стоит с порога отталкивать его от себя. Однако я продолжала идти, сделав при этом удивительное открытие. Этот человек был первым, кто заговорил со мной за последние несколько недель. Кроме того, на меня произвели впечатление его глаза. Мне захотелось понять, что происходит.

Он стоял, опустив руки вдоль тела, словно его плечам недоставало сил их удерживать. Он был явно не готов шагнуть мне навстречу. Возможно, конечно, он думал, что уже сделал это. Тогда я сама шагнула ему навстречу. Делая шаг, я протянула руку в знак заключения мира. Здесь, над

морем человеческих голов, в стеклянном туннеле, мы пожали друг другу руки.

— Кристоф, — тихим голосом представился он.

— Добрый день, — ответила я.

Он улыбнулся:

— Могу ли я предложить вам чашку кофе?

До меня вдруг дошло, что мы продолжаем держать друг друга за руки.

— Спасибо, но — спасибо, нет.

Я высвободила руку и уловила разочарование в его таинственных глазах.

— Тогда я ограничусь благодарностью за те цветы, которые вы мне подарили. Они стоят до сих пор.

— Не стоит благодарности, — сказала я и судорожно сглотнула.

Теперь мне захотелось уйти прочь от этого человека. Я видела, что он смотрит на букет, и была уже готова что-то сказать, но передумала и промолчала. Он упрямо стоял и молчал, и я в конце концов повернулась к нему спиной и пошла по туннелю в направлении отеля «Хилтон». Это было единственное место, куда я сейчас могла пойти.

— Добрый день, чем могу помочь? — спросила девушка за стойкой портье.

— Ничем. Я подожду. Человек должен спуститься.

— Это гость? Вы не хотите, чтобы я позвонила ему?

— Нет, нет, он знает и сейчас спустится.

Девушка улыбнулась и снова принялась нажимать клавиши компьютера. В холле пахло чистотой, словно в приемной зубного врача. Я опустилась на жесткий и неудобный стеклянный стул. Бегство от Кристофа добавило в мою кровь адреналина, но теперь он иссяк, и мне стало грустно. Девушка подняла голову и улыбнулась. Я ответила ей тем же. Время шло.

— Вы не могли бы передать этот букет человеку в седьмом номере? — спросила я наконец.

— Да… но вы уверены? В этом номере живет дама.

— Да, да, простите. Она и должна получить цветы.

— Как мне представить вас?

— Она знает, от кого этот букет.

Какое несравненное облегчение я испытала, повернувшись спиной к девушке. К метро я шла с низко опущенной головой. Мне было теперь совершенно неинтересно, следит ли за мной кто-нибудь или нет, главным образом, потому,

что я отчетливо понимала, что за мной не следит никто. Я была одна в этом мире.

Нахлынувшая на меня тоска не давала покоя. Пролежав в постели битый час, ворочаясь и тщетно пытаясь уснуть, я встала и отправилась на кухню заваривать чай. Сосед за окном, как обычно, расхаживал по кухне, а потом сел за стол. Несмотря на то что я часто наблюдала за ним, мне никогда прежде не приходило в голову, что и он, вероятно, обратил на меня внимание. Но, собственно, зачем ему это делать? Ему и без этого есть о чем думать.

На меня снизошло спокойствие, а вместе с этим проснулась и нечистая совесть. Мне стало стыдно за жалость к себе. Я вовсе не одинока. В соседней комнате крепко спит мой сын. У меня есть выбор. Прежде чем лечь спать, я приоткрыла дверь и заглянула в спальню сына. Ночь притупляет мышление. Темнота лишает яркости действительность. Мне нельзя терять мужество.

* * *

Воскресенья отличаются от всех остальных дней недели. Обувная мастерская закрыта. Бакалейная лавка открыта, но в этот день Мансебо

не ездит в Рунжи, а двери открывает не раньше обеда. Фатима и Адель всегда ходят в хамам, а Тарик уезжает на скачки. Но это воскресенье и само отличается от других воскресений. Сегодня Мансебо открывает магазин ровно в десять часов, сразу после ухода Фатимы и Адели, и напоминает Амиру, что не нуждается в его помощи.

Вечером Мансебо должен положить в банку из-под оливок свой первый отчет о проделанной работе. Банка будет лежать в мусорном баке, который должен иметь каждый владелец магазина. Зеленый пластиковый бак далеко не полон, на дне жалкой кучкой лежат бутылки из-под сока и растворимого кофе. К концу дня к этой кучке в почти пустом баке добавится еще что-то, а именно банка из-под оливок.

Собственно, не само по себе оставление отчета даст Мансебо ответ на вопрос о том, примет ли клиент всерьез его работу, закончится ли на этом вся история, или ему придется и впредь исписывать страницу за страницей. Манипуляция с банкой должна стать шагом на пути к выяснению истины. Окончательным доказательством того, что он правильно понял суть своей работы, послужит другая банка из-под оливок, с иным содержанием — с компенсацией или

вознаграждением, как бы это ни называть. Это будет означать, что отчет Мансебо попал по правильному адресу.

По улицам идут толпы людей с детьми. Воскресенья люди обычно проводят в семье, и воскресным утром обычно папы ведут за руки своих детей. Люди, желающие сделать покупки, бывают благодарны уже за одно то, что находят открытый магазин. По воскресеньям никто не жалуется на высокие цены. Все бывают только рады, что могут получить то, что забыли купить перед выходными. Несколько шведских туристов просят продать им сигареты. Однако, как правило, заходят жители квартала, чтобы купить молоко, хлеб или бутылочку вина. День идет как обычно в воскресенье. Ничто не нарушает установившийся за много лет порядок.

Не происходит ничего интересного, ничего, что можно было бы занести в китайскую записную книжку. Так продолжается до третьего часа. Теперь Мансебо может вписать еще кое-что в свой отчет, прежде чем положить его в банку и оставить в мусорном баке для мадам Кэт. В 14:56, как точно отметил Мансебо, посмотрев на часы, у двери обувной мастерской останавливается такси, из которого, поговорив с шофером, выходит писа-

тель. Одет он точно так же, как и в день отъезда, и это обстоятельство кажется Мансебо настолько важным, что он включает его в свой отчет.

В руке у писателя та же сумка, с какой он уезжал, но теперь она, судя по всему, стала тяжелее, или просто у писателя уже нет былой легкости? Мансебо кажется, что он приблизится к верному ответу, если понаблюдает, как писатель будет взбираться по пожарной лестнице. Прежде он делал это непринужденно, бодро и весело, глядя по сторонам, но теперь писатель выглядит так, словно на его узкие плечи навалилась вся тяжесть мира.

Такси уезжает, и Мансебо подносит к глазам бинокль. Лицо прыгает в фокус и приближается вплотную, и теперь Мансебо отчетливо видит, что писатель страдает. Мансебо не помнит, чтобы он когда-либо видел такое красноречивое и одновременно молчаливое страдание на человеческом лице. Но возможно, он просто раньше не присматривался к чужим лицам и не видел чужих лиц с такого близкого расстояния. У Мансебо было такое чувство, словно он под лупой разглядывает вселенскую скорбь.

До того как писатель успевает проскользнуть в свою квартиру, Мансебо переводит окуляры

бинокля с его лица на сумку, чтобы увидеть, нет ли на ней наклейки аэропорта. Окажись на сумке такая наклейка, Мансебо мог бы с полным правом утверждать, что писатель уезжал не на поезде, а улетал самолетом. Но на старой сумке нет этой улики. Тем не менее Мансебо испытывает некоторую гордость — он рад, что не забыл о такой важной детали. Он отлично понимает, что, несмотря ни на что, он все же не имеет ни малейшего понятия о том, где писатель провел выходные. Пока не имеет, но готовиться надо и к этому, как и ко многому другому. Конечно, все его предположения — это чистая фантазия, но и это уже кое-что. Истина дороже всего — честь ей и хвала, — но Мансебо не желает полностью отказываться и от фантазий.

Мансебо волнуется, несмотря на то что по ту сторону бульвара не происходит ничего примечательного. Все дело в бинокле — эта штуковина заставила Мансебо забыть о магазине и о себе самом. Теперь остались только три значимые вещи — шпион, бинокль и писатель на сцене.

Мансебо уходит за кассовый аппарат, в угол, где выставлены носовые платки и зубочистки. Здесь его никто не увидит — Мансебо проверил это, но проблема заключается в том, что отсюда виден

только холл писательской квартиры. Мансебо видит тень в окне холла, но в квартире слишком темно, и он не может разглядеть подробности. Тень перемещается из холла, и Мансебо быстро подходит к двери, чтобы увидеть продолжение, при этом искренне надеясь, что никому сейчас не взбредет в голову зайти в его магазин. Мансебо прячет бинокль в карман куртки. Отсюда видны три помещения — холл, ванная и кабинет. Писатель выныривает в кабинете. Он стоит в середине комнаты, широко раскинув руки. Мансебо кажется, что этот жест выглядит слишком уж театрально, и начинает опасаться, что писатель догадывается, что на него смотрит публика — человек, наблюдающий за ним, — и дает понять, что ему это известно. Возможно, он понимает, что его жена наняла частного детектива для слежки за супругом, и разыгрывает издевательский спектакль. В таком случае вся власть переходит к писателю, а Мансебо превращается в марионетку, за веревочки которой писатель дергает.

Мансебо убеждается в своей правоте, когда писатель садится в кресло в своем кабинете и смотрит прямо на Мансебо. Он отводит взгляд, опускает глаза и поднимает руку в знак приветствия в пустоту, но совсем не для того, чтобы

показать отсутствие всякого интереса к тому, что происходит в доме напротив. Едва ли кто-нибудь уловит это приветствие, которое неизбежно сходит на нет в городе, в котором никто не ломает голову над анонимными приветствиями. По Парижу и так летает слишком много безадресных сообщений и известий, посланных неведомыми отправителями.

Сделав этот неуклюжий жест, Мансебо поворачивается спиной к дому мадам Кэт и принимается перебирать яблоки. Когда Мансебо снова поворачивается лицом к улице, он видит, что писатель продолжает сидеть в кабинете и смотреть прямо перед собой. Мансебо не может различить, блуждает ли взгляд писателя по бульвару или по бакалейной лавке, но для того, чтобы не рисковать, он теперь начинает выбирать морковь, которую уже не удастся продать. Вероятно, писатель уже понял, что виновник дорожно-транспортного происшествия на улице Шеруа и владелец бакалейной лавки — одно и то же лицо.

Мансебо оборачивается второй раз, но писателя в кабинете уже нет, и, поскольку Мансебо его не видит, он делает заключение, что объект наблюдения вышел на кухню. Мансебо выносит на улицу скамеечку и уверенно ставит ее ножками

в углубления на асфальте. Почесав затылок, он снова делает приветственный жест.

На этот раз у жеста есть конкретный адресат — мадам Каннава, которая как раз проходит мимо лавки, стуча высокими каблуками. Писатель между тем возвращается в кабинет, и Мансебо продолжает смотреть спектакль, по ходу которого писатель переходит из комнаты в комнату, держа в руке стакан. Может быть, он сейчас слушает музыку, думает Мансебо.

Писатель внезапно исчезает в спальне, и Мансебо представляет себе, как он ныряет в постель. Все это Мансебо вставит в отчет в промежуток времени между 14:56 и 15:48.

С точки зрения частного детектива, воскресенье оказывается днем, переполненным событиями. Мансебо смотрит на часы и улыбается. Ему страшно нравится это приобретение, и он удивляется, почему не купил часы раньше. Но он и сам знает ответ. Раньше у него не было нужды увязывать свой день с часами, минутами и секундами. Кроме того, он сам никому не был нужен в том качестве, в каком стал нужен мадам Кэт. В его руках теперь судьба двух человек, а возможно, и не только двух, философствует Мансебо. Выбор людей — это круги по воде, и многие страдают от

волн, вызванных таким фиаско, как супружеская неверность, а это фиаско, что бы ни говорили по этому поводу, — это все равно что, прыгнув в воду, плюхнуться о нее животом. Никогда прежде Мансебо не думал о себе, как о зубчике в шестеренке, как о круге на воде, который способен чему-то помочь. Сейчас Мансебо не может даже отчетливо вспомнить, как и чем он жил до того, как подрядился на эту новую работу.

Потом не происходит ничего интересного, даже покупатели не заглядывают в лавку. Мансебо ловит себя на том, что не знает, чем заняться. «Что я в таких случаях делал?» — думает Мансебо и, как обычно, чешет голову под шапочкой. Но ему не приходится особенно долго размышлять об этом, ибо в 18:04 объект наблюдения снова показывается в окне, и Мансебо приступает к работе.

Мансебо решает закрыть лавку. Если он закроется позже, чем обычно, это может вызвать подозрения. По воскресеньям он никогда не работает после семи часов. На улице полно людей, но в лавку почти никто из них не заглядывает.

Похоже, парижане приходят в себя после жары и готовятся к новой волне тепла, которая вот-вот должна нагрянуть из Восточной Европы через пять дней, как объявили в прогнозе погоды. В

Восточной Европе очень жарко, там из-за жары уже погибло много людей.

Мансебо завозит в помещение лотки с фруктами и овощами и отгоняет от входа маленькую птичку. Он пока еще не решил, что делать с банкой из-под оливок. Надо ли опорожнить банку, выбросить содержимое и вымыть посудину или оставить на дне несколько оливок и положить отчет туда же?

Чтобы дать себе время подумать над этим вопросом, Мансебо начинает с того, что вырывает из записной книжки пять страниц и аккуратно их складывает. Надо ли подписать под отчетом что-нибудь вроде личного приветствия? Мансебо решает этого не делать, понимая, что это лишь увеличит риск, если банка попадет в чужие руки.

Часы показывают 19:12, и Мансебо начинает волноваться. Он берет банку оливок, выбрасывает содержимое и дочиста споласкивает пустую банку в умывальнике за дверью. На стекле остается тонкая маслянистая пленка, но Мансебо вполне доволен результатом и засовывает отчет во влажную банку.

Взяв в руку этот современный образчик бутылочной почты, или, если угодно, баночной

почты, Мансебо бросает быстрый взгляд в сторону дома напротив. Писатель сидит в кабинете, уставившись в экран компьютера. Мансебо укладывает банку поверх других стеклянных банок и выносит зеленый мусорный бак за дверь. Тут Мансебо осознает, что не помнит, куда именно он обычно ставит бак. Непосредственно у двери или посреди тротуара? Привычные действия оказываются очень трудными, если начинаешь над ними задумываться. Мансебо несколько раз переставляет бак для стеклянной тары с места на место, а потом, покончив с этим, опускает решетку и запирает дверь. Все дневные дела сделаны. Подойдя к лестничной площадке, Мансебо вдруг слышит короткий удар в окно лавки. Мансебо включает в магазине свет и выглядывает в окно, но никого не видит. Он делает несколько шагов вперед и вдруг наталкивается на взгляд зеленых глаз мадам Кэт, которая смотрит на него с противоположной стороны бульвара.

На долю секунды его охватывает желание поднять руку в приветственном жесте, но он вовремя удерживает себя от этого. Такси рвет с места в карьер, а мадам Кэт сейчас поднимается в квартиру по пожарной лестнице. С лица женщины стерто всякое выражение, если не считать

едва заметного движения бровей. Она увидела и узнала Мансебо. Сейчас их разделяет всего несколько метров, и Мансебо отчетливо видит, что женщина смотрит ему прямо в глаза. Мансебо стоит неподвижно до тех пор, пока мадам Кэт не закрывает за собой входную дверь. Мансебо некоторое время смотрит на пожарную лестницу, не столько для того, чтобы наблюдать, сколько для того, чтобы успокоить смятение в мыслях. Немного успокоившись, Мансебо решает подняться к себе домой. В этот миг он замечает лежащего возле двери воробушка. На стекле двери Мансебо видит кровавый след. Мансебо долго смотрит на крошечное красивое тельце. Это та самая птичка, которую он сегодня отогнал от входа. «Если бы эта маленькая птичка не ударилась о стекло и не лишилась жизни, я не разделил бы с мадам Кэт эти священные секунды», — думает Мансебо, лежа в кровати. За те несколько секунд, что они смотрели друг другу в лицо, мадам Кэт не только показала Мансебо, что доверяет ему, но и дала понять, что ценит его и за что-то другое, но за что, он пока не знает.

Он почти забыл ее зеленые кошачьи глаза. Глаза, впускающие мало света и еще меньше его излучающие.

Глаза, которые могут за мгновение сменить так много выражений — заботу, отчаяние, облегчение и счастье. Если бы не маленькая птичка…

Фатима поворачивается на другой бок и случайно задевает рукой лоб Мансебо. Он тоже переворачивается и закрывает глаза. Он знает, что должен уснуть. Завтра начинается новая рабочая неделя, а он уже не помнит, когда в последний раз спокойно спал всю ночь. Снизу доносятся чьи-то шаги. Мансебо напряженно прислушивается. Новоприобретенный детективный инстинкт не отпускает его ни на минуту. Кому не спится в такой поздний час? Шаги легкие, и Мансебо понимает, что это Адель. Наверное, она решила принять обезболивающую таблетку или почитать книжку о фэншуе. Мансебо улыбается, вспомнив, как сменил место за столом.

Шаги затихли. Стало слышно, как в туалете спустили воду. Если бы не маленькая птичка… Мансебо не может выбросить из памяти нежное, хрупкое безжизненное тельце. Мансебо никогда не испытывал особенно нежных чувств к животным. Животные — это животные, мы разводим их для того, чтобы есть. Ему никогда не хотелось иметь домашних животных. Жестокого обращения с животными он не одобрял, считая

это ненужным, но и другом животных себя не считал.

Но он никак не может уснуть из-за того, что ему не дает покоя маленькая мертвая птичка. «Она уже мертва, и я ничем не могу ей помочь», — пытается уговорить себя Мансебо. Не может же он встать и пойти похоронить всех мертвых птичек в Париже. Это будет уже третья работа, а ему вполне хватит и двух.

Он оставляет всякую надежду уснуть. За окном уже начинает светать. Тем не менее птичку надо достойно похоронить. «Вероятно, меня сочтут сумасшедшим», — думает Мансебо, вставая с кровати. Фатима продолжает безмятежно и крепко спать. Это, пожалуй, хорошо, ибо Мансебо уверен, что она не захочет принять участие в погребении птички, во всяком случае в этот час.

Он чувствует мыльный дух хамама, проходя мимо жены. Такое душистое розовое мыло используют после скраба. Мансебо машинально смотрит на дом напротив и видит, что в кабинете горит свет. Но лампа в ту же секунду гаснет, и он не успевает понять, что там происходило.

Ему приходит в голову, что это стоит записать в книжку. Это может быть сноска на полях, означающая, что он и ночью не покинул свой пост.

Сноски пригодятся, если он упустит что-то в течение дня. Не стоит, однако, заводить привычку работать по ночам. Не нужно, чтобы мадам Кэт приняла это за должное. Надо время от времени экономить силы и время, думает Мансебо, разыскивая на кухне пластиковую коробку, в которую можно было бы уложить мертвую птичку.

Парижская ночь была полна друзей и подружек усопшей птички. Мансебо впервые слышит здесь такое оглушительное щебетание. Впрочем, он никогда не задерживался в магазине до глубокой ночи, а тем более до утра. Он открывает дверь и приподнимает решетку ровно настолько, чтобы выйти на улицу и приняться за поиски трупика.

На небе висит полная луна. Мансебо поднимает голову и видит белый шар, заливающий светом почти пустой бульвар. Совершенно пустых улиц в Париже не бывает. Париж, в полном смысле слова, живой город, но в нем полно мертвых душ, думает Мансебо. Дурные люди высасывают все соки из людей добрых. Сломленные, несчастные люди прибывают в большой город в надежде приобщиться к жизненной энергии, которую выплескивает из себя город. Париж сложный город, отказывающийся признавать свои недостатки. Он живет так, словно в нем не происходило ниче-

го исторического, что все это не более чем ложь и выдумки. Как бы то ни было, Париж забывает все. В утренние часы все начинается заново, с чистого листа, и только это считается правдой и реальностью.

•

Для бедной маленькой птички утро уже никогда не наступит, и этот факт сильнее всего огорчает Мансебо — он и сам не может понять почему. Никогда прежде утренние часы не казались ему такими важными. Но никогда прежде он не чувствовал себя так неуверенно. Однако этот факт не пугает его, скорее наоборот. Мансебо оглядывается, ища глазами птичку. В руке Мансебо держит пластиковую коробку, в которую Фатима обычно кладет сыр. Мансебо уверен, что птичка лежит под пятном крови на стекле двери, которое прекрасно видно в лунном свете. Но это единственный след несчастья, происшедшего с птичкой, единственное доказательство его достоверности.

Мансебо выходит на тротуар, но не видит птички и там, во всяком случае мертвого воробья. По тротуару, правда, расхаживает вполне живой голубь. Голубь смотрит на белую коробку, которая

так и не станет гробом, а останется вместилищем для сыра. Потом голубь равнодушно переводит взгляд на такую же белую луну. Может быть, птичку сдуло ветром? Но на улице нет ветра. Может быть, трупик убрали дворники? Но уборка улиц начинается позже, это Мансебо знает очень хорошо. Может быть, птичку съела кошка?

Мансебо покидает почти безлюдную улицу и возвращается домой, чтобы хоть немного поспать. Кто знает, что сулит ему наступающее утро? Умерла и пропала, думает Мансебо и слегка вздрагивает. Пусть птичка будет первой и последней жертвой этой истории, бормочет Мансебо, надевая ночное нижнее белье. Он идет на кухню выпить стакан воды, а возвращаясь в спальню, видит, как Фатима быстро закрывает глаза, увидев, что муж смотрит на нее.

— Не спишь? — спрашивает Мансебо.

Фатима не отвечает. Мало того что она ходит за занавеску к табачному торговцу, так она еще и притворяется мертвой, как лисичка из сказки, думает Мансебо и укладывается рядом с женой.

* * *

По улицам и площадям между небоскребами время от времени с гробовой серьезностью проез-

жали машины военной полиции. На их крышах мерно раскачивались квадраты антенн. Задачей этих машин было успокоить туристов, уверить их в том, что их отпуск не закончится взрывом. Это было единственное их предназначение.

Пройдя мимо машин, я направилась к эскалатору метро, приветственно помахав продавцу цветов. Это взаимное приветствие вошло у нас в привычку. Парень всерьез вообразил, что он является связующим звеном между двумя влюбленными; это было хорошо по нему видно. По какой-то причине мне нравился этот его грех, и я раздумывала, как мне в будущем реагировать на цветы. Они, несомненно, всегда будут связаны с моей странной работой. Грех может нравиться.

Я подняла над головой сегодняшний букет, состоявший из трех скромных пионов, связанных широкой розовой лентой, а продавец вскинул вверх большой палец. Естественно, этот букет предназначался Юдифи, которую в последнее время я баловала цветами. Мне показалось, что лента букета хорошо подойдет к ее имени.

Прежде чем войти на кладбище, я бросила взгляд на уличные часы. Мне оставалось полчаса до того, как настанет время ехать забирать сына из детского сада. В этот день на кладбище было

необычайно тихо. На скамейке возле кладбищенских ворот сидела пожилая пара, обмахиваясь газетами. Проходя мимо, я улыбнулась им.

Несмотря на то что была здесь всего лишь несколько раз, я могла уже найти дорогу к могиле Юдифи с закрытыми глазами.

Как только подошла к скромному серому камню, я сразу поняла, что на могиле что-то неуловимо изменилось. Что-то было не так. Я оглянулась, потом снова присмотрелась к могильной плите. Да, что-то изменилось. Но тем не менее Юдифь Гольденберг по-прежнему родилась в 1916-м, а умерла в 1992 году. Только увидев засохший букет на соседней могиле, я поняла, что меня насторожило. В прошлые визиты мне приходилось убирать старые букеты для того, чтобы положить на камень свежие цветы. Теперь в этом не было нужды. Старый букет был убран. Но, наверное, в этом не было ничего странного. Может быть, букет унесло ветром или его убрал служитель кладбища. Могилы время от времени оскверняют, так что тем более нет ничего удивительного в том, что с камня исчез старый засохший букет.

Я посмотрела на компостную кучу, но старого букета там не было. Тем не менее на камне остались следы цветов. Опавшие лепестки, словно

конфетти после отшумевшего праздника, усеивали дорожки, ведущие в глубину кладбища.

Я не стала, как обычно, аккуратно укладывать цветы на камень, а лишь небрежно бросила их на него. Я хотела доказать самой себе, что не являюсь рабой этих проклятых цветов, что они не имеют надо мной власти — несмотря на то, что они именно и обладали такой властью. Я вытеснила из сознания то обстоятельство, что мои походы на кладбище были попыткой уйти от неприятной реальности.

Цветы оставили следы на моих руках — белые полосы и пятна. Я очень крепко их держала. Мне даже пришлось потереть пальцы, чтобы они снова приобрели нормальный цвет. К могиле подошел какой-то человек. Сначала я не обратила внимания на то, как он выглядит, он подошел сбоку, и я восприняла его как размытую неясную тень. Вся бдительность, вся осторожность, которую я соблюдала в последние дни, покидала меня, когда я приходила на кладбище. Мертвые не могли на меня напасть. Кладбище — это свободная зона. Может быть, поэтому я слишком поздно заметила этого человека. Слишком поздно, чтобы успеть защититься.

Он выглядел так, словно был готов если не

пригласить меня на танец, то, во всяком случае, предложить прогуляться по кладбищу. Вместо всего этого человек сильно схватил меня за руку и, толкая перед собой, повел по дорожке. Я попыталась вырваться, но он, несмотря на свой почтенный возраст, держал меня мертвой хваткой. Я могла бы пнуть его, закричать, я могла бы, в конце концов, вырваться, но во всем его облике было что-то жалкое и беззащитное. Мне показалось, что этот старик меня с кем-то перепутал. Такое было вполне возможно. Может быть, он был слепой. Может быть, у него болезнь Альцгеймера. Поэтому я не стала сопротивляться и позволила ему провести меня несколько метров до кладбищенских бочек с водой. Там мы остановились.

— Простите, что вам угодно? — спросила я.

Даже не удостоив меня взглядом, он влепил мне увесистую пощечину. У него был режущий, беспощадный взгляд, несмотря на то что ему, без сомнения, было не меньше семидесяти. Он был не по погоде одет в длинный черный пиджак и серые брюки. Обут в до блеска начищенные туфли. На голове его была черная шляпа. Рисовавшийся моему воображению безобидный старик в мгновение ока превратился в опасного психопата,

в преступного безумца, которого можно лишь презирать. Я отступила на два шага.

Я была не напугана, а потрясена. Охваченный страхом человек часто действует, интуитивно подчиняясь логике, но потрясенный человек лишен такой способности. Поэтому я продолжала стоять и во все глаза смотреть на него. Я могла бы его одолеть, несмотря на рост и комплекцию. Выглядел он хилым и слабым. Он, конечно, мог дать мне пощечину, но этим и ограничивались его возможности. Я могла бы толкнуть, ударить его, и это могло кончиться для него смертью. Я могла бы убежать, и это означало бы мою свободу. Но я продолжала стоять как вкопанная. Во мне вскипела злоба, и, хотя она не способствует логическому мышлению, по меньшей мере помогает действовать.

— Что ты себе позволяешь? Какого черта тебе надо?! — закричала я.

— Вам.

— Что?

— Я, во всяком случае, заслужил, чтобы ко мне обращались на «вы».

Он не был слепым. Он очень метко приложил ладонь к моей щеке. Он ни с кем меня не перепутал. Он был сумасшедший. Таких всегда хватает

в любом большом городе. Надо было срочно уходить отсюда. С такими людьми нет смысла спорить и в чем-то их убеждать. Доводы разума здесь бессильны. Если человек не может понять ответа безумца, то это хороший знак, ибо он означает, что сам этот человек все еще нормален.

— Если ты еще раз до меня дотронешься, я вызову полицию. Убирайся! — крикнула я.

Он продолжал стоять на месте. Его холодные как лед голубые глаза смотрели на меня в упор. Он не был слеп, но глаза были подернуты пеленой. Казалось, что на самом деле его здесь нет и он витает где-то далеко отсюда. Мне хотелось броситься на него, толкнуть, ударить так, чтобы он упал навзничь, ударился головой о камень и умер. Однако в его наружности было нечто, заставившее меня пощадить его. Я вспомнила своего соседа, но мне не хотелось поворачиваться спиной к этому человеку. Я просто не могла на это отважиться. Поэтому попросила его уйти. Даже у такого слабого и больного безумца может оказаться оружие.

Мы молча смотрели друг на друга. Он казался мне похожим на дикого зверя, который на какое-то время присмирел, но надолго ли? Руки его странно свисали по бокам. Он был похож на

подвешенную на нитке куклу, корчащуюся в предсмертных судорогах. Я повернулась к нему спиной, но оглянулась, чтобы не упускать его из виду. Судорога волной пробежала по всему телу этой большой умирающей куклы. Это меня не остановило. Пусть он трясется здесь, сколько ему будет угодно, решила я.

Потом до моих ушей донесся странный звук — что-то среднее между вскриком и вздохом. Я обернулась. Старик лежал, судороги перешли в спазм, скрутивший все его тело, а лицо стало перекошенным до неузнаваемости. Было ясно, что этот человек сейчас умрет.

Я лихорадочно огляделась, надеясь увидеть кого-нибудь, кто мог бы взять на себя ответственность за умирающего. Увидеть человека, который будет готов, если потребуется, проводить его по ту сторону бытия, или же попытается оставить его в этом мире. Что он выберет, играло для меня менее важную роль. Мне нужен был, кроме того, свидетель того, что должно было с минуты на минуту произойти. То есть мне нужен был человек, который мог бы свидетельствовать в случае необходимости в мою пользу. Да, у меня были преступные намерения, но я их не осуществила. Он сам поставил себя в такое положение. Однако

рядом никого не было.

Может быть, мне стоит закричать и позвать кого-нибудь? Этот человек умирал у меня на глазах, и этого никто не видел, не говоря уже о какой-то помощи. Впервые в жизни я набрала номер 112. Я сообщила в службу спасения, что обнаружила на кладбище де Гренель умирающего человека. Меня спросили, как его зовут, видимо предполагая, что он находится в сознании. Я приблизилась к умирающему, но не стала ничего спрашивать. Мне вдруг стало страшно.

— Я не могу вступить с ним в контакт.

«Скорая» приехала очень быстро.

У меня дрожали руки, когда я рассказывала, что здесь произошло. Водитель машины скорой помощи внимательно меня слушал. Я не стала рассказывать, что этот человек ударил меня, чтобы не влипнуть в какую-нибудь неприятность. Я сказала, что он подошел ко мне, но вдруг стал корчиться в судорогах, а потом упал. Если бы я рассказала о пощечине, они бы решили, что я что-то скрываю. Фельдшер записал мое имя, фамилию и номер телефона.

На месте происшествия стали собираться зеваки. Они стояли вокруг, как гиены. Никто из них не прибежал, когда они были на самом деле нуж-

ны. Так случается всегда. Внимание привлекает живой человек, умирающий на кладбище. На лицо больного надели кислородную маску.

Кто-то, кто не слышал моего рассказа о случившемся, спросил, не хочу ли я сопровождать пациента в больницу. Вероятно, этот человек подумал, что мы знакомы. Я могла бы объяснить, что не знаю этого мужчину, а кроме того, мне надо забрать из дошкольного учреждения сына. Но может быть, этот человек и в самом деле умрет. Могу ли я допустить, что он умрет в машине скорой помощи в полном одиночестве? Я решила поехать, потому что иначе как я смогу узнать, кто меня ударил и, главное, за что.

Я позвонила своему бывшему мужу и сказала, что старик, с которым я случайно столкнулась на улице, перенес инфаркт, и персонал скорой помощи попросил меня сопроводить его в больницу, чтобы я смогла помочь врачам своим рассказом. Таково было мое объяснение.

Состояние больного немного стабилизировалось, когда мы подъехали к воротам больницы. Мне так показалось, потому что фельдшер и водитель оживленно болтали о разных пустяках. Но может быть, умирающий человек в машине для них не помеха. В конце концов, это их повсе-

дневная работа.

Вышедшая медсестра сказала, что я могу попить кофе, сидя в комнате ожидания. Интересно, чего мне ждать? — подумала я и покачала головой. Позвонил мой бывший муж и спросил, не нужно ли забрать меня из больницы, и я была очень благодарна ему за это предложение. Мне не понадобилось много времени, чтобы понять, что я могу с чистой совестью покинуть больницу. Врач вошел в помещение в тот момент, когда я закончила разговор с мужем.

— Мадам, это вы приехали с месье Каро?

— Да, вероятно, его зовут именно так.

— Вы не знаете, как его зовут? Вы не знакомы?

— Нет, нет, я… мы встретились случайно, и он вдруг, на моих глазах, упал. Мне просто хотелось удостовериться, что все будет хорошо. Фельдшер скорой помощи предложил мне сопроводить больного.

— Понятно. Этот человек пострадал от отравления.

— От отравления?

Я-то думала, что это инфаркт или что-то подобное. Отравление говорило о преступлении.

— Да, этот человек, без сомнения, принял яд. Это была попытка самоубийства.

— Понятно, но он поправится?

— В этом нет никаких сомнений. Большое спасибо за оперативные действия.

— Хорошо… Спасибо и вам.

Я повернулась к врачу спиной и, не оглядываясь, направилась к выходу. Врачу я вполне могла доверять. Ему я могла спокойно показать спину. Не успела я это подумать, как врач окликнул меня. Слова, во всяком случае, относились ко мне.

— Месье Каро хочет вас видеть.

Врач шел впереди, показывая дорогу. К моему ужасу, он не вошел вместе со мной в палату, а оставил меня там одну и закрыл за мной дверь. Ситуация повторилась — незнакомый человек привел меня в незнакомое помещение к другому незнакомому человеку.

Под двойным одеялом на больничной койке лежал человек, который всего пару часов назад дал мне пощечину. Из его носа торчала тонкая гибкая трубка. Я видела такое только по телевизору. Было сомнительно, чтобы этот человек просил встречи со мной. Наверное, это была выдумка врача, который все же полагал, что мы знакомы.

Я подумала о сыне. Мне очень не хотелось заставлять его побывать в больнице, потому что здесь что-то могло сильно его напугать. В конце

концов, я его мать и должна защищать, несмотря на то что рано или поздно он и сам увидит все страшные стороны нашего мира. Собственно, теперь я могла уйти. Все, что могла, я сделала. Я спасла этого человека и даже узнала его имя.

Месье Каро спал. Край желтой занавески шевелился на сквозняке и терся о его руку. Если бы он умер, его последним поступком в жизни была бы пощечина женщине. Мною овладели странные фантазии, и я осталась в палате. Может быть, он всю жизнь был благочестивым верующим, не способным обидеть даже мухи. Может быть, в жизни ему пришлось претерпеть много унижений и обид, и теперь, прощаясь с жизнью, он решил дать миру сдачи. Под мышкой у месье Каро я увидела какую-то татуировку. Не отдавая себе отчета в своих действиях, я достала телефон и в знак прощания кивнула спящему человеку.

— Мы можем быть на «ты», если вы не против.

Голос его был тверд и звучен, несмотря на то что всего полчаса назад он находился между жизнью и смертью. Я подошла ближе, чтобы он не напрягал свои слабые силы без необходимости. Месье Каро открыл глаза. Взгляд мужчины был теперь вполне ясен. Пелена, душившая его, исчезла.

— Почему вы воздаете ей почести?

— Простите?

— Почему вы воздаете ей почести?

— Кому?

— Моей матери!

Я посмотрела на дверь, которая, как я была уверена, сейчас откроется. Несмотря на свое тяжелое состояние, этот человек был способен кричать.

— Простите, но я вас не понимаю. Кто ваша мать? И что она сделала, чтобы я стала воздавать ей почести?

— Я уже сказал, что вы можете обращаться ко мне на «ты». У нас один объект интереса. Мою мать звали Юдифь Гольденберг. Вы кладете цветы на ее могилу. Что это, если не воздание почестей?

•

В машине, всю дорогу домой, я не отрываясь смотрела на сына. Он нисколько не испугался довольно долгого пребывания в больнице. За окнами машины проносились сцены вечерней парижской жизни. На дорогах было непривычно свободно. Парковки зато были забиты до отказа.

В машине было холодно. Наверное, мой бывший муж очень гордился совершенным кондиционером своей новой машины. Удивительно,

но он не спросил, что, собственно, произошло. Едва ли он считал нормальным обыкновение провожать в больницу незнакомых людей, но, видимо, полагал, что сам он выполнил свой долг. И это было правдой. Я сжала в ладони маленькую руку сына:

— Ты не замерз?

Во двор дома въехала машина скорой помощи и доехала до самого подъезда. Я сидела в это время у кухонного окна с чашкой остывшего чая. Я знала, зачем приехала «скорая помощь». В поведении соседа появилось нечто новое, подсказавшее мне, что произойдет сегодня. Теперь я поняла, зачем он выгнал из дома кошку. Раньше он никогда этого не делал. Кошка явно не могла по достоинству оценить обретенную свободу и металась по балкону. Сначала она безуспешно царапалась в дверь, потом вспрыгнула на перила балкона, оттуда на крышу, с которой спрыгнула на мусорный контейнер. Мне стало грустно, и я никак не могла понять, кто виноват больше — сосед или его кошка. Они были пока живы, но оба обречены. Домашняя кошка не вынесет тягот уличной парижской жизни. Из машины выпрыгнули медики, и это был хороший знак — он говорил о том, что сосед еще жив. Из спальни сына послышал-

ся какой-то звук. Может, он проснулся от визга тормозов кареты скорой помощи? В тот момент, когда в квартире соседа зажегся свет, я встала и зажгла лампочку в туалете, чтобы в ее слабом свете посмотреть, спит ли сынок. Я осторожно приоткрыла дверь его спальни. Сцепив ручки под подбородком, он крепко спал. Я вернулась на кухню и села к окну, чтобы досмотреть драму.

Она продолжалась довольно долго. Я знала, что мне давно пора спать, но не могла пропустить конец. Свет в квартире напротив погас. Прошло еще немного времени, и из подъезда вышли медики с носилками, на которых лежал он, мой сосед, прижав руки к лицу. Машина выехала со двора, и я провожала ее взглядом, пока огни не исчезли за поворотом. Сирену медики не включили, может быть, из сострадания к спящим парижанам. Я испытала невероятное облегчение, теперь я не буду видеть его, это воплощенное страдание, в своем окне. В последнее время мне стало казаться, что это не человек, а призрак, который вижу только одна я.

Однажды я спросила сына, не видел ли он в окне соседа, который всегда находится дома. Он ответил, что никого не видел, и я пожалела, что едва не втравила его в эту историю. Теперь мой

сосед находился среди людей, привычных к виду умирающих. Сама же я этого видеть не хотела. Не лучше, однако, было и зрелище пустой, темной, покинутой квартиры. Мне хотелось, чтобы в квартиру въехала семья с детьми — с грудным младенцем, страдающим коликами и орущим день и ночь напролет, или с подростком, который будет ночами на полную громкость включать свои колонки. Пусть это будет кто угодно, только не раковый больной, не спящий по ночам.

* * *

Любопытство кипело в мозгу Мансебо, словно газированный напиток, когда он гнал машину назад в Париж из Рунжи. Напряжение от ожидания денег, спрятанных среди консервных банок, росло с каждой минутой, буквально разрывая Мансебо. Это ощущение было невыносимым, и он испытал страшное облегчение, поцеловав Франсуа, подавшего ему свежезаваренный кофе. Мансебо впервые понимает, как дорог ему этот бармен. Этот светлый человек никогда не увиливает от своего долга и каждый день, не кичась и не хвастаясь, готовит прекраснейший в мире кофе.

Несмотря на то что они с Тариком знают Фран-

суа одинаково хорошо и одинаково часто бывают у него, Мансебо все же чувствует, что он ближе к Франсуа, чем Тарик. Даже невзирая на то, что он почти всегда видит его только по ту сторону стойки. «Может быть, у него протез, — думает Мансебо, — а я этого не знаю». Франсуа живет не в их квартале, а в седьмом округе, вместе со своими четырьмя женщинами — женой и тремя дочерями.

— На днях я видел Амира. Хороший у тебя парень.

— Да, он хороший, и даже слишком.

— Что значит слишком?

— Он очень нежный и ранимый, а ты же знаешь, что Фатима может быть… резкой.

— Э, у всех одно и то же. Я тоже могу кое-что сказать. Стоит мне прийти домой и закрыть дверь, как сразу слышу: «старый черт» и «старый пень». Это еще самые ласковые слова. Но что делать — три дочери-подростка… Да, они у меня не слишком добрые.

— Да, наверное, от этого никуда не денешься.

— Как поживает Надия?

— Последние весточки от нее пришли несколько недель назад. Мы получили от нее открытку из Брайтона, кажется… нет, нет, точно из Брайтона.

Они сейчас в отпуске — она и ее муж.

— Детей пока нет?

— Нет.

— Ничего, скоро будут.

— Да, с детьми им станет веселее.

Франсуа хлопает Мансебо по плечу.

— Не буду тебя задерживать. Вижу, что ты сидишь будто на иголках. Ты человек долга, Мансебо.

Мансебо улыбается, хотя и несколько разочарованно. Он-то думал, что ему удалось скрыть свое нетерпение взяться за коробки, которые уже ждут его у входа в магазин. Мансебо с удовольствием бы задержался у рослого Франсуа, который стоит за стойкой в рубашке с закатанными рукавами. На плече видна поблекшая татуировка. Но это будет в следующий раз. Он боится сделать что-нибудь, о чем потом придется жалеть. Во всем теле он чувствует порыв, который не в силах обуздать. Потакание слабости может привести к непредсказуемым последствиям. Мансебо благодарит за кофе и идет к двери, слегка подпрыгивая, как скаковая лошадь, которая едва сдерживается, чтобы не сорваться в галоп. Но делать этого нельзя под угрозой дисквалификации. Мансебо хорошо это понимает и поэтому не спеша, вразвалку, шагает

к своей машине. Франсуа, протирая стакан, смотрит ему вслед.

Картонные коробки стоят на тротуаре возле двери бакалейной лавки. Мансебо уже не помнит, что он заказывал на прошлой неделе. Заказ он делал еще в прошлой жизни, до своего нового задания. Весь этот заказ уже давняя и почти нереальная история. Тогда он еще не знал, какое будущее ему уготовано. Мансебо все больше и больше проникается уверенностью, что в этих картонных ящиках он не найдет банки из-под оливок.

Он поднимает решетку и замечает, что ключ входит в скважину немного криво.

Надо сказать Тарику, чтобы он сделал новый ключ, думает он, чувствуя, как начинают ныть ноги, наливаясь молочной кислотой. Решетка нехотя поддается и медленно поднимается. Ключ от двери поворачивается в скважине легко, как всегда. Мансебо открывает дверь и сразу чувствует запах вчерашнего ужина. Сердце бьется тяжело и неровно. Мансебо не помнит, чтобы оно так билось раньше. Может быть, он все же уже слишком стар для всего этого, думает Мансебо. Но вместе с тем, наверное, с приобретением опыта он научится держать в узде эмоции в та-

ких напряженных ситуациях. Мансебо весьма изобретательно пытается успокоить себя тем, что обнаружение денег в консервной банке в принципе ничем не отличается от обнаружения чека на зарплату в почтовом ящике.

Мансебо включает свет за кассой и закрепляет дверь с помощью самодельной петли и крючка. Застоявшийся запах еды смешивается со свежим утренним воздухом. Собственно, иного выбора у запаха нет. Существуют и действуют непреложные физические законы. Мансебо уже спланировал, в какой последовательности он расправится с этими рождественскими подарками. Сначала он заносит в магазин три белые картонные коробки. Они оказываются тяжелее, чем он ожидал, и Мансебо понимает, что заказал много минеральной воды. Он сделал это после того, как посмотрел по телевизору долгосрочный прогноз погоды. Да, он начинает вспоминать, что же он все-таки заказал. Он ставит коробки перед кассой.

Потом он заносит в магазин две коричневые коробки. Они легче, но Мансебо не знает, что в них находится. Мансебо вздрагивает. В магазин входит человек, которого за поводок тащит за собой собака. Может быть, пес взял ложный след

или его привлек аромат вчерашнего горохового супа. «Я становлюсь профессионалом», — думает Мансебо, прежде чем приветствовать клиента.

— Доброе утро, месье, чем могу служить?

— Доброе утро, может быть, вы подскажете мне, где я могу купить сигарет?

— Табачный магазин находится слева отсюда, на противоположной стороне бульвара.

— Далеко?

— Нет, в сотне метров, у входа в метро.

— Спасибо.

Мужчина выходит вместе со своей маленькой белой собачкой, которая уже нетерпеливо рвется на тротуар, но вдруг вспоминает, что ему надо что-то купить, и возвращается. «Милые мои, вам не надо ничего покупать, — мысленно обращается к мужчине и собаке Мансебо, — я не обижусь, если вы уйдете и оставите меня в покое».

— Сегодня, скорее всего, будет жарко. У вас не найдется нескольких маленьких бутылочек минеральной воды?

Мансебо смотрит на покупателя и улыбается, точнее, пытается улыбнуться. Он страдает. Ему стоит неимоверного труда скрыть нетерпение. Мансебо знает, что маленькие бутылки находятся в привезенных коробках, но не хочет вскрывать

их при свидетеле. Это не было запланировано. Во всяком случае, Мансебо этого не хочет. Он начинает скрепя сердце вскрывать коробку, надеясь, что там не окажется банки из-под оливок. Наверное, мадам Кэт выбрала не заклеенную скотчем коробку.

— Какая удача нам улыбнулась, Шерлок, — радуется мужчина, натягивая поводок.

Подходящая кличка, думает Мансебо. Пес не считает, что ему сильно повезло, и продолжает рваться на улицу. Мансебо выбрал верную коробку, то есть с маленькими бутылками минеральной воды. Здесь нет оливковых консервов. Мансебо сияет: в самом деле, нам сегодня выпала редкая удача.

Мужчина без сдачи расплачивается за воду и уходит. Шерлок наконец получает свое. Мансебо подходит к кассе и кладет монеты в ящик, откуда извлекает часы, которые, как обычно, надевает повыше на запястье. Едва он успевает опустить рукав, как дверь лавки распахивается и в помещение, по своему обыкновению, врывается Тарик. Мансебо, погруженный в свои мысли, вздрагивает от неожиданности. Обычно он не пугался от появления Тарика, но ведь он никогда не был так далек от мыслей о магазине. Мансебо

резко захлопывает ящик кассы и, ударив себя по пальцам, вскрикивает от боли.

— Не лезь в сахарницу без спроса, — насмешливо произносит Тарик.

— Ты меня напугал.

Мансебо украдкой бросает взгляд на руку, чтобы удостовериться, что Тарик не видит часов.

— Посмотри-ка вот на это!

Тарик поднимает над головой лотерейный билет. Мансебо восхищенно вдыхает — скорее для того, чтобы избавиться от потрясения.

— Тысяча евро! Вчера утром я попросил Адель проверить номер, и, знаешь, сначала я ей не поверил. Ты же понимаешь, Адель склонна ко всяким фантазиям. Но на этот раз — ты видишь? — все сошлось! Это дело надо отметить!

— Мои поздравления.

Мансебо не может в полной мере радоваться удаче кузена, хотя и сам не знает почему. Ему нравится Тарик, и он от души желает ему и Адели получить все деньги этого мира. Им и так приходится нелегко — детей у них нет, и у Адели нелады со спиной. Мансебо решает, что не испытывает никакой радости, потому что ему сейчас надо проверить коробки. По счастью, Тарик не задерживается и быстро уходит, крепко сжимая в

руке лотерейный билет, как будто боится, что его может сдуть ветром или кто-нибудь вырвет его и сбежит с выигрышем.

Когда Тарик уходит, все напряжение, охватившее Мансебо, исчезает, словно его и не было. Лихорадочное ожидание ушло, словно поджавший хвост пес. Такого покоя Мансебо не испытывал очень и очень давно. Он возвращается к коробкам, как к целительному бальзаму. Как же он не подумал с самого начала? Белые коробки могут подождать. Мансебо принимается носить в лавку коричневые коробки.

Интересно, думает Мансебо, что звучит более правдоподобно — выигрыш тысячи евро в лотерею или обнаружение в коробке банки с деньгами, и открывает крышку. Одновременно он бросает взгляд и на другие коробки, чтобы понять, насколько велики шансы вытащить из этой картонки невыигрышный билет. В коробке он видит несколько банок томатов, семь банок с сельдереем, десять жестянок с кукурузой, а там — бинго! Мансебо чувствует, как у него становятся ватными и подкашиваются ноги. Он выхватывает из картонной коробки банку, которая сильно отличается от других банок, и, главное, отличается, надо думать, своим содержимым. Мансебо

заглядывает внутрь банки и видит там пачку купюр по пятьдесят евро. Держа в руке банку, Мансебо становится за кассовым аппаратом и торопливо отвинчивает крышку со стеклянной банки. Он готов ко всему. Его уже ничто не может удивить. Если войдет покупатель, то Мансебо просто поставит банку под кассу на полку. Если кто-то спустится в лавку из квартиры, то он увидит только спину Мансебо и не заметит, что он держит в руках. Да и, собственно, что может быть удивительного в том, что владелец бакалейной лавки пересчитывает купюры. Мансебо замечает, кроме того, что банка чисто вымыта. Он пересчитывает деньги. Двадцать купюр по пятьдесят евро — то есть всего тысяча евро. Тысяча евро за одну неделю. Затаив дыхание Мансебо снова пересчитывает деньги и вдруг начинает нервничать. Насколько это законно? Надо ли платить налог с этой суммы? Не привлекут ли его к суду? Куда ему спрятать деньги? Где их хранить?

От этих мыслей Мансебо впадает в панику, но затем постепенно успокаивается. «Мне скоро шестьдесят, — думает Мансебо, — и за это время я не сделал ничего дурного. Кому какое дело до нескольких тысяч незадекларированных евро?» Да и кто знает, сколько времени будет он полу-

чать эти деньги? Может быть, все ограничится этим разом, так что нечего рисовать на стене страшные картины и пугать себя адским пламенем.

Никакой записки в банке нет. Однако, когда Мансебо навинчивает крышку на банку, он замечает на нижней поверхности крышки три буквы, нанесенные черным фломастером: К. Э. Т. Мансебо улыбается и ставит банку с деньгами туда же, где лежат шестьдесят девять китайских записных книжек и бинокль. Он очень умно поступает, что хранит эти сокровища среди всякого хлама. Никому и никогда не придет в голову искать там что-нибудь по-настоящему важное.

«Вечером у нас будет праздник», — думает Мансебо, открывает дверь настежь и смотрит на окна квартиры дома напротив. Новый рабочий день начался.

Пробка с резким хлопком вылетает из бутылки, как и должно быть, когда открывают бутылку шампанского. Фатима смеется и берет телефонную трубку. Амир будет веселиться где-то до вечера. После анисового ликера в «Ле-Солейль» Мансебо зашел в винный магазин Николя и купил две бутылки шампанского. Ему и на самом деле есть что праздновать. Весь день Мансе-

бо пребывал в приподнятом настроении. Он чувствует себя ребенком, получившим долгожданный подарок, и теперь хочет сполна им воспользоваться. Это просто дар небес, что Тарик выиграл тысячу евро в лотерею, и теперь у него, Мансебо, есть повод на глазах у всех отметить свой тайный успех.

— Да, да, ты что, не слышишь, что я говорю? Тысяча евро за просто так!

Все понимают, что Фатима говорит со своей старой теткой. Это ее единственная близкая родственница, которая еще жива.

— Иди сюда, нам пора чокнуться, — смеясь, кричит Тарик.

Фатима пытается закончить разговор, и не потому, что хочет поскорее чокнуться, а потому, что разговор с Тунисом стоит бешеных денег. Все поднимают бокалы. Адель — единственная, у кого в бокале нет вина. Она никогда не пьет спиртное, утверждая, что вино ей никогда не нравилось. Мансебо поднимает бокал на уровень глаз и смотрит на свой мир, на свою семью, сквозь желтое пузырящееся море. Он вспоминает о бинокле, и это до краев переполняет его радостью. Как же ему нравится бинокль. Сквозь бокал Мансебо смотрит на светлую улыбку Тарика.

Брат выглядит довольным, и Мансебо от души желает, чтобы он и в самом деле был счастлив. Но Мансебо не верит в это. Брат не будет счастлив в этом браке. Мансебо не знает, можно ли назвать Тарика счастливым. Очень многое говорит против этого: больная жена, отсутствие детей и мечты о будущем.

Мансебо делает глоток из бокала, чтобы затем снова поднять бокал и чокнуться. Теперь он рассматривает Адель сквозь пузырящуюся жидкость. Сегодня вечером Адель сняла свой неизменный платок. Конечно, Мансебо видел ее без платка бессчетное число раз, но вечером она выглядит совершенно по-другому. В ней появилась какая-то открытость, хрупкость, радость и легкость. Мансебо кажется, что радости Адели добавило нечто иное, нежели выигрыш в лотерею. Она красива, думает Мансебо и принимается внимательно рассматривать ее карие миндалевидные глаза. В очерченном бокалом поле зрения появляется Амир, выходящий из комнаты; как будто чувствует, что попал под наблюдение. Мансебо перемещает бокал и смотрит на Фатиму, которая, смеясь, что-то рассказывает. Контраст между красотой Адели и убожеством Фатимы заставляет Мансебо вздрогнуть. Он ставит бокал

на стол и смотрит на жену, надеясь, что кривой нос был всего-навсего следствием искажения. Но напрасны были его надежды — шампанское не уродует, а, наоборот, приукрашивает и людей, и окружающий мир.

Тарик выходит в холл, но очень скоро возвращается с коричневой коробкой в руках. Фатима уходит на кухню готовить чай. Адель затаила дыхание, и Мансебо не понимает почему. Он сидит с третьим бокалом шампанского в руке и смотрит на квартиру в доме напротив, рисуя в своих фантазиях двойную жизнь писателя.

— Ты, кажется, задремал, брат.

Тарик садится рядом с кузеном и открывает коричневую коробку.

— Будь любезен, пей шампанское, а я буду курить сигару.

В коричневой деревянной коробке лежат пять больших сигар на подстилке из коричневой хрустящей бумаги, похожей на пергамент для выпечки. Мансебо тянется за сигарой, но Фатима, которая уже вернулась из кухни с чаем, захлопывает коробку и в который уже раз за сегодняшний день Мансебо получает по пальцам.

— Если мне не изменяет память, ты уже выкурил свою вечернюю норму?

Мансебо больно. У коробки тяжелая, массивная крышка. Наверное, Фатима не хотела причинить мужу боль, но она это сделала. Однако Мансебо страдает не от физической боли, а от того, что его оторвали от сладостных фантазий. Это так же жестоко, как разбудить крепко спящего человека, вырвать его из красочного мира грез и окунуть в реальность серой и неприветливой жизни. В эту минуту он ненавидит Фатиму. От ненависти нос ее становится еще больше.

— Строгая у тебя жена, — говорит Тарик, закуривает сигару и аккуратно закрывает коробку.

Бурная радость Мансебо сменяется подавленностью и сонливостью. Настроение уже не пузырится в унисон с шампанским. Приподнятое настроение испарилось, а радость притупилась. В комнату входит Адель с чаем. Приходит даже Амир, но не за чаем, а за сладким тортом. Мансебо берет со стола бутылку и выливает остатки шампанского в свой бокал. Обычно он мало пьет, ограничиваясь ликером в «Ле-Солейль», и поэтому чувствует легкое опьянение. Фатима бросает взгляд на мужа, но притворяется, что ничего не замечает.

Мансебо внезапно трезвеет, очнувшись от своего салонного опьянения. Он видит, как писатель

запирает наружную дверь. Мансебо машинально смотрит на часы, висящие над телевизором. На часах без четверти одиннадцать. Куда, интересно, он собрался? Свет в квартире потушен. Это означает, что мадам Кэт уже спит или ее вообще нет дома. Собственно, это не важно, думает Мансебо, потому что работодатель сам знает ответ на этот вопрос. У Мансебо возникает трудно преодолимое желание встать и последовать за объектом наблюдения. В Париже многие не спят по ночам. По улицам до утра бродят беспокойные души.

* * *

Весь день на работе я не могла думать ни о чем другом, кроме месье Каро, и между передачами писем проверяла свои теории на его счет. В моем распоряжении было несколько фактов. Юдифь Гольденберг была матерью месье Каро и женщиной, которой нельзя было воздавать почести. Во всяком случае, с точки зрения ее сына. Но что же дурного она сделала?

Юдифь умерла двадцать лет назад. Эту информацию я почерпнула из надписи на надгробном камне. Месье Каро, несомненно, видел, как я клала цветы на могилу его матери. Не могла ли я или мои цветы стать причиной, толкнувшей месье

Каро на попытку самоубийства? Может быть, мое поведение переполнило чашу терпения старого человека, который испытывал неприязнь к своей умершей матери?

Месье Каро даже дал мне понять, что и я не лучше Юдифи. Я не вполне понимала, почему он это сказал. Месье Каро хотел, чтобы я все ему объяснила, но я просто вышла из палаты, оставив его одного. Он беспомощно кричал мне вслед, звал назад. На его крик пришел молодой врач, чтобы узнать, что случилось. Я объяснила врачу, что месье Каро по ошибке решил, что я была знакома с его умершей матерью. Но это совершенно не соответствовало истине. Врач кивнул и сказал, что, скорее всего, перед выпиской месье Каро им придется провести еще кое-какие обследования.

После наведения справок в Гугле я поняла, что татуировка на руке месье Каро была номером, который в нацистских концентрационных лагерях татуировали заключенным евреям. Всю вторую половину дня я посвятила чтению материалов о концлагерях времен Второй мировой войны. Звонки приходящих сообщений сильно меня отвлекали. Я углубилась в способ, каким нацисты классифицировали в концлагерях заключенных — с помощью цветных треугольников — на

политических заключенных, уголовников, эмигрантов, бибельфоршеров, гомосексуалистов, асоциальных элементов, а также о том, как татуировали номера на руках.

Начало смеркаться; сумерки придали кладбищу особое очарование. Для верности я прошла к воротам, чтобы убедиться, есть ли на выходе сторож после закрытия кладбища. Мне совсем не улыбалось остаться запертой на кладбище на ночь. Бывший муж забрал сына на выходные дни и увез его в Нормандию. Давно уже я не наслаждалась такой свободой. То чувство, какое я испытывала, придя на кладбище, можно было, пожалуй, назвать счастьем.

Могилу Юдифи Гольденберг я увидела издалека. Трех пионов на ней уже не было. Может быть, месье Каро уже выписался из больницы? Я подошла к могиле и оцепенела от удивления. Одна из скамеек, стоявших возле компостной кучи, была сухая после прошедшего дождя. Странным было то, что эта скамья не стояла под деревом или под каким-нибудь другим укрытием, которое могло бы защитить ее от падающих капель. Опустившись на скамейку, я обнаружила на ее краю носовой платок. Кто-то вытер скамейку. Вероятно, это произошло совсем недавно. Значит,

когда я вошла на кладбище, здесь кто-то сидел?

Сегодня цветы последовали со мной до дома. Я не смогла заставить себя положить их на могилу Юдифи, и теперь они стояли в хрустальной вазе на кухонном столе. Впрочем, я не считала, что поступила правильно. Треснувший стакан я могла бы просто выбросить. Но с хрустальной вазой так поступить не могла. Цветы производили, впрочем, жалкое впечатление даже в вазе. Мне было так грустно оттого, что я переоценила цветы — казалось, они будут очень красиво смотреться на кухне в такой вечер. Правда, в моем одиночестве я могла и более спокойно отнестись к ним. У меня вдруг возникло чувство, что цветы издевательски надо мной смеются. Они все-таки пробрались в мой дом. Они вели себя как миссионеры, которые скромно звонят в дверь, а через секунду по-хозяйски располагаются на вашей кухне. Им для этого даже не нужно приглашения. Я пока предложила цветам лишь стакан воды.

В конце концов этим спасителям все же пришлось убраться со стола. Я открыла балконную дверь. От дождя цветам, несомненно, будет хорошо, уговаривала я себя. В комнату ворвался вой полицейской сирены. Сначала я выставила цветы на балкон в хрустальной вазе и закрыла

дверь. Потом пожалела вазу и сменила ее на чайную кружку. Ветер может свалить цветы, а им будет много чести — отнять жизнь у такой красивой вазы. Кружка станет вазе более или менее равноценной заменой. Я заперла балконную дверь и задернула бежевые шторы, включила телевизор и села в кресло. Наконец-то я была в квартире одна. Сосед выгнал из дома кошку, а я выгнала цветы.

Я подняла со стола бокал шампанского. Я пила шампанское, несмотря на то что было всего четыре часа дня и мне, собственно, нечего было праздновать. Целый день я занималась полезными делами — стирала, гладила и читала газеты. С полным бокалом я села перед компьютером, чтобы просмотреть всех доступных господ Каро в Париже. Я нашла нескольких человек с такой фамилией. Один из них жил недалеко от кладбища, но он оказался редактором компьютерного журнала. Мне было трудно представить себе месье Каро в этой роли.

Другой месье Каро жил в еврейском квартале Марэ. Я набрала номер, скорее от скуки и любопытства, нежели из-за заботы об этом человеке. Не я была причиной попытки самоубийства. Виноваты были цветы, они жили своей, отдель-

ной от меня жизнью. Старые люди рано ложатся спать, а старые люди, склонные к суициду, видимо, еще раньше, поэтому лучше позвонить сейчас, уговаривала я себя. Набирая номер, я старалась думать о чем-нибудь другом, чтобы не пожалеть о звонке. Я не знала, чего ожидала, возможно, надеялась, что телефонный сигнал умрет и затихнет в темной, пустой и прокуренной комнате или мне ответит сиплый голос, который прохрипит «алло». В трубке, однако, раздался звонкий женский голос, а фоном ему служила громкая музыка и смех. Я положила трубку. Если я набрала верный номер, то это означало, что месье Каро дома и у него все хорошо, иначе он не смог бы пригласить гостей и завести веселую музыку. Или это означало, что он умер и все родные и близкие по этому поводу собрались в его квартире. Кто знает, может быть, его смерть стала для них освобождением. Во всяком случае, это был поступок истинного джентльмена, сказала я себе и долила в бокал шампанское.

Этот телефонный разговор не открыл бы мне никакой правды, но и не отдалил бы от нее. Короче, он был бы бесполезен. Я поставила бутылку с остатками шампанского в холодильник, убрала следы празднества. Скоро приедет сын, а это

значит, что вместе с ним явится и мой бывший муж.

Сын обнял меня и прижался ко мне всем телом. Кажется, он был счастлив вернуться домой. Бывший муж обошел квартиру и включил свет во всех комнатах, словно он не мог себе позволить оставить сына со мной в темной квартире. Сын забрался мне на колени, а человек, с которым я прожила много лет, сел за стол напротив меня. От сына исходил незнакомый запах, но скоро он опять будет пахнуть мной. Мой бывший рассказывал об отеле, пляже и о том, как наш сын ходил на мини-дискотеку.

Я смотрела на человека, которого когда-то любила, и единственным моим желанием было, чтобы он ушел и оставил нас в покое. Из-за него я чувствовала, что сын стал мне почти чужим. Но бывший муж продолжал рассказывать, что наш сын делает успехи в плавании, что ему надо купить новые купальные трусы, рассказывал о том, что в отеле они спали вместе на двуспальной кровати. Об этом мой бывший сказал только затем, чтобы подчеркнуть, что с ними не было никакой женщины. Я не вполне понимала, почему это так важно для него. Он спросил, как я провела выходные, и я ответила, что скучала по сыну, стирала

одежду, гладила и наводила в квартире чистоту. Я не стала рассказывать, что была на кладбище, поссорилась с цветами, думала о мертвых, пила шампанское и без разрешения звонила чужим людям.

* * *

— Добрый день, месье. У вас есть «Веселая корова»?

— Что?

— Сыр.

— О да, да, конечно есть.

Мансебо ищет сыр в холодильном прилавке. Две девочки терпеливо ждут у кассы. Мансебо думает, что им лет по десять.

— Да, вот он. Вам нужен пакет?

Девочки застенчиво кивают.

— Вы знаете, что самое интересное в этой упаковке?

Девочки смотрят друг на друга и отрицательно качают головками. Сегодня Мансебо охвачен неуемным желанием шутить. Он напевал себе под нос весь путь от Рунжи, не замечая пробок. Настроение Мансебо стало еще лучше оттого, что первыми покупателями стали две маленькие девочки в коротких платьицах, которые хотели

купить сыр.

Каждый раз, когда в магазин заходят девочки, Мансебо вспоминает свою дочь Надию. Разве она не носила такое же платьице, когда была маленькой? «Надо позвонить ей, — думает Мансебо, — и я сделаю это вечером. Конечно, хорошо, если она окажется дома». Ночная жизнь Лондона так разнообразна, так затягивает. Это очень огорчает Фатиму, но Мансебо не знает почему.

— Если вы внимательно присмотритесь к сережкам, то увидите в них всю картину.

Мансебо не уверен, что девочки его поняли.

— В сережке находится вся картина, которая изображена на упаковке, которую вы держите в руках.

У него снова нет уверенности, что юные покупательницы его понимают. Они смотрят на упаковку сыра, а потом друг на друга. Одна из девочек слегка прикусывает нижнюю губу, а вторая кладет на прилавок деньги.

— У нас сегодня пикник, и нам надо купить что-нибудь для бутербродов.

— Да, «Веселая корова» подойдет.

Мансебо кладет сыр в пластиковый пакет, но отвлекается, глядя на девочек, и вдруг ему в голову приходит удачная идея. Он берет с пол-

ки китайскую записную книжку и кладет ее в пакет.

— Вы получаете маленький подарок, точнее, два подарка, — говорит он и кладет в пакет вторую книжку.

Девочки сияют от радости. Одна из них делает книксен, а Мансебо краснеет. Они вприпрыжку выбегают из лавки, и Мансебо видит, как они, остановившись у кондитерского магазина, смотрят в пакет. Мансебо улыбается от гордости. Да, собственно, что прикажете ему делать с шестьюдесятью девятью записными книжками? Если они могут кого-то осчастливить, то почему не дарить их?

Еще один счастливец, Тарик, как обычно, врывается в лавку, но на этот раз Мансебо не пугается.

— Доброе утро, брат. Все хорошо?

— Даже очень хорошо, — отвечает Мансебо.

— Да, все могло обернуться и по-другому. Но мы стали богаче, а погода — прохладнее.

— Да, но я сегодня утром слушал прогноз…

— Нет, нет, молчи, я не хочу это слушать. Не порти мне хорошего настроения. Но знаешь, что я тебе скажу? Знаешь, что сделает твой кузен, если снова наступит жара? Он установит кондицио-

нер и постарается не опоздать. Тогда мы сможем спать в мастерской, — говорит Тарик и уходит в свою мастерскую, в свою обитель.

•

На противоположной стороне улицы между тем что-то происходит. Мансебо поднимает рукав, бросает взгляд на часы, берет с полки флакон с моющим средством, старую тряпку и выходит на тротуар. Мансебо уже научился действовать разумно и осмотрительно, сохранять ледяное хладнокровие даже в тех случаях, когда ему хочется поспешить, чтобы не пропустить что-то важное. Писатель запирает наружную дверь, но на некоторое время застывает на месте — ненадолго, всего на пару секунд, но этой задержки вполне достаточно для того, чтобы Мансебо заметил, что писателю не хочется покидать квартиру. «Может быть, я ошибаюсь», — думает Мансебо, ибо не может подобрать слов, чтобы объяснить, откуда взялось это ощущение. Однако писатель спускается по лестнице так же живо и быстро, как обычно, а возможно, даже быстрее. Наверное, он хочет компенсировать задержку быстрым спуском. Едва писатель ступает на тротуар, сомнения, видимо, снова охватывают его. Писатель замед-

ляет темп, как будто опасается слишком рано прийти на какую-то встречу, и решает немного потянуть время.

Мансебо заставляет себя повернуться спиной к сцене. К своей радости, он видит, что силуэт писателя отражается в витрине лавки. Мансебо брызгает на стекло чистящее средство и принимается тереть тряпкой. Писатель стоит лицом к обувной мастерской и внимательно читает вывеску на витрине. Наверное, выясняет часы работы. Прямо перед дверями бакалейной лавки внезапно останавливается тяжелый грузовик, и у Мансебо сразу учащается пульс. Образовавшаяся пробка мешает ему выполнять задание мадам Кэт. В отчаянии он осматривается по сторонам. Для того чтобы видеть происходящее напротив, ему надо отойти от магазина метров на двадцать. Однако Мансебо не решается это сделать.

«Если писатель увидит, как я ради того, чтобы его увидеть, отошел от магазина, он поймет, что я за ним слежу», — думает Мансебо, чешет затылок и смотрит на вереницу стоящих автомобилей, запрудивших почти весь бульвар. Никаких дорожных происшествий не видно, но машины тем не менее стоят. Это может продлиться долго, но времени терять нельзя. Ну что ж, иного выбора

у него нет. Он оглядывается и присаживается на корточки, но этого оказывается мало, и он, опустившись на четвереньки, ложится ничком на тротуар. Теперь он смотрит на ноги писателя, которые видны в промежутке между мостовой и днищем кузова грузовика. Мимо Мансебо, как пестрые рыбки в аквариуме, проплывают бесчисленные туфли, ботинки, шлепанцы и босоножки. Но коричневые ботинки писателя, словно два столпа, неподвижно стоят в этом быстром потоке. Грузовик наконец трогается с места. Мансебо встает и стряхивает с себя пыль, как раз в тот момент, когда писатель входит в обувную мастерскую. Мансебо бросается в магазин, чтобы вооружиться биноклем, и становится на потайное место за кассой. В магазин заходят две девочки и удивленно смотрят на Мансебо, который в напряженной позе стоит за кассой.

— Добрый день, — говорит он, не в силах, однако, скрыть своего огорчения по поводу появления покупателей.

— Привет, — отвечают девочки.

Более высокая из девочек толкает в бок свою подружку.

— У месье не найдется для нас записных книжек?

Сначала Мансебо не понимает, чего они от него хотят. Взгляд его мечется, переходя с девочек на обувную мастерскую Тарика. Наконец до Мансебо доходит, что нужно девочкам.

— Книжки я дарю только тем, кто что-нибудь покупает, — произносит он и тут же жалеет о фразе, сказанной под влиянием раздражения.

Это было глупо. Куда проще было дать им по одной записной книжке. Теперь же визит девочек затянется. Девочки разочарованы, но задерживаются в лавке, а писатель тем временем выходит из мастерской, неся под мышкой картонную коробку. Быстрым шагом он подходит к лестнице, поднимается наверх, заносит коробку в квартиру, выходит и быстро спускается вниз.

Мансебо никогда прежде не поворачивался спиной к покупателям, и теперь он уверен, что карманы девочек уже полны конфет. Правда, совсем недавно он читал статью о том, что больше всех в магазинах воруют пенсионеры, но неизвестно, можно ли этому верить. Повернувшись лицом к девочкам, он видит на кассе бутылку кока-колы и деньги. Две маленькие очаровательные девочки стоят у кассы и ждут подарка.

— Так, значит, вы тоже собрались на пикник?

Мансебо становится неловко за свое поведение.

Это же не их вина, что они вошли в лавку как раз в тот момент, когда писатель вознамерился посетить обувную мастерскую. Однако девочки счастливы. Они выбегают из магазина, держа в руках бутылку и две записные книжки. Всю вторую половину дня в лавку один за другим приходят дети. Торговля идет живо, и Мансебо раздает всем записные книжки. Дети покупают в основном напитки и конфеты, но неплохо идет и печенье. У Мансебо нет времени заняться отчетом.

Вечером, втащив лотки в магазин и после того, как через него пронесся Тарик, прежде чем подняться к себе, Мансебо садится за кассу, снимает часы и достает свою записную книжку. Ему требуется несколько минут, чтобы записать все, что произошло днем. Он очень хочет быть точным и объективным, и некоторое время раздумывает, стоит ли писать о секундах сомнения, которое он уловил в глазах писателя. Несколько раз он стирает эти строчки, потом снова их записывает и в конце концов решает записывать все свои наблюдения. Никогда не знаешь, какие из них окажутся интересными, а какие — нет, но тщательность никогда не повредит. Перед тем как закрыть магазин, Мансебо пересчитывает запис-

ные книжки. Их осталось пятьдесят три штуки.

Вечером, после ужина, когда Мансебо курил свою единственную, и последнюю сигарету, позвонила Надия. Она знает, что в это время они всегда ужинают. Трубку взял Амир, чтобы потом передать ее Фатиме. Брат с сестрой обменялись несколькими десятками слов — двадцать о погоде, десять — приветы членам семьи, и пара слов была сказана о делах. Потом наступила тишина, говорить им было больше не о чем, и разговор окончился. Разница в возрасте между ними целых пятнадцать лет. Они почти не знали друг друга и росли вместе совсем мало, потому что Надия очень скоро покинула родительский дом и Париж. Съездив несколько раз в Лондон, Надия решила поселиться там навсегда. «Лондон более интернационален» — так она оправдывала свой выбор жить в другой стране, вдали от родителей. Амиру было шесть лет, когда уехала Надия.

Три года назад Мансебо и Фатима съездили в гости к своей единственной дочери. Они сели в поезд, опустились под воду и через два часа оказались на другом краю земли. Это было первое, о чем тогда подумал Мансебо. Вторая мысль была о том, что Надия оказалась права. Лондон действительно более интернационален, чем Париж, во

многих отношениях. Мансебо очень понравился этот город.

Окончив содержательный разговор, Амир собрался передать трубку Фатиме, но она не стала дожидаться этого жеста и сама вырвала у сына трубку.

— Дитя мое!

Этот разговор был куда более многословный, чем беседа с Амиром. Речь в основном шла о новой работе Надии. Она получила место архитектора в городке недалеко от Лондона, где жила со своим мужем. Это была хорошо оплачиваемая и приличная работа. Фатима едва не лопалась от гордости. Разговор приближается к концу, Мансебо чувствует это по голосу жены. Фатима задыхается от избытка чувств, словно только что поднялась по лестнице. Адель вскидывает руку, давая понять, что передает Надии привет.

— Подожди! Я тоже хочу с ней поговорить.

Фатима удивленно смотрит на мужа сильно накрашенными глазами. Впервые он просит трубку, чтобы поговорить по телефону с дочерью. Бывало, конечно, что они перекидывались парой слов, когда Мансебо брал трубку, но не более того. Все сведения о дочери Мансебо всегда получает через Фатиму. Она передает трубку мужу, и на-

ступает тишина. Все хотят знать, что у Мансебо на сердце. Даже Адель оживляется — ей хочется послушать, о чем пойдет разговор.

— Дочь моя! — говорит Мансебо, но тут же чувствует, что произносит не свои слова, а слова Фатимы.

— Привет, папа.

Мансебо и сам точно не знает, что хочет сказать. Собственно, у него нет для Надии каких-то особых новостей. Он сам хотел сегодня позвонить ей, но так случилось, что позвонила она. Какое счастливое совпадение, думает Мансебо, ведь она звонит довольно редко — всего несколько раз в месяц.

— У тебя все хорошо, папа?

В голосе дочери проскальзывает тревога. Наверное, она подозревает что-то неладное, потому что отец вдруг решил с ней поговорить.

— Все очень хорошо, даже лучше, чем обычно.

— Как приятно это слышать. Произошло что-то особенное?

В первый раз с тех пор, как мадам Кэт вошла в его лавку, Мансебо стоит большого труда не рассказать все. Слова уже вертятся на языке и готовы сорваться с него, расправить крылья и обрести свободу. Конечно, в его жизни произошло нечто

очень и очень особенное. Ему есть о чем рассказать. Рассказать о своей новой работе, лучше которой у него никогда не было. Мансебо и сам не понимает, почему ему хочется все рассказать именно Надии, а не другим членам семьи. Может быть, все дело в том, что она живет далеко и точно никому ничего не расскажет. Надия умеет говорить по телефону лучше, нежели ее отец. Эту способность она, несомненно, унаследовала от Фатимы.

— Ты рад выигрышу в лотерею?

Надия смеется. Мансебо не думал, что она знает об этом, — он удивлен, почти потрясен.

— Откуда ты знаешь об этом?

— Конечно же мама сегодня позвонила мне на работу, прямо после того, как Адель сверила номер.

— Вот как, — только и произносит Мансебо.

— Я рада, что у тебя все хорошо. Как дела в магазине?

Мансебо уже хочет положить трубку. Что-то другое занимает сейчас его голову, хотя он и сам пока не понимает, что именно.

— Дела идут неплохо.

— Это здорово.

— В Лондоне тоже жарко?

Мансебо пытается закруглиться. Он наконец кладет трубку и отправляется в туалет, главным образом для того, чтобы собраться с мыслями перед чаем и десертом. Он хочет понять, что в разговоре с Надией испортило ему настроение. Ему приходится облегчить мочевой пузырь, ополоснуть лицо и несколько минут посидеть на краю ванны, чтобы понять свою реакцию. Фатима разговаривает с Надией, не ставя его в известность, и это показывает, что мир выглядит совсем не так, как Мансебо себе представляет.

Он считал само собой разумеющимся, что Фатима рассказывает ему обо всех своих разговорах с Надией, но оказалось, что это не так. В свою очередь, это означает, что наверняка есть и другие вещи, о которых она не считает нужным ему говорить и о которых он поэтому ничего не знает. Как, например, она не рассказывает ему о своих отлучках из дома, когда он ездит в Рунжи, а она ходит к хозяину табачной лавки.

Мансебо смотрит на потрескавшийся кусок мыла, который держит в руке. Оно потрескалось, потому что его не используют? Но ведь вода должна непременно попадать на предмет, который лежит на краю ванны, разве нет? Почему в таком случае мыло сухое и потрескавшееся?

Адель и Тарик ведь принимают душ? Некоторое время Мансебо размышляет, почесывая затылок. Вопросы, касающиеся мыла, приятно щекочут любопытство, и у Мансебо улучшается настроение.

* * *

После того как я два раза роняла ключи из-за переживаний по поводу моего опоздания, мне вдруг пришло в голову, что если на компьютер и пришло какое-то сообщение, то оно там и сохранилось. Неужели что-то изменится оттого, что какое-то сообщение будет передано дальше не в ту же секунду, а чуть позже? Я распаковываю собственный компьютер, а потом включаю тот, который стоит в моей конторе. После бессонной ночи я неважно себя чувствую. Писем нет. Я набираю номер телефона месье Каро, который живет в квартале Марэ, только для того, чтобы избавиться от мыслей о нем.

— Алло.

Голос хриплый, как раз такой, какой я и ожидала услышать от этого человека.

— Добрый день, мне нужен месье Каро.

— Зачем он вам нужен?

Теперь я узнаю его голос.

— Я хочу знать, как он себя чувствует.

— С кем я говорю?

Самое простое — это сказать ему, кто я, но что-то удерживает меня от прямого ответа. Я пока не готова открыть ему свое имя.

— Я говорю с месье Каро?

— Да, — ответил мужчина на другом конце провода.

— Я — та женщина, с которой вы встретились на кладбище. Потом мы виделись в больнице, если вы это помните.

— Конечно помню! Что вам угодно?

— Я уже сказала, что хотела бы узнать, как вы себя чувствуете.

В трубке наступила тишина. Я была уверена, что он сейчас положит трубку, но не нашла что сказать, чтобы этому воспрепятствовать.

— Улица Розье, двенадцать. Код первой двери — 12A90, код второй двери 223B, — произнес он наконец.

— Вы приглашаете меня к себе?

— Как бы то ни было, но это вы мне звоните. Я пока не получил ответа на вопрос, заданный в больнице.

— Я сейчас на работе, но смогу прийти к вам после четырех. Это вам подойдет?

Снова наступила тишина.

— Да, приходите, — произнес он после долгого молчания.

Компьютер звякнул в тот момент, когда я положила трубку. Мне казалось неправдоподобным, что я скоро окажусь в гостях у месье Каро.

— Человек должен стоять на какой-то одной точке. Она этого не сделала. Скорее наоборот. Но зачем эти цветы?

— То, что я клала цветы на могилу вашей матери, было чистой случайностью, точно так же это могла быть…

— Я не верю в какие-то там случайности!

Я рассмеялась, потому что перестала бояться этого человека. Он злился, но не мог причинить мне вред. Он даже не сможет дать мне еще одну пощечину. Внутри у него бушевала лава, которую он долго носил в себе, но произошло извержение, лава вырвалась наружу, и теперь он стал неопасен.

В квартире было полутемно, несмотря на большие окна, выходившие во двор. Мебель, книги и столы придавали квартире несколько меланхоличный вид, но не делали ее мрачной. Когда я позвонила в дверь, месье Каро открыл, повернулся спиной ко мне и прошел в гостиную, где

уселся в кресло. Он встретил меня так, словно я была приходящей домработницей. Он сразу же перешел к разговору о своей матери.

Я села в кресло по другую сторону низкого журнального столика.

— Значит, ясно, что никакой случайности не было. Зачем вы возлагали цветы на могилу моей матери?

Почему я все же выбрала именно могилу Юдифи Гольденберг, а потом несколько раз к ней возвращалась?

— Не знаю, возможно, я смогу ответить на этот вопрос в будущем. Но сейчас я не знаю.

— Этот ответ лучше. Тоже плохой, но лучше первого. Случайность… На свете не существует случайностей. Человек должен сделать выбор, но она, моя мать, которую вы почитаете, его не сделала.

— Как вас понять?

И он начал свой рассказ:

Юдифь была совсем молода, когда, сдав все положенные экзамены, получила диплом врача. Слишком молода для того, чтобы быть мудрой. Во время экзаменов крики «ура» смешивались с хриплым фельдфебельским голосом, который пронизал все — стены, могилы и разум. Воз-

можно, из-за этих воплей она и не смогла лучше рассмотреть саму себя и других. Собственно, я этого не знаю, и это не играет никакой роли.

Вскоре после экзаменов она открыла свою практику недалеко от Мюнхена. Молодая красивая женщина, еврейка со своей врачебной практикой. Да, вы не ослышались… Она была настолько сильно захвачена своими успехами, что не замечала танки, грохотавшие мимо окон ее кабинета. Когда к ней приходили пациенты с травмами после уличных нападений, она отмахивалась от их рассказов, говорила, что это преувеличение. Она говорила, что половина из них падала по собственной неосторожности, а половина была побита соперниками.

Когда ей предложили надеть пресловутую еврейскую звезду, она надела ее и стала носить с известной гордостью. Она нацепила звезду рядом с медицинским значком, на котором красный крест был изображен на фоне свастики. Она думала, что эта звезда ничем не отличается от всех прочих звезд. Какая глупость.

На прием к ней приходили как евреи, так и немцы. Она была выдающимся врачом, и вскоре начали ходить слухи о том, что эта одинокая молодая женщина вылечивает большинство сво-

их пациентов. Она не гнушалась альтернативной медицины, но никогда не переходила границы, соблюдая приличия, необходимые для любого настоящего врача. Она выписывала гомеопатические средства, доказавшие свою эффективность, но никогда не занималась наложением рук… и не говорила об исцеляющей силе веры в Бога. Она была хорошим врачом, я не стану этого отрицать.

Месье Каро вытянул ноги и поддернул брюки, глядя мимо меня в стену. Помолчав, он снова заговорил:

Вероятно, она поняла всю серьезность происходившего, когда были депортированы ее соседи. Она долго игнорировала синяки и сломанные руки, но исчезновение целой семьи было невозможно оправдать никакими уловками и надуманными причинами. Она когда-то помогала соседям белить кухню. Она знала, как они были счастливы в своем доме. Они никогда бы не покинули свой дом по доброй воле. Это она хорошо понимала, несмотря на отрицание очевидного. Потом настала и ее очередь. За ней пришли в ее кабинет, во время приема. Один из них был ее пациентом. В своей наивности она полагала, что этот человек был в ней заинтересован. Ха, ха… конечно был.

Она, как я уже говорил, была одинока, но мечтала о муже и ребенке, которого хотела родить, когда утвердится в своей карьере. Карьера ее состоялась, это верно, но совсем не так, как она себе это представляла.

Пришедшие люди предложили ей собрать вещи. Мать сняла с вешалки плащ и собралась, как обычно, запереть кабинет. Она не поняла, что те люди хотели, чтобы она собрала все свои вещи и навсегда закрыла свой кабинет и прекратила практику. У тех людей был с собой список вещей, которые матери надлежало взять с собой. Помимо перевязочных материалов, она должна была взять с собой скальпели, иглы и шовный материал, а также морфин. Все это мать уложила в свой кожаный врачебный саквояж. Она погасила в кабинете свет и отправилась навстречу своей судьбе, если не по собственной воле, то, во всяком случае, выполнять какое-то достойное поручение. Она давала клятву врача, и она будет лечить тех, кто в этом нуждался.

Конечным пунктом поездки стал Дахау. Она приехала туда обычным пассажирским поездом в обществе нескольких немцев. Она ехала так же, как и они, в вагоне для немцев! Пассажиры были рассеяны по разным вагонам. Ее кормили,

она могла невозбранно ходить в туалет. Самое странное заключалось в том, что для нее был открыт и вагон-ресторан, а за стойкой с кофе и булочками стоял солдат, который с большим трудом разбирался в работе кассового аппарата. Наверное, солдат за кассой поразил мать больше всего. Немцы захватили Европу, направили этот поезд в ад, но, мало того, брали за все это друг с друга деньги в вагоне-ресторане.

После войны она много раз возвращалась к этой теме, к своему путешествию, а вагон-ресторан занимал ее до самой смерти.

— Я устал, — вдруг произнес месье Каро и посмотрел на потолок.

Наверное, усталость была вызвана воспоминанием о вагоне-ресторане. Но я понимала, что рассказ не окончен, и попыталась убедить его продолжить повествование. Я даже позволила себе выключить радио. Но месье Каро молчал, и я поняла, что настало время ехать забирать сына. В метро меня преследовала мысль о вагоне-ресторане. Я не забыла, что именно на этом воспоминании остановился месье Каро. Он попросил меня приехать к нему завтра в то же время. Я посмотрела на свое отражение в вагонном окне. Вид у меня был как у юной невинной

девушки, но я чувствовала себя старой, усталой и грешной.

* * *

Мансебо чувствует себя разочарованным. Двадцать восемь лет он просидел на этом месте, и оно ему не надоедало. Но теперь, когда он получил новую работу, дни кажутся ему долгими и пустыми. Несколько детей купили печенье, чтобы получить записные книжки, но больше не происходило ровным счетом ничего.

Мансебо, как всегда, сидит на скамеечке и изучает уличную жизнь. Ни за какие сокровища мира не сможет он вспомнить, как проводил это время до того, как получил задание от мадам Кэт. Писатель, словно прочитав жалобные мысли Мансебо, внезапно появляется на бульваре, неся на плече компьютер в чехле, а в руке — книгу. Остановившись у сияющей розовым неоном вывески обувной мастерской, писатель обменивается рукопожатием с какой-то женщиной.

Мансебо срывается со скамеечки и проскальзывает в лавку, чтобы взять с полки бинокль. Он не может, не имеет права упустить даже самую незначительную мелочь. Сначала он окидывает взглядом место действия — больше по уже выра-

ботавшейся привычке — и поднимает к глазам бинокль. Мансебо вздрагивает и одергивает себя — когда же он научится смотреть на мир хладнокровно и непредвзято. Ну не содрогаются же ученые всякий раз, когда видят под микроскопом вирус. Писатель все еще стоит на прежнем месте и разговаривает с женщиной. Она выглядит намного старше его.

Внезапно и без предупреждения между Мансебо и писателем останавливаются два каких-то человека. Они как будто вполне сознательно стремятся помешать его детективной работе. Мансебо не меняет положения и продолжает смотреть в бинокль на то же место, ожидая, когда эти двое наконец уйдут. Писатель и женщина снова пожимают друг другу руки и расходятся. Это последнее, что видит Мансебо, прежде чем свет померк в его глазах и он провалился в непроницаемую черноту.

Первое, что он видит, — это яркий свет. Нестерпимо яркий, всепроникающий, беспощадный белый свет. Мансебо закрывает глаза. Тьма, как это ни странно, действует на него успокаивающе.

— Отвечай! — кричит ему кто-то.

Мансебо открывает глаза. В пятне света, в двер-

ном проеме стоит огромный человек, который, похоже, пытается выглядеть еще больше. Мансебо приходит в голову, что есть какое-то животное, он не помнит, какое именно, которое раздувается, чтобы пугать своих врагов. Мансебо почему-то трудно поверить, что этот голос принадлежит человеку, которого он видит перед собой. В таком теле не может быть такого голоса. Жаба, вдруг вспоминает Мансебо, это жаба раздувается, когда ей угрожает опасность. Кто-то хватает Мансебо за подбородок и запрокидывает ему голову. Теперь Мансебо становится по-настоящему страшно. Очень страшно. До этого он не боялся, потому что не понимал, что происходит. Теперь до него стало доходить, что он почему-то находится в лавке, а не на улице. Ему чем-то брызнули в глаза и втащили в помещение. Эти два человека взяли его в плен и теперь требуют, чтобы он что-то им ответил. Мансебо уверен, что это ограбление.

— Деньги… — невнятно бормочет он.

Он уверен, что им нужны именно они.

— Какие к черту деньги? — шипит стоящий рядом с ним человек.

— Деньги… лежат в кассе.

— Я спрашиваю тебя не о деньгах, будь ты неладен!

Мужчина поднимает Мансебо за воротник рабочей куртки. Оторванная пуговица отлетает в сторону, и Мансебо надеется, что это только она свистит в воздухе. Мужчина с силой усаживает его обратно на скамеечку, которая тоже почему-то находится в лавке. Как это получилось, Мансебо не знает, и у него сейчас нет времени об этом думать. Толстяк высовывает голову на улицу, но весь его массивный корпус остается внутри. Наверное, он отогнал покупателя. Мансебо наконец смотрит на человека, который оторвал его от скамейки. Он полная противоположность толстяку, стоящему в двери. Высокий и худой, с неестественно тонкими бакенбардами. Мансебо трет себе лоб.

— Ну, сморчок, говори, что ты здесь высматриваешь?

— Высматриваю? — натужно кашляя, говорит Мансебо.

— Да, какого дьявола ты стоишь здесь и зыришь в этот дурацкий бинокль?

Мансебо смотрит сначала на толстяка в дверях, потом на человека с бакенбардами, но ни один из них не похож на писателя. Правда, у него могут быть друзья или сообщники, которые его защищают. Но не слишком ли это крепкая защита

для дела о супружеской неверности? Мансебо старается привести в порядок мысли. Наверное, эти двое не имеют ничего общего с писателем. Наверное, это торговцы наркотиками, которые на улице обделывают свои делишки. Человек с бакенбардами делает шаг к Мансебо, и он машинально прикрывает лицо руками, понимая, что молчать дальше он не может.

— Я хотел опробовать свой новый бинокль.

— Опробовать новый бинокль? На оживленной улице? Зачем тебе нужен бинокль?

— Для того, чтобы смотреть на лошадей на скачках.

Последний, кто говорил с Мансебо о бинокле, был Тарик, который боялся забыть бинокль, собираясь на скачки в воскресенье.

— Смотреть на лошадей?

Мансебо кивает:

— Да, на скачках в Отейле. Будет большой забег. Хочу выиграть денежку.

О последней фразе Мансебо жалеет. Незачем было выдавать такую информацию. Мужчины переглядываются. Человек с бакенбардами заставляет Мансебо встать и обыскивает его карманы, выбрасывая все их содержимое на пол — пропитанный потом носовой платок, белый

мелок и несколько ключей. Он снова сажает Мансебо на скамеечку и идет к кассе. Торговцы наркотиками могут быть и грабителями — одно отнюдь не исключает другого, думает Мансебо. Но человека с бакенбардами абсолютно не интересует выручка. Он начинает рыться на полках. Мансебо с трудом глотает несуществующую слюну. Человек перелистывает чековую книжку, словно подозревая, что там может находиться что-то важное. Потом он перелистывает несколько пустых китайских записных книжек, а потом добирается до книжки, в которую Мансебо записывает свои наблюдения. Мужчина с бакенбардами листает книжку, а потом что-то говорит стоящей в дверях жабе. Мансебо не знает почему, но он не понимает ни слова. Может быть, они говорят на каком-то другом языке?

— Делаешь записи в книжке? Чем только не займешься, когда приходится целыми днями сидеть на улице и глазеть на прохожих. Или ты за кем-то шпионишь? Да, это точно был не я — тот, кто спрыгнул с этой чертовой пожарной лестницы. Знаешь, мне наплевать на твою игру в детектива-любителя, но делай это поаккуратнее.

Человек с бакенбардами перелистывает еще несколько страниц. Прочитав их, человек явно

успокоился. Он для вида, но без прежнего усердия, порылся на полке и что-то сказал своему напарнику. На этот раз Мансебо уверен, что они говорят не по-французски, а также не по-арабски или по-английски. Дальше языковые познания Мансебо не простираются.

— Будь осторожнее, направляя бинокль на людей. Не смей наводить его на ребят с бульвара! Договорились?

Мансебо болезненно реагирует на слово «договорились». Это слово точно не подходит к тому, что эти люди только что сделали. Тем не менее Мансебо кивает. Он не будет больше смотреть в бинокль на бульвар. Человек с бакенбардами роется в куче вещей, высыпанных им на прилавок, потом сбрасывает их на полку под кассовым аппаратом и напряженно осматривается. Мужчины переглядываются и быстро исчезают. Мансебо остается сидеть на скамеечке. Он чувствует тепло между ног, а на полу видит лужицу. Ничто не указывает на то, что Мансебо только что удостоился визита двух джентльменов, если не считать лужи на полу и оторванной пуговицы, которая валяется возле полки с консервами. Какие вежливые разбойники, думает Мансебо, подобрав пуговицу и сунув ее в карман. Он бросает взгляд

на дверь, но решает не запирать ее, чтобы не привлекать лишнего внимания. Он прикрывает ее. Случайный покупатель теперь не зайдет, решив, что владелец на время отлучился.

Мансебо прижимает ладонь ко лбу и отходит от кассы. Он аккуратно складывает в стопку записные книжки, а потом вскрывает упаковку туалетной бумаги и принимается вытирать лужу. Конечно, можно сходить домой за шваброй, но у Мансебо нет на это сил. Никогда в жизни он не чувствовал себя таким униженным. Он бросает в мусорную корзину мокрую бумагу, идет к холодильнику, достает оттуда бутылку кока-колы и осушает ее одним глотком.

* * *

— На чем я остановился? Ах да, на вагоне-ресторане. Я всегда на нем останавливаюсь.

Месье Каро улыбнулся, открыв мне дверь, но потом снова стал серьезным, как будто жалел о своем приглашении.

В вагоне-ресторане она пила кофе с сахаром и съедала ванильную булочку. Между прочим, я никогда не видел, чтобы она пила кофе с сахаром или ела ванильные булочки. Было еще светло, ко-

гда поезд прибыл в Дахау. В воздухе висел туман, стоял страшный холод. Мать была в одежде, подходящей лишь для того, чтобы пройти несколько сотен метров от дома до своей врачебной приемной. К ней направлялись несколько солдат. В первый раз она поняла, как мало пассажиров было в этом странном поезде. Помимо солдат в нем ехал один старик и две супружеские пары. Во всем поезде. Мать была единственной молодой женщиной, которая одна ехала в этом поезде. Она была, кроме того, единственной, кто приехал с сумкой. Все остальные выходили из вагонов с пустыми руками.

Юдифь отвели в помещение, которое раньше использовали как билетную кассу. Вдоль стен стояло несколько скамеек. Едва она успела сесть, как ее вызвали — самую первую. Она, по привычке, улыбнулась оставшимся и последовала за солдатами. Они шли по глинистому вязкому полю, и мать несколько раз упала в своих туфлях с низкими каблуками. Машинально она протягивала руки, чтобы мужчина, шедший впереди, помог ей встать, но он продолжал идти не останавливаясь. Уверенная, что он просто не видел, как она падает, она окликнула его, удивившись звучанию собственного голоса. Она очень давно

ни с кем не разговаривала, к ней никто не обращался, а сама она не осмеливалась это делать. Мужчина остановился, оглянулся, посмотрел на нее и пошел дальше. Пока она лишилась только самоуважения, но никто не лишил ее главного титула — звания врача. Что было бы хуже, она могла поспорить. Но она была умная женщина. Она просто сняла туфли, несмотря на холод, и пошла за человеком, который только что отнял у нее человеческое достоинство.

— Будьте так любезны, выключите радио. Спасибо.

Месье Каро откашлялся и отпил глоток воды. Он вел себя так, словно выступал с докладом. Словно читал записанное выступление.

В здании, расположенном в отдалении от других, ей снова пришлось сесть и ждать. Она вытерла слезы, чтобы они не замерзли у нее на щеках, и задумалась, нет ли у нее в сумке каких-то вещей, которые могли бы ей сейчас помочь. Наверное, можно воспользоваться марлевым бинтом. Человек, лишивший ее человеческого достоинства, стоял, прислонившись к двери, но, услышав из соседнего помещения шум, встрепенулся и вытянулся по стойке смирно, а когда

дверь открылась, вскинул руку в нацистском приветствии. В комнату вошел невысокий полный человек с редкими волосами. Он посмотрел на Юдифь, на ее ноги, и приказал солдату принести теплые носки. Солдат повернулся и вышел. Полный мужчина отошел к своему столу в соседней комнате, оставив дверь открытой, но не сказав ни слова Юдифи.

Солдат вернулся с парой носков, похожих на белые футбольные гетры, и протянул их Юдифи. Она стянула с ног черные нейлоновые чулки и натянула принесенные гетры. Она даже попыталась надеть туфли, но гетры оказались слишком толстыми. Так, в одних носках, она и пошла к столу, куда ее позвал сидевший за ним человек. Только теперь она узнала, зачем ее сюда привезли. Она должна послужить своей стране. Ее привезли сюда как врача. Она была лучшим врачом в Мюнхене, а теперь, когда в городе осталось мало и немцев, и евреев, она должна поработать здесь. Она должна лечить все болезни, которые могут приключиться с людьми в лагере. Все зло и болезни здесь происходят от грязных евреев. Но она будет лечить не их, а немцев, которые заражаются от евреев. Так объяснил ей задачу человек за столом. Но ее привезли сюда не только потому,

что она была лучшим в городе врачом, но и потому, что она очаровательная женщина, самая очаровательная, о какой только могут мечтать немецкие солдаты, а они должны иметь только лучших женщин. Моя мать не топнула ногой. Она вообще никогда этого не делала.

Месье Каро замолчал, а я задумалась о том, что он хотел сказать своей фразой, но прежде, чем пришла к какому-либо выводу, он продолжил:

Они хотели знать, что ей нужно для того, чтобы принимать больных. Она быстро составила список необходимых медикаментов и инструментов. В суматохе ареста она забыла в своем кабинете стетоскоп. Обычно во время работы стетоскоп висел у нее на шее, но, уходя домой и надевая плащ, она всегда снимала его. Так же поступила она и в этот раз. Она сняла его и оставила в кабинете, словно шла домой. Полный человек взял список, быстро его посмотрел и вернул Юдифи, попросив дополнить его необходимой мебелью. Кроме того, ей понадобятся весы, ростомер, кушетка, стул, бумажные полотенца и хорошая лампа, если она не добавит сама что-нибудь еще. Мать попыталась вспомнить, что стояло в ее собственном кабинете, но память

изменила ей. Наверное, сработал защитный механизм. Наверное, до нее наконец дошло, что она никогда больше не увидит свой кабинет и поэтому о нем следовало забыть как можно скорее.

Месье Каро вытер глаза.

Первые два дня в Дахау она провела в одиночестве в маленькой комнатке, сидя на солдатской кровати без простыней и пододеяльника. Два раза в день ей приносили еду и кофе. Никто к ней не обращался. Она бессчетное число раз открывала и закрывала свой докторский саквояж. Но она все же пыталась не падать духом. Она говорила: если бы я тогда позволила себе заплакать, то не дожила бы до сегодняшнего дня. Да, да… На третий день пришел какой-то человек с парой черных ботинок, приказал ей надеть их и следовать за ним. Путь снова пролегал через глинистое поле. Свои старые туфли она положила в саквояж. Бараки, разбросанные по полю, выглядели не так, как она себе представляла. Некоторые, конечно, напоминали старые железнодорожные контейнеры, но среди них выделялись и вполне приличные маленькие домики. Мужчина направился к одному из бараков, стоящему в рощице, и мать последовала за ним. Она сразу поняла, что мужчина привел

ее в новый медицинский кабинет. Не говоря ни слова, мужчина обвел рукой помещение. Перед дверью находился небольшой тамбур, который с большой натяжкой можно было назвать комнатой ожидания. Сам кабинет, напротив, был большим, светлым и просторным. Под потолком висела большая люминесцентная лампа, излучавшая немилосердно яркий свет. За простенком находился простенький душ и туалет, представлявший собой просто отверстие в полу.

Среди всего этого несчастья и несмотря на то, что у нее отняли свободу и самоуважение, ей все же вернули часть профессионального достоинства. Это был проблеск света, проблеск надежды, и она принялась спокойно распаковывать свой саквояж. Морфин она положила в сейф, висевший на стене. В сейфе находились медикаменты, которые она заказала. Она осмотрела один флакон, открыла и понюхала содержимое второго, чтобы убедиться, что это и в самом деле лекарства, которые ей требовались. Ножницы она положила вместе с перевязочным материалом. После всего она извлекла из саквояжа туфли, смочила ватку и попыталась отчистить обувь от засохшей глины. Потом она поставила туфли в душевой отсек, чтобы высушить их. Вдруг она услышала

детский крик и выглянула в окно. Но из окна была видна только роща, и в этом было спасение. Вскоре она услышала женский крик. Попыталась открыть дверь, но тут же удивилась своей наивности. Дверь конечно же была заперта. Она вернулась в кабинет и снова выглянула в окно, выходившее на рощицу.

Только через несколько часов в кабинет вошел первый пациент — полный коренастый офицер. Он впервые представился. Она записала его имя — Фриц Эрк — в блокнот, который служил ей рецептурными бланками и журналом регистрации пациентов. Эрк страдал диабетом, и теперь, когда он находился вдали от дома, ему стало хуже. В первый день у Юдифи было два пациента — Эрк и солдат с вывихом плеча. У всех пациентов были ключи, которыми они открывали наружную дверь. Они отпирали дверь, входили, получали помощь, запирали дверь и уходили. Врач был взаперти, а пациенты приходили с ключами. Какой нелепый фарс!

Месье Каро рассмеялся и закашлялся. Впрочем, я не находила ничего комичного в этом рассказе. Похоже, он вдруг оторвался от своего конспекта и, сделав это, перестал владеть собой. Чувства возобладали.

Да, так на чем я остановился? Итак, Юдифь полечила Эрка и солдата, а вечером ей принесли поднос с ужином. После еды она ждала, что за ней придут и отведут на ночлег в помещение с кроватью, но никто не пришел. Она затосковала по своей спартанской комнатке. Однако, когда наступила ночь, улеглась на медицинскую кушетку и уснула. Тогда она не знала, что ей придется жить так больше года. Теперь это был не только ее врачебный кабинет, но и ее дом. Таким образом Юдифь получила свою врачебную практику и своих пациентов, хотя и не так, как она раньше себе это представляла.

Эрк приходил несколько раз в неделю, и был единственным человеком, с которым Юдифь поддерживала какой-то личный контакт. Именно у него она осмелилась попросить, чтобы ей приносили газеты, иначе она могла бы сойти с ума, потому что ей было абсолютно нечего делать между редкими приходами пациентов. Он обещал выяснить, что можно сделать. На следующий день он пришел с плохой новостью. В получении газет было отказано. Но моя мать была далеко не глупа. О ней можно сказать много приятных слов, но ее ни в коем случае нельзя было назвать глупой. На другой день, вводя инсулин в его немец-

кую вену, она спросила, не будет ли ей позволено читать медицинскую газету Ärzteblatt. Это будет лучше для всех, утверждала она. Врачебная наука стремительно развивается, и она должна поддерживать знания на должном уровне. Тем более что в лагере большая скученность, и ей надо знать, какие бактерии и вирусы больше других размножаются в таких условиях. Эрк был доволен, но смущен тем, что такая простая мысль не пришла в голову ему самому. Он решил помочь Юдифи. Нет, не потому что был добр, нашли о чем говорить! Но он был мужчиной.

Уже через неделю он пришел с номером Ärzteblatt. Сосновая роща и медицинская газета помогли Юдифи выжить. Каждый номер она прочитывала по десять раз.

Юдифь мало рассказывала о том, как ей удалось пережить Дахау. Она говорила, что ничего не видела, только слышала. Выстрелы и крики. Таких криков она не слышала до этого никогда в жизни. Это были нечеловеческие вопли, напоминавшие поросячий визг. Юдифь ни разу не видела, как режут свиней, но теперь она знала, как они в этот момент кричат. Какой, впрочем, вздор! Однако она часто рассказывала, как однажды Эрк явился в кабинет с пакетом, в котором ле-

жали нейлоновые чулки. К тому времени мать пробыла в Дахау уже несколько месяцев. Одежда, в которой она приехала, была у нее единственной. Она стирала одежду через день в душе и сушила на батарее отопления. Через ночь, таким образом, ей приходилось спать в медицинском халате. Чулки выглядели поношенными, одна петля была спущена, но она выстирала их и стала носить. Это было необъяснимо.

Месье Каро тяжело сглотнул.

Мысль о том, что до нее эти чулки носила другая женщина, не могла не прийти в голову Юдифи, она была не настолько глупа. Она понимала, что та женщина, скорее всего, мертва и что, вероятно, она пала жертвой Эрка и его головорезов. Как она могла носить чулки убитой ими женщины! Это было то же самое, как если бы она сама ее убила! Еще будучи ребенком, я спрашивал у матери об этом. Мне было тогда восемь лет. Вы понимаете, восемь лет?!

Мне вдруг показалось, что в комнате стало тесно. Лицо месье Каро пылало от гнева. Наверное, мне надо было что-то сказать, чтобы отвлечь его, заставить подумать о чем-то другом, но я хотела знать, что было дальше.

— Что она вам на это отвечала?

— Что для нее было важно снова надеть свои туфли и сбросить наконец те проклятые ботинки. Она доказала этим, что человек сам не знает, как поведет себя в экстремальной ситуации, до тех пор, пока не окажется в ней. Трам-пам-пам!

Невзирая ни на что, я все же ощущала свою ответственность за здоровье месье Каро, и, рискуя тем, что его рассказ может на этом закончиться, я спросила, не хочет ли он сделать паузу, и добавила, что смогу прийти завтра. Месье Каро сердито уставился на меня.

— Нет, надо сегодня покончить с этой позорной историей. Надо поставить в ней точку.

Мне посчастливилось снова вернуться в прошлое.

Получив чулки, она спросила, нельзя ли ей получить сменное белье. Эрк устроил и это. Он принес пару белых чулок, две пары черных брюк, две пары белых кальсон, две белые рубашки и серый свитер — все мужских размеров.

Она навела порядок и уют в кабинете. Последний номер медицинской газеты она клала в комнате ожидания. Время от времени она просила солдат приносить ей сосновые веточки, которые она в пробирках ставила на стол в при-

емной. Именно за это я упрекаю свою мать. О чем, черт возьми, она думала?

— Вы спрашивали ее об этом?

— Она говорила, что таков был ее способ выживания. Но она же слышала крики! Но знаете, за что я порицаю ее больше всего? За то, что она не стеснялась об этом рассказывать. За то, что она этим гордилась.

— Но она же рассказывала правду.

— Дерьмо это, а не правда.

— Она была гордая женщина.

— В преисподнюю ее за такую гордость!

Теперь я снова узнала прежнего месье Каро. Впрочем, на этот раз он сумел быстро взять себя в руки и успокоить свои страсти. Он все же решил рассказать историю до конца и поставить в ней жирную точку. Все его поведение говорило о том, что он хочет передать весть о прошлом дальше, чтобы не унести ее с собой в могилу.

Она болела и сама. Возможно, это была не конкретная болезнь, просто она сильно слабела. Но, будучи врачом, она могла заказать все, что ей было нужно. Она позаботилась о себе, принимая препараты железа и витамины A и D, а в это время ее соплеменницы умирали по соседству.

Так она прожила чуть больше года.

Она ни разу не вышла из своего кабинета до того момента, когда ей пришлось покинуть Дахау. Без предупреждения к ней явился солдат и приказал паковать вещи. Она спросила, что ей взять с собой, так как была уверена, что ее вызывают к тяжелораненому, к человеку, который не может сам прийти в медпункт. Солдат повернулся на каблуках, вышел и вскоре вернулся. «Возьмите то, что может понадобиться господину Эрку». Мать уложила в саквояж инсулин, шприцы и болеутоляющие средства. На дворе уже стояло лето. Вовсю пели птицы. Первое, что поразило мать, когда она вышла на улицу, были запахи, самые разнообразные запахи. Больше года она провела в комнате, где не было никаких запахов. На улице же пахло сигаретами, потом, сыростью, в смеси с запахом сигар, рвоты, испражнений и ацетона, хлорки и еды.

У платформы стоял поезд. Мимо торопливо пробежали какие-то люди с желтыми еврейскими звездами на рукавах. Солдаты подгоняли их гортанными командами. Она улыбнулась им, но они посмотрели на нее со страхом. Она поняла их реакцию — на ее одежде не было желтой звезды. Неподалеку от поезда стоял большой черный

легковой автомобиль. Солдат жестом приказал ей сесть в машину. Мать сильно испугалась. Врачебные приемы были ее единственным спасением, ее единственной защитой, оплотом ее безопасности. Что, теперь пробил ее час? Дверь машины открылась, и она заглянула внутрь. На заднем сиденье сидел Эрк, который жестом предложил ей сесть рядом. Шофер в эсэсовской форме повернул ключ зажигания.

— Куда они поехали?

Мой интерес к истории возрос настолько, что я перестала осторожничать с вопросами.

— В Париж.

— Почему в Париж?

— Немецкие войска захватили город. Эрка направили служить в Париж. Он попросил начальство, чтобы ему разрешили взять с собой Юдифь, потому что иначе он не мог бы держать под контролем свой диабет. Мать ее была француженкой, и французским языком она владела как родным. Практически Эрк просто решил взять женщину с собой.

— Но, может быть, она нравилась Эрку, может быть, он воспользовался этим предлогом, чтобы увезти ее из Дахау?

— Он был обыкновенной скотиной! Не будем

наряжать дьявола в белые одежды.

До Южной Германии они доехали на машине, а оттуда поезд привез их в Париж, на Лионский вокзал. В Париже они поселились в гостинице, и не просто в гостинице, а в отеле «Риц» на Вандомской площади. Эрк дал матери денег на покупку одежды. Совершенно абсурдный поступок. Сначала он продержал женщину взаперти в течение года в сарае, где был только душ и какое-то подобие туалета, а потом поселил ее в шикарном отеле и одарил деньгами на дорогие покупки. Она пошла в один из самых дорогих магазинов на Вандомской площади и отлично оделась с помощью продавцов. Эрк велел ей на все вопросы о ее имени отвечать, что ее зовут мадемуазель Дёрнер и что она его невеста. Глупый немец. Было бы гораздо правдоподобнее, если бы он выдал ее за свою дочь.

— Ей нужно было это оправдывать?

Глаза месье Каро потемнели.

— Вы подумали обо мне?

— Почему я должна была подумать о вас?

— Да, это все вздор. Нет, ей не надо было это оправдывать. Она наверняка хвасталась этим так же, как хвасталась полученными от Эрка

чулками.

Он тяжело вздохнул.

— Я устал, но мы должны поставить точку в этой истории.

Вернувшись в номер, она осмотрела Эрка и сделала ему укол, а потом прошла в свою комнату. Да, ему хватило порядочности поселить ее в отдельной комнате. Он дал ей понять, что она свободна, то есть может выходить из отеля, когда ей вздумается, но должна каждый день быть в его комнате в восемь часов утра, чтобы осмотреть его.

То была первая ночь, когда она, после более чем годичного перерыва, спала наконец в настоящей удобной кровати. Но все ее тело словно окоченело. Удобства не было, она чувствовала себя на этом ложе так же, как на жесткой медицинской кушетке. Именно тогда пришел страх. Она встала и принялась бродить по номеру. В ушах зазвучали выстрелы и крики. Она снова увидела глаза истощенного человека, его взгляд, когда она улыбнулась ему. Она по пыталась вспомнить номер телефона отца. Принялась рыться в саквояже в надежде, что это хоть немного ее успокоит. На краю кровати она вдруг увидела брошюру о «Мулен Руж». Она надела плащ прямо поверх нижнего

белья и спустилась к портье, где попросила разрешения воспользоваться телефоном. Она долго вспоминала нужные цифры, потом дозвонилась до коммутатора, откуда ее могли соединить с Германией, но линия не работала. Она отправилась в бар отеля и напилась так, что официанту пришлось буквально тащить ее в номер. Спала она на полу, так как кровать оказалась слишком мягкой, и мать скатывалась на пол при каждой попытке на нее забраться.

Уже в семь часов она стояла у двери номера Эрка. В восемь часов постучалась. Он открыл, посмотрел на мать, очень удивился, но впустил ее к себе. Руки ее тряслись после ночной выпивки, и она долго не могла справиться со шприцем. Эрк дал ей пощечину, и это привело мать в чувство. Она перестала трястись и сделала укол. Это была их последняя встреча.

— Что вы имеете в виду?

— Они больше не виделись. Эрк сдался в плен. Все происходило 22 апреля 1945 года. Из этого сюжета могла бы получиться неплохая книга, а? Ну, например, «Предательство в стиле модерн».

Я хотела возразить против слова «предательство», но передумала.

— Что было потом?

— Все и ничего. Она встала на ноги, оправилась, если можно так выразиться. В Париже она познакомилась с моим отцом, с порядочным человеком. Без него у нее ничего бы не получилось.

— Он был еврей?

— Да, спасибо и на этом!

— Она продолжила свою врачебную карьеру?

— Нет, у нее и так все было хорошо. Она родила пятерых детей.

— Пятерых? Значит, у вас четверо братьев и сестер? Они живы?

— Да, все живы, я — старший. У всех все хорошо, кроме моего младшего брата. Он болен шизофренией. Странно, что мы, все остальные, не болеем этой болезнью. При такой матери это было бы неудивительно.

— Как братья и сестры относятся к матери? Так же, как вы?

— Я не знаю, да, если сказать правду, меня это совершенно не интересует.

— Почему вы так строго ее судите? На мой взгляд, она не совершила никакого преступления. На ее месте я, наверное, повела себя так же.

— Вы — да! Я превосходно это понимаю! Вы до сих пор кладете цветы на ее могилу, и это невоз-

можно объяснить иначе.

Да, он был прав.

— В любом случае она наказана. Никто из ее детей не возлагает цветы на ее могилу.

— Это не так. Она довольно легко отделалась, но подумайте о ее настоящем преступлении.

— Каком преступлении?

— Она приложила руку к спасению палачей. Палачей, лишивших жизни миллионы людей! Какое преступление может быть хуже! Она дешево отделалась. Единственный человек, который отважился ее осудить, — это я! Это я запретил моим сестрам и братьям возлагать цветы на ее могилу и вспоминать о ней. Они пообещали мне не делать этого и хранят верность слову. Вы понимаете, что сделали?

Я не на шутку испугалась. Не того, что он нападет на меня, я испугалась, что он сейчас умрет. Лицо его побагровело, а губы страшно побелели. Ненависть станет причиной его смерти.

— Вы сами сказали, что судьба вашей матери может стать сюжетом хорошей книги. Вы не хотите, чтобы я ее написала?

Он немного успокоился, посмотрел на экран выключенного телевизора.

— Будьте добры, включите, пожалуйста, те-

левизор.

Я поняла, что он хочет переключиться, но не видела пульта. Потом до меня дошло, что пульта здесь просто нет. По телевизору шли какие-то дебаты.

— Вы будете хвалить ее в этой книге? Нет, спасибо, не надо.

— Нет, я не собираюсь ее хвалить, но я хочу объективно поведать ее историю. Там не будет ни приукрашиваний, ни проклятий. Может быть, с помощью такой книги вы сможете более уравновешенно отнестись к своей матери.

Он пристально смотрел на меня, и я увидела, что он не вполне понимает, о чем идет речь.

— Я хочу сказать, что читатели будут сами судить о ней. Возможно, они примут вашу сторону. Это будет достаточным наказанием для вашей матери?

Глаза месье Каро заблестели. В них мелькнуло что-то сладостное. Его мать будет осуждена другими, и в этом случае получит оправдание и удовлетворение вся его психологическая конструкция. То, что другие люди тоже бросят камень в Юдифь, поможет ему оправдаться перед самим собой. Это будет его козырной картой. Это будет польза не только для него, для братьев и сестер,

это послужит доказательством того, что он поступил правильно, запретив им возлагать цветы на ее могилу. Я очень надеялась, что, если бы Юдифь могла меня услышать, она поняла бы подоплеку моих мыслей.

— Когда вы сделали себе татуировку? — спросила я.

— О, это было очень давно.

— Кто ее делал?

— Не знаю, какой-то сумасшедший с кольцом в носу. Он жил здесь, в квартале Марэ.

— Вы пошли к нему, чтобы сделать татуировку?

Я едва сдерживала смех.

— Но вы вытатуировали такой же номер, какой татуировали евреям в нацистских концлагерях?

— Да, именно так.

— Но зачем?

— Такой номер должен был быть у нее. Кто-то из семьи был обязан взять на себя это бремя.

Я долго наблюдала, как он с решительным и собранным видом смотрел прямо в телевизионный экран.

— Вы можете окончить ваш визит, — сказал он и рукой указал мне на дверь.

* * *

Мансебо смотрит прямо перед собой, устремив взгляд в никуда. «Что же, неужели все на этом кончилось? — думает он. — Как я осмелюсь теперь когда-нибудь высунуть нос из лавки? Я все проиграл. У меня в руках была такая хорошая история, но эти люди отняли ее у меня».

Через некоторое время Мансебо на трясущихся ногах подходит к двери, приоткрывает ее ногой и быстро возвращается в безопасное место за кассой. Он не осмеливается даже мельком посмотреть на дом напротив. Мансебо, однако, понимает, что если сейчас не откроет дверь настежь, то не откроет ее никогда. То же самое бывает, когда человек падает с лошади, думает он. Человек должен тотчас снова вскочить в седло, иначе никогда не отважится на это снова. «Да, лошади, — бормочет себе под нос Мансебо, — хорошо, что я вспомнил о лошадях и скачках, чтобы сказать, зачем мне бинокль».

Мансебо раздумывает, не показаться ли ему врачу. Что-то у него сильно разболелась голова. Те два человека его не били, но он пережил потрясение, которое, конечно, сказалось на голове. Он открывает еще одну бутылку кока-колы и вспо-

минает слова матери: американские напитки можно принимать только как лекарства, и никак иначе. Да, это будет очень хорошо — принять сейчас немного лекарства. От мыслей о матери Мансебо хочется заплакать, но он сдерживает слезы. Не стоит путать разные вещи.

В голове Мансебо проясняется, и он начинает трезво оценивать положение: здесь побывали двое сумасшедших. Реакция того типа с бакенбардами на просмотр записной книжки говорит о том, что они не имеют ничего общего с писателем. Значит, его он может совершенно спокойно рассматривать. «Итак, дело ясное. Не только неверный писатель топчет бульвар. Здесь делаются и многие темные делишки. Единственное, что я обещал, — это то, что никогда не буду рассматривать в бинокль бульвар. Что ж, это обещание я вполне смогу выполнить».

На прилавке стоят в ряд четыре пустые бутылки из-под кока-колы. В лавку проникает запах еды, и Мансебо приходится сильно напрягаться, чтобы снова не обмочиться после такого количества выпитой кока-колы. Он принимается втаскивать в магазин лотки с овощами, обратив особое внимание на морковь. Прежде чем он решается посмотреть, что делается на бульваре, появляется

Тарик, хлопает его по спине и направляется к лестнице.

— Что, была вечеринка? — бросает на ходу Тарик и взбегает вверх по ступенькам.

Сначала Мансебо не может понять, что Тарик имел в виду. Потом до него доходит, что Тарик съязвил насчет четырех пустых пластиковых бутылок, которые рядком стоят на прилавке. Мансебо опускает решетку и запирает дверь, одновременно пробормотав: «Showmustgoon»[1], хотя он вовсе в этом не уверен. Потом он выключает в лавке свет.

Он снова и снова проигрывает в уме пережитую сцену. Как они затащили его в лавку и что за этим последовало? За ужином Мансебо едва ли замечает, что кладет в рот. Он снова и снова оценивает происшедшее событие и чувствует, что у него начинает мутиться рассудок. Он не может объективно взглянуть на вещи, и виной всему его новая фантазия. Эта мысль едва не заставляет его подпрыгнуть. У него есть две версии происшедшего, и обе можно принять за истину. Согласно одной версии, эти два наркоторговца, будучи в состоянии наркотического опьянения,

---

[1] Примечания: 1

The Show Must Go On — «Шоу должно продолжаться» (*англ.*). Название самой известной песни группы Queen.

вообразили, что он агент полиции и следит за ними. Все оказалось не так, но они решили подстраховаться. Теперь они сменят место купли и продажи наркотиков. Эта версия успокаивает Мансебо. Но есть и вторая версия: сегодня днем он подвергся нападению двух сумасшедших негодяев, и это имеет какое-то отношение к его заданию. Тогда надо снова ждать их в гости.

— Что?

Фатима толкает его в бок:

— Тебе принести еще риса?

Она говорит медленно, тщательно и раздельно произнося каждое слово, словно обращается к слабоумному ребенку. Все смеются, а Фатима отправляется на кухню за рисом, прежде чем Мансебо успевает ответить. Тарик нервно барабанит пальцами по столу, а Мансебо снова погружается в свои мысли.

Мансебо осторожно проводит рукой по корешкам книг. Он знает, что Амир много читает, но сомневается, что сын прочитал все книги, что стоят на полках в его комнате. Среди книг нет ни одной, на корешке которой значилась бы фамилия Кэт.

— Ты что-то ищешь?

Мансебо вздрагивает, как будто сын застал его

за каким-то постыдным занятием. Амир вопросительно смотрит на отца. Мансебо понимает, что сегодняшнее нападение, или как его еще можно назвать, оставило отпечаток на его психике. Он стал очень нервно реагировать на любой звук. Амир уже не помнит, когда в последний раз видел отца в своей комнате. Пожалуй, когда он был еще маленьким, и Мансебо переносил сына в кроватку, когда Амир засыпал на диване.

— Нет, в общем, ничего. Просто смотрю, какие у тебя книги. Ты их все прочитал?

Амир кивает. Мансебо снова, как во время разговора с Надией, охватывает желание рассказать о своей детективной работе. Он оглядывается с таким видом, словно впервые находится в этой комнате.

— Ты помнишь, как я носил тебя в кроватку, когда ты засыпал на диване?

Амир кивает и улыбается.

— Это было так давно. Тебе нравилось?

— Да.

— У меня есть к тебе один вопрос, я же знаю, что ты много читаешь.

Мансебо готов сделать нечто незапланированное. Он собирается открыть стороннему человеку маленький кусочек того дела, которым сейчас

занимается. Мансебо никогда не думал, что этим человеком станет Амир, но остановиться он уже не может. Дело должно сдвинуться с мертвой точки, ибо пока он топчется на месте, а жажда успеха жарко дышит ему в затылок.

— Садись рядом со мной, — говорит Мансебо и жестом указывает на кровать, тут же пожалев об этом движении. Ему кажется, что так отдают команды собакам.

Амир осторожно присаживается на край кровати рядом с отцом, и Мансебо вдруг замечает, какая тонкая у сына рука.

— Ты не знаешь одного писателя, который живет в нашем квартале?

Амир сжимает губы и задумывается, как будто это очень важный вопрос. Потом качает головой, и Мансебо понимает, что задал совершенно глупый вопрос. Вероятно, муж мадам Кэт всего лишь писатель-любитель. Или, может быть, он вообще автор. Наверное, мадам Кэт немного преувеличила. Возможно, этот человек просто сидит за столом и пишет — диссертацию, например, или ведет дневник. Да мало ли что может писать человек.

— Ты имеешь в виду Теда Бейкера?

Мансебо вздрагивает. Кровь быстрее побежала

по его жилам, и он пытается успокоиться и взять себя в руки.

— Где он живет?

Амир показывает рукой на дом на противоположной стороне бульвара. Бинго! То, что теперь Мансебо знает имя и фамилию человека, с которого не спускает глаз, сильно подстегивает и придает сил. Собственно, не имеет значения, какое имя назвал Амир. Конечно, Мансебо и сам знал, что у писателя, как у всякого человека, есть имя и фамилия, но теперь, когда он узнал реальное имя, писатель стал для него настоящим живым человеком. Однако Мансебо ничем не выказывает своего волнения, чтобы не раскрыть сыну лишние подробности.

— У тебя есть какие-нибудь его книги?

Амир качает головой.

— А ты читал его книги?

Амир снова качает головой.

— Нет, он пишет не в моем стиле.

— Стиле?

— Да, он пишет по большей части криминальные романы.

— Криминальные романы?

— Да, о частных детективах, убийствах и всем подобном.

У Мансебо замирает сердце. Он ждет, когда оно снова начнет биться, а потом продолжает:

— О частных детективах?…

— Он англичанин. Почему он тебя интересует?

— Он заходил в наш магазин. Мы разговорились, и мне стало интересно, кто он.

Амир внимательно смотрит на отца большими карими глазами, поглаживая пальцами покрывало.

— Что ты собираешься сейчас делать?

Какой глупый вопрос, думает Мансебо.

— Собираюсь лечь спать, — отвечает Амир.

Мансебо встает. Он потеет, но его бьет холодный озноб.

— Ну, тогда спокойной ночи.

— Спокойной ночи, — говорит Амир и выжидающе смотрит на Мансебо. — Я завтра собираюсь в библиотеку и могу взять какую-нибудь его книгу. Ну, если ты, конечно, хочешь.

— В библиотеку? И там есть его книги?

— Конечно есть.

Амир беззлобно смеется.

— Папа, тебе надо бывать на людях, а не все время сидеть в лавке.

— Да, я хочу.

— Чего? Бывать на людях?

— Нет, точнее, да, но я хочу, чтобы ты взял мне какую-нибудь книгу Теда. Если хочешь, я дам тебе деньги.

— Это бесплатно, у меня есть читательский билет.

— Так, так… Ну, доброй ночи, сынок.

— Приятных снов, папа.

Мансебо уходит, зная, что спать он сегодня будет плохо.

Мансебо сильно напуган. Он боится, что его организм начинает с каждым днем все быстрее и быстрее сдавать, он понимает, что должен прекратить жевать умственную жвачку, которая не дает ему ни сна, ни покоя. Да, он может серьезно заболеть. Мансебо читал об исследованиях, которые подтверждают это. Лишение сна — это пытка, которую нацисты применяли в своих концентрационных лагерях. «Конечно, это не идет ни в какое сравнение с моей ситуацией, но тем не менее я тоже вхожу в группу риска».

Примечательно, что он не думает, будто его мучения вызваны усталостью от дневной работы. Это, наверное, нехороший знак. Скорее наоборот, организм перестал чувствовать усталость, так как уже начал распадаться.

Мансебо проводит ночь, лежа в кровати и слу-

шая доносящиеся со всех сторон звуки. Гудят уборочные автомобили, воют полицейские сирены, кто-то спустил воду в туалете на втором этаже, тихо жужжит холодильник. После всех бессонных ночей Мансебо убедился, что Фатима — в смысле сна — настоящее чудовище. Не успевает пройти и одна минута после того, как они пожелают друг другу доброй ночи, как Фатима тут же засыпает. Приблизительно через полтора часа она переворачивается на другой бок и откашливается.

В первые бессонные ночи Мансебо думал, что в такие моменты она вот-вот проснется. Но теперь-то он знает, что это всего лишь откашливание и ничего больше. Иногда у нее случаются задержки дыхания. Один раз Мансебо даже подумал, что жена умерла, так долго она не дышала. Он испугался, кроме того, и за себя, понимая, что и с ним во сне может происходить то же самое.

Даже знание имени писателя вызвало у Мансебо испуг. Он корит себя за то, что раньше не узнал, как того зовут. Писатель перестал быть объектом наблюдения и стал живым человеком, личностью. Безымянный человек обрел имя. Аноним стал знакомым. Его, как оказалось, знает Амир. Мансебо хорошо понимает, что недоста-

точно хорошо представляет себе работу частного детектива, что у него большие пробелы и в общем образовании, но он пополняет знания. Все это стоит времени и труда. Но Мансебо страшится не этого. Он никогда не боялся работы.

Мансебо вдруг приходит в голову, что мадам Кэт и Тед Бейкер решили поиграть с ним. Может быть, месье Бейкер сейчас пишет новую книгу, в которой речь идет о маленьком человеке из бакалейной лавки, к которому в один прекрасный день приходит дама и делает ему странное, мягко выражаясь, предложение. Потом они же подсылают к нему двух психопатов, чтобы посмотреть, как он на это отреагирует.

Мансебо лежит без сна, беспокойно ворочается в постели и думает, что, наверное, месье Бейкер тоже следит за ним. Он чувствует себя обманутым. Лучшим подарком для писателя является возможность рассказать о событиях, которые развертываются непосредственно у него перед глазами. Это намного лучше, чем пользоваться неподвижной, застывшей моделью. Ему остается только описывать происходящее. Надо думать, что это так. Пока же он решил почитать какую-нибудь из книг писателя.

* * *

Прежде чем уйти домой, я еще раз просмотрела статью о красивейших городах мира. Париж занял в этом конкурсе тридцатое место, а Вена — первое. Трудно поверить, что существуют города более красивые, чем Париж, подумала я и бросила взгляд на Сакре-Кёр, которая, словно айсберг, сверкая, устремляла свой купол к солнцу. Раздался короткий звонок. Я уже научилась думать о своем и одновременно выполнять выпавшую мне, мягко говоря, странную работу. Я подняла глаза и увидела, что уборщица стоит в дверном проеме. Я не знала, долго ли она простояла там, прежде чем привлекла мое внимание.

— Я сейчас уйду, — сказала я и принялась убирать компьютер в чехол.

Обычно она не ждала, когда я уйду, а просто входила в помещение, всякий раз вызывая у меня неприятное чувство. Зачем она вообще приходит сюда убираться? Мусорная корзина была пуста. В этой комнате бывала только я одна — несколько часов сидела на стуле. Сюда не заходил ни один посторонний человек. Она, между прочим, тоже выполняла совершенно бессмысленную работу. Женщина отошла в сторону, когда я приблизи-

лась к двери.

— Собственно, здесь почти нечего убирать. Даже корзина для мусора пустая.

— Я просто выполняю свою работу, — сдержанно ответила она.

Почему она такая необщительная? Что я сделала ей плохого? Платок был крупным узлом завязан у нее на затылке. Что она может убирать в уже убранном помещении? Шланг пылесоса свернулся в клубок, и женщина принялась его терпеливо распутывать. Было такое впечатление, что она просто хотела потянуть время и дождаться, когда я, наконец, покину помещение. Но я продолжала стоять. Может быть, ее наряд уборщицы был такой же маскировкой, как моя карточка с надписью «Менеджер по продажам». Может быть, когда я уйду, она сядет к компьютеру. Может быть, она работает здесь в вечернюю смену.

— Мне лично совершенно не нужна уборка, потому что я точно знаю, что кроме меня здесь никого не бывает.

Я понимала, что переступила границу дозволенного. Вообще-то мне не было разрешено разговаривать ни с кем в этом здании. Женщина ничего не ответила и даже не взглянула на меня.

Я не стала ждать, когда девушка за стойкой окликнет меня, и сама подошла к ней. То, что я получила от нее, было таким же бессмысленным, как и большинство вещей в моей жизни, тем более что она все равно улыбнулась, и я была ей за это очень признательна.

— О, какая красота! Как я рада именно сегодня получить такие цветы!

Больше задерживаться я не могла. Ирония — дочь бессмысленности. Видимо, она — просто способ выживания. Я подумала о Юдифи. У каждого из нас есть своя стратегия выживания. Девушка рассмеялась, как мне показалось, от души, по достоинству оценив мою иронию. Я решила отправиться прямо домой. Причем вместе с цветами.

— Постойте, — услышала я сзади мужской голос.

Я обернулась, и вращающаяся дверь немилосердно ударила меня в спину. Кто-то сзади тяжело вздохнул. Да, они потеряли несколько драгоценных секунд своей жизни из-за того, что дверь ненадолго остановилась.

Вместе со мной из двери выскользнул Кристоф вместе с каким-то другим мужчиной. Я с удовольствием вдохнула свежий воздух. Теперь можно

начинать игру.

— Как ваши дела? Простите, но я вовсе не хотел вас напугать.

Кристоф провел ладонью по волосам.

— Хорошо… спасибо.

Мужчины перебросились несколькими словами, попрощались, и второй мужчина протянул мне руку. Я нарушила правила этикета и пожала протянутую руку. Он повернулся и зашагал по улице.

— Что будет сейчас делать девушка с цветами?

— Девушка с цветами сейчас поедет домой.

— Может быть, по чашке кофе перед поездкой?

— Нет, спасибо.

— Вы работаете в «Ареве»?

— Да.

— И кем, если не секрет?

— Менеджером по продажам.

— О'кей…

— Вы тоже здесь работаете?

Кристоф покачал головой.

— Нет, я работаю точно напротив, в «Капджемини».

Я кивнула.

— И вы любите цветы?

Я не смогла удержаться от смеха. Его юмор хо-

рошо гармонировал с моей иронией.

— Да, очень.

— И что вы с ними делаете?

— Кладу их на могилы, если не дарю статуям известных писателей.

Он от души рассмеялся, думая, что я шучу, а я тоже рассмеялась, потому что это была правда.

— И если вы не отдаете их мне, добавил бы я. Следовательно, вы — вестница мертвых, это звучит очень приятно, просто ласкает слух. Я уж и не знаю, решусь ли я теперь переходить улицы. Вдруг меня переедет автомобиль.

Одуряющая жара располагала к окончанию разговора.

— Может быть, по стаканчику прохладительного вместо кофе?

— Вот, возьмите, — сказала я и протянула ему букет.

На этот раз он решительно дал понять, что не возьмет у меня цветы.

— Если вы возьмете их, поставите в воду и немного за ними поухаживаете, то мы выпьем кофе, когда случайно встретимся еще раз, хорошо? — сказала я.

Это предложение я сделала не только затем, чтобы избавиться от цветов. Я надеялась еще раз

встретиться с ним, притом что мы уже договорились выпить с ним кофе. Кроме того, я опасалась отдавать цветы незнакомым людям — это было чревато непредсказуемыми последствиями. В данном же случае все получилось приятно и даже в каком-то смысле торжественно.

— Вы обещаете?

Я кивнула, повернулась к нему спиной и пошла своим путем. Кристоф догнал меня.

— Я тебе не верю. В понедельник. Приглашаю на обед.

— Мы говорили о кофе.

— Хорошо. Где?

— В понедельник, в двенадцать.

— Мы встречаемся здесь.

Я кивнула.

— Добрый вечер, мадам!

Продавец цветов радостно помахал мне рукой. Мой путь домой почему-то сталкивал меня с людьми, так или иначе причастными к моей странной работе. «Как мне понятна твоя радость», — подумалось мне. Пожалуй, он единственный, кто хоть что-то зарабатывает на всей этой мутной истории. Спуск в метро стал для меня освобождением. Никогда мне так не нравились темные туннели, как теперь. Во тьме зазвонил те-

лефон, и я довольно долго рылась в сумке, прежде чем его обнаружила.

— Вы не сможете включить мне телевизор в субботу, а то у меня Шаббат?

— Простите, с кем я говорю?

— Откуда вдруг такая невероятная вежливость?

Это был месье Каро. Я сразу узнала его голос, но мне хотелось его немного позлить. Номер телефона я оставила у него под мраморной настольной лампой, уходя из его дома, но не рассчитывала, что он мне позвонит.

— Вежливость никогда не помешает, разве нет? Так с кем я имею честь говорить?

Я невольно улыбнулась просто оттого, что говорила с месье Каро, улыбнулась счастливой и глупой улыбкой.

— Честь, честь, — передразнил он меня. — Это месье Каро. Вы не могли бы прийти ко мне в субботу в 12:30 или чуть пораньше — в 12:25? Да или нет?

Улыбка словно приклеилась к моему лицу. По дороге в детский сад я раздумывала, не попросить ли бывшего мужа забрать на субботу нашего сына, но потом решила просто взять его с собой. После визита к месье Каро мы сможем

куда-нибудь пойти и развлечься. Таким образом, у нас будет великолепная возможность побыть вместе весь день.

Чем ближе подходила я к детскому саду, тем более призрачным казалось мне все: «Арева», Белливье, Кристоф… Мамочка одного из друзей моего сына подошла ко мне и завязала светскую беседу. Все время разговора я чувствовала, что куда-то уплываю. Очень неприятное ощущение. Однако, к моему счастью, очень скоро из группы вышел мой сын и подбежал ко мне. Я извинилась, сказав, что нам надо идти, и мы отправились домой.

* * *

«Проклятое ты солнце, что же ты делаешь», — думает Мансебо, глядя на небольшой вентилятор, много лет назад установленный под кассой. Призванный бороться с главным оружием солнца, жарой, вентилятор надрывается изо всех сил, но без особого результата.

— Оно нас доконает, — мрачно пророчествует месье Каннава, идя на работу мимо бакалейной лавки Мансебо и указывая рукой на солнце.

— Да, эта жара отнимает все силы, — соглашается Мансебо, сидящий за кассой.

Он до сих пор не отваживается без необходимости высовываться из магазина, и выходит только один раз для того, чтобы вытащить лотки с товаром. Несмотря на то что страх и тревога уже давно превратились в злость, Мансебо пока не рискует следить за улицей. Злость, бессонница и жара — это не самое лучшее сочетание. Месье Каннава еще не успел скрыться из вида, как в магазине появился Амир. Сын вышел из лавки, сел на мотороллер и уехал, не надев на голову шлем. Мансебо горестно качает головой и тяжело вздыхает.

«Ничто не может помешать мне выполнять мою работу, — думает Мансебо, выносит на улицу скамеечку, ставит на асфальт и сердится, глядя на окна дома, где живет писатель. — Проклятый писака, не думай, что сможешь мной управлять». С каким бы наслаждением он сейчас запер магазин, перешел бульвар, поднялся по пожарной лестнице, позвонил в дверь и сказал этому шуту гороховому, что он, Мансебо, отлично знает, что происходит, знает, что стал героем какого-то дурацкого криминального романа, но его эти глупости совершенно не волнуют и не трогают. «Я скажу ему, — распаляется Мансебо, — если у тебя не хватает собственных идей, то вдохнов-

ляйся, будь так любезен, толстым бакалейщиком, убогий англичанин. Может быть, он даже не умеет говорить по-французски, но это ничего не значит. Он будет стоять как дурак, и даже если не поймет ни слова, то догадается, что маленький бакалейщик смог его перехитрить. Пусть потом опишет все это в своей новой книжке».

В лавку входят двое мальчишек. Мансебо встает, заходит в лавку и идет к кассе. Мальчики спешат. Они уже взяли из холодильника две бутылки кока-колы.

— Вы ничего больше не возьмете?

— Нет.

— С вас три евро. Спасибо.

Мансебо укладывает бутылки в пакет и протягивает его мальчикам. Дети выжидающе смотрят на него.

— Это все?

— Да, а что вам еще нужно?

Мансебо не понимает, чего они ждут.

— Нам нужны китайские записные книжки.

Мансебо тяжело вздыхает. Он бы с наслаждением выгнал этих юных нахалов за дверь. И не потому, что устал от детей, которые ходят в его магазин за записными книжками, но потому, что ему больше хочется задушить Теда Бейкера, чем

разыгрывать из себя доброго дядюшку, раздающего подарки. Тем не менее Мансебо берет себя в руки и кладет в белый пакет две книжки.

— Спасибо, месье.

— Не за что.

В этот момент в магазин входит Амир, и мальчики выбегают на улицу.

— Привет, папа.

— Почему ты ездишь без…

Не успев договорить фразу, Мансебо уже жалеет, что вместо приветствия сразу начал отчитывать сына.

— Я хотел пораньше попасть в библиотеку, пока там мало народа.

— А, вот оно что…

— Мне дали только одну его книгу, остальные на руках. Если хочешь, я запишусь в очередь. Но ты можешь начать с этой, и сразу поймешь, нравится тебе Бейкер или нет.

Злость Мансебо испаряется и уступает место любопытству. Но кроме того появляется страх. Мансебо не хочет узнать из книги нечто, способное усилить его подозрение о том, что он стал прототипом для писателя.

— Спасибо, Амир, но в следующий раз, когда сядешь на мотороллер, надень шлем. Не стоит

умирать из-за него.

Произнося эти слова, Мансебо тычет пальцем в портрет Теда Бейкера на последней странице обложки.

Днем Мансебо пытается читать первую главу книги Теда Бейкера «Крысолов», но его все время отвлекают покупатели. По большей части это дети, желающие получить в подарок записную книжку. Мансебо уже потерял счет розданным книжкам. Когда наступает время послеобеденного перерыва, Мансебо решает, что сегодня читать больше не будет. Надо немного отдохнуть от месье Бейкера и его фантастического мира. Лучше подумать о тех, кто платит за все эти фантазии, говорит себе Мансебо, запирая лотки с фруктами. Тарик быстро закрывает мастерскую, переходит бульвар и подходит к магазину.

— Сегодня у тебя было семнадцать человек! Каждый раз, когда поднимал голову, я видел, что ты занят. Хорошо, если бы они так запрыгивали к тебе, чтобы у них отлетали каблуки. Тогда и у меня клиентов бы прибавилось.

Тарик хохочет, но Мансебо не смеется. Днем у него поменялось и отношение к юмору, особенно после того, как он решил оставить всякие попытки читать. Так что теперь ему и вовсе не до

смеха. Братья молча идут по бульвару, оставив за спиной деловой центр, оставив мир Мансебо, и попадают на периферию, в бар «Ле-Солейль». По ту сторону бара бушует океан внешнего мира, куда Тарик и Мансебо редко и неохотно выходят. Они, не говоря ни слова, пожимают руку Франсуа, а тот ставит на стол два стакана анисового ликера.

— Немного льда?

Мансебо качает головой. В баре тепло, даже жарко, но лед в ликере его не привлекает.

— Как идут дела в жару? Здесь все мертво.

— У Мансебо нет ни одной свободной секунды, — говорит Тарик. — К нему почему-то зачастили школьники.

— Школьники? — удивляется Франсуа. — Но разве они не на каникулах?

— Да, большинство, — отвечает Мансебо, — но остальные здесь, и они часто совершают вылазки и устраивают пикники.

— И что же они покупают? — оживившись, интересуется Франсуа.

— В основном прохладительные напитки.

— Я хотел было сказать, что ты отбиваешь у меня клиентов, но школьников у меня никогда не бывает.

Мансебо пытается посмотреть на что-нибудь, навевающее покой; внутри у него все бурлит и клокочет. Слишком уж много сразу свалилось на одинокого торговца овощами и фруктами. Слишком уж многое приходится ему скрывать и держать при себе. Мало того что ему приходится помалкивать о своей двойной работе, так он еще подвергается нападениям и вообще очень давно перестал нормально спать. Теперь вот надо еще прочитать книгу и одаривать детей, которые непрерывным потоком идут к нему, требуя записных книжек.

Мансебо беспомощно переводит взгляд с одного предмета на другой. На его и без того влажном лбу выступают капли пота. Он снимает с головы шапочку. Тарик разговаривает с Франсуа, но Мансебо не понимает, о чем они говорят. Зато понимает, что для него совершенно недоступно общение. Он утратил связь с реальностью, которая предъявила ему слишком много требований сразу. На несколько секунд Мансебо перестает сознавать, что делает в этом баре. В голове пульсирует так, как будто в череп заложили бомбу с часовым механизмом, и Мансебо чувствует, что ему стало трудно ворочать языком, который, кажется, распух и потяжелел. Слишком много слов

скопилось в этом мясистом органе, не находя выхода. Для того чтобы отвлечься от лихорадочной скачки мыслей и не дать языку растрескаться от жары, Мансебо, неожиданно для самого себя, выкрикивает:

— Проклятые уроды!

Франсуа и Тарик умолкают.

Франсуа вскакивает и уходит за стойку, но тотчас возвращается со стаканом воды и ставит его перед Мансебо.

«Так и знал, — думает он. — Кажется, я схожу с ума. Может быть, мне обратиться к врачу? Но что я ему скажу? Наверное, правду. Врачи же обязаны хранить врачебную тайну. Мне надо поговорить с кем-то. Но с кем? С психологом, с психиатром?» Впервые Мансебо благодарен жаре, потому что Тарик и Франсуа, скорее всего, подумают, что его просто хватил тепловой удар. Это лучший выход. Будет хуже, если они узнают правду.

Мансебо смотрит на стакан с водой, но не может его поднять. Берет стакан, но тот каждый раз выскальзывает из руки, когда он пытается поднять его и поднести ко рту. Внезапно Мансебо видит, что на столе стоят два стакана. Прекрасно, теперь у него двоится в глазах. Он видит двух Тариков и двух Франсуа. Но Мансебо не испы-

тывает страха, он уже сдался, у него нет больше сил сопротивляться. У него даже нет сил бояться. Ему нужна помощь. Это единственное, в чем он сейчас уверен. Он видит, что два Тарика что-то ему говорят, но не понимает ни слова. Голова болит так, словно по ней ударили дубиной.

* * * Мансебо закрывает глаза, чувствуя, что куда-то проваливается. В следующий момент он уже оказывается в собственном белом пикапе. За рулем сидит Тарик, глядя то на дорогу, то на кузена.

— Ты меня слышишь? Не бойся, скоро все будет хорошо. Мы едем в больницу. У тебя не давит в груди?

Тарик говорит преувеличенно спокойным голосом, но неожиданно срывается едва ли не на крик:

— Я чувствую, что эта жестянка сейчас рассыплется!

— Это ерунда! Это ложь. Он всегда следил за мной, шпионил, как кот, — возбужденно говорит о своем Мансебо. Его внезапно рвет на карту Парижа, лежащую между сиденьями.

— Черт! Черт! Черт! — восклицает Тарик и едва не врезается в едущий впереди автомобиль.

Он резко давит на тормоз и вскидывает руки,

прося прощения у других водителей.

— Ничего, ничего, ничего, это не страшно, — говорит он. — Скоро мы будем на месте, брат, держись. Мы тебя вылечим, что бы это ни было.

Тарик говорит не слишком убедительно, на лбу его блестят капли пота, когда он сворачивает к приемному отделению больницы. Перед входом стоят две машины скорой помощи, и Тарик паркует пикап между ними. Теперь все выглядит так, будто перед подъездом больницы стоят три машины скорой помощи. Мансебо не видит ничего, кроме света и каких-то силуэтов, похожих на бесформенные тени. Однако, несмотря на боль, он все же чувствует облегчение. Они приехали, и теперь кто-то возьмет на себя попечение о нем. Он получит помощь, в которой так нуждается.

Мансебо лежит на койке. Люминесцентные лампы под потолком выглядят как длинные полосы света. До него доходит, что он раздет до пояса и к груди его прикреплены какие-то присоски. К нему то и дело подходят какие-то люди. Одни уходят, вместо них приходят другие. Кто-то показывает ему кончик ручки и водит им ею из стороны в сторону и просит его следить за ручкой глазами. Мансебо старается изо всех сил, но голова болит так, что у него ничего не выходит.

Он чувствует себя слабоумным.

Он смотрит перед собой, мимо всех, кто находится в палате. Кто-то светит ему фонариком в глаза, другой человек кладет ему в рот две таблетки и подносит ко рту стакан с водой. Мансебо берет стакан и с закрытыми глазами глотает таблетки. Самый худший его враг сейчас — свет, нестерпимо яркий свет. Но никто здесь и не думает защитить его от света. Какой-то врач велит ему сесть и открыть глаза. Но Мансебо при всем желании не может этого сделать.

— Вы можете назвать мне свое имя, месье?

Мансебо изо всех сил хочет помочь врачу. Он вообще по природе своей очень отзывчив и всегда готов помочь, но язык отказывается повиноваться ему. Он знает, как его зовут, но не в состоянии произнести свое имя.

— Когда вы родились?

— Второго…

— Как зовут нашего президента?

«Простите меня, простите, — думает Мансебо, — простите, что причиняю вам столько хлопот, простите за то, что я превратился в полную бестолочь». Мансебо чувствует, что койка сдвинулась с места и куда-то покатилась. Кто-то велел ему закрыть глаза. Мансебо перекладыва-

ют на носилки и вкатывают в длинную трубу. Сейчас врачи начнут изучать его мозг.

Голова все еще болит, но боль теперь значительно слабее. Мансебо осматривается. Он один в сравнительно маленькой палате. Рядом с койкой стоит капельница. Ему что-то вливают в вену. На столе стакан с водой, и Мансебо очень хотелось бы до него дотянуться. На Мансебо надета желтая больничная пижама. Он не помнит, как его переодевали. За дверью слышатся голоса и шаги. «Интересно, могу ли я говорить?» — думает Мансебо и делает попытку:

— Меня зовут Мансебо, я родился второго мая, наш президент — Франсуа Олланд…

Дверь открывается. На пороге стоит Фатима и смотрит на мужа. Она слышит, как он произносит имя президента. Врачи сообщили ей диагноз, но теперь она сомневается, что они правы. Она аккуратно закрывает за собой дверь, подходит к мужу, придвигает к кровати стул, садится и облегченно выдыхает. Идя сюда, она сильно запыхалась.

— Как ты себя чувствуешь?

«Что я могу на это ответить?» — думает Мансебо и чешет затылок, понимая одновременно, что на его голове нет шапочки.

— Ты не видела мою такию?

— Как я могла ее видеть?

Фатима быстро оглядывает палату. Видит в шкафу пакет с вещами Мансебо. Сверху лежит его синяя куртка.

— Наверное, она в пакете, вместе с другими твоими вещами.

— Ты не можешь ее достать?

Фатима смотрит на пакет, встает, опираясь на стальную кровать, и идет к шкафу.

Тяжело дыша, она возвращается к кровати и протягивает Мансебо черную такию, которую он проворно надевает на голову. И от этого сразу начинает чувствовать себя лучше.

— Что у меня? Инсульт или опухоль мозга?

— У тебя мигрень.

В голосе Фатимы явно проскальзывает разочарование, когда она произносит это слово, видимо считая, что не стоило подвергать себя всем этим хлопотам ради такого пустяка, как мигрень.

— Что, можно вот так взять и заболеть мигренью? — спрашивает Мансебо, чувствуя себя младенцем.

Он не испытывает ни облегчения, ни беспокойства. Реакции его, вероятно, не зависят от диагноза.

— Да, наверное. Они спрашивали, не было ли у

тебя стресса в последнее время. Спрашивали, не было ли бессонницы, но у тебя же ничего этого не было. Но, наверное, мигрень может случиться и без причины.

Мансебо кивает, соглашаясь. Да, вероятно, это настоящая медицинская загадка. Действительно, как он мог не заболеть мигренью со всеми этими переживаниями последнего времени? Дверь открывается. На пороге стоит молодой врач с папкой в руке.

— Как ваши дела?

— Он… когда я вошла… — начала говорить Фатима.

— Я чувствую себя лучше, — перебивает ее Мансебо.

И это чистая правда. Ему стало лучше уже оттого, что он смог остановить словоизвержение Фатимы. Всего пару недель назад он даже не думал о том, что Фатима всегда говорила за него, мало того, ему это даже нравилось, но теперь он хочет говорить сам. Со старыми привычками надо прощаться.

Пожалуй, единственное, чего Мансебо сейчас не хватает, — так это пары кальсон. После душа Мансебо сидит в кровати и смотрит одну из множества развлекательных телепрограмм. Первый

раз в жизни он смотрит такую программу, потому что в это время дня он всегда работает. Фатима тоже смотрит программу, но она уже знает, что победит команда синих. Видимо, это запись. Мансебо смотрит игру, и одновременно ест мармелад из пластиковой коробочки, ловко орудуя пластиковой ложкой. Он просто счастлив, что сидит в чистой желтой пижаме и черной такии. Медсестра принесла поднос с обедом и Фатиме, но та отказалась.

В дверь постучали как раз в тот момент, когда синим надо было ответить на решающий вопрос. Громким и отчетливым голосом Мансебо приглашает стучащего войти.

— Вы не возражаете, если психолог, мадам Флуриант, займет вас на несколько минут?

— Нет, — отвечает Мансебо, — конечно не возражаю.

— Разумеется, я попрошу мадам выйти на это время из палаты, — улыбаясь, говорит медсестра и кивает Фатиме.

— Да, она сейчас выйдет, — говорит Мансебо.

Фатима встает и выходит. Место ее в палате занимает мадам Флуриант. Она не похожа на психолога, как ему кажется. Впрочем, Мансебо не помнит, чтобы его когда-нибудь консультировал

психолог.

— Как вы себя чувствуете, месье? — У мадам Флуриант приятное сопрано.

— Спасибо, хорошо.

— Приятно слышать. Вы можете что-нибудь рассказать о себе?

Мансебо задумывается, но вовремя вспоминает, что психолог может истолковать длинную паузу как аномалию.

— Я еще работаю. Работаю в сфере обслуживания. Я владелец бакалейного магазина. Он расположен недалеко отсюда, — произносит Мансебо таким же тоном, каким разговаривает с покупателями.

— Так, и где же находится ваш магазин?

— У подножия Монмартра.

— Это звучит очень поэтично.

Мансебо улыбается. Слово «поэтично» — это последнее слово, которое он использовал бы для описания того, что происходило с ним в эти дни.

— Вы улыбаетесь. О чем вы сейчас подумали?

Мансебо перестает нравиться все происходящее. «Психологи всегда стараются вторгнуться в самое сокровенное, что у нас есть, в нашу голову», — думает Мансебо. Они задают, по видимости, легкие вопросы, на которые так трудно

ответить. Мансебо слизывает с губ остатки мармелада.

— Право, я и сам не знаю.

Мадам Флуриант кивает и что-то записывает в блокнот. «Я попал, — думает Мансебо. — Теперь я никогда отсюда не выберусь. Может быть, меня переведут в другое отделение». Он видел стрелки, под которыми было написано «Психиатрия». Наверное, это было бы и в самом деле поэтично — задержаться здесь на день или два. Но не дольше. У него, несмотря ни на что, есть обязанности, которые он должен исполнять. Он думает, стоит ли рассказать мадам Кэт обо всем случившемся в следующем отчете. В конце концов, это тоже имеет отношение к делу. К тому же послужит оправданием его отсутствия в магазине в течение целого дня.

Психолог прерывает его размышления.

— Как протекала ваша жизнь в последнее время?

«Да, вам очень хотелось бы это знать, мадам, — думает Мансебо. — Я стал частным детективом, заработал немного денег и подвергся нападению двух уродов».

— Жизнь шла, — неопределенно отвечает Мансебо.

— Она шла как обычно или все же была более напряженной, чем всегда?

Теперь Мансебо очень хочет, чтобы в палату вошла Фатима и ответила за него. «Наверное, она все-таки мне нужна», — думает он, но торопливо отгоняет эту мысль.

— Да, я испытывал некоторое напряжение, можно сказать и так.

— Вы чувствовали себя подавленным?

Мансебо хочется рассмеяться. Подавленным — это, пожалуй, мягко сказано.

— Да, надо было справляться с делами.

— Вы, наверное, уже знаете, что у вас был приступ мигрени или даже психический срыв. Иногда это случается одновременно, и я стараюсь узнать у вас, что могло послужить толчком. У вас есть какие-то предположения?

Мансебо качает головой:

— Ни в малейшей степени.

— Я могу сам вести… — Мансебо протягивает руку к двери своей машины.

— Ну уж нет, — шипит Фатима. — Машину поведет Тарик.

Фатима с неожиданным проворством прыгает на переднее сиденье рядом с Тариком. Заднего сиденья в салоне нет. Мансебо открывает заднюю

дверь кузова и садится на брошенные на пол сетки, в которых он возит из Рунжи фрукты и овощи. Белый пикап выезжает со стоянки приемного отделения. Тарик тормозит, чтобы уступить дорогу машине скорой помощи, которая въезжает на территорию больницы с синей мигалкой и под вой сирены.

— Ну вот, привезли еще одного бедолагу, которого надо полечить, — произносит Мансебо из грузового отсека.

— Да, если включена сирена, то это значит, что есть надежда; хуже, когда машина скорой помощи едет тихо, — изрекает Тарик.

— Вот как, например, мы, — говорит Фатима и смеется.

Тарик разражается громким хохотом, и Мансебо вдруг понимает, что между его кузеном и его женой определенно есть сходство.

Остаток пути они проделывают молча. Мансебо смотрит в окно и вспоминает, как в детстве он однажды куда-то ехал, лежа на полу товарного вагона.

Тарик держит курс на квартал, где происходят все неприятности. Мансебо видит издали купол Сакре-Кёр и, несмотря ни на что, испытывает прилив счастья. Приступ положил конец стра-

ху. Он перестал бояться нападения. Теперь все начнется с чистого листа. Он чувствует, что стал сильнее или, во всяком случае, спокойнее.

* * *

Весь квартал Марэ пропах фалафелем. Мы проталкивались сквозь толпу голодных, стоявших в очередях людей. Парижан здесь было, скорее всего, немного, но зато полно туристов, желавших собственными глазами увидеть этот пестрый и многоликий квартал. Я шла в гуще этой толпы, держа ребенка на руках, ощущая свою отчужденность и уязвимость.

Только теперь я поняла, как давно была отрешена от обычного мира. Особенно отчетливо я почувствовала это, когда взяла сына на руки. Он вырос, я видела это по его штанишкам. Для него последние недели, впрочем, были обычными неделями, заполненными детским садом и футбольными тренировками. Едва ли он помнит какие-то события, если не считать поездку с папой в больницу за мамой, которая приехала туда с дедушкой, который упал на кладбище. Я сжала маленькую ручку. Малыш выглядел беззащитным и жалким. Выдержит ли он это посещение?

— Как ты, зайчик? У тебя ничего не болит?

Он покачал головой.

— Правда, все хорошо? Что ты делал в саду? Играл во что-нибудь с Давидом?

Он кивнул. Это было прекрасно — идти с сыном на руках, чувствовать, что я ему нужна, отрешиться от жалости к себе из-за мнимого одиночества, из-за лицезрения умирающего соседа, необходимости хранить какие-то тайны и постоянного чувства страха из-за того, во что я впуталась.

Несмотря на то что в общем-то сама выбрала эту участь, я все же допускала эти грешные мысли. Мы протолкнулись наконец сквозь толпу жующих фалафель людей.

— Можно я нажму? — спросил сын.

Я поднимаю мальчика. Личико его сияет, он нажимает цифры кода, которые я нашептываю ему на ухо. Два раза он ошибся, но меня это нисколько не раздражало. Я держала его на руках, ощущала его тельце, доверчиво прижавшееся ко мне, ощущала запах его волос. Механизм щелкнул, и малыш посмотрел на меня, словно говоря, что теперь неплохо было бы и войти. Я улыбнулась и переступила через высокий порог входа, ведущего во двор. Опустила сына на землю, он взял меня за руку, и мы пошли к дому.

— Похоже, здесь живет садовник.

Он был прав. Везде виднелись цветы, кусты и прочая растительность. К желобу был прислонен старый велосипед, и в его корзине тоже рос какой-то цветок. Сын сразу его увидел. Дверь, ведущая на лестничную площадку, была приоткрыта, и нам, к большому разочарованию сына, не пришлось воспользоваться вторым кодом. Мы вошли в подъезд и поднялись на два лестничных марша. Сначала мне показалось, что женские голоса, которые я услышала, доносились из квартиры месье Каро, и это едва не вывело меня из равновесия, но открылась дверь квартиры напротив, и оттуда выпорхнула женщина в зеленом шелковом платье и с бутылкой вина в руке. Она приветливо помахала нам рукой и скрылась на следующем этаже.

— Она босая, — заметил сын.

Я постучалась и взглянула на часы, желая удостовериться, что мы пришли вовремя. Я уже поняла, что это было очень важно для месье Каро. Из-за двери послышался кашель, звон дверной цепочки, и дверь распахнулась. Месье Каро посмотрел на меня с таким удивлением, словно мой приход явился для него полной неожиданностью, а потом указал рукой на сына, даже не взглянув

на него:

— Что он здесь делает?

Если бы это была наша первая встреча, то я, скорее всего, разозлилась бы, повернулась и ушла. Но теперь я знала, что на такие мелочи не стоит обращать внимания. Если начинаешь играть, то надо соблюдать правила. Сын не воспринял комментарий месье Каро как нечто обидное, но, насколько я успела понять этого старика, он хотел показать сыну, что ему здесь не рады.

— Разреши представить тебе месье Каро. Это он заболел на кладбище, и я проводила его до больницы.

Я видела, что сын и так понял, кто перед нами, но сказала это, чтобы поставить месье Каро на место. Эффект был вполне предсказуем.

— Заболел, заболел! Кто был виноват в моей болезни, позвольте узнать?

Он вдруг утратил всякий интерес к тому факту, что я пришла к нему с сыном. Теперь проблемой для месье Каро стала моя скромная персона, и мне следовало с этим смириться. Не дождавшись приглашения, мы прошли в прихожую. Я поправила на сыне футболку и отбросила со лба прядь волос, а потом повесила на крючок сумку. Чтобы дать месье Каро время прийти в себя, все эти

действия я проделала тщательно и неторопливо.

За всеми этими хлопотами я наблюдала, как два человека, испытывая некоторую неловкость, стоят и смотрят друг на друга. Один из них, мой сын, осмотрелся и улыбнулся дяде, скорее всего, для того, чтобы я потом не сказала, что он вел себя невежливо. Месье Каро не осматривался. Он, не отрываясь, смотрел на мальчика со смешанным выражением страха и неуверенности.

— Что ест это милое создание? — спросил месье Каро и перевел на меня удивленный взгляд.

Таким оживленным я месье Каро еще не видела и едва не рассмеялась.

— Это милое создание ест то же, что вы и я. Мало того, это милое создание может есть даже в кафе и забегаловках.

Месье Каро исчез на кухне. Мы с сыном переглянулись, пожали плечами и прошли в гостиную.

•

В присутствии сына квартира как будто преобразилась. Мой сын очень подвижный ребенок, и я поняла, что он боялся что-нибудь разбить в гостиной. Я опустилась в уже привычное для меня кресло и жестом предложила сыну сесть ко мне на колени, но он, прежде чем сделать это, от-

верг мое предложение. Шестилетний мальчишка всегда хочет показать, что он уже взрослый, но одновременно хочет чувствовать себя защищенным, сидя на коленях у матери, особенно в незнакомом месте и в присутствии странного чужого человека.

Месье Каро вошел в комнату, и мой сын немедленно, соскочив с моих колен, пересел в свободное кресло. Месье Каро хотел что-то сказать, но промолчал, увидев, что мальчик занял его место. Он выразительно посмотрел на меня, но я притворилась, что не поняла причину его недоумения. Месье Каро, ничего не сказав, протянул блюдо с кедровыми орешками. Я кивнула, и он поставил блюдо на стол.

Раздался прерывистый сигнал. Месье Каро бросил взгляд на книжную полку и выключил сигнал маленького красного будильника.

— Вы не включите телевизор? Заранее благодарен.

— Ты не хочешь включить телевизор для месье Каро? — спросила я сына, который испытал явное облегчение, получив конкретное задание.

Мальчик подошел к старому телевизору и нажал кнопку включения. Месье Каро вышел на кухню и тотчас вернулся с серебряным кофейни-

ком, который тоже поставил на стол. Потом месье Каро посмотрел на моего сына, снова вышел на кухню и вернулся со стаканом сока.

— Черная смородина, — буркнул он и огляделся, ища место, куда бы ему сесть.

В конце концов он сел напротив меня и налил кофе — сначала себе, а потом мне. Он не спросил, нужны ли мне сахар или молоко, видимо, из-за того, что был увлечен программой, которую хотел посмотреть. Сын отпил сок, посмотрел на экран телевизора, а потом на меня. Я улыбнулась. Программа была посвящена Великому шелковому пути.

— Можешь взять, если хочешь, — сказала я сыну, указав на тарелку с орехами.

— Тише, — прошипел месье Каро, укоризненно посмотрев на меня.

Мы быстро выпили кофе и сок. Сын нетерпеливо заерзал в кресле.

— Простите, что мешаю вам, месье, но не могли бы вы сказать, когда закончится эта передача? — спросила я и подмигнула сыну.

— В тринадцать тридцать пять.

— В таком случае мне кажется, что нам надо поблагодарить вас за кофе. Желаю вам приятных выходных. Вы знаете номер моего телефона и

можете позвонить мне, если захотите.

Сын с готовностью и явным облегчением вскочил с кресла.

— Но вы же должны выключить телевизор.

— Мы его и выключим. Сейчас мы уйдем — мне надо купить сыну кое-что из одежды, а потом вернемся и выключим телевизор.

Мне стало казаться, что у меня два ребенка.

— А потом вы опять уйдете?

— Да, нам надо успеть на футбольную тренировку.

На лице месье Каро не дрогнул ни один мускул. Он продолжал внимательно смотреть телевизор.

— Отлично, значит, мы уходим, но скоро вернемся, — сказала я и сделала знак сыну, что нам пора.

Месье Каро продолжал внимательно смотреть на экран, и я была не уверена, что до него дошел смысл моих слов.

— Ты играешь в футбол? — спросил он вдруг, и сын застенчиво кивнул.

— И кто ты? Нападающий?

— Я вратарь.

Месье Каро медленно кивнул и налил себе еще немного кофе.

— Значит, футбольный вратарь? Это хоро-

шо. Это защитник. Он выходит на поле не ради хвастовства и славы. Он берет на себя ответственность, действует в одиночку, и в этом его сила. Он знает свое место, знает, что должен делать. Результат его действий зависит только от него одного.

Мне не приходилось раньше слышать таких философских рассуждений относительно роли футбольного вратаря. Сын явно не понимал, что можно сказать в ответ, но это и не потребовалось, потому что месье Каро снова выпустил пар сам.

— Ты не такой, как твоя мать. Она бы точно стала центровым игроком, который хочет успеть везде, носится по всему полю, не понимает разницы между моим и твоим, топчется, все берет на себя и изо всех сил борется…

Я не выдержала и расхохоталась.

— Последние слова я воспринимаю как комплимент.

— Вы правы, и это единственный комплимент, которого вы заслуживаете.

Я несказанно забавлялась, слушая выпады месье Каро. В том, что он говорил, было зерно истины. Удивительно, но слова месье Каро забавляли и моего сына. Ему было весело смотреть, как дядя притворно сердится на его маму. Теле-

программа перестала интересовать месье Каро. Футбольная философия занимала его теперь гораздо больше. Я подмигнула сыну, словно говоря: «Давай чуть-чуть подразним дядю».

— Интересно, кем бы вы сами хотели быть в футбольной команде, месье?

— Защитником. Защитнику требуется, конечно, меньше мужества, чем вратарю, но защищать то, во что веришь, — это мое предназначение. Мне не нужны почести. Я смотрю на тех, кто носится впереди меня, как на сумасшедших, но признаю, что есть некая трусость в том, чтобы рассчитывать при этом на того, кто стоит у тебя за спиной. Трусость в выборе позиции… трусость, которая мешает высказывать правду. Я все же унаследовал часть генов от моей матери.

— Мне кажется, что вы как раз всегда говорите правду, — с упреком сказала я ему.

— Я мог бы делать это лучше.

От футбольной дискуссии лицо месье Каро раскраснелось.

— Садись сюда, — сказал месье Каро моему сыну.

Месье Каро вышел и скоро вернулся с большой картонной коробкой, которую водрузил на стол.

— Знаешь, что это такое?

Сын заглянул в коробку.

— Это шахматы.

— Браво! Ты умеешь в них играть?

Сын покачал головой.

— Шахматы — это игра, возвышающаяся над всеми другими играми. Знаешь, почему?

Сын прикусил губу.

— Потому что в них считается только черное или белое. Так же, как в жизни. И победитель только один. Побеждают либо черные, либо белые. Тоже как в жизни. Для того чтобы победить, надо делать отдельные ходы, делать маленькие шаги, как в жизни. С каждым ходом шансы повышаются. Естественно, бывают и ошибки. Человеку свойственно совершать ошибки и принимать неправильные решения — один, ну, может быть, два раза. Но тот, кто совершает ошибки постоянно, неизбежно проигрывает.

Объясняя правила игры в шахматы, месье Каро оживился. Меня поразило то, что он постоянно думает о своей матери. Это проскальзывало во всем, что он говорил. Для месье Каро жизнь была либо черной, либо белой. Существовало либо добро, либо зло. По мнению месье Каро, его мать выбрала сторону зла и шла к нему шаг за шагом. Я, устроившись на диване, смотрела на двух

этих мальчиков, сидевших к плечу плечом за шахматной доской. Наверное, я заинтересовала месье Каро, потому что он не мог пока определить, где нахожусь в жизни, и поместил меня в серую зону.

Месье Каро одну за другой доставал из коробки фигуры, называл их и объяснял, как они ходят. Сын явно заинтересовался правилами шахматной игры. Месье Каро расставил фигуры на доске и предложил сыграть партию. Я подошла к окну, выходившему во двор с садом. Кроме сада, ничего не было видно. На улице было тепло. Я подошла к книжной полке и принялась рассматривать стоявшие на ней фотографии молодых людей, стариков, подростков и новорожденных. Все мужчины носили кипу, даже мальчики, хотя мне показалось, что у них кипы были сделаны из более мягкой материи. Откуда у этого одинокого человека такая большая семья? Может быть, он считал, что все эти люди стоят на стороне зла, и поэтому остался одиноким?

На полках стояло множество книг самых разнообразных жанров. Наличие среди них немецко-французского словаря говорило о подборе книг, но, возможно, мне так показалось, потому что я знала историю хозяина дома. Однако по

большей части на полках стояли книги, написанные французскими лауреатами Нобелевской премии. Рядом с книгой по истории Парижа я увидела книгу о Великом шелковом пути. Я взяла ее и села в кресло, услышав, как сын спрашивает месье Каро, почему игру всегда начинают белые. Уголки большинства страниц были загнуты, что сильно мне мешало. Во многих местах текст был подчеркнут карандашом, и я решила читать только выделенные фрагменты, чтобы понять, что месье Каро считал важным и интересным.

Я закрыла книгу. Карандашные подчеркивания выдавали личность, которую совершенно не интересовало, что означает экономический обмен между странами, но которой было важно знать, как, благодаря этой средневековой сети торговых путей, распространялись различные религии и философские системы. Я внимательно посмотрела на месье Каро. Несомненно, он был начитанным человеком, проявлявшим незаурядный интерес к людям, хотя его поведение часто говорило о противоположном. Человеком, который боится людей, но очень хочет их понять. Я украдкой посмотрела на часы и поняла, что нам пора прощаться.

— Сынок, нам пора, если мы хотим успеть на

тренировку.

Месье Каро метнул на меня негодующий взгляд, словно обвиняя в предательстве. Конечно, самое приятное — это когда в твой дом приходят понимающие тебя люди. Действительно, у месье Каро была потрясающая способность высвечивать мои негативные качества. Он решил поместить меня на сторону зла. Шахматные фигуры были аккуратно уложены в коробку, и мне было приятно видеть, как мой сын помогал месье Каро делать это без моего напоминания. Несмотря ни на что, мальчик проникся уважением к старику. Мы вышли в прихожую, и месье Каро откинул дверную цепочку. Я поцеловала его в обе щеки. Эти поцелуи явно шокировали его, но он промолчал, и мы вышли на лестничную площадку.

— Телевизор! — вдруг воскликнул месье Каро.

До меня не сразу дошло, что он хочет, чтобы мы выключили телевизор.

— Если хочешь, можешь пойти и выключить, — сказала я сыну.

Мне вдруг показалось, что месье Каро сейчас захлопнет дверь, накинет цепочку и возьмет моего сына в заложники. Собственно, я не знала этого человека, и не могла считать его достаточно рассудительным. Наоборот, он казался мне

непредсказуемой личностью с извращенным восприятием действительности. Я торопливо скользнула в прихожую. Месье Каро сердито взглянул на меня. Видимо, он всегда сердился, когда что-то не понимал. Вернулся мой сын, я взяла его за руку, и мы снова вышли на лестницу.

— Почему он сам не мог выключить телевизор? — спросил сын. — Ведь это так легко.

— Понимаешь, сегодня у месье Каро день отдыха, и он не хочет сам выключать телевизор. Он убежден, что тем самым совершит глупость.

Сын недоуменно посмотрел на меня.

По дороге к метро я чувствовала, что рука сына стала менее отчужденной, и меня перестала мучить совесть из-за шорт, ставших ему слишком короткими. Наоборот, именно это придало мне больше уверенности. Наверное, он сможет доходить в них лето. Я внимательно смотрела на него, пока мы продирались сквозь толпу туристов. Он что-то беспечно насвистывал. Никакие заботы не отражались больше на его лице, он снова стал живым и веселым.

— Тебе нравится на тренировках?

— Мне понравилась игра в шахматы.

* * *

Вечером, после возвращения из больницы, Мансебо сидит в кресле у окна, вперив взгляд в жилище писателя. Тарик и Адель, в кои-то веки, поднялись в его с Фатимой квартиру. Наверное, они не хотят оставлять Фатиму наедине с ним. Все ходили вокруг Мансебо, как кошка вокруг горшка с горячей кашей. То и дело все бросали на него опасливые взгляды, словно для того, чтобы удостовериться, не поразил ли его еще один приступ мигрени. Если, конечно, это была мигрень. Они не были на сто процентов в этом уверены. Адель во всеуслышание объявила, что у нее мигрень бывает каждый месяц, но она при этом не теряет рассудка. Фатима и Тарик рассмеялись и сказали, что у них разные виды мигрени.

Мансебо нравится, что он оказался в центре всеобщего внимания, что все ходят вокруг него на цыпочках, предупреждая любое желание. Все не переставая спрашивают, не нужно ли ему чего-нибудь. Они думали, будто он сидит в кресле и предается отдыху, но они не знали, что и в это время он напряженно работал, хотя на противоположной стороне бульвара не происходило ничего интересного.

Даже Амир, который никогда не имел обыкновения высказывать свое мнение или давать советы, спросил, почему его отец должен сегодня работать. Не лучше ли ему было бы оставаться дома и отдыхать после приступа болезни. Мансебо и сам подумывал о том, чтобы не спускаться сегодня в магазин, тем более что одну из своих работ он может делать и из дома. Но когда Мансебо сует руку в карман и нащупывает там пуговицу, которая отлетела от куртки, когда тот псих приподнял его над скамеечкой, все сомнения отпадают сами собой. Ему непременно надо спуститься в лавку. Он должен вскочить на лошадь, решил Мансебо, и подумал, сколько раз надо подняться после падения, чтобы стать настоящим наездником, настоящим спортсменом.

У лотков с фруктами за ночь словно выросли крылья. Он легко перетащил их через порог на тротуар, чтобы они своим содержимым привлекали покупателей. Да, поездка в больницу пошла ему на пользу. Все идет быстрее, работа спорится, и Мансебо снова чувствует себя в форме. Он ставит скамеечку на тротуар, садится и пристально смотрит на окно рабочего кабинета месье Бейкера. По небу ползут облака, и люди оживились, словно сбросив по паре килограммов. Мансебо

замечает и это, сидя на скамеечке и стараясь не поддаваться мрачным мыслям.

Прежде чем закрыть магазин на ночь, Мансебо достает из холодильника бутылку кока-колы и выпивает ее. Мать была права: лекарство может действовать успокаивающе. За всю свою жизнь он не выпил столько кока-колы, как за последние дни.

Ко времени закрытия магазина лотки утратили крылья, втаскивать их в лавку тяжелее, чем выволакивать наружу. Мансебо потягивается, готовясь приступить к отчету.

В тот момент, когда Мансебо приступает к работе, в квартире писателя открывается окно. Мансебо видит, как из него на улицу высовывается женская рука. Он откладывает в сторону блокнот, встает и не торопясь идет к двери. Едва ли не на цыпочках выходит из двери магазина, и сама природа словно помогает ему в этом. Бульвар освещается розовым закатным светом, и все люди, не только он, перестают спешить и суетиться.

Прохожие, конечно, идут не на цыпочках, но на них снисходит спокойствие вместе с желанием высосать все возможное из последних часов выходного дня. Маленькая белая рука аккурат-

но ставит на подоконник картонную коробку. Мансебо подумывает о том, чтобы взять бинокль, но сама мысль об этом вызывает у него резь в области мочевого пузыря. От удивления Мансебо раскрывает рот. Скорее всего, это была рука любовницы. Это не может быть рука мадам Кэт. Он ни за что не мог пропустить момент ее возвращения домой. В этом Мансебо уверен на все сто процентов. Женщина некоторое время возится с картонкой, прежде чем надежно устанавливает ее на подоконнике. Он старается рассмотреть лицо женщины, но это ему не удается. Рука ускользает внутрь квартиры, словно белая гибкая змея. Затем Мансебо видит писателя, который аккуратно закрывает окно. Мансебо снова открывает рот. Потом, спохватившись, закрывает его и бежит в магазин. Теперь он не ходит на цыпочках, для этого он слишком сильно взволнован.

Любовница должна выйти из дома. Непременно наступит такой момент, когда она выйдет. Если у нее есть семья, то она рано или поздно должна уйти домой, к мужу и детям. Если же у нее нет семьи, то она все равно должна уйти до прихода мадам Кэт. «Я должен дождаться ее выхода. Я поймал тебя в ловушку», — думает Мансебо и садится за кассу. Он смотрит на часы.

Ему еще ни разу не приходилось так поздно задерживаться в магазине в воскресенье. В окне никого не видно, и Мансебо смотрит на часы, не отмечая при этом, который час. Из квартиры в магазин вползает запах еды. Это напрягает Мансебо. Обычно в воскресенье он закрывает магазин раньше. Собственно, уже должен был закрыть. Об этом просто кричит аромат еды. Мансебо снова смотрит на часы. Потом еще раз. Если он сейчас не поднимется в квартиру, то его родные начнут интересоваться, что с ним происходит. В этом он уверен, несмотря на то что в принципе их совершенно не волнует, будет он сидеть за столом во время ужина или нет. В этом он тоже уверен.

«Может быть, мне стоит последить за ней?» Фантазия подхватывает Мансебо и уносит вдаль. Однако запах еды возвращает его к действительности. Дух горохового гуляша действует на Мансебо как отравляющий газ. Мансебо в который уже раз смотрит на часы.

Справившись с охватившей его паникой, Мансебо понимает, что должен добраться до квартиры писателя раньше, чем кто-нибудь из родственников спустится, чтобы выяснить, в чем дело. Он знает, что пройдут считаные минуты, и Фатима пошлет кого-нибудь вниз. Сама она

не спустится ни за что, не настолько он для нее важен.

Да, он должен проникнуть в квартиру месье Бейкера, но как это сделать? Может, притвориться, что он хочет что-то продать? Мансебо бросает взгляд на стопку записных книжек. Несколько недель назад к нему постучался какой-то пожарный и предложил купить календарь с полуодетыми пожарными. Фатима едва не купила его, сказав, что Адели будет полезно посмотреть этот календарь. Может быть, после этого ей захочется иметь детей. Мансебо — человек отчаянный и бесшабашный. Записные книжки — прекрасный товар. Он может ходить по кварталу и пытаться их продать. Это будет выглядеть весьма правдоподобно.

Запах еды душит Мансебо. Он бросается к записным книжкам, сгребает их в охапку и выбегает на улицу, забыв не только запереть, но даже просто закрыть дверь лавки. Теперь начинается переход на противоположную сторону бульвара. Наверное, дверь откроет сам писатель. Кто знает, возможно, из-за его спины выглянет любовница, завернутая в купальное полотенце. «Во всяком случае, я хотя бы узнаю, как она выглядит, — думает Мансебо. — Может быть, писатель

предложит мне войти или — кто знает? — дверь откроет любовница, и тогда…»

Рядом отчаянно сигналит машина. Мансебо от неожиданности роняет несколько книжек, наклоняется и проворно их подбирает. Машина визжит тормозами. Мансебо бежит дальше через бульвар. Вот он уже достиг противоположной стороны. Теперь ему предстоит подъем по пожарной лестнице. Для того чтобы держаться рукой за перекладины, Мансебо берет одну книжку в зубы. Он с удивлением обнаруживает, что пожарная лестница на самом деле очень крутая.

— Куда это ты полез, муженек?

Мансебо оборачивается и едва не падает вниз. Через бульвар бежит Фатима в своих розовых домашних туфлях. Дальнейшее Мансебо воспринимает словно в замедленной киносъемке. Впервые в жизни он видит, как Фатима бежит. Он видел, как она быстро ходила, но чтобы бегала?… Он даже не подозревал, что она умеет это делать. Мансебо молча смотрит на жену с середины пожарной лестницы, держа записные книжки под мышкой и во рту. Игра проиграна. Мансебо поднимает голову и смотрит на дверь квартиры писателя. За дверью решение загадки. Все, это конец. Конец его работе.

В глазах Фатимы сверкают молнии, когда она стаскивает мужа с лестницы и буквально волочит его через бульвар. Мансебо крепко держит записные книжки. Некоторые машины весело сигналят. Двое молодых людей высовываются из окон автомобиля, чтобы лучше видеть представление. Статная высокая женщина тащит через бульвар тщедушного мужчину с записной книжкой в зубах.

Фатима с размаху сажает Мансебо на скамеечку у кассы, и он мысленно отмечает, что с ним это проделывают уже не в первый раз. Фатима закрывает дверь и остается стоять спиной к Мансебо. Когда она оборачивается, становится видно, что все ее силы иссякли, а глаза потухли.

— Ты хочешь, чтобы я позвонила? — спрашивает она, притворяясь заботливой.

Она извлекает записную книжку изо рта мужа.

— Позвонила?

— Да, чтобы тебе оказали помощь.

До Мансебо доходит, что, по мнению жены, он окончательно спятил, и ее можно понять. Всего сорок восемь часов назад у него был психический срыв, а теперь он носится по городу с записными книжками, воображая себя торговцем вразнос. Мансебо даже чувствует известное облегчение

оттого, что Фатима считает его сумасшедшим, но в психушку он ехать не хочет. У него нет желания снова беседовать с мадам Флуриант. Но сильнее всего Мансебо хочет выполнить свою работу. Выполнить же ее он может только здесь, на бульваре Батиньоль. Мансебо слышит шаги на лестнице и сразу понимает, кто это.

— Что здесь происходит?

Тарик стоит в дверях и вопросительно смотрит на Мансебо.

— Он полез к соседям с записными книжками.

Тарик смотрит на Мансебо, явно ожидая объяснений. Мансебо в ответ пожимает плечами.

— Где ты их взял?

Тарик обводит рукой записные книжки, разбросанные по полу. Фатима тоже пожимает плечами.

— Одну он держал в зубах.

— Что?

— Я говорю, что одну из этих книжек он держал в зубах!

Мансебо продолжает невозмутимо сидеть на скамеечке.

— Я-то полагал, что с ним все в порядке, — тихо шепчет Тарик Фатиме, думая, что Мансебо его не слышит.

Фатима оттаскивает Тарика от кассы.

— Есть одна вещь, о которой я никому не рассказывала. Когда я пришла к нему в больницу, он сидел в кровати и твердил, что он — президент Олланд.

— Что ты говоришь?! — восклицает пораженный Тарик.

Мансебо понимает, что сумасшедшие часто говорят сами с собой, но это не значит, что у сумасшедших непременно страдает слух.

— Ты хочешь сказать, что он принимает себя за других людей?

Фатима молча пожимает плечами.

— Вот черт! И что же нам теперь делать?

— Идти есть, — говорит Фатима. — Я позвоню в больницу завтра.

Фатима исчезает на лестнице. В лавке слышно, как шаркают по ступеням ее туфли. Тарик с сомнением смотрит на своего кузена.

— Мы сейчас все уладим. Как мужчина мужчине, скажи мне, зачем ты лез к соседям с этими книжками?

Мансебо испытывает благодарность к Тарику за то, что тот уважительно к нему отнесся. Надо дать ему разумный ответ, думает Мансебо, но не открывать правды.

— Эти книжки я получил от одного покупателя, китайца. Что прикажешь мне с ними делать? Дела в последнее время идут плохо, я и решил их хоть немного подправить.

Мансебо, поднаторевший за последнее время в искусстве наблюдения за людьми и в толковании их поведения, видит, что ему удалось немного переманить Тарика на свою сторону, а это как раз то, что нужно. Если они оба — Фатима и Тарик — поверят в то, что он страдает раздвоением личности, то его неминуемо посадят под замок и завернут в смирительную рубашку или заколют медикаментами до такой степени, что он не сможет работать. Они сильные люди и способны действовать решительно — Фатима и Тарик, и он не хочет, чтобы они были настроены против него. Мансебо понимает, что надо сказать, чтобы окончательно привлечь Тарика на свою сторону.

— Когда ты выиграл деньги в лотерею, я почувствовал себя еще беднее. Я подумал, что, если смогу продать несколько записных книжек, то в кассе зазвенят хоть какие-то монеты. Курочка по зернышку… Я прекрасно себя чувствую. Нет никакой опасности, брат, я превосходно знаю, кто я такой.

Теперь Тарик одной ногой стоит на стороне

Мансебо, а другой ногой на стороне Фатимы. Надо сделать еще одно усилие, чтобы окончательно перетащить Тарика в свой лагерь.

— Мне надо делать что-то новое, а я просто сижу здесь целыми днями. У тебя планы относительно парашютной школы, у тебя есть мечты, а у меня… Здесь, в лавке, не происходит ничегошеньки интересного и важного.

Тарик хлопает Мансебо по плечу:

— Хочешь, я помогу тебе убраться?

Мансебо качает головой.

— Тогда мы поступим следующим образом. Я поднимусь наверх и поговорю с Фатимой. Надо ее успокоить. Ты же должен понять, что она волнуется за тебя.

Мансебо улыбается:

— Спасибо.

— Не за что, брат. Знаешь, если тебе будут нужны деньги, то обращайся ко мне. Деньги у меня есть.

«Это я сделал», — думает Мансебо.

Тарик шутливо хлопает его по плечу и выходит на лестницу. Мансебо торопливо собирает с пола записные книжки, раздумывая, что было хуже: иметь дело с теми двумя сумасшедшими, что вломились к нему в магазин, или с этими

двумя заботливыми родственниками. Он берет в руки свою записную книжку, чтобы занести туда последние наблюдения, и в этот момент видит, как мадам Кэт кладет руку на плечо своего мужа, который сидит за столом перед компьютером. Как оказалось, в отчет не надо вносить никаких исправлений.

* * *

Мне казалось, что я ни разу здесь не была. Я ходила этой дорогой много лет, но никогда не замечала этого здания.

— Оно построено в 1998 году, — сказал вдруг Кристоф, словно подслушав мои мысли.

Здание было похоже на небольшой четырехугольный шатер. Собственно, оно было не совсем уж маленьким, но казалось таким в сравнении с другими домами, расположенными с ним в одном ряду. Красный крест, возвышавшийся над входом, говорил о том, что это не обычное конторское здание.

Кристоф открыл дверь и пропустил меня вперед. Рукой он показал, что нам надо подняться по лестнице. Кристоф обменялся рукопожатием с человеком, спускавшимся нам навстречу, и я поняла, что он — усердный прихожанин этой

церкви. Мы поднялись наверх и вошли в церковное помещение. Было трудно поверить, что мы находимся в одном из самых оживленных деловых районов Европы. Кристоф смотрел, как я озираюсь по сторонам, осваиваясь в незнакомой обстановке. Я искала признаки того, что нахожусь в настоящей церкви.

— Что вы здесь делаете? — едва слышно спросила я.

— Что я делаю, когда прихожу в церковь?

Я кивнула. Кристоф пожал плечами, вынул руки из карманов и подошел к алтарю, где опустился на колени и сложил руки на груди. Теперь он выглядел беззащитным и хрупким, потому что совершенно искренне и без затей поделился со мной своей верой. В его поведении не было ничего показного и искусственного. Он выглядел так, словно стоял перед гильотиной. Сотворив молитву, он перекрестился, поднялся и сел на отполированную светлую деревянную скамью. В церкви стояла напряженная тишина. Если бы мы были мужественными, то сохранили бы эту тишину, если бы мы были трусливыми, то нарушили бы ее. Покашливание только подчеркивало безмолвие. Я села на скамью. Мы посмотрели друг на друга, и я поняла, откуда бралось это

напряжение. Дело было не в самой церкви, не в тишине, не во мне и не в Кристофе. Дело было в его молитве. Я откашлялась. Я проявила трусость, он — нет.

— Я уже спрашивал раньше и повторю свой вопрос сейчас: почему вы подарили мне цветы?

— При первой встрече?

Он кивнул.

— Я хотела от них избавиться. У меня не было заранее обдуманного намерения.

— Вы не любите цветы?

— Теперь уже нет.

Лестница заскрипела, по ней поднялся мужчина в строгом костюме. Он притворился, что не видит нас, прошел к алтарю, преклонил колени, перекрестился, встал и вышел.

— Перерыв на кофе, — сказал Кристоф и кивком указал в сторону ушедшего мужчины. — Так почему вы отдали их мне?

На лестнице снова раздались шаги, и в зал вошла пожилая женщина в коричневом платке. Она кивнула нам и села на скамью в некотором отдалении от нас.

— Бог на вашей стороне. Каждый раз, когда я задаю вам вопрос, кто-то входит и отвлекает от вас мое внимание.

Он говорил шепотом, и, по неведомой мне причине, я почувствовала себя совсем юной. Мы сидели здесь, как два упрямых юнца, которые сидят в церкви и шепчутся, думая, что взрослые их не слышат. Наверное, из-за того, что мы находились в церкви, я не была расположена лгать.

— В ваших глазах я увидела нечто такое, что заставило меня отдать цветы вам.

Я посмотрела на его сцепленные руки, лежавшие на коленях.

— И что же вы увидели в моих глазах?

— Тяжкую заботу… но, может быть, еще и благодарность.

Говоря это, я не смотрела на него, мой взгляд был направлен на пожилую женщину, хотя я изо всех сил старалась ей не мешать. Однако краем глаза я заметила, что глаза Кристофа были закрыты.

— Вы верите в истину?

— Вы не могли бы спросить о чем-нибудь другом? — спросила я.

В это время старуха вышла из церкви.

— Я все же спрашиваю… верите ли вы в истину, во всех смыслах?

— Да, но она часто бывает скрыта от нас.

— Вы верите в прощение?

— Да, верю, если оно не эгоистично.

Я сразу подумала о Юдифи Гольденберг, и мне захотелось рассказать ее историю Кристофу, чтобы посмотреть, как он на нее отреагирует. Но я понимала, что сейчас последует другая история, так и оказалось.

— Моя жена изменила мне с другим мужчиной.

Он произнес эту фразу, подчеркнув слово «изменила».

— Я узнал об этом вечером, накануне того дня, когда вы подарили мне цветы. Жена сама рассказала мне об этом, у нее не было больше сил скрывать. Моим первым побуждением было выгнать ее из дома. Но, несмотря ни на что, нам удалось поговорить. Мы проговорили всю ночь, и когда взошло солнце, я смог простить ее. Да, в самом деле, я простил ее. Это было нелегко, но я смог…

Я поняла, что Юдифи придется подождать.

— По дороге домой меня переполняли именно те чувства, отпечаток которых вы увидели на моем лице. Да, это были забота и благодарность. Меня удивила впечатляющая способность к убеждению. Я был благодарен судьбе за то, что у меня прекрасная семья, за то, что обладаю спо-

собностью прощать. Когда я возблагодарил за это судьбу и Бога, вдруг появились вы, сунули мне в руки букет цветов и исчезли. Знаете, что больше всего меня огорчило?

Я покачала головой.

— То, что я не успел вас поблагодарить. Но потом… — Он помолчал. — Не знаю, стоит ли мне это рассказывать.

Кристоф посмотрел на меня и виновато улыбнулся. В глазах его блеснули слезы.

— Я тоже не знаю, но вы в любом случае рассказывайте.

— Когда я вернулся домой с цветами, жена решила, что они предназначались ей. Бережно взяла их у меня, поставила в хрустальную вазу и благодарила за то, что я принес ей цветы, несмотря на то что она… Она была благодарна мне за то, что я простил ее, и доказал это своими цветами. Но я рассказал ей, что получил эти цветы в метро, получил совершенно случайно от незнакомой мне женщины.

«Какой же ты глупец», — подумала я и посмотрела на него.

— Что вы об этом думаете? — спросил он.

— Я подумала, что мужчины очень часто совершают глупости, не глядя, походя…

Мы рассмеялись так, что наш смех эхом прокатился под сводами церкви. Это был облегчающий смех. Кристоф прижал палец к губам, давая понять, что надо вести себя тише.

— Ага, и ваша жена подумала, что у вас тоже кто-то есть?

— Нет, совсем нет. Все было гораздо хуже. Сначала она думает, что я специально купил для нее цветы, а потом узнает, что мне преподнесла их другая женщина. Она вообразила, что я подарил ей цветы, чтобы досадить, надавить на ее больную совесть. Она разуверилась в том, что я простил ее. Она решила, что я задумал унизить ее, причинить боль, короче, наказать. — Он вздохнул и продолжил: — Думаю, что это была последняя капля… эти цветы. В тот вечер она решила уйти от меня. Сказала, что не может жить с вечным напоминанием о вине, сказала, что я не заслуживаю такой жены, как она.

— И все это из-за цветов?

— Она подумала, что это только верхушка айсберга.

— Каких слов вы ждете от меня? Вы хотите, чтобы я извинилась?

— Только если ваши извинения будут искренними.

— Этого я обещать не могу.

— Вы и не должны.

Все повернули голову в мою сторону, когда я пошла к лестнице. Кристоф остался сидеть на месте, а я снова вернулась к реальности. Тысячи людей вышли на улицы, чтобы глотнуть свежего воздуха в обеденный перерыв, но в церкви все шло своим чередом. Кристоф сидел на скамье и размышлял о прощении, скрипела лестница, люди входили и выходили.

Только услышав за дверью шаркающие шаги, я поняла, что мне пора собираться домой.

— Добрый вечер, — сказала я.

— Добрый вечер, — ответила женщина, метнула на меня недобрый взгляд и принялась втаскивать пылесос.

— Вы мусульманка, не так ли? — спросила я.

Женщина одарила меня презрительно-скучающим взглядом.

— Я подумала… мне просто интересно, как вы смотрите на прощение.

Она что-то буркнула в ответ и потерла рукой нос.

— Почему вас это интересует?

— Понимаете, завтра мне предстоит выступать в дебатах… с лекцией. Это не касается «Аревы»,

это частное дело, и мне нужно подготовить вступление…

— Вступление?

— Да, в котором я могла бы осветить и другие, отличные от христианской, точки зрения.

— Аллах говорит, что те из нас, кто живет в довольстве и достатке, никогда не должны отказывать в помощи ближним и нуждающимся, как и тому, кто отворачивается от зла во имя Аллаха. Тех, кто совершает ошибки, мы должны прощать и забывать их прегрешения. Аллах всепрощающий и милостивый, он призывает прощать и нас.

— Отлично. А как вы смотрите на истину?

— Вы задаете слишком много вопросов, мадам.

Она включила пылесос. Теперь она была свободна от меня и моих вопросов. Кнопка включения пылесоса была ее стоп-краном. Я надела свои темные очки. Уборщица покосилась на меня. Я в это время укладывала в сумку свой ноутбук. Я не спешила, словно бросая ей вызов и всем моим видом говоря, что это моя контора. Если бы не странный контракт, который обязывал меня уходить домой в определенное время, я бы посидела в конторе еще часок. Я вышла не попрощавшись. Мы попрощались уже во время разговора.

Он умер. Я была на сто процентов в этом уверена. Я почти физически ощущала на лестнице трупный запах. Если же он был еще жив, то лежал в больнице под капельницей, напичканный морфином в ожидании скорого и неминуемого конца. Несмотря на уверенность в том, что он мертв или, во всяком случае, умирает, я все же сомневалась, верно ли собираюсь поступить.

Я сознавала, что нахожусь в абсолютно неестественной ситуации и намереваюсь совершить по меньшей мере странный поступок. Что, если он не умер, вернулся домой в спортивном костюме и с катетером в вене, и завтра, открыв дверь, обнаружит вставленный в дверную ручку букет? Возможно, он подумает, что кто-то поздравляет его с возвращением домой. Если у него нет родственников, то решит, что это сделал кто-то из соседей или добрая консьержка развешивает на двери букеты цветов. Если же он умер… тогда все это не важно.

Букет на этот раз был пестрым и радостным. «Ты достоин его», — думала я, прикрепляя цветы к дверной ручке. Внезапно мне показалось, что дверь сейчас откроется и он предстанет передо мной живой и здоровый. Может быть, он и не был болен. Я же начну, заикаясь, бормотать

неуклюжие объяснения в свое оправдание. Казалось, я слышу за дверью приближающиеся шаги, почти убедила себя в этом. Постояла у двери, чтобы удостовериться в том, что она точно не откроется. Никто не подошел к двери. Никто ее не открыл. Не отдавая себе отчета, я позвонила в квартиру. Но никто не отозвался. Дверь так и осталась закрытой. Это означало, что сосед мертв, а я все еще не могла привыкнуть к этой мысли. Пока не могла.

* * *

Все идет по плану. Мансебо накидывает синюю куртку, надевает на голову черную шапочку — такию, на цыпочках выходит из квартиры и спускается по первой лестнице. Проходит мимо двери Тарика и Адели. Все как обычно. Преодолев вторую лестницу, он отпирает дверь, ведущую в магазин, но не зажигает верхний свет, а включает маленькую настольную лампу. Вот это уже не как всегда. Сегодня Мансебо не поедет в Рунжи. Он должен сделать еще один шаг вперед. Надо изменить ход своей жизни, но сделать это так, чтобы никто ничего не заметил. Именно поэтому Мансебо решил сегодня не ездить в Рунжи.

Он садится на скамеечку за кассой. Никто не

заподозрит, что в магазине кто-то есть. Никто не заметит пятно света, которое лампочка бросает на книгу Теда Бейкера «Крысолов». Какое странное название, думает Мансебо и открывает первую страницу.

Стоит невероятная, неправдоподобная тишина. Мансебо не помнит, чтобы когда-нибудь в магазине было так тихо. Сейчас он должен подъезжать к Рунжи, думает Мансебо и бросает взгляд на часы. Несмотря на то что торгует уже много лет, для рыночных поставщиков он остается безымянным торговцем. Он и до этого часто менял поставщиков, и так же часто менялся персонал оптовых рынков. Все участники рынка быстро ориентируются, где можно приобрести лучший товар, чтобы потом вернуться с ним в свои магазины, рестораны и кафе.

Конечно, есть несколько служащих, с которыми Мансебо каждый день перекидывается парой слов. Но никто не сочтет странным, если однажды утром он не появится на оптовом рынке. Дело в том, что они не поставляют товар по заранее сделанным заказам. Мансебо надо тщательно следить за временем, чтобы в урочный час поспеть в «Ле-Солейль». Вот Франсуа его ждет, в этом Мансебо уверен на все сто процентов. Если он не

придет, то Франсуа и правда решит, что с Мансебо что-то неладно, особенно после приступа.

Он вздрагивает. Как раз на том месте, где герой книги, крутой журналист, оказывается в темном гараже, Мансебо внезапно слышит какой-то звук. Хлопнула входная дверь дома. При обычных обстоятельствах это ничуть его не напугало бы, но сейчас он находился под сильным впечатлением от чтения. Фатима бежала через бульвар, точнее, пыталась бежать, насколько ей позволяли туфли и полнота.

Мансебо смотрит на часы. Что она делает здесь в столь ранний час? Мансебо не успевает обдумать, что происходит, когда видит, как его жена входит в булочную. Всего через несколько секунд она снова выходит на улицу с бумажным пакетом в руках. Мансебо возвращается к кассе и в ожидании прислушивается. Снова скрипит и захлопывается входная дверь. Мансебо слышит на лестнице шаркающие шаги Фатимы, а затем снова наступает тишина. Как может такой айсберг исчезнуть в квартире, не произведя ни малейшего шума?

Мансебо выключает лампу и осторожно открывает дверь, ведущую на лестничную площадку. Там темно и пусто. Он выходит на улицу, осто-

рожно закрыв за собой дверь, переходит улицу и направляется к булочной. Бросив взгляд на часы, нажимает на ручку двери и входит в магазин, сразу окунувшись в замечательный аромат свежеиспеченного хлеба.

— С добрым утром, месье Мансебо!

— С добрым утром.

— Чем могу служить?

— Здесь только что была моя жена… всего несколько минут назад…

— Да?

Краснощекий булочник с интересом смотрит на Мансебо.

— Я только хочу узнать, что она здесь делала… то есть что она купила.

Надо было, конечно, подумать, как объяснить свой столь ранний визит.

— Что она купила? То, что покупает всегда.

— Всегда? — удивленно переспрашивает Мансебо.

— Да, каждое утро.

— Так, значит, Фатима, моя жена, бывает здесь каждое утро?

— Да, и всегда покупает три шоколадных хлебца.

Мансебо выглядит так, словно неожиданно

узнал, что его жена совершила тягчайшее преступление.

— Ага, понятно. Могу я попросить вас об одном одолжении? Не рассказывайте моей жене, что я был у вас сегодня.

На лице булочника проступает искреннее удивление. Потом он смеется.

— Я понял, она соблюдает диету, но тайком ест сладости?

Мансебо улыбается. Булочник, скорее всего, поверит в это.

— Нет, я ничего не скажу. Не хотите ли купить горячий круассан?

Вся ситуация теперь представляется Мансебо полным абсурдом. Собственно, нет ничего странного в том, что Фатима каждый день по утрам покупает хлеб, но она никогда не рассказывает Мансебо, что с кем-то завтракает. Наоборот, всегда твердит, что у нее очень много дел и она едва успевает стоя проглотить вместо завтрака чашку кофе. Зачем она *лжет*?

Шоколадные хлебцы вызывают множество вопросов. Все это, конечно, выглядит вполне невинно, но Мансебо все сильнее и сильнее чувствует себя оторванным от семьи, которую он, как ему казалось, хорошо знал. Он, кроме того,

не может спросить Фатиму о ее утренних походах в магазины. Если он ее об этом спросит, она немедленно поинтересуется, почему он не ездил в Рунжи. Полный абсурд, совершенно идиотская ситуация. Мансебо идет к своей неправильно припаркованной машине, садится в нее и делает пару кругов по кварталу, чтобы вовремя подъехать к «Ле-Солейль». Машину он ставит на стоянке для инвалидов.

Несмотря на то что температура сегодня забирается выше двадцати пяти градусов, парижане в большинстве своем наряжены в кофты и рубашки с длинными рукавами. Наверное, люди делают это, чтобы убедить самих себя в том, что жара все-таки кончилась. Другие оделись теплее, потому что уже привыкли к температуре за тридцать.

Для Мансебо это небольшое похолодание не значит ровным счетом ничего. Он всегда одевается одинаково. Лотки с фруктами и овощами вынесены на улицу и открыты. Яблоки и клубника неплохо перенесли ночь. Со сливами дела обстоят хуже, но Мансебо нисколько не жалеет, что махнул рукой на оптовый рынок. Он спрыскивает водой фрукты и овощи. Надев часы высоко на запястье, аккуратно укладывает в стопку

оставшиеся записные книжки — тридцать одну штуку. Мансебо и сам не знает, зачем все это делает. Это предстартовый период. Но для чего?

Он раскрывает «Крысолова» и начинает читать с того места, на котором остановился. Главный герой, Стефан, тридцатилетний журналист, ждет огромную сумму денег от наркоторговца, который называет себя Крысой, откуда и название книги. Крыса должен заплатить деньги за то, что Стефан воспрепятствовал публикации статьи о парижских наркоторговцах. Читая, Мансебо удивляется тому, что может узнать характер Теда Бейкера по словам, которые тот использует в книге. Перо у писателя бойкое, фразы текут, как ручеек. Нет лишних длиннот, книга читается легко, даже, пожалуй, слишком легко. У Мансебо вызывает раздражение тот эпизод, в котором наркоторговец передает журналисту сумку с деньгами. Все происходит быстро и просто. Ничто не мешает этому обмену, нет никаких препятствий или, по крайней мере, отвлекающих моментов. Наркоторговец протягивает Стефану сумку, тот берет ее и уходит. Мансебо почти явственно представляет себе, как журналист вприпрыжку улепетывает из гаража, в котором получил деньги. Мансебо вспоминает, как Амир

сказал, что Бейкер не принадлежит к числу выдающихся писателей. «Эта книжка из тех, которые называют бульварным чтивом?» — спрашивает себя Мансебо и закрывает ее, потому что в магазин входит первый покупатель.

Днем температура повышается, и парижане начинают снимать свитера и кофты. Бездомные теснятся возле магазина «Пикар», где торгуют только замороженными продуктами. Вентиляция магазина спасает жизни. Никогда прежде не было столько посетителей в городских библиотеках. Находятся бездомные, которые берут книги наугад, только для того, чтобы прикрыть голову от палящего солнца. Вахтеры сквозь пальцы смотрят на то, что книги берут отнюдь не из любви к литературе, а для того, чтобы сладко поспать, подложив их под голову вместо подушки. И дело не в том, что они испытывают сострадание к бездомным, у них просто нет сил делать им замечания. Все силы и энергия уходят на то, чтобы выстоять самим. Даже на бульваре заметны жертвы жары. Увеличилось число столкновений на проезжей части. Многие магазины закрыты, а люди сжимают в руках бутылки с минеральной водой так, что белеют пальцы.

Тарик стоит на тротуаре, и Мансебо удивляется,

почему тот до сих пор не установил у себя кондиционер, о котором так много и красноречиво распространялся. Мансебо делает Тарику знак, что пора идти в «Ле-Солейль».

«Грязные деньги оказались фальшивыми. Это ничего не стоящие бумажки. Он проиграл».

Жара дала Мансебо возможность почитать во второй половине дня, да, собственно, ни на что другое у него просто не осталось сил. Спрятавшись за кассой, он вдруг судорожно проглатывает слюну и прижимает ладонь к губам. Мысль о том, что деньги мадам Кэт могут оказаться фальшивыми, раньше не приходила ему в голову. Деньги были главным доказательством того, что она не использует его, вовлекая в мошеннический писательский проект.

Мысль вызывает у Мансебо приступ головокружения. Дело даже не в том, что он может оказаться героем книги, и не в том, что, возможно, получает фальшивые деньги. Он должен читать дальше. Книга захватила его. Роман «Крысолов», который Мансебо сначала не хотел читать и открыл против воли, теперь запал ему в душу. Тед Бейкер в глазах Мансебо поднялся с нулевого уровня до уровня посредственности. Но он работает для жены писателя и получает деньги приблизительно

за то же, за что должен был получить их главный герой, и понятно, что книга захватывает Мансебо. Дело здесь не в качестве и достоинствах книги. Мансебо не нравится сама мысль о том, чтобы оценивать произведения, вышедшие из-под пера Теда Бейкера. Однако он продолжает сидеть и читать, одновременно кусая себе ногти.

Рассказ об обманутом журналисте довольно скучен и монотонен, но мысленно Мансебо разыгрывает в своем воображении совершенно иную историю. В этой истории речь идет о владельце бакалейной лавки, которого впутали в грязные дела. Когда в магазин вбегает несколько девочек, чтобы поживиться записными книжками, Мансебо допрашивают офицеры полиции в связи с тем, что у него обнаружены фальшивые пятидесятиевровые купюры. Что происходит в книге, Мансебо уже не знает, потому что фантазия унесла его далеко в сторону. Одна из девочек спрашивает, захватывающая ли книжка, но Мансебо ее не слышит.

Он покончил с книгой, и одновременно закончился день. Вечерний воздух с большим трудом начинает охлаждать город. Тарик уже давно закрыл свою обувную мастерскую. Теперь он сидит, забросив ноги на стол, и читает газету. Мансебо

наблюдает за своим младшим кузеном. Прежде чем потушить свет, Тарик прикладывает к уху телефон. Он всегда кому-то звонит в такое время? Или позвонили ему?

Мансебо стоит, держа в руках несколько полусгнивших помидоров, и ждет ответов на свои вопросы. Собственно, Мансебо никогда прежде не думал о том, чем занимается Тарик в своей мастерской в конце дня, потому что у него самого в это время хлопот полон рот. К тому же его обычно так мучил голод, что он не мог дождаться момента, когда сможет закрыть наконец лавку. Но сегодня Мансебо потерял аппетит, прочитав в книге о фальшивых деньгах. Тарик складывает трубку, закончив долгий разговор. Внезапно Мансебо видит, как Тарик хватает со стола картонную коробку и швыряет ее в угол.

Через несколько минут Мансебо чувствует, как на его плечо ложится знакомая рука.

— Все нормально, брат?

— Все очень хорошо. Сегодня был самый спокойный день за очень долгое время.

— Да, у меня тоже было тихо.

— Сегодня мы можем с сожалением сказать, что наши жены работали больше нас.

Тарик смеется и своей немного манерной по-

ходкой направляется к лестнице.

— У тебя ничего не случилось? — спрашивает Мансебо.

Тарик оборачивается и вопросительно смотрит на своего тщедушного маленького кузена, которого называет братом. Мансебо не знает, стоит ли ему продолжать. Он некоторое время молчит — только для того, чтобы дать себе время подумать.

— Я видел, что ты говорил с кем-то по телефону, и этот разговор, как мне показалось, сильно тебя… разволновал.

Тарик застывает на месте. Он закрывает за спиной дверь и всем своим массивным телом едва ли не наваливается на Мансебо. Казалось, сейчас он бросится на кузена с кулаками. Глаза его потемнели, и Мансебо охватила паника. Он не узнавал двоюродного брата. Но в считаные мгновения потемневшие глаза светлеют, и Тарик улыбается. Но фактом остается то, что Мансебо успел заметить темную тень в глазах Тарика до того, как тот улыбнулся. Мансебо мысленно приказывает себе не читать больше криминальных романов. В голове возникает путаница, и он начинает фабриковать свою, параллельную реальность.

— Что, что? Я говорил по телефону?

Мансебо пытается изобразить какое-то подобие кивка, который бы одновременно выглядел как извинение за заданный некстати вопрос.

— Я говорил по телефону? — снова спрашивает Тарик. — Нет, не помню.

— Конечно, я ошибся, ты не говорил по телефону.

У Тарика вырывается совершенно безрадостный смех.

Мансебо не может понять, почему Тарик смеется.

— Теперь ты утверждаешь, что я не говорил по телефону? Но ты же сам всего секунду назад сказал, что я говорил. Брат, неужели на тебя так сильно действует жара?

Тарик качает головой и выходит из магазина.

Мансебо вдруг кажется, что в лавке стало нестерпимо холодно. Он покрывается гусиной кожей. В душу заползает устрашающее, лишающее покоя чувство. Есть что-то такое, чего он не видит, но это нечто существует, думает Мансебо, и судорожно глотает слюну.

Слышится смех, сначала тихий, а потом перешедший в дикий хохот. Мансебо открывает дверь и сразу видит причину, вызвавшую всеоб-

щее веселье. Адель лежит на полу и держится за живот от смеха. Рядом валяется развалившийся на части деревянный стул. Мансебо не может решить — либо в квартире царит очень веселое настроение, либо он сам уже опустился на такой низкий уровень, что преувеличенно воспринимает любую ситуацию. Ему не становится лучше оттого, что Фатима ласково треплет его по щеке.

Мансебо снова вспоминает об утреннем событии и чувствует, что пузырь изоляции, в котором он оказался, становится еще прочнее, а сам он ощущает все большее и большее отчуждение. Он ощущает руку Фатимы на своей коже как что-то чужеродное и нереальное. Единственное, что чувствует Мансебо, — это запах сливочного теста и жирного шоколада. Раскрасневшаяся Адель продолжает лежать на полу. Мансебо думает, что, пожалуй, никогда не видел Адель такой румяной.

— Вы что, опять выиграли в лотерею кругленькую сумму?

Мансебо очень доволен тем, что упомянул лотерею как повод для реплики. Это внушит им всем веру в то, что он по-прежнему заодно с семьей, во всяком случае в данный момент. Теперь Мансебо должен сказать несколько фраз, которых от него

ждут, которые он мог бы сказать в такой ситуации. Но ему не за что зацепиться, да, собственно, никто не удивится его молчанию, потому что все от души веселятся.

— Нет, сегодня мы ничего не выиграли, но моя жена, впервые в жизни, села на тесто, которое Фатима поставила подходить и накрыла полотенцем.

Тарик указывает рукой на противень, стоящий на низкой зеленой скамеечке.

— Потом она пересела на деревянный стул, после чего тот приказал долго жить.

Адель встает и направляется к мужу, он нежно обнимает жену и держит в объятиях, не желая от нее отрываться.

— Я смеялся над этим больше, чем над выигрышем в лотерею. К тому же я выиграл еще и мою жену, а это самый большой выигрыш!

Тарик снова смеется и шутливо кусает Адель за ухо. Выражение ее лица внезапно меняется, улыбка исчезает, и на смену ей приходит обычное напряжение. Больше нет той Адели, которую Мансебо видел всего несколько минут назад.

Мансебо внимательно наблюдает за Тариком, чтобы знать, что тот собой представляет, и держать в узде этого дикого зверя. Можно держать

зверя на привязи, можно хорошо его знать, но нельзя ни на минуту забывать о его природе. Того Тарика, который только что показал свою сущность в магазине, словно подменили. Теперь Мансебо видит перед собой Тарика, какого знал с детства, — простого, непритязательного, шумного, но доброго, любящего хорошую еду, женщин и сигареты. Если у него это есть, то он всем доволен. Если он лишается всего этого, то бесится, но его бешенство выглядит в какой-то степени комично и безобидно. Тарик может быть и бескорыстным, готовым всегда прийти на помощь, особенно в практических делах. Вернулась и прежняя Фатима, та Фатима, которая все время хлопочет по дому, все время куксится, но никогда не злится по-настоящему. Исчезла женщина, которая не стесняется сыпать насмешками и язвительными комментариями, Фатима, которая ревностно следит за тем, чтобы Адель вносила свою лепту в поддержание семейного очага.

Мансебо пристально смотрит на жену и не видит женщину, которая по утрам бегает в булочную, а по слухам, еще и шмыгает за занавеску в лавке торговца табаком.

— Где мой сын? — спрашивает Мансебо.

— Сидит в библиотеке Жоржа Помпиду, — от-

вечает Фатима, разливая чай.

— Так поздно?

— По вечерам библиотека открыта до без четверти одиннадцать, — говорит Адель, чьи щеки приняли теперь свой обычный бледный цвет.

Мансебо хочет посмотреть на часы, но вовремя спохватывается, тянет вниз рукав и начинает стряхивать с него несуществующую соринку. Никто не успевает заметить этот жест, а Мансебо между тем вспоминает, что не забыл снять часы и положить их в тайник за кассой.

— Который теперь час? Он скоро придет?

В тот самый момент, когда Мансебо задает этот вопрос, открывается дверь и в комнату входит Амир. Мансебо сияет. Он очень рад видеть сына. Амир единственный, кто всегда остается самим собой, настоящим. Амир улыбается отцу и идет на кухню мыть руки. Мансебо потягивается и приосанивается. Как же он гордится своим сыном!

Ему не надо напоминать Амиру о необходимости выполнять школьные задания, он и без того образцовый ученик. Учителя, каждый раз, когда Мансебо приходит в школу, в один голос его хвалят. Одна учительница даже выразила удивление, что представитель второго поколения арабов, иммигрантов из Северной Африки, так

хорошо говорит по-французски. Мансебо гордый отец, но не уверенный в себе муж.

Из комнаты сочится свет. Дверь приоткрыта. Узкая полоска света разрезает на две части темно-коричневый ковер. Фатима занялась туалетом, и Мансебо слышит, как она полощет горло зеленой мятной водой. В коридоре стоит изумительный запах — смесь жары, еды и бензина.

После ужина Амир сразу ушел в свою комнату. Мансебо осторожно стучится в полуоткрытую дверь. Ответа нет. Мансебо раздумывает, постучаться ли еще раз.

Фатима хрипло откашливается в ванной. Путаница, которую Мансебо очень остро ощущал весь день, исчезла, улеглась. Вместе с ночью на него опустился покой. Обычно все бывает по-другому, и ночь омрачается беспокойством. Но теперь Мансебо кажется, что сегодняшний день был кадром какого-то суматошного фильма, в котором он видел много неприятного и неожиданного. Ночью кино кончается, и у Мансебо появляется время передохнуть и собраться с силами перед началом утреннего сеанса. Мансебо осторожно стучит в дверь. Амир открывает и вопросительно смотрит на отца.

— Извини, если помешал.

— Ничего страшного.

— Ты читаешь?

— Нет, так, кое-что просматриваю.

Собственно, Мансебо знает, почему хочет поговорить с сыном, но, когда Амир открывает дверь, все то важное, что скопилось в душе Мансебо, почему-то блекнет. Значимость разговора угасает, и отец уже не знает, с чего начать.

— Ты что-то хотел спросить, папа? Ты что-то прочитал?

Амир как будто подслушал невысказанный вопрос, и это помогло Мансебо приступить к делу.

— Я… да, знаешь… Мне можно войти?

Амир распахивает дверь, идет в комнату и садится на кровать, скрестив ноги. Мансебо садится с ним рядом, но ставит ноги на пол.

— Да, я читал. Больше того, я фактически прочитал книгу до конца.

Мансебо испытывает почти детскую гордость оттого, что сидит здесь, залитый лунным светом, и бросает взгляд на квартиру мадам Кэт. В спальне темно.

— Значит, ты прочитал книгу, которую я тебе принес?

— Да, но можно я еще подержу ее у себя?

«Никогда не знаешь, что тебе может понадо-

биться. Может быть, мне придется вернуться к некоторым главам, — думает Мансебо, — чисто в познавательных целях».

— Конечно можно. Можешь держать ее целый месяц.

— Месяц? Как это щедро.

— Что ты думаешь об этой книге?

Сонливость Амира как рукой сняло, он чувствует прилив энергии и радуется, что его отец прочитал хотя бы криминальный роман.

Мансебо хочет ответить что-нибудь умное, чтобы и Амир мог гордиться своим отцом, и, поэтому, заговорив, тщательно подбирает слова.

— Она очень затянута и монотонна… да, это самое подходящее определение — монотонна.

— Но она тебе понравилась?

— Нет, она слишком монотонна.

— Да, но книга может быть хорошей, хотя и монотонной. Несколько недель назад я читал книгу, в которой все шло как будто на холостом ходу: одни и те же предметы, одни и те же события, и сюжет — ничего особенного. Можно сказать, что это очень монотонная книга, но она была так красиво написана, что я буквально влюбился в нее.

Мансебо был поначалу доволен употреблением слова «монотонный», но теперь он чувствует

легкое разочарование, потому что Амир не удовольствовался таким определением.

— Но эта книга — не образец хорошей литературы, ее язык меня тоже не захватил.

Мансебо сердится, естественно, не на сына, а на Теда Бейкера, за то, что тот не смог написать книгу лучше. Ему же больше нечего делать, кроме как писать. Он может целыми днями сидеть перед компьютером и оттачивать стиль, подбирая нужные слова. Но в результате у него получилась пресная и скучная история о глупом журналисте, который занят непонятно чем. Амир смеется, а Мансебо содрогается от мыслей о писательских способностях месье Бейкера.

— Какой ты интересный, папа. Я и не предполагал, что ты так глубоко анализируешь прочитанное.

Мансебо чешет заросший щетиной подбородок. Если Амир так оценил Мансебо после того как услышал его мнение о книге, то каково будет его мнение, когда он услышит о том, что у отца на сердце в этот поздний час?

— Знаешь, я хочу поговорить с тобой не об этом скучном романе, а совсем о других делах.

Амир зевает, но прикрывает рот ладонью. Амир не хочет, чтобы отец подумал, что ему скучно

слушать, ведь на самом деле это совсем не так.

Мансебо делает вид, что ничего не заметил. Зевота не помешает Амиру знать правду.

— Хочу спросить о том времени по утрам, когда я езжу в Рунжи. Что в это время здесь происходит?

Большие карие глаза Амира становятся еще больше. Он удивленно вскидывает брови и смотрит на отца.

— Я имею в виду тот отрезок времени, когда не бываю в магазине уже в течение двадцати пяти лет. Я не имею ни малейшего представления о том, что вы делаете здесь днем, а мне хочется знать, что происходит во время моего отсутствия.

В голосе Мансебо сквозит властность, что очень мало соответствует его привычному для Амира образу. В этом тоне — желание знать ответ, желание влиять на собственную семью. Мансебо знает, что есть мужчины, которые хотят обладать в доме абсолютной властью, и, наверное, они всегда говорят таким тоном.

— Ты хочешь знать какие-то детали? Хочешь знать, хожу ли вовремя в школу, или что-то другое?

— Нет, я знаю, что ты никогда не опаздываешь

и не пропускаешь уроки, и речь идет не о тебе, а обо всех других.

Амир недоуменно смотрит на отца.

— Для примера, опиши мне сегодняшнее утро.

Амир задумывается.

— Сегодня довольно долго спал, потому что вчера засиделся за чтением, потом… я проснулся, когда пришли Адель и Тарик.

— Адель и Тарик?

— Да.

— Они часто приходят?

— Каждое утро они приходят завтракать.

Амир неуверенно смотрит на отца, словно не знает, это ли его интересует. Собственно, отец и сам этого не знает.

— Что они едят на завтрак?

— Шоколадные хлебцы… Зачем тебе все это нужно?

— Нужно. Что было потом?

— Тарик ушел на работу, а Адель осталась. Что было дальше, я не знаю, потому что тоже ушел.

Мансебо целует сына в лоб, желает спокойной ночи, выходит и тихо закрывает за собой дверь. Сведения о том, что творится здесь по утрам, сделали его сильнее, и одновременно он без чрезмерного насилия смог разобраться в некоторых

шокирующих его обстоятельствах. Конечно, может показаться абсолютно невинным тот факт, что его жена каждое утро ходит в магазин и покупает продукты на завтрак для кузена и его жены. Но если все так невинно, то почему он ничего об этом не знает?

Мансебо проходит мимо спальни. Фатима лежит в кровати и читает. Мансебо проходит дальше, заходит в туалет, запирает дверь, садится на унитаз и вспоминает одно событие из совсем недавнего прошлого. Это было в воскресенье. Рафаэль пригласил их на завтрак. В гостях Фатима, сидя на белом кожаном диване, во всеуслышание заявила, что не привыкла завтракать, что на самом деле она едва успевает проглотить чашку кофе, прежде чем приняться за домашние дела.

Мансебо погружается в тяжкие раздумья, потому что хочет вспомнить мельчайшие детали поведения жены на том завтраке у Рафаэля. В этой истории с завтраком есть еще кое-что, чего Мансебо не в силах понять. Фатима бежала в булочную через бульвар так, словно совершала что-то преступное, что-то запретное. Почему она хранит в тайне от него свои утренние походы в магазин? Сколько раз она говорила мужу, что видит Адель только за ужином. Зачем она говорит

то, что не соответствует действительности?

Мансебо моет руки после посещения туалета и решительным шагом направляется в спальню. Фатима не отрывается от книги, когда входит муж. Мансебо небрежно откидывает одеяло, забирается в кровать и ложится рядом с женой.

— Да, ну и денек был, — говорит он с особым значением в голосе.

Фатима не отвечает, да и что, собственно, может она сказать?

— Завтра все начнется сначала, — продолжает он.

— Да, завтра будет такой же тяжелый день, как и сегодня.

«Тяжелый день, — думает Мансебо, — особенно для тебя. Конечно, тяжело все утро жевать сладости и пожирать выпечку». Фатима откладывает книгу, выключает лампу и треплет Мансебо по щеке. В ту же секунду комната освещается молнией. В Париж пришла долгожданная гроза.

* * *

— Дай мне денег, и я куплю себе пива!

Этот честный бомж заставляет многих улыбаться столь дерзкому заявлению. Многие

действительно подают ему пару-другую евро, чтобы он смог купить себе прохладительного. Красный крест на шпиле церкви напоминает мне о предстоящей сегодня встрече. Я чувствую себя девочкой-подростком, которая хочет порвать с парнем, с которым не хочет встречаться.

По какой-то причине я хочу, чтобы Кристоф понял, что мы не можем больше видеться. По крайней мере, пока. Я и сама не знаю, почему это для меня так важно. Наверное, потому, что в его обществе так важна истина и правдивость. Истина же заключалась в том, что нам не следовало больше видеться. Он оказался частью эксперимента, но всякий эксперимент рано или поздно заканчивается.

Затихшая в последнее время паранойя снова расцвела пышным цветом, когда я получила четыре сообщения подряд, содержавшие комбинации цифр, начинавшиеся набором 0033, а это код Франции при международной связи. Меня снедало желание позвонить по одному из этих номеров. Но зачем мне, собственно говоря, узнавать, кому принадлежат эти телефонные номера? Слишком поздно разыгрывать из себя частного детектива. Однако, несмотря на все эти соображения, я все же позвонила по одному из

номеров. Он оказался несуществующим. Я закрыла компьютер и собралась идти в церковь.

•

— Аллах всепрощающий и милосердный, в отличие от христианского Бога.

— Интересно, когда вы уверовали в ислам?

— В пятницу.

Мы рассмеялись.

— Несмотря на это, вы все же не очень религиозны.

— Нет, я верующая, как и большинство менеджеров по продажам.

Кристоф вопросительно посмотрел на меня. Как он поймет мою шутку?

— Почему вы атеистка?

— Потому что мне не нравится стоять спиной к самой себе.

— Это мировоззрение.

Он расстроен и разочарован.

— Да, именно это я имею в виду. Вы счастливцы, сумевшие убедить себя в вере, и свысока смотрите на нас, несчастных, которые так и не сумели отыскать дорогу домой.

Я пожалела о сказанном. Наверное, это было слишком жестко, но Кристоф не обиделся.

— Но каким образом религия может служит злу? — спросил он.

— Вы ждете от меня утверждения, что религия — причина войн, но для этого у вас есть контр-аргумент — вы скажете, что воюют не религии, а люди. Но я не стану говорить о войне. Я скажу, что зло большинства религий заключается в том, что они заставляют людей верить в высшую силу. Это отнимает у человека его природную силу. Мы отнимаем у себя наше собственное, не заемное, блаженство и счастье, и воздаем почести чему-то или кому-то вне нас. Религия умаляет и унижает нас. Я никогда не соглашусь приписывать власть и силу кому бы то ни было, кроме самого человека. Я духовный атеист, который не верит, а знает.

Кристоф смотрит на меня. В его глазах я читаю радость. Но он молчит. Заканчивать отношения всегда бывает не к месту. Я прекрасно это знаю. Но хорошо бы сделать это сейчас.

— Как дела у вас в семье, как жена и дети?

Я на самом деле искренне думала, что должна была это сказать, и, сделав это, увильнула от ответственности.

— Как у них дела? Жена окончательно со мной объяснилась. Она сильная женщина, твердая в

своих убеждениях, хотя вы, вероятно, думаете, что она проявила слабость, позволив себя обмануть. Мои дети… мы встречаемся по выходным.

Мало того что я не смогла поставить точку, так еще и разбередила его раны, прежде чем покинуть.

— По выходным? Значит, вы уже не живете у себя дома?

Он покачал головой. Стало так тихо, как может быть только в церкви.

— Сейчас я живу в Ла-Дефанс, в отеле «Хилтон». Вы там наверняка не жили и даже туда не заскакивали.

Я улыбнулась.

— Это временное решение. Фирма оплачивает мое проживание. Они охотно это делают, зная, что на работе я засиживаюсь допоздна, а приходить должен вовремя. Так что они действуют отнюдь не из милосердия. В отпуск я возьму детей и поеду к моим родителям в Бретань, а летом подыщу себе квартиру недалеко от квартиры жены.

Я тяжело вздохнула:

— С осени меня здесь уже не будет.

— Вы смените работу? — серьезно спросил он.

— Да, но большего сказать не могу.

— Это имеет отношение к «Ареве» или я оши-

баюсь? У вас с ними договор? Вы же не менеджер по продажам, не так ли? Понятно, что такая компания, как «Арева», занимается тайными делами. Теперь вот еще похищение сотрудника «Аревы» в Нигерии… Ой, ой! Вы осторожны? Вам не придется далеко уезжать?

Я покачала головой. Теперь я чувствовала себя значительно лучше. Он приблизился к истине. Я работала по секретному договору с «Аревой». Я не была менеджером по продажам, и я собралась менять работу. Меня смущало только одно обстоятельство — его сочувствие и тревога за меня.

Консьержка бросилась за мной, но потом замедлила шаг, поняв, что успеет перехватить меня, прежде чем я войду в лифт.

— Добрый вечер, мадам.

— Добрый вечер.

— Я хотела вам сказать, потому что на днях мы уже говорили об этом… Так вот, месье Канива умер. Я хотела, чтобы вы об этом знали.

— Я и сама уже догадалась. У него в квартире теперь всегда черные окна — и днем и ночью.

— Черные — это самое подходящее слово. Вы знали, что у него была кошка?

— Нет, — солгала я. У меня не было ни сил, ни желания рассказывать о том, какие чувства я

испытала, когда увидела эту несчастную кошку.

— Так вот, у него была кошка, и поэтому я пошла в его квартиру, чтобы, как всегда, покормить животное. И знаете, что я обнаружила на двери?

Я покачала головой.

— Букет цветов!

Меня удивило возмущение консьержки.

— Нет, вы представляете? Кто бы мог сделать такое? Это же ужасно!

Я ничего не поняла, но мне очень хотелось узнать, что ужасного нашла в этом консьержка.

— И что здесь страшного?

Она удивленно посмотрела на меня, видимо думая, что я решила подшутить над ней.

— Кому пришла в голову мысль что-то праздновать, делать горохового шута из умершего человека! Это то же самое, что осквернить могилу!

Она заплакала. Я поставила на пол два пакета и обняла ее, ощутив ее маленькое, сотрясавшееся от рыданий тело.

— Но, мадам, кто сказал, что из него сделали шута. Может быть, кто-то хотел воздать ему почести?

Мысленно я отметила, что выражаюсь как месье Каро. Консьержка посмотрела на меня

расширенными глазами.

— Это был пестрый, яркий букет, перевязанный красной лентой. Такой букет подошел бы для свадьбы, но отнюдь не для похорон!

Последние слова она громко выкрикнула. Я ни за что не могла бы подумать, что символический прощальный дар можно расценить как осквернение могил. Я была уверена, что и сам месье Канива так бы его не расценил. Но мои возложения цветов на могилы неверно толковали уже не первый раз.

* * *

Вид купюр в банке из-под оливок пробуждает в душе Мансебо неприятные чувства. Это происходит с ним впервые, но теперь, когда у него есть сомнения в подлинности денежных знаков, он начинает обращаться с ними с большей осторожностью, как с бомбой, в которую вставлен тикающий часовой механизм. Магазин уже открыт, лотки с зеленью и фруктами вынесены, консервы распакованы и расставлены по полкам.

Мансебо решил привести все в порядок, прежде чем считать деньги. Он уже сделал это три раза, и каждый раз испытывал разные чувства. У него,

правда, нет слов для их обозначения. Получив вознаграждение в первый раз, он не испытывал никаких угрызений совести. Он получил деньги, собственно, не за работу, а за сидение перед магазином. Но теперь, пережив налет каких-то психов, побывав в больнице с нервным срывом, испытывает совершенно иные чувства. Наверное, надо потребовать повышения оплаты.

И в то же время он уже не мыслит себе жизни без этого задания. Мансебо помнит, что испытывал похожие чувства после рождения Надии. Тогда он не мог себе представить, как жил без детей, и ни за что на свете не согласился бы тогда вернуться в те времена. Пусть дети доставляют столько хлопот. Однако задание это когда-нибудь кончится, и Мансебо твердо это знает. Рано или поздно любовница обнаружится, а если ее нет, то мадам Кэт и в этом случае получит то, что она хотела, и на этом все прекратится. И то и другое одинаково не нравятся Мансебо. Но он знает и другое: когда закончится это задание, непременно появится что-то новое.

Мансебо прячет деньги под кассовым аппаратом, а банку из-под оливок ставит рядом с биноклем. Обе эти вещи кажутся ему исполненными особого смысла. Он берет в руку записную

книжку и в первый раз замечает, что на красном фоне обложки выделяется большой дракон. Он бросает взгляд на другие книжки и вдруг замечает, что все они разные. На одной — маленький кролик, на другой — собака, на третьей — обезьяна.

Несмотря на то что Мансебо не относит себя к людям, которые охотно вникают в детали, он все же доволен, что для своих записей выбрал книжку с драконом. Он проставляет в книжке дату и прячет ее под кассой. Все утро он то и дело бросает взгляд на дом напротив.

Тарик, кажется, забыл свою обиду в связи с телефонной историей, как и обо всех прочих историях такого рода. Во всяком случае, он, как обычно, весел, когда спускается в магазин. Лицо его прямо-таки излучает прекрасное настроение.

— Ты слышал, что ночью молния сбила стрелку с церковных часов? — спрашивает он и бросается помогать Мансебо, который собирается поднять на полку коробку с винными бутылками.

— Да, Франсуа рассказывал. Никого не задело?

— Нет, что ты. Стрелка пролетела до Порт-де-Клиши и упала во дворе. Хорошо, что там никого не было, иначе человека насадило бы на нее, как мясо на шампур.

— Откуда ты все это знаешь?

— Что ты хочешь этим сказать?

Голос Тарика резко меняется.

— Ты успеваешь читать газеты по утрам?

Тарик ставит на пол коробку с вином.

— Есть и другие источники информации.

— Ты по утрам смотришь телевизор?

— Да что с тобой? — Тарик делает попытку рассмеяться. — Я что, теперь твой сын? Я читал об этом в Интернете. Ты знаешь, что есть такое явление, как Интернет, брат? Если нет, то узнай, и перестань этому противиться. Это все равно, что отвергать телефон, хотя он революционизировал связь и сообщение между людьми. Нельзя остановить прогресс. Не понимаю, как Амир стал просвещенным человеком с таким отцом, как ты.

Последняя фраза сильно задевает Мансебо, и, когда Тарик уходит, он садится за кассой и подпирает рукой голову. Если он и любит кого-то, то это его дети. Именно ради них он каждый день сидит здесь. Именно ради них он каждое утро встает в пять часов. Именно ради них он решился уехать из Туниса, что по тем временам казалось просто немыслимым. Он хотел иметь больше детей, но судьба распорядилась по-другому.

Надия родилась легко, но потом жизнь подвергла их суровому испытанию. Дела шли не блестяще в первые годы, и у них не было времени подумать о других детях. Через несколько лет Фатима все же забеременела, и Мансебо по этому случаю устроил настоящий пир, но на следующий день после торжества у Фатимы случился выкидыш. Прошло еще несколько лет, прежде чем она снова смогла зачать. Торжества по этому поводу не было, но случился еще один выкидыш. Прошло еще несколько лет, Фатима снова забеременела, и на этот раз все прошло хорошо. Амир родился вечером в воскресенье, когда Мансебо закрывал магазин.

Мансебо ставит на полку бутылки вина.

— Доброе утро, мадемуазель Лопес.

— Доброе утро, месье Мансебо. Как дела?

— Спасибо, хорошо. Кто это пришел ко мне с мадемуазель Лопес?

Собачка мадемуазель Лопес энергично обнюхивает магазин, пока пожилая дама выбирает свой обычный ассортимент: петрушку, бутылку красного вина, горчицу и немного выпечки. Она ставит все это на кассу и принимается рыться в сумке в поисках бумажника. Мансебо пробивает чеки.

— Это ужасно, но я бы хотела еще вот такую славную книжку.

Поначалу Мансебо не понимает, что имеет в виду дама, и морщит лоб.

— Хорошо бы книжку с кроликом. Я — Кролик по китайскому гороскопу.

Мансебо наконец соображает, в чем дело, но не реагирует.

— Наверное, Лиллан что-то не поняла. Но Карина, вы же знаете мою внучку, говорила, что получила у месье записную книжку с китайским гороскопом. Месье раздавал эти книжки бесплатно, в подарок. Лиллан все же, видимо, перепутала. Наверное, это была другая бакалейная лавка. А я стою здесь и рассказываю вам о кроликах. Прошу прощения!

Она от души смеется.

— Мадемуазель непременно получит кролика.

Мансебо наклоняется и извлекает из стопки книжку с кроликом.

— О, спасибо. Какая милая вещица. Где вы их взяли?

— О, мадемуазель, это очень долгая история.

— Да, жизнь слишком коротка, чтобы выслушивать длинные истории. Но все равно, огромное спасибо.

Она дергает поводок, и собака первой стремглав вылетает из магазина.

Мансебо потеет. Потеет он вовсе не от духоты. После грозы в городе стало намного прохладнее. Мансебо потеет, потому что думает о прочитанной книге, точнее говоря, о той ее главе, где речь идет о журналисте, получившем фальшивые деньги. Мансебо сидит в банке и ждет своей очереди, чтобы сдать недельную выручку. Тарик отправился в «Ле-Солейль» один.

Мансебо вычел некоторую сумму из недельной выручки и заменил ее деньгами, полученными от мадам Кэт, так, чтобы доход равнялся расходу. Возможно, это была чрезмерная осторожность. Никто не станет докапываться до разницы в какую-то тысячу евро. Каждый раз, когда раздается звонок и объявляют номер очереди, у Мансебо падает сердце.

Для того чтобы скрыть нервозность, Мансебо держит руки на коленях, но он все равно выделяется среди всех остальных клиентов, сидя на стуле с неестественно выпрямленной спиной и руками, сложенными на коленях.

Подходит его очередь. Мадам Градо вызывает его за коричневую перегородку. У мадам Градо меняют деньги и совершают переводы и тран-

сакции почти все владельцы магазинов в округе. Мадам Градо работает в банке, за коричневой перегородкой уже добрых пятнадцать лет и отлично знает все дела Мансебо. Это строгая женщина, улыбается она редко, и все попытки Мансебо шутить с ней разбиваются об эту строгость. Поначалу он все же пытался болтать с ней, чтобы поднять настроение банкирши, но потом понял, что лучшая тактика — это говорить только то, что относится к делу. Но сегодня он просто вынужден говорить больше, чем обычно. Мадам Градо быстро пожимает Мансебо руку и жестом приглашает сесть напротив себя. Мансебо достает толстую пачку денег.

— Да, все как всегда. Кассовая выручка за неделю.

Из-под такии течет пот, Мансебо испытывает приступ тошноты. Что будет, если купюры фальшивые? Отправят ли его в тюрьму? Нет, как он мог узнать, что они фальшивые? Мансебо приступает к выполнению заранее обдуманного плана.

— Я был бы очень благодарен мадам, если бы она проверила деньги, я боюсь, нет ли среди них фальшивых купюр, особенно купюр по пятьдесят евро. Утром я слышал, как некоторые торговцы говорили, что получали фальшивые купюры по

пятьдесят евро.

Да, это лучше — разыграть из себя честного и встревоженного человека, который беспокоится, не сдает ли он в банк фальшивые деньги. Мадам Градо внимательно смотрит на Мансебо поверх очков. Ей не нравится, что он отвлекает ее от пересчета купюр.

— Это случается редко, но для того, чтобы такого не было, надо проверять все крупные купюры, которыми расплачиваются покупатели. В конечном счете это вы проигрываете, когда принимаете фальшивые деньги.

Она включает свою волшебную лампу. Первая купюра из тех, что он получил от мадам Кэт. Все по плану. Звонит телефон, и мадам Градо, не извинившись — так как считает, что она просто выполняет свою работу, — поднимает трубку. Никто и не утверждает, что звонящие в банк люди менее важны для банка, чем сидящие перед кассиром клиенты. Такова философия мадам Градо. Окончив разговор, она кладет трубку, берет в руки пачку денег и выбирает из нее все купюры по пятьдесят евро. Мансебо страдает, видя, что предположительно фальшивые купюры оказались в самом низу пачки. На конечный результат это не повлияет, но ждать придется дольше.

Мадам Градо невозмутимо отправляет купюру за купюрой в детектор лжи. Мансебо внимательно следит за ее действиями, и, когда мадам Градо кладет под лампочку первую из купюр мадам Кэт, он не выдерживает. Он уже точно знает, что деньги фальшивые, и стремится заранее оправдаться.

— Да, я уже говорил, что знаю, кто распространяет фальшивые деньги. Это американцы. Они скупают самые лучшие товары и всегда расплачиваются купюрами по пятьдесят евро.

Мансебо приплетает к этому делу американцев по той простой причине, что между ним и ими пролегает Атлантика, июль — месяц отпусков в Америке, и весь Париж кишит американцами. Хотя на самом деле Мансебо они очень нравятся. Мадам Градо снова смотрит на Мансебо поверх очков и вставляет первую купюру мадам Кэт в щель прибора. Все имеет свою цену, думает Мансебо и отворачивается к окну. Победа или поражение. Первая купюра блистательно проходит тест на подлинность. Вторая тоже. Потом третья, четвертая и все остальные. Тяжелый камень падает с плеч Мансебо.

Мансебо считает удачным свое решение не ходить в «Ле-Солейль», а пойти вместо этого в банк, потому что у него не было ни малейшего жела-

ния без необходимости лишний раз встречаться сегодня с Тариком. Замечание о том, что ему следовало бы пренебрегать своими детьми, до сих пор мучает Мансебо, как пронзившая сердце колючка. Кроме того, он смертельно устал от нудной болтовни Франсуа о бездетности Тарика. Ну а в-третьих, это хорошо, потому что ему, Мансебо, давно пора ломать свои стереотипы. Конечно, раньше, бывало, Мансебо совмещал посещения банка с походами в «Ле-Солейль», так что само событие ему не чуждо, просто сегодня это было не повседневное действо. Во второй половине дня Мансебо садится на скамеечку у входа в магазин. Запах еды окутывает его, словно ароматный дым. Этот запах проникает в щель под дверью и обволакивает магазин. Мансебо не может понять, что именно готовит Фатима, но запах сладостный и соблазнительный.

Фатима раздражена весь вечер. Когда они с Мансебо возвращаются в свою квартиру, Фатима сбрасывает туфли и идет принимать ванну. Через полчаса она возвращается — в ночной рубашке и розовом полотенце, обернутом вокруг головы.

— Ну уж эта Адель, — говорит она и встряхивает увенчанной тюрбаном головой.

Похоже, она не хотела выплескивать на мужа

все накопившееся за день раздражение, но в конце концов не выдержала. В том, что она испытывает потребность излить свое раздражение в отношении Адели, нет ничего странного. Такая потребность возникает у нее регулярно, приблизительно один раз в месяц.

Фатима садится в кресло у окна рядом с Мансебо, который невозмутимо вращает большими пальцами. Время от времени он бросает взгляд на дом напротив. Не говоря ни слова, Фатима кладет ноги мужу на колени, и Мансебо понимает, что настало время массажа. Этот ритуал они исполняют, когда Фатима уже не в силах сдерживать то, что накопилось в ее душе. Каждое прикосновение к ногам — повод для очередного словоизвержения.

— Сегодня она получила изрядную взбучку.

Мансебо сосредоточенно массирует большой палец.

— Кто?

Вопрос этот излишний и праздный, ибо Мансебо прекрасно понимает, кого имеет в виду Фатима. Понятно, что это Адель, но ритуал требует, чтобы Мансебо притворился непонимающим.

— Адель, кто же еще!

Мансебо кивает, не нарушая заведенный обы-

чай.

— Она страшно избалована. Я вожусь в доме с утра до вечера как проклятая, а что, собственно говоря, делает она? Сидит со своими книжками и все время жалуется. Нет, это же надо, какая жена досталась бедняжке Тарику. Он заслуживает лучшего, ты так не думаешь?

— Да, наверное.

Меняя ногу, Фатима показывает мужу, что первая половина спектакля окончена. Обычно эта половина очень короткая, но весьма интенсивная.

— Какое здесь может быть «наверное»? Тарик заслуживает лучшей женщины. Она нехороший человек, эта Адель, совсем нехороший.

— Но, несмотря на это, ты каждый день с ней завтракаешь.

Мансебо не смог удержаться. Слова слетели с его уст, и это было уже нарушение массажного ритуала.

Фатима убирает ногу и во все глаза смотрит на мужа, а потом театрально закатывает к потолку глаза.

— Зачем ты это говоришь? Кто тебе это сказал? Да, такое случается, но очень и очень редко.

На какое-то мгновение Мансебо теряется, не

зная, чему верить. Маловероятно, однако, что Амир солгал. Не лгал и булочник. Если добавить к этому, что он сам лично два раза видел, как она вприпрыжку бежит в магазин, то доказательного материала у него больше чем достаточно.

«Почему она так бурно реагирует на мои слова?» — думает Мансебо и не знает, что ему теперь говорить или делать.

— Ты что, на самом деле думаешь, что у меня есть время, желание, а главное — силы проводить с ней каждое утро? У меня масса других дел. Ты что, считаешь, что твоя одежда стирается сама? По-твоему, я провожу время так же, как Адель? Еще чего!

Фатима пугает Мансебо так, как напугал его Тарик после телефонного разговора. «Во что я влип?» — думает Мансебо.

* * *

Поезд метро остановился в туннеле. Из репродукторов раздался громкий неразборчивый голос. Пассажиры смотрели друг на друга, словно ища объяснения остановки. Может быть, кто-то забыл сумку, которую надо проверить, может быть, возникли технические проблемы или кто-то бросился под поезд. Я поняла, что опаздываю,

и почувствовала волнение. Я утратила свой парижский «нерв», без которого трудно выжить в нашем городе. Этот нерв напоминает о том, что в некоторых ситуациях нельзя ничего поделать — вообще ничего — и поэтому не надо дергаться и изводить себя.

За время моего отсутствия пришли два письма. Это удивительно, если учесть, что я опоздала всего на полчаса. В свою очередь, это заставило меня подумать о том, что кто-то должен контролировать мою работу. Я сознательно задержала передачу одного письма, ожидая, что сейчас письма посыплются градом, но этого не произошло.

Я закончила статью о парижских виноградниках и хотела уже приступить к следующей, как вдруг услышала, как кто-то откашливается за дверью. Я повернулась на крутящемся стуле и посмотрела на дверь, но за жалюзи никого не было. Я неторопливо закрыла компьютер и медленно направилась к двери. На моем лице непроизвольно появилась улыбка, словно я собиралась кого-то приветствовать, хотя на самом деле мне стоило бы опасаться посетителей. У лифтов не было ни души, и я не спеша пошла по коридору. Квартира бывшего владельца компании оказалась огромной. Это я выяснила, обойдя

ее кругом. Вернувшись к своей конторе, я обнаружила, что дверь приоткрыта. Я помнила, что, уходя, закрыла ее, и поэтому в нерешительности остановилась. Сердце забилось сильнее, но я все же открыла дверь. В конторе стоял какой-то мужчина. Видимо, он прошел через другой холл, и мы разминулись, обходя этаж. Мужчина окинул меня взглядом, и я задержалась в коридоре.

— Здравствуйте, — сказал он и направился ко мне.

— Чем могу быть вам полезна, месье?

Гостеприимная улыбка исчезла с моего лица.

— Да, вы действительно можете помочь. Мне назначена встреча с человеком по фамилии Туссен. Я позвонил ему, мы договорились о встрече, но связь прервалась, однако он успел сказать, что находится наверху… Я приехал на лифте на верхний этаж, но оказалось, что здесь пусто и никого нет… если, конечно, не считать вас. Странно, что здесь никого нет. Обычно руководство всегда занимает верхние этажи.

— Компания большая, и я не знаю месье Туссена. Этот этаж фирма не использует.

— То есть вы здесь одни? Какая роскошь!

— Нет, я его тоже не использую. Мне просто надо закончить работу с документами, а потом

отдохнуть.

Я овладела ситуацией и в конце концов вывела мужчину в лифтовый холл.

— Я понял, что мне надо спуститься вниз, но не знаю, на каком этаже надо остановиться.

— Спуститесь на первый этаж и обратитесь к секретарю в приемной. Она вам поможет.

Мужчина молча кивнул и пошел к лифту. Я посмотрела ему вслед и увидела, что он лихорадочно набирает номер.

Стул противно заскрипел, когда я села. Мне показалось, что из меня выпустили весь воздух.

Я быстро проверила почту и принялась писать статью для вечерней газеты, взяться за которую согласилась только из-за крупного гонорара. Если бы не деньги, то мне следовало бы сказать «нет». Потом у меня в глазах, в уголках, появилось мерцание, которое, как я знала, сейчас распространится на все поле зрения. Последний приступ мигрени был у меня четыре месяца назад.

В начале приступа меня всегда охватывает паника. Потеря зрения, даже частичная, делает человека слабым и беззащитным, несмотря на то что это всего лишь предвестник, который быстро проходит. Чудовище боли посылает своего почтового голубя, чтобы предупредить о скором

приходе. Инстинктивно я понимала, что мне надо как можно скорее ехать домой. Я попыталась позвонить бывшему мужу, но он был недоступен. До конца рабочего дня оставалось еще два часа, но я не могла остаться. Я боялась за себя, боялась боли, рвоты, слепоты.

Я плохо помню, как ехала домой. Бывший муж позвонил, когда я была у ворот детского сада. Муж был в Нормандии и, понятно, не мог приехать. На этот раз он не стал рассказывать, с кем делит двуспальную кровать.

Темнота действовала на меня целительно, но подушка казалась невыносимо жесткой и давила на голову. Мешало мне многое: звуки компьютерной игры, доносившиеся из комнаты сына, свет, проникавший из-под двери, сирены полицейских автомобилей. Ведро, поставленное у кровати, было пока пустым, и я надеялась, что таким и останется. В комнату заглянул испуганный сын, и я нашла в себе силы сказать ему, что все в порядке и я скоро снова буду на ногах. И это была правда. Мигрень похожа на желудочный грипп — она стремительно наступает и так же стремительно уходит. Остается небольшое недомогание, но на ноги все же встаешь.

Мне надо было поспать. Мигание индикатора

будильника вызывало тошноту. Голова была тяжелой как чугун, но я знала, что самое худшее уже позади. Этот приступ оказался довольно мягким. Все могло быть намного хуже. Я встала, вышла на кухню, выпила стакан воды, села за стол и выглянула во двор, потом перевела взгляд на черные окна квартиры напротив и снова уставилась в стол.

Надо лучше относиться к себе. Однако трудно справляться со стрессом, если являешься членом террористической сети или если каждый день приходится придумывать повод избавляться от цветов. Тут я поняла, что не помню, получила ли очередной букет, уходя сегодня домой. Я осмотрела кухню, потом вышла в холл и убедилась, что и там нет засыхающего букета. Никаких цветов не было. По пути в спальню я заглянула в комнату сына. Он крепко спал, пижама сбилась на его маленьком тельце. Я легла и попыталась уснуть. Через несколько часов мне снова надо быть в небоскребе.

Я попрощалась с сыном у ворот детского сада и подумала, не стоит ли взять такси, но потом решительно надела солнцезащитные очки, обмотала свою драгоценную голову платком и отважно пошла к станции метро. Мысль о непо-

лученных цветах снова обожгла меня, но сразу исчезла, когда рядом со мной резко затормозил автомобиль. Я отпрыгнула назад. Еще бы сантиметр, и машина наверняка меня переехала бы.

Девушка за стойкой приветливо улыбнулась мне. Контора была чисто прибрана, мебель аккуратно расставлена. Я включила компьютер. После моего вчерашнего бегства с работы пришло всего два письма. Прежде чем я успела открыть первое из них, мое внимание привлекло второе. Оно пришло не с адреса laposte.92800@ free. fr, а от месье Белливье. В содержании письма стоял только один вопросительный знак.

У меня сильно билось сердце, когда я открыла это письмо. «Где ты?» — прочитала я. В письме не было ни приветствия, ни подписи. У меня перехватило дыхание.

Понятно, что мне надо как можно скорее ответить, чтобы показать, что я на месте. Надо ли мне ответить развернуто или коротко? Следует ли извиниться? Наверное, то, что я не переправила поступившее письмо, дало месье Белливье понять, что меня нет на работе. Я ответила: «Вчера был приступ мигрени. Прошу прощения». Я постаралась успокоить себя созерцанием панорамы Парижа. Интересно, месье Белливье понял, что

меня нет на месте, потому что я не переслала полученное письмо или потому что не получила букет цветов?

Наверное, он сидел в церкви и ждал. Но возможно, обедал с коллегами или просто прогуливался. Днем мысли о Кристофе уступили место другим мыслям. Наступило время обеда, но голод не отважился потревожить мой пострадавший от мигрени организм. Я вступила на минное поле — спустилась на один этаж, налила в автомате кофе и вернулась с ним в контору. Солнце немилосердно светило в окно, и мне пришлось надеть солнцезащитные очки. Эксперимент должен был закончиться через несколько дней. Мне стало интересно, как именно он закончится. Придет ли сюда в последний день сам месье Белливье, чтобы отблагодарить меня за работу? Кроме того, мне было непонятно, как они со мной рассчитаются — в каком виде я получу свои деньги? Узнаю ли я когда-нибудь, зачем пересылала эти письма?

Я снова подумала о Кристофе. Может быть, он волнуется из-за того, что я не пришла? Да нет, собственно, почему он должен волноваться?

Я случайно задела ногой картонную коробку, стоявшую под столом. До окончания обеденного

перерыва делать мне было нечего, и я вытащила коробку из-под стола, чтобы взглянуть на книги. Я раскрыла коробку и увидела белый как снег пенопласт. Белизна кусков пенопласта больно ударила по глазам. Я так глубоко погрузила руки в груду обрезков пенопласта, что они выпали из коробки и рассыпались по светлому ковру конторы. В коробке не оказалось ни единой книги. Я попыталась мыслить логически и разумно. Что я знала об этой коробке?

Тот человек, который привел меня сюда, сказал, что в коробке книги, которые я могу почитать, если мне станет скучно. Но разве я не открыла коробку и не увидела книги? Может быть, это аберрация памяти, мои фантазии? Я закрыла глаза. Наверное, там все же лежит куча замусоленных бульварных романов карманного формата.

Раздался короткий звонок. Я прочитала очередную комбинацию цифр и переслала ее дальше. Тот человек, помнится, сказал, что коробка заполнена книгами. Теперь я была уверена, что он это говорил. Можно предположить, что либо он лгал с самого начала, либо кто-то украл книги и вместо них насыпал в коробку кусочки пенопласта. Ни о какой работе в последние полчаса не могло

быть и речи, потому что пенопласт занял мою голову чисто психологически, а его физическое присутствие на полу высасывало из помещения весь кислород. Я пришла к выводу, что человек, вероятно, и сам был уверен, что в коробке лежали книги. Этот тезис показался мне наиболее правдоподобным. Время тянулось нестерпимо медленно, и мне на самом деле захотелось что-нибудь почитать.

От мыслей о пенопласте меня отвлек телефонный звонок. Я взглянула на дисплей. Номер был мне незнаком, и я от души понадеялась, что мне не хотят сообщить, что мой сын находится в больнице с травмой.

— Алло, слушаю вас.

— Это журналистка?

— Да… я журналистка.

— Здравствуйте, я хотела бы встретиться с вами.

Это была женщина. По голосу я предположила, что это пожилая женщина.

— Кто вы?

— Меня зовут Эдит Прево.

— Зачем вы хотите со мной встретиться?

— Мне неудобно говорить об этом сейчас, но думаю, что смогу сделать вам предложение…

предложить вам одну идею, мадам.

Уже по началу разговора, еще до этих слов, я поняла, что мне опять хотят что-то предложить. Видимо, от меня снова что-то хотят.

— Днем я работаю, а вечерами тоже занята, и мы не сможем увидеться. Удобнее было бы вам изложить мне свою идею по телефону. Речь идет о написании статьи? Вы не сообщите мне по электронной почте?

— К сожалению, нет.

— Но кто вы? Откуда у вас мой номер?

— Я пенсионерка, а номер телефона мне дал один ваш друг.

— Кто?

— Назвать его я смогу только после того, как расскажу вам об идее.

Я не могла позволить себе ненужный риск.

— Мы с вами можем встретиться во время обеденного перерыва. Например, завтра, в двенадцать часов. Но я нахожусь в Ла-Дефанс, и вам придется приехать туда.

— Ла-Дефанс? Хорошо… — Она рассмеялась. — Я не была там несколько лет. Туда можно добраться на метро?

— Да, я встречу вас на станции «Большая арка».

— Отлично, спасибо, мадам.

— Хорошо, увидимся завтра.

Снова раздался звон, извещавший о приходе письма. Должно быть, это последнее на сегодня письмо. Пора ехать за сыном, а потом пойти домой и упасть в постель. Я повязала платок. Темные очки я не снимала весь день. Когда я выходила из лифта, несколько женщин проводили меня странными взглядами. Я внезапно остановилась и застыла на месте, уже выходя из здания. У меня в руках ничего не было. Я вышла с работы без букета цветов. Может быть, мне стоит продолжить путь без них? У меня было такое ощущение, будто я не до конца выполнила положенную работу.

Я прикусила губу и отругала себя за то, что не могу быстро принять верное решение. Наверное, секретарь в приемной просто не узнала меня в непривычном наряде. Если она в сговоре с месье Белливье, то наверняка доложила ему, что я уже два дня ухожу с работы без цветов. У меня не хватило мужества покинуть здание без них. Я вернулась. Интересно, получу ли я и вчерашний букет? Девушка стояла спиной ко мне и смотрела на лифты. Я сняла темные очки и стала ждать, когда она обернется. Она взглянула на меня.

— О, а я думала, что и сегодня пропущу вас.

Она улыбнулась и вручила мне три лилии.

— Белые, как зимний снег, — сказала она и снова улыбнулась.

Или как пенопласт, подумалось мне.

* * *

Кто рано встает, тому Бог дает, думает Мансебо, удивившись, почему эта поговорка пришла ему в голову именно сегодня утром. Звучит она несколько иронично, особенно если учесть усталость и плохое настроение после вчерашней сцены с Фатимой. С кухни доносится какой-то скрежещущий звук. Мансебо идет на кухню, обнаруживает там Амира и спрашивает, почему тот встал в такую рань. Мальчик стоит посреди маленькой кухни и делает себе бутерброд.

— Как же рано ты встал, сынок.

— Нет, я не встал, просто еще не ложился. У нас сегодня устный экзамен — у меня и Халеда. Мы сдаем экзамены на право учиться за границей. Экзамен начнется в одиннадцать, так что я смогу еще немного поспать.

Мансебо вспоминает, что Фатима недавно говорила, что Амир хочет учиться за границей. Он смотрит на хрупкую фигуру сына. Тот стоит по-

чти голый и страшно похож на неоперившегося птенца с бутербродом в руке.

— Ты знаешь, как я горжусь тобой, сынок. Я всегда тобой гордился. Ты такой умный, ты так хорошо все делаешь. Я очень хочу, чтобы ты сразу сообщил мне, как пройдет экзамен.

Амир смущенно смотрит в пол.

— Все будет хорошо, папа. Но… спасибо.

Амир наливает в стакан молока и, забрав бутерброд, уходит к себе в комнату. Мансебо смотрит ему вслед.

Амир закрывает дверь, а Мансебо очень доволен собой и даже испытывает благодарность к Тарику. Его замечание об отношении Мансебо к детям помогло ему сказать Амиру, как он его любит. Наверное, и правда, кто рано встает, тому Бог дает, думает Мансебо и идет в ванную.

Мансебо страдальчески трет затылок и неуклюже ворочает головой. Работа, которой он занялся после обеда, сильно нагружает ему шею. Сейчас он занимается бумагами — заполняет счета, проверяет списки заказанных товаров и перечитывает налоговую декларацию.

Для того чтобы следить за тем, что происходит в квартире на противоположной стороне бульвара, Мансебо садится возле полки с прохладительны-

ми напитками, используя ее как письменный стол, хотя и несколько заляпанный. Но ему приходится поминутно крутить головой — иначе не разглядеть, что творится в квартире мадам Кэт, и теперь его мучает тянущая боль в шее и затылке. В квартире между тем не происходит ничего достойного внимания, и Мансебо ожесточенно массирует себе шею.

Дверь квартиры открывается, и на пожарную лестницу выходит мадам Кэт в облегающей темно-синей юбке, приталенном пиджаке того же цвета и в белой блузке. В руке она держит маленькую дорожную сумку и выглядит немного расстроенной. Она внимательно осматривает бульвар, словно кого-то ищет. Довольно быстро к ней подъезжает синий автомобиль. Мадам Кэт открывает багажник и кладет туда сумку, а потом садится в машину. За рулем мужчина средних лет. Мансебо встает и медленно выходит на тротуар, останавливается у лотков и делает вид, что копается в них.

На него внимательно смотрят четыре черных пятна. Они смотрят на него каждый день уже довольно много лет. В течение нескольких секунд, каждый день, эти пятна смотрят ему прямо в глаза. Но раньше Мансебо их никогда не за-

мечал. Сегодня же эти пятна просто таращатся на него — четыре следа от ножек скамеечки, на которой он сидит у магазина. В первый раз он внимательно смотрит на них, в первый раз поднимает скамеечку и удивляется, как маленькая деревянная зеленая скамеечка смогла оставить такие глубокие следы в асфальте.

Мансебо качает головой и ставит скамеечку на место, точно попадая ножками в круглые отверстия. Однако он тотчас снова поднимает скамеечку и стоит, держа ее в руке, переводя взгляд то на нее, то на круглые отпечатки в асфальте. Подумав, Мансебо ставит скамеечку в нескольких сантиметрах от этих следов и снова смотрит на нее, оценивая результат. Потом Мансебо снова поднимает скамеечку, ставит ее по другую сторону от входа в магазин и наконец усаживается на нее.

Его охватывает странное ощущение. Оно зарождается под ложечкой, а затем распространяется по всему телу. Какое же это головокружительное чувство — сидеть по другую сторону от входа. Почти тридцать лет просидел он слева от двери. Он и сам не может теперь сказать почему. Правда, он не знает и того, почему вдруг именно сегодня ему пришла в голову идея переместиться вправо.

Ему вдруг начинает казаться, что все прохожие обращают на него внимание, но он одергивает себя: зачем бы они стали это делать?

Все дело, наверное, в фэншуе, думает Мансебо и встает, чтобы обслужить двух девочек, которые заходят в его лавку.

— Я — Кролик.

— А я — Лошадь.

Мансебо наклоняется и видит, что у него осталось еще несколько кроликов и лошадей.

Вернувшись на место, Мансебо приступает к работе, то есть начинает внимательно рассматривать квартиру в доме напротив. Он вздрагивает. Ему начинает казаться, что он переместился слишком близко к дому мадам Кэт. Собственно, он, конечно, нисколько не приблизился к дому, но смотрит на него под другим углом зрения, из-за этого создается ощущение новизны и неуверенности. Теперь Мансебо видит боковую стену в кабинете писателя. На стене висит портрет. Мансебо не разглядеть отсюда, кто на нем изображен, но у него возникает впечатление, что этот человек ему знаком. Почему возникло это впечатление, Мансебо сказать не может. Обои зеленоватые, с серым оттенком, и покрыты каким-то узором, наверное цветочным.

Все выглядит не так, как раньше. Мансебо думает, что сейчас хорошо было бы воспользоваться биноклем, но тотчас оставляет эту мысль. Если он столько лет просидел на старом месте и рассеянно обозревал бульвар, то почему бы ему не посидеть несколько часов на новом месте, не прибегая к вспомогательным оптическим средствам.

Новое место расслабляет Мансебо до такой степени, что он едва находит в себе силы встать, когда в магазин заходят двое мальчишек. Мансебо уже знает, что будет дальше.

— Добрый день, вы знаете, какие вы животные?

— Обезьяны.

— Оба?

Мальчики дружно кивают. Мансебо роется в двенадцати оставшихся книжках. Теперь он отказался от мысли склонять детей к покупкам в обмен на книжки. Теперь его единственное желание заключается в том, чтобы книжки поскорее кончились и он смог вернуться к своей важной работе.

— Осталась только одна обезьяна. Один из вас получит либо лошадь, либо петуха.

Дети тихо переговариваются между собой.

— Тогда мы возьмем одну обезьяну и одного пе-

туха. Спасибо, месье, — говорят мальчики хором.

Мансебо едва сдерживает смех. Похоже, он стал торговать животными, а не бакалейными товарами. Он уже собрался сесть на свое новое место, но передумал. Он поднимает скамеечку и переносит ее еще дальше вправо от входа и только потом садится. Начав менять жизнь, думает он, трудно остановиться.

Теперь скамеечка стоит так далеко от входа, что маркиза заслонила вход, однако Мансебо все равно может видеть, кто входит в магазин. Конечно, прохожие могут удивиться, что владелец магазина сидит так далеко от входа в свою лавку. Все выглядит так, будто он поругался со своим магазином, уселся подальше от него и дуется, думает Мансебо. Что ж, собственно, так оно и есть.

Сегодня Мансебо не друг своему магазину. Сегодня вместо того, чтобы быть базой шпионажа, магазин превратился в помеху, ловушку. Возможно, он вырос из магазина, ему уже нужна большая гибкость и свобода действий. Внезапно Мансебо чувствует, что его руку что-то резко обожгло. Но Мансебо настолько глубоко погрузился в свои фантазии, что мозг его всего лишь регистрирует боль, но не реагирует на нее действием. Ни один импульс не побуждает Мансебо узнать, что

именно причинило ему боль. Однако обоняние берет свое. Мозг регистрирует запах сигареты. У Мансебо всегда было хорошее обоняние, для него в его мозгу нет кнопки отключения. Именно благодаря обонянию Мансебо каждый день чувствует приближение времени обеда и ужина. Мансебо застывает на месте. Теперь он чувствует, что ему обожгло и другую руку. Он начинает двигаться и медленно поднимает взгляд вверх. В нескольких метрах над собой Мансебо видит пухлую, унизанную золотыми кольцами руку Фатимы с сигаретой, зажатой между пальцами. Для того чтобы это разглядеть, Мансебо не нужен бинокль.

Весь остаток дня Мансебо словно в тумане. Покупатели приходят и уходят, но он почти не помнит, кто и что у него купил. Мансебо потрясен, он просто шокирован. Несмотря на это, ему удается сохранить хладнокровие, потому что мозг смог справиться с кричащей действительностью, вторгшейся в жизнь Мансебо. Его жена курит. Это революционизирующий для Мансебо факт, ибо он уже почти сорок лет живет с женщиной, которая постоянно укоряет его за курение и утверждает, что у нее аллергия на табачный дым и никотин.

В голове Мансебо проносятся сцены антиникотиновой борьбы, которую все эти годы ведет Фатима. Воспоминания сталкиваются, усиливают и ослабляют друг друга, меняются, сглаживаются или, наоборот, становятся более выпуклыми. Мансебо не может овладеть этими воспоминаниями, они давят его. Он вспоминает, как однажды им пришлось уйти из ресторана, потому что там не нашлось места в зале для некурящих. Вспомнил Мансебо и то, как аплодировала его жена, сидя на диване перед телевизором, закону о запрете курения в барах и ресторанах.

Он вспомнил, как Фатима бессчетное число раз била его по пальцам, когда он пытался выкурить сигарету сверх положенного ему рациона. Вспомнил Мансебо и эпизод на празднике по случаю выигрыша Тарика в лотерею, когда Фатима захлопнула крышку сигарного ящика, прищемив ему пальцы. Этот случай оттеснил на задний план все прочие воспоминания. В самом деле, Мансебо не приходится рыться в памяти, чтобы их отыскать. Одни из них давят, как каток, другие раздражают, словно надоедливые мухи.

Молодая женщина, улыбаясь, выходит из магазина. Мансебо стоит, держа в руке деньги, и не может вспомнить — то ли это сдача, которую

он забыл отдать, то ли деньги, которые получил от покупательницы. Если она расплатилась, то почему он, как всегда, сразу не положил деньги в кассу? Мансебо становится трудно дышать, сердце бьется тяжело и неровно. В душу Мансебо заползает страх. Это было бы совершенно неуместно. Мансебо делает несколько глубоких вдохов. Воспоминания постепенно перестают его донимать, но он сознает, что рано или поздно ему придется объясниться с женой.

Он достает из-за кассы скамеечку, вдруг сообразив, что не помнит, как принес ее в магазин. Мансебо выходит на улицу и ставит скамеечку на прежнее место, попадая ножками в четыре отверстия в асфальте. На сегодня, пожалуй, достаточно экспериментов. Мансебо не хочет знать больше ничего нового, во всяком случае сегодня. Ему совершенно не улыбается ночью еще раз попасть в больницу.

Оттого что он снова сидит на прежнем месте, слева от входа в магазин, Мансебо становится намного лучше. Прежнее, знакомое место баюкает его и если не внушает чувство надежности, то хотя бы немного успокаивает. Вечерний воздух приносит в город прохладу, остужающую мозг Мансебо, и сердце его начинает биться ровнее.

Он чувствует запах еды, и сердце снова пускается вскачь. Он понимает, что очень скоро увидит жену. Как давно курит Фатима? Почему она делает это тайно? Зачем она все время твердит, что у нее аллергия на табачный дым? Как много она курит? И последний, самый важный вопрос: чего еще он не знает о своей жене?

Мысли уносятся вдаль, несутся вдоль бульвара. Мансебо понимает, что никто не сможет дать ему на них ответы. Как же он одинок, думает Мансебо, сидя у магазина на маленькой зеленой скамеечке.

Мансебо неохотно встает и принимается перетаскивать лотки с фруктами и овощами в магазин. Дело продвигается медленно. Кажется, что он специально тянет время, чтобы отсрочить встречу с женой, которая все больше и больше становится для него чужим человеком. Но в то же время он просто рвется в свою квартиру, чтобы обнаружить доказательства. Может быть, ему удастся найти пачку сигарет или он учует запах дыма? Тарик уже закрыл свою мастерскую и, как обычно, сидит в своей комнатке. Он встает, закуривает сигарету и быстро снова садится за стол, вернувшись к газете. Какой же он неугомонный. Мансебо отмечает этот факт, но у него есть о чем

думать помимо кузена.

Тарик раздраженно барабанит пальцами по столу. Фатима охает и стонет, ставя на стол еду. Амир, шевеля губами, читает книгу о синих китах. Адель сидит молча и пилкой полирует ногти, улыбаясь одними губами. Мансебо переводит взгляд с одного члена семьи на другого. Это похоже на детектив: он неожиданно нашел труп, и его задача — найти убийцу, который находится в этой комнате. Возможно, этого человека он подозревает меньше всех.

— Сегодня звонил мой старый друг Али, очень приятный человек, — говорит Тарик и перестает барабанить по столу.

Мансебо бросает взгляд на кузена. Так как никто не реагирует на сообщение о звонке старого друга и приятного человека, Тарик снова принимается выстукивать по столу дробь. Мансебо окидывает взглядом всех остальных.

— Завтра мы с ним едем на скачки в Отейль. Али просто жаждет сорвать там хоть немного денег после моего оглушительного выигрыша.

Оживляется Адель:

— Значит, вы завтра отправляетесь на скачки, а мы с Фатимой идем в хамам.

Она говорит это с таким видом, как будто ждет,

что Тарик уговорит ее отправиться с ним на ипподром. Но Тарик, понятное дело, не хочет брать ее с собой. Он молчит. Наступает тишина. Мансебо становится интересно, кто из присутствующих знает, что Фатима курит. Он внимательно смотрит на Адель. Она поднимает голову, смотрит ему прямо в глаза и улыбается. Она знает. Мансебо не отводит взгляда. Адель опускает голову и снова принимается за свои ногти. Мансебо смотрит на Амира, но тот так поглощен чтением, что не замечает пристального отцовского взгляда.

— Амир, сынок, зачем ты читаешь о синих китах?

Амир неопределенно пожимает плечами:

— Почему нет? Это очень интересное животное.

Мансебо убеждается, что Амир наверняка ничего не знает. Теперь настает черед Тарика. С ним труднее. Мансебо не знает, что и думать, потому что глаза Тарика молчат. Тем не менее он замечает, что кузен внимательно на него смотрит, и не выдерживает:

— Что ты так на меня уставился, брат?

Спертый воздух ударяет в нос, когда они открывают дверь своей квартиры. Мансебо обращает внимание на руку Фатимы, вынимающей ключ

из замка. Это та самая рука, которая всего несколько часов назад держала сигарету. Это та самая рука, что так часто отнимала у него сигареты и указывала пальцем на курильщиков. Эта рука когда-то ласкала его.

Они входят в квартиру. Амир быстро проскальзывает в свою комнату. Мансебо вешает на плечики пиджак, а Фатима снимает украшения. Мансебо колеблется, не зная, что предпринять дальше, и поэтому остается стоять в прихожей. Он подходит к двери Амира и хочет постучать, но передумывает. Ему нужен еще один день на выработку плана действий. Только после этого сможет он вовлечь в это дело сына. У него грандиозные планы.

* * *

Единственное, что мучило меня все утро, было ожидание. Единственное, о чем я могла думать, — это о том, как приду на работу, запущу руку в картонный ящик и удостоверюсь в том, что он заполнен исключительно пенопластом. Одна мысль о том, что там могут оказаться книги, наводила на меня панику. Даже поездка в метро до «Ла-Дефанс» показалась мне вдвое длиннее, чем обычно, несмотря на то что по дороге не случи-

лось никаких происшествий.

Я быстро прошла мимо цветочного магазина, а остаток пути до «Аревы» просто-таки пробежала, ввинтилась во вращающуюся дверь, приложила к турникету карточку и вбежала в лифт за мгновение до того, как закрылись его двери. Держа в руке ключ, я торопливо подошла к своей конторе.

Опустившись на колени, я выдвинула из-под стола коробку, откинула крышку и запустила в коробку обе руки. Пальцами я разгребла гладкий пенопласт и добралась до дна. Никаких книг там не оказалось. Какое облегчение, Не было ничего, даже паршивого покетбука. Наверное, там и раньше ничего не было. Наверное, я просто внушила себе, что видела там книги. Испытывая невероятное облегчение, я несколько секунд постояла на коленях и сразу вспомнила Кристофа, стоявшего на коленях в церкви. Я поднялась с пола и села за компьютер.

«Арева» выглядела по-настоящему устрашающе — серый шпиль впивался в тяжелые свинцовые тучи. Небо предвещало грозу. Я миновала площадь и начала подниматься по лестнице. Я не знала, с кем мне предстояло встретиться. Знала я только то, что это была женщина. Предложенное

мною место встречи было не самым удачным, но зато я могла легко уйти, если бы вдруг по каким-то причинам решила от нее уклониться. Мысли о набитой пенопластом коробке занимали меня весь прошедший день до такой степени, что я совершенно не думала о предстоящей встрече. Пока ждала, мне вдруг пришло в голову, что встречи со мной добивалась жена Кристофа, чтобы узнать, зачем я в метро вручила букет ее мужу. Но как смогла бы она узнать номер моего телефона? Возможно, конечно, что речь идет о людях, связанных с моими разоблачениями махинаций банка HSBC.

Она опоздала, но, как только я увидела сходившую с эскалатора женщину, сразу поняла, что жду именно ее. В некоторых отношениях она выглядела как существо из другой эпохи, и ультрасовременный квартал, где мы должны были встретиться, делал этот контраст еще разительнее. Это была хрупкая маленькая женщина лет шестидесяти, в коричневой юбке и черной водолазке. На голове у нее был бежевый платок, украшенный красным цветком, а в руке она держала поношенную матерчатую сумку. Женщина остановилась и безнадежным взглядом посмотрела на Большую арку. Вид у женщины

был такой, словно ее сейчас заставят карабкаться на вершину этого грандиозного сооружения. Я решила спасти ее от всего модного и монументального и буквально подбежала к ней, чтобы немедленно прекратить страдания.

— Должно быть, вы — мадам Прево?

Она просияла:

— Как вы меня узнали?

Я улыбнулась, и она взяла меня под руку. Для нее это, видимо, был совершенно естественный жест, и странно, что он показался вполне естественным и мне, несмотря на то что мы никогда прежде не встречались.

— Куда мы пойдем?

— Туда, — ответила я и ткнула пальцем в вершину Большой арки.

Я и сама давно не бывала в куполе этой огромной стеклянно-мраморной арки. Наверху когда-то было очень приличное кафе.

— Вы уверены, мадам? — серьезно спросила женщина.

Вместо ответа, я увлекла ее к лифтам и купила билеты. Громадная стеклянная кабина начала возноситься к куполу этой современной триумфальной арки.

— Вы знаете, что эту арку спроектировал один

датский архитектор? К несчастью, он умер, не дождавшись окончания строительства, — просветила я женщину.

Это был мой рассказ для подъема на лифте. Я сразу вспомнила человека, который привел меня в «Ареву». Он тоже занимал меня каким-то рассказом во время подъема на верхний этаж.

— Итак, теперь я хочу знать, что вы от меня хотите и каким образом у вас оказался номер моего телефона, — сказала я, когда мы сели за столик.

Она прижала к себе матерчатую сумку.

— Я — мадам Прево, и я сестра месье Каро.

Все это изрядно меня позабавило. Самым странным было то, что она говорила о родном брате «месье», но, учитывая особенности его личности, в этом, пожалуй, не было ничего удивительного. Сначала я подумала, что она решила встретиться со мной, потому что переживала за здоровье брата, предположив, что мы находимся в более близких отношениях, чем было на самом деле. Она крепко вцепилась пальцами в свою сумку.

— И я…

Мне показалось, что она не слишком хорошо себя чувствует. Было такое впечатление, что время от времени она перестает ориентироваться в обстановке.

— Что вы хотите от меня? — повторила я, чтобы вернуть ее к реальности.

— Месье Каро рассказал мне, что вы — журналистка, а я нашла в его телефоне ваш номер. И я… хочу вам кое-что предложить.

Мне захотелось рассказать мадам Прево, при каких обстоятельствах я познакомилась с ее братом, но я передумала, потому что после моего рассказа она, скорее всего, предпочла бы исчезнуть. Мадам Прево раскрыла сумку, застегнутую на ленту-липучку. Из сумки она извлекла толстый коричневый конверт, который положила на стол. Сделав это, она снова застегнула сумку, словно боясь, что из нее могут выпрыгнуть остальные вещи. Нервно облизнув сухие губы, она достала из конверта потрепанную книжку в зеленой обложке и протянула ее мне.

Из уважения к этой женщине я тщательно вытерла руки салфеткой.

— Вы хотите, чтобы я посмотрела?

Она кивнула. Я раскрыла книжку наугад. Листки были тонкими, как папиросная бумага. Книжка была ветхой, листки выпадали из нее. Почерк был довольно неразборчивый.

— Что это? — спросила я, не рискуя переворачивать страницы.

— Это дневник моей матери.

— Дневник Юдифи Гольденберг?

Мадам Прево кивнула.

— Зачем вы хотите отдать его мне?

— Месье Каро сказал, что вы хотите написать книгу о ней. Он считает, что это ужасная идея, но я нахожу ее хорошей.

Я улыбнулась и поняла, что мадам Прево расценила мою улыбку как вежливый отказ.

— Это дневник, который она вела, когда была врачом в немецком концлагере. Это документальный дневник.

— Как она могла это хранить? Я хочу сказать, как она вообще могла вести дневник?

Мадам Прево недоуменно посмотрела на меня:

— Разве вы не видите?

Я перелистала несколько страниц и почти на каждой из них заметила печать. Я все поняла, прочитав несколько сложных медицинских терминов и дозировок лекарств.

— Невероятно. Это был ее рецептурный блокнот.

— Здесь информация, которая никогда не была опубликована.

Она раскрыла сумку и извлекла оттуда еще два одинаковых коричневых конверта.

— Это тоже из времен концлагеря, а этот дневник она вела уже в Париже, после войны.

Она положила конверты на стол. Я не знала, что сказать. Взяла конверты, открыла их, достала дневники и перелистала, главным образом для того, чтобы дать себе время подумать.

— Это весьма трудное предприятие — написать подобную книгу. Я помню, что говорила о своем желании написать ее, и желание не прошло, но мне хотелось бы почитать записки, прежде чем принять окончательное решение. Вместе с тем это, конечно, большая честь… Я буду очень рада прочитать.

Однако я видела, что моя собеседница чего-то боится, и мне хотелось до расставания понять, чего именно, чтобы помочь ей рассеять страх, если это будет в моих силах.

— Ваш брат знает о том, что вы звонили мне и назначили встречу?

— Нет.

Именно это ее и пугало.

— И вы, конечно, не хотите, чтобы он об этом узнал? Это я понимаю. Я в курсе, какой скверный характер у этого человека. Я ничего ему не скажу. У вас есть мой номер.

Наше прощание было коротким, времени у ме-

ня не оставалось, так как надо было немедленно возвращаться на работу. Мадам Прево протянула мне сумку.

— Вы хотите мне ее одолжить?

— Да, и сегодня утром я пришила к ней липучку, потому что как будто собирался дождь.

Она снова взяла меня под руку, и мы направились к лифту. Получилось, что в обеих руках у меня были два важных предмета — мадам Прево и сумка с дневниками.

— Зачем вам эти дневники?

— Месье Каро хотел их сжечь, но я упросила его отдать их мне, пообещав никогда и никому не показывать.

Я кивнула, видя, как мадам Прево с трудом сдерживает слезы. Ее страх прошел.

Обе руки у меня были заняты — компьютером и сумкой с дневниками, посвященными самым значимым событиям современной истории, и поэтому мне пришлось взять цветы в зубы, чтобы постучать в дверь консьержки. Она открыла сразу, и я учуяла запах еды.

— Добрый вечер, мадам, я не стану надолго вас отвлекать. Просто хочу пожелать вам хорошего отпуска. Я видела объявление на лестнице, что через неделю вы уходите в отпуск.

Я протянула ей букет.

— Уверяю вас, несколько дней они простоят.

— О, благодарю. Какая красота. Это не астры?

— Да, наверное, это они.

— Вы знаете, что месье Сеген — он живет двумя этажами выше — разводится? Подумать только, трое детей…

— Нет, я не знала. Конечно, это печально, но я не хочу вам мешать.

— Вы никогда мне не мешаете.

Поднявшись в квартиру, я положила сумку с дневниками на верхнюю полку шкафа, быстро переоделась и отправилась за сыном.

* * *

Мансебо неохотно поднялся с постели в этот выходной день. В национальный праздник он позволял себе нежиться под одеялом до девяти часов и не очень спешил с утренним туалетом. Он чувствовал себя маленьким ребенком, который не хочет идти в школу, надеясь, что мама напишет ему справку и справка эта спасет его от скучных уроков. Мансебо трудно представить себе, кто мог бы сыграть роль мамы в его ситуации. Фатима в последнее время не проявляет самых лучших качеств — верности, честности и

надежности. Мансебо чувствует себя чужим в ее присутствии. На кухне работает радио, а Амир рыщет по квартире, как будто что-то ищет. Фатима уже ушла в хамам. Мансебо слышал, как она утром сказала ему «до свидания».

Когда Мансебо чистит зубы, в нем просыпается ребенок, или, лучше сказать, подросток. Мансебо сплевывает пасту, полощет рот и идет за халатом, который висит в холле. Ему хочется еще полежать, но вместо этого он достает пачку, вытряхивает оттуда сигарету и закуривает. Впервые в жизни он курит в квартире. Он закрывает окно и садится в кресло, делает несколько затяжек и смотрит в сторону квартиры в доме напротив. Там темно, и Мансебо поэтому не может понять, то ли там никого нет, то ли все спят.

Мансебо почему-то кажется, что месье Бейкер лежит один в кровати и ворочается без сна. Писатели свободны, и Мансебо не представляет, что они могут работать по праздникам. Он делает глубокую затяжку. Никогда еще табачный дым не казался ему таким вкусным. Собственно, Мансебо с удовольствием впустил бы в квартиру немного свежего воздуха, но охвативший его дух противоречия мешает это сделать. Сигаретный дым должен пропитать все, что принадлежит Фатиме:

одежду, покрывало и полотенца. Он направляет струю дыма на розовую птичку Фатимы. Гладкие блестящие крылышки этого чучела меняют цвет при изменении температуры, но табачный дым на птичку не действует — она так и остается розовой.

— Папа, что ты делаешь? Мама же сойдет с ума, когда обнаружит, что ты курил в доме! Ты же и сам это знаешь, затуши сигарету!

Захваченный своим юношеским бунтарством, Мансебо совершенно забыл, что Амир дома. Легко, однако, забыть, что сын дома, потому что мальчик всегда ведет себя очень тихо.

— Нет, с мамой ничего не случится, она уже сошла с ума.

Мансебо тотчас жалеет о словах, сорвавшихся с его губ. Упрямство его не должно обрушиться на невинного сына. При этом интуиция подсказывает Мансебо, что неправильно оберегать Амира от всего, что происходит вокруг. Мальчик уже достаточно взрослый для того, чтобы знать правду о происходящем в доме. Сын не должен отрываться от действительности, от правды жизни. Даже если речь идет о том, что у него опрокинется представление о собственной матери. Амир широко раскрытыми глазами смотрит на сигарету,

словно это опасный дикий зверь, с которым его отец затеял рискованную игру.

— Сядь, Амир.

Но Амир не хочет садиться. Мансебо думает, надо ли разрешить сыну стоять или нет.

— Садись, сынок.

Он тушит сигарету в цветочном горшке и оставляет окурок там же. Амир смотрит на отца так, словно тот свихнулся или свихнулся он сам. Реакция Амира лишний раз убеждает Мансебо в том, что сын ни сном ни духом не ведает о курении Фатимы. Но ничего, сейчас он об этом узнает.

— Дорогой Амир, сядь, сынок, чтобы я смог спокойно объяснить тебе, в чем суть дела. Все это не так страшно, ты видел меня курящим тысячу раз. Правда, я не курил здесь, но тем не менее. Сядь, дорогой, сядь.

Амир садится в низкое кресло и с опаской смотрит на окурок в горшке, как будто этот остаток сигареты сейчас бросится на него.

— Ты знаешь, меня сильно удивило то, что твоя мать, моя жена, часто звонит твоей сестре, что она каждый день покупает шоколадные хлебцы и что она скачет…

Выражение лица Амира отчетливо говорит о том, что он не видит никакой связи между этими

вещами и курением в квартире.

— Я вижу, что ты не понимаешь, каким образом могут быть связаны эти вещи, но попытаюсь объяснить тебе всю эту запутанную историю.

Амир беспокойно озирается.

— Вот уже скоро тридцать лет, как мы — я и твоя мать — живем здесь. Это намного больше, чем ты прожил на свете. Ты можешь это себе представить? Все эти годы она беспрестанно жалуется, что у нее нет ни одной свободной минуты, что ей просто некогда присесть и перевести дух. Когда она рассказывает о том, как провела день, ни одним словом не упоминает, что каждое утро ходит в булочную и покупает хлеб на завтрак. Разве это не странно? Через тридцать-то лет? Но самое странное заключается в том, что она завтракает вместе с Аделью. С той самой женщиной, на которую все время жалуется. Каждый день, в течение десяти лет, я выслушиваю от нее, что ужин для нее сущее мучение, потому что за ужином ей приходится встречаться с Аделью и выслушивать бесконечные рассказы о ее хворях и немощах и обо всем подобном. Если же мы задерживаемся за ужином, то она потом жалуется на то, что ей пришлось провести несколько лишних минут с этой ужасной Аделью. Десять лет я

выслушиваю все это!

Юношеский дух противоречия целиком и полностью овладел всем существом Мансебо, и он ничего не делает, чтобы остановить словоизвержение, напротив, этот дух помогает ему находить нужные слова для того, чтобы убедить Амира.

— Поэтому нет ничего удивительного в том, что, увидев, как она бежит утром в булочную, чтобы купить хлеб для себя и Адели, я был поражен до глубины души. Но теперь я перейду к самому интересному. Когда я сказал ей об этом, она стала все отрицать! Если она смогла скрывать это десять лет, то есть ли вещь, которую она не была бы способна скрыть? В чем еще она лжет? Есть и кое-что другое, но я не буду тебе говорить, чтобы пощадить твои уши.

Выражение лица Амира меняется, он смотрит на окурок в горшке, а потом на отца, словно прося его продолжить, что Мансебо и делает весьма охотно.

— Ты должен поверить тому, что я сейчас тебе скажу. Вчера я решил немного изменить свои привычки, и узнал, что Фатима курит.

Мансебо понимает, что сказал слишком мало для того, чтобы Амир ему поверил.

— Из-за некоторых обстоятельств я решил по-

менять место, на котором обычно сижу перед магазином. Усевшись на новом месте, я поднял голову и увидел, как Фатима, моя жена, сидит на балконе и курит. Окурок она бросила прямо на тротуар. Это произошло во второй половине дня, когда я и Тарик на работе, а ты, как всегда, в школе. Кстати, где ты был вчера после обеда?

— У Халеда.

— Этим и воспользовалась Фатима, чтобы покурить. Она наверняка совершает этот ритуал каждый день, пользуясь сложившимися обстоятельствами.

Мансебо очень доволен своим последним оборотом. Наступает тишина.

— Ты уверен?

— Больше чем уверен.

Амир на секунду задумывается, а потом ведет себя как отчаявшийся адвокат Фатимы.

— Ты уверен, что это курила именно мама? Может быть, она просто выбросила чей-то окурок…

Амир действительно говорит как адвокат, то есть плохо.

— Но почему она тогда говорит, что у нее аллергия на табачный дым? — задает Амир риторический вопрос и снова погружается в раздумья.

Мансебо пожимает плечами.

— Я очень хорошо помню ее декламации в барах, когда она жаловалась, что там слишком сильно пахнет дымом и…

Амир молчит, и Мансебо вдруг начинает обвинять себя во всех грехах. Он никогда не думал, что такие сведения о Фатиме причинят боль Амиру.

— Сынок, мы должны принять все как есть. Мы не знаем, зачем она делает то, что делает.

— Ты не спросил ее об этом? — удивленно интересуется Амир.

До сих пор Мансебо забывал сказать о том, что сведения о курении Фатимы надо хранить в тайне. Он прикусывает губу, чтобы выиграть время и найти разумное объяснение. Мансебо опасается, что если они это сделают, то Фатима станет осторожнее и он никогда не узнает о других ее привычках и поступках. Мансебо не может также рассказать о своей слежке за месье Бейкером. Амир к этому еще не готов, да и он сам, надо сказать, тоже. Они пока не созрели до полной откровенности.

— Нет, я не стал ни о чем ее спрашивать. Я хочу, чтобы она сама все рассказала. Знаешь, если открывается что-то скрытое, то хочется услышать об этом от человека, которого это касается. Я посмотрю, что можно сделать, чтобы она сама

обо всем рассказала. Думаю, так будет лучше для всех нас. Дай мне немного времени, а пока будем молчать об этом, хорошо?

Амир выслушивает отца без возражений, что вызывает у Мансебо удивление, но одновременно и облегчение.

Амир кладет в сумку блокнот и ручки, собираясь в библиотеку. По бульвару идут парижане, направляющиеся на праздничные обеды. Очередь в булочной становится все длиннее, мимо быстро проходят люди с букетами цветов, а некоторые и с собаками. Наверное, все идут в гости к родственникам. Мансебо смотрит на кухонные часы, понимает, что уже довольно поздно, но тем не менее закуривает еще одну сигарету и снова выпускает дым на розовую птичку, в надежде, что сейчас ее крылышки посереют.

Мансебо ощущает силу и спокойную уверенность. Встреча с женой нисколько его не пугает. Рассказав все Амиру, он и сам для себя обобщил ситуацию, а это очень полезно. Все события, как жемчужины, нанизались на нитку, и получилось ожерелье, составившее связную картину. В гостиной плавают клубы сигаретного дыма. По телевизору показывают военный парад на Елисейских Полях. Танки, идущие к Триумфальной

арке, — это последнее, что видит Мансебо, выходя из квартиры, чтобы вступить в свое сражение.

Мансебо сидит на скамеечке и раскачивается, пребывая в прежнем задорном состоянии. В его крови снова плещутся гормоны юности, и сегодняшний праздник кажется ему скучным и пресным мероприятием. Квартира в доме напротив, как кажется, пуста. Нет возможности шпионить даже за Тариком — он умчался на скачки. Мансебо заходит в магазин, открывает пачку зубочисток, вставляет одну из них в рот и снова садится на скамеечку. Вдалеке, на бульваре, появляется Фатима.

— Привет, — говорит Фатима, подходя к мужу, который, как обычно, сидит на скамеечке у входа в магазин. — Что, если сегодня мы с тобой где-нибудь пообедаем? Только ты и я. Адель пошла на кружок керамики, Тарик на скачках, Амир сказал, что сегодня не будет ужинать дома. Зачем тратить время и готовить на двоих? Пойдем к пакистанцу.

Этот пакистанец, правда, приехал не из Пакистана, а из Индии со всей своей семьей и открыл ресторан недалеко от бара «Ле-Солейль». Мансебо судорожно глотает воздух. Его юношеский задор сдувает, словно ветром. Он не планировал

романтический обед на двоих, и идея не очень ему нравится.

Мансебо неохотно закрывает магазин. Фатима поднимается в квартиру, чтобы оставить там вещи, но очень скоро возвращается.

— Не понимаю, окна что, открылись сами? Ты их не открывал? Мне кажется, что не надо впускать в дом жару с улицы.

Мансебо сразу понимает, что произошло. Амир решил проветрить квартиру, чтобы в ней не пахло табачным дымом, из страха, как бы Фатима не догадалась, что в квартире кто-то курил.

— Нет, я не открывал окон. Спроси Амира.

— С чего бы это он вдруг бросился их открывать?

— Не знаю.

Они идут по бульвару, и, прежде чем свернуть за угол, Мансебо бросает последний взгляд на квартиру писателя и мадам Кэт.

Он напряженно ждет, когда Фатима скажет, как это хорошо, что в ресторанах запретили курить. Мансебо не сомневается, что она очень скоро произнесет эту фразу. Единственное, чего Мансебо не знает, — как ему отреагировать на нее. Он не доверяет даже самому себе. Надо бы рассмеяться, стукнуть кулаком по столу и выложить Фатиме

всю правду или, наоборот, расплакаться. Нет, положительно, Мансебо не знает, как поступить в этой ситуации.

Они садятся за столик у окна. Кроме них в ресторане сидит молодая пара и пожилой мужчина, который уже собирается уходить. Фатима молчит и рассеянно просматривает меню, а потом откладывает его в сторону. Она точно знает, чего хочет. Она знала, что закажет, уже в тот момент, когда предложила мужу пойти в ресторан. Мансебо не знает, что будет есть, но зато точно знает, что закажет Фатима. В этом отношении он изучил свою жену, правда, хорошо бы знать ее и с других сторон. Фатима озирается по сторонам, и Мансебо, дрожа от страха, думает о том, что ему сказать, когда Фатима заговорит о пользе запрета курения. Похоже, что через пару секунд он удивит самого себя.

— Как хорошо, что здесь больше никто не курит!

Это предложение пролетает, как пушечное ядро, сокрушая все на своем пути. Несмотря на то что Мансебо был готов услышать эту фразу, он пугается так, как пугается человек хлопка открываемой им самим бутылки шампанского, хотя и ждет, когда пробка полетит к потолку. Но

сейчас Мансебо боится отнюдь не шампанского. Мансебо тянет время. «Все уже произошло, она все сказала, успокойся», — пытается внушить себе Мансебо.

— Как приятно прийти в ресторан и поесть, не утруждаясь приготовлением еды, — говорит Фатима, когда к ним подходит официант.

Мансебо заказывает горячий хлеб и вгрызается в него зубами, стараясь забыть о том, что ужинает в обществе жены, и просто насладиться едой. Сделать это, однако, очень трудно. В ресторан входит толстый владелец табачного магазина. Мансебо тянется за стаканом воды и раздумывает, что сказать жене, которая сидит спиной к двери. Пакистанец пожимает табачному торговцу руку и вручает ему два пакета с заказанной едой. Мансебо не спешит с комментарием, он ждет, когда толстяк выйдет из ресторана.

— Только что заходил хозяин табачного магазина на улице Шеруа.

Фатима удивленно смотрит на мужа.

— И что с того? — произносит она после довольно долгого молчания.

— Наверное, ты бы захотела с ним поздороваться.

— С какой, спрашивается, стати? Да и как бы я

захотела, если ты за каким-то дьяволом сказал мне об этом, когда он уже ушел?

Она опять выиграла, думает Мансебо и пьет воду из стакана.

— Пахнет Рождеством! — говорит Адель, садясь за стол во время ужина.

На ужин остается и Рафаэль, который принес починенный им фен Адели. Тарик рассказывает о лошади, которая на скачках бросилась бежать не в ту сторону. Все смеются.

— Это рагу с шафраном, — резко отвечает Фатима, объясняя рождественские ассоциации Адели.

Трое мужчин — Мансебо, Тарик и Рафаэль — курят не переставая.

Фатима молчит, но каждый раз, наклоняясь к столу, чтобы поставить очередное блюдо, энергично машет рукой, отгоняя от лица дым. В комнате молчит только один человек, но его глаза выразительнее всяких слов. Амир нервно смотрит на отца. Не слишком ли много он курит?

Утреннее демонстративное курение задело Амира сильнее, чем мог себе представить Мансебо. Теперь, когда гормоны юношеского максимализма улетучились из крови, Мансебо уже немного жалеет о том, что вовлек сына в эти дрязги. Только присутствие Рафаэля делает ужин

терпимым. Гость немного разряжает плотную атмосферу *лжи* и невысказанной правды и рассеивает этот невыносимый туман. Рафаэль здесь как светлое пятно. Один его вид позволяет хотя бы дышать.

Женщины ушли поболтать на кухню. Амир продолжает во все глаза смотреть на отца. Рафаэль закуривает еще одну сигарету, а Тарик снова рассказывает всю программу прошедших скачек, чтобы подумать, кто победит на следующих.

•

Национальный праздник заканчивается, и утром наступит обычный рабочий день. Для Рафаэля это означает, что с утра он возьмется за починку старого тостера, чтобы заставить его снова жарить хлеб. Для Тарика это означает, что завтра с утра он начнет снова прибивать каблуки, а для Фатимы… Мансебо отбрасывает праздные мысли и принимается куском багета собирать в тарелке соус.

— Мансебо, ты уже моешь посуду? — спрашивает Тарик, и все смеются его шутке.

* * *

Первое, что я сделала, придя в контору, — открыла коробку, чтобы удостовериться, что она по-прежнему набита пенопластом, и ничем иным. Так оно и случилось. Никаких книг там не было и в помине.

Первая половина дня была занята тремя письмами и судьбой Юдифи. Меня поразило, с какой гордостью описывала она свои обязанности и каждодневные дела. В записях не было даже намека на жалость к себе, как не было в дневнике и роптания.

Содержание дневника — и мне пришлось это признать — было отчасти провокационным. Эта женщина не просто лечила самых ужасных чудовищ нашего времени, она делала это с известной любовью. Она объективно рассказывала о своей жизни во врачебном кабинете. Даже описывая плохие условия содержания, она никогда не возлагала вину за это на тех, кто лишил ее свободы. Теперь я лучше понимала, что больше всего приводило в бешенство месье Каро.

Звонки прекратились, и я поняла, что наступило время обеда. Я уже задержалась на четверть

часа и принялась торопливо укладывать дневник в сумку, которую не отважилась оставить в конторе без присмотра. Я выбежала к лифту, сама не понимая, куда спешу.

Дверь церкви я открыла с трудом, к тому же сумка сильно оттягивала мне руку. «Я веду с собой еврейку, которая во время войны ухаживала за нацистами», — подумалось мне, когда я бегом поднималась по лестнице. Я сильно запыхалась, достигнув придела. Он сидел там и, увидев меня, не стал скрывать радости. Как обычно, мы были немногословны в начале разговора.

— Я сейчас читаю записки о Второй мировой войне; они составлены одной из тех, кто смог пережить концентрационный лагерь, — сказала я.

— Понятно, и как зовут автора?

— Этого я не помню.

— Это странное человеческое свойство. Оно касается книг и вина. Люди пьют хорошее вино, но его название не откладывается в их памяти, однако часто человек помнит цвет этикетки. То же самое можно сказать и о книгах — люди запоминают цвет обложки, но забывают имя автора.

Так как я не принадлежала к людям такого сорта, от комментариев воздержалась.

— Автора зовут Юдифь. Она жила в тяжелых

условиях концлагеря, но в своих записках защищает и выгораживает немцев. Даже нет, она их не защищает, она не возлагает на них вину. У нее нет к ним ненависти.

Кристоф сидел и молча слушал меня. Я не собиралась рассказывать ему все, но понимала, что он знает, как надо реагировать на деликатные сведения.

— Она писала в лагере. Это ее дневник, — продолжила я.

Кристоф посмотрел на меня, но я не смогла истолковать этот взгляд.

— Вот так, — сказал он.

— Что вы об этом думаете?

— Она делала это для того, чтобы выжить. Она писала так из страха, понимая, что нацисты могут прочитать ею написанное — вот самое простое объяснение. Более сложное объяснение, но скорее всего и более верное, заключается в том, что она так вела себя для того, чтобы выжить. Нам трудно даже вообразить себе, в каком положении она находилась. Возможно, она писала для себя, писала для того, чтобы приукрасить страшную действительность, и таким образом выжить.

Мне даже показалось, что он знает и понимает Юдифь лучше, чем кто-либо другой. Я решила рас-

сказать ему больше, чтобы самой лучше понять смысл и суть дневника, проникнуть в мотивы Юдифи.

— Она была врачом, и в концлагере ее заставили работать на немцев.

Кристоф снова посмотрел на меня.

— Интересно.

Мною вдруг овладела невыносимая печаль. Мне хотелось думать, что расплакаться меня заставила трагическая судьба Юдифи, но дело было в другом. В действительности мне было грустно оттого, что моя странная работа была близка к завершению, и именно это вызывало невыносимую грусть. Я не помнила, когда плакала в последний раз, и вот расплакалась в церкви, на глазах у незнакомого человека.

— Она была вашей родственницей?

Я заплакала еще сильнее, и он, видимо, расценил это как утвердительный ответ.

— Это твои последние цветы, Юдифь, — сказала я и положила на надгробие букет желтых цветов.

«Вот я и начала разговаривать с мертвыми, как с живыми», — подумалось мне, и в этот момент я заметила, что ко мне направляется какой-то мужчина в синем тренировочном костюме.

— Мадам, мадам, не делайте этого.

Воспоминание о первой встрече с месье Каро промелькнуло в моей голове, и я сделала несколько шагов назад.

— Мадам, прошу вас, немедленно уберите эти цветы.

В тоне этого человека не было угрозы, был только страх. Он держался на почтительном расстоянии, и сначала мне показалось, что он боится меня, но потом я поняла: на него наводит страх могила Юдифи. Он смотрел на надгробный камень так, словно тот был живым и готовым броситься на него.

— Добрый вечер, месье. Почему вы не хотите, чтобы я оставила цветы на этой могиле?

— Потому что мой брат запретил это делать. — Мужчина с силой ударил себя по голове и закрыл лицо руками. — Мой брат запретил кому бы то ни было возлагать цветы на эту могилу. Брат сказал, что надо уважать себя. Он не злой, он справедливый. Здесь лежит моя мать. Она лежит под землей, под камнем, и мы не должны воздавать ей почести, потому что из-за этого погибнет мир и рухнет мировой алтарь.

Теперь я поняла, кто это. Это был страдавший шизофренией брат месье Каро.

— Я знакома с вашим братом. Он знает, что я возлагаю цветы на могилу вашей матери, и не злится на меня за это.

Мужчина внимательно посмотрел на меня.

— Вам не надо говорить, что вы меня видели, если боитесь рассердить брата, — продолжила я.

— Вы должны убрать цветы.

— Я сделаю это, если вы уйдете.

— Вы обещаете?

Он снова закрыл лицо руками и пошел прочь. Я нарушила обещание: сунула руки в карманы и, посмотрев на красивые цветы, пошла к выходу с кладбища.

Сначала я сказала, что приглашение оказалось несколько неожиданным, но тем не менее поблагодарила, хотя и не знала, чем была вызвана такая любезность. Мой сын очень обрадовался, когда я сказала ему, что мы пойдем в гости к месье Каро.

Для визита было еще рано, и мы зашли в кафе. Шел дождь. На город наконец-то опустилась прохлада.

— Как ходит ладья, мама?

— Я не знаю, но ты спросишь об этом у месье Каро.

Сын принялся тянуть через соломинку сок.

— Зачем они носят на голове эти шапочки? — спросил он, показав рукой на пробегавшего мимо окна мальчика в кипе.

— Они носят такие шапочки, потому что они евреи, а их религия называется иудаизмом. Они тоже верят в Иисуса, но не считают его сыном Бога. Эта шапочка называется кипа. Они носят ее, чтобы показать, что они евреи и почитают Бога.

— Иудаизм?

Я кивнула. Сын сделал глоток сока, а я загляну-ла в его задумчивые детские глаза.

Я привычно набрала код. Механизм щелкнул, дверь открылась, и мы вошли во двор. Окна квартиры месье Каро были открыты, и оттуда доносились смех и громкие голоса. Я улыбнулась сыну, которого, казалось, совершенно не смущало наличие множества гостей в доме месье Каро.

— Мы снова увидим ту зеленую босую тетю, мама?

Я считала, что подготовилась к любым мысли-мым ситуациям, ведь месье Каро предупредил, что пригласил нескольких друзей, но, как теперь мне стало казаться, произойти может все что угодно. Входная дверь была полуоткрыта, и ка-кой-то мальчик, ровесник моего сына, обувался, стоя в проеме.

— Кипа, — шепнул сын и незаметно показал рукой на голову мальчика.

Мальчик вежливо поздоровался с нами и побежал вниз по лестнице. Так как дверь была открыта, я некоторое время стояла в нерешительности, думая, стоит ли нажать кнопку звонка или можно просто войти в квартиру. Но сын опередил меня — он вошел без звонка, и я последовала за ним.

Сын чувствовал себя более комфортно, чем я, — он решительно провел меня по коридору в гостиную. Но на пороге остановился. Вероятно, он не ожидал, что увидит там столько людей. Одни стояли, другие сидели, но все оживленно разговаривали друг с другом. В квартире пахло едой и сигаретным дымом. Самого месье Каро в комнате не было. Сын выжидательно посмотрел на меня, и я поняла, что мой долг вселить в него уверенность. Я взяла малыша за руку.

— Сейчас мы посмотрим, где твой шахматный наставник. Наверное, он прячется на кухне.

Мы прошли по комнате. Большинство людей просто не обратили на нас внимания, а те, кто нас заметил, приветливо нам улыбались. Некоторые успевали даже погладить сына по голове.

— Это она! — раздался вдруг чей-то голос.

В комнате наступило недолгое молчание. Все сначала посмотрели на кричавшего человека, а потом на меня. Человек держал в одной руке стакан с водой, а другой указывал на меня. Я сразу его узнала. Это был мужчина, которого я повстречала на кладбище. Брат месье Каро. Несмотря на то что в комнате было много людей, я почувствовала себя беззащитной.

— Не обращайте на него внимания! — крикнул с кухни месье Каро. — Он у нас больной на голову.

Месье Каро быстро вышел с кухни и увел брата, который, впрочем, и не думал сопротивляться.

— Да, месье Каро в школе явно не изучал психологию, — пошутил кто-то из мужчин, и несколько человек рассмеялись.

Месье Каро вернулся очень быстро.

— Добро пожаловать, — сказал он и вытер пот со лба. — Здравствуйте и садитесь.

— Куда вы увели своего брата?

— Я запер его в туалете.

Я начала думать, что зря привела сюда сына.

— Я пошутил. У вас совершенно нет чувства юмора, женщина. Я дал ему его любимый пазл и отвел в спальню. Как я слышал, у вас с ним произошла очень приятная встреча на кладбище.

Месье Каро улыбнулся.

— Да-а, в своей семье вы пользуетесь непререкаемым авторитетом.

— Да, да, да… Молодой человек, идемте и сыграем партию — я уже приготовил шахматы и расставил фигуры на кухне; так что мы сейчас покинем этот бедлам, — сказал месье Каро и положил руку на плечо моего сына.

Мой сын, моя опора и надежда, покинул меня, и я осталась стоять в полном одиночестве посередине гостиной. Никто, правда, не обратил ни малейшего внимания на выходку брата месье Каро. Наверное, это было в порядке вещей. Я подошла к окну и выглянула во двор, словно видя его в первый раз.

— Добрый вечер, мадам. Не знал, что среди друзей месье Каро есть такие красивые женщины.

Мужчина лет пятидесяти, обратившийся ко мне, носил черную шляпу, из-под которой свисали длинные пейсы. Мы пожали друг другу руки.

— Могу ли я вам что-нибудь предложить?

Я не обратила внимания на то, что пили другие, и поэтому не знала, что ответить. Он оценил мою неуверенность и попросил меня подождать, а сам скрылся на кухне, откуда вскоре вернулся с небольшим стаканом.

— Как вы познакомились с месье Каро?

Я понятия не имела, что рассказывал месье Каро своим друзьям об обстоятельствах нашего знакомства.

— Мы встретились совершенно случайно. На моих глазах ему стало плохо, я вызвала скорую помощь, а потом проводила его до больницы.

— Очень благородно с вашей стороны. Я уверен, что вы не потребовали никакой благодарности. У месье Каро очень доброе и великодушное сердце, хотя при взгляде на него в это трудно поверить. Но я знаю, я его старый друг. Мы прожили в одном доме почти двадцать пять лет, часто играли в шахматы, прогуливались или ходили в синагогу нашего квартала. Хотите, я познакомлю вас с моей женой?

— Спасибо, мне будет очень приятно, ведь я здесь никого не знаю.

— Думаю, она на кухне, готовит еду.

Только теперь я заметила, что держу в руке стакан, и отпила немного напитка. Потом мы с моим новым знакомым протиснулись сквозь толпу гостей и вошли на кухню, где три женщины лепили шарики из теста. Мне придало уверенности то, что я увидела своего сына. Они с месье Каро сидели за маленьким столиком, углубившись в

игру. Сын меня не заметил.

— Анна, — позвал мужчина.

Одна из женщин подняла голову и вытерла руки о полотенце, словно поняв, что ей сейчас придется с кем-то поздороваться.

Анна оказалась красивой женщиной лет на десять моложе своего мужа. У нее были живые и теплые глаза.

— Приятно познакомиться, — сказала она и протянула мне руку.

— Это она спасла жизнь месье Каро.

Наверное, большинство гостей знали, что произошло в тот день на кладбище, и уж точно все знали, кто я.

— Могу вам чем-то помочь? — спросила я Анну.

— Мне кажется, что уже все готово, теперь надо только отнести на большой стол.

Всего на кухне было пять блюд с разными шариками. Вторая женщина улыбнулась мне, а третья вручила блюдо:

— Поставьте их на стол в комнате…

Я принесла с кухни блюда, а потом села на диван и разговорилась с каким-то мужчиной, который принялся рассказывать мне историю квартала Марэ. Я вдруг почувствовала, что на

меня кто-то пристально смотрит, украдкой огляделась и увидела стоявшую в отдалении Эдит. Я была рада ее видеть и даже позволила себе улыбнуться. Она испуганно посмотрела на меня, и я решила не подходить к ней, если только она сама не проявит инициативу и не захочет со мной поговорить. Мои собеседники все время менялись. За окнами стало темнеть. С кухни вышел мой сын, остановился на пороге и огляделся. Я помахала ему рукой, он подбежал и забрался ко мне на колени.

— Кто победил? — спросила я.

— Месье Каро.

— Ты что, не мог позволить мальчику выиграть? — спросил один из мужчин месье Каро, который занял место в своем кресле.

— Зачем было это делать? Что за глупость — взрослый человек проигрывает малому ребенку! Если, конечно, хочешь, чтобы из ребенка вырос слабак, то можешь ему проигрывать.

— Что это, мама? — спросил сын, показывая рукой на шарики из теста.

— Это хлеб с мясом, наверное с курятиной. Но есть и сладкие — с абрикосами, миндалем. Если хочешь, попробуй все.

— Сейчас, — сказал он и взял шарик с мясом.

С кухни принесли большие миски с салатом и разложили его по пластиковым тарелкам. Я заметила, что шарики были уже съедены.

— Я хочу домой, — сказал мой сын.

Мы встали, чтобы попрощаться с месье Каро, когда из спальни вышел его брат.

— Мы хотим попрощаться и поблагодарить за великолепный вечер. Надеюсь, что в следующий раз мы увидимся у нас.

— Вы уходите, потому что пришел Даниэль? Я могу снова отправить его в спальню, — сказал месье Каро, вставая с кресла.

— Нет, нет, нам просто пора домой.

Брат месье Каро подошел ко мне.

— Это она положила цветы на могилу нашей матери, — устало и без всякого выражения произнес он.

— Я знаю. Нечего ломать себе из-за этого голову, невозможно же уследить за всеми сумасшедшими в этом городе, — ответил ему месье Каро и подмигнул моему сыну.

Я поцеловала месье Каро в обе щеки, и мы с сыном вышли из квартиры, оставив позади журчание голосов, смех, запах еды и сумасшедшего. Внезапно я ощутила на своем плече чью-то руку.

— Спасибо, — прошептала Эдит и вернулась в

квартиру.

* * *

Телефон прозвонил два раза. Звонил поставщик, который хотел заранее получить заказ. В магазин заходят трое детей, чтобы получить китайские записные книжки. Ему кажется, что эти мальчишки уже приходили, но поручиться он не мог. Собственно, у него сейчас так много дум, что некогда вспоминать о таких пустяках. До того как дети вышли, Мансебо пересчитывает оставшиеся книжки. Их всего девять. Шестьдесят он уже раздал, так что нет ничего удивительного, что некоторые дети заглядывают к нему по второму разу.

В магазин врывается Тарик.

— Привет, брат, начинаем работать? Да, тяжела наша жизнь.

Мансебо не отвечает. Тарик пересекает бульвар и отпирает мастерскую, успев перебросится несколькими словами с булочником. Все идет в точности как всегда. Мансебо смотрит на часы и записывает в книжку свои последние наблюдения. Закончив, он прячет книжку под кассу.

Тарик обтачивает ключ, а Мансебо сидит и раскачивается на своей скамеечке. Сегодня она

стоит на новом месте, и Мансебо время от времени посматривает на балкон: не покажется ли там Фатима или, по крайней мере, ее рука. Он снова переводит взгляд на бульвар и видит, как по нему шагают двое напавших на него мужчин. Мансебо не успевает по-настоящему испугаться, а мужчины заходят в обувную мастерскую Тарика. Мансебо видит, как Тарик откладывает дела и приглашает обоих в свою каптерку.

Мансебо встает со скамеечки, готовый бежать в случае необходимости. Мужчины вышли из мастерской так же быстро, как и вошли. Они направляются по бульвару в сторону метро. Под мышкой каждый несет картонную коробку. Тарик никогда не приглашает клиентов в свою каптерку. «Мой кузен их знает, и это поражает меня», — думает Мансебо и вытирает со лба пот. Вечером он должен поговорить с Амиром. Ждать дальше уже нельзя.

— Скоро я продам все это дерьмо и уеду.

— Куда? В Саудовскую Аравию?

Франсуа искренне заинтересован — он хочет знать, куда собирается уезжать Тарик.

— Да, а почему нет? Дела идут плохо — ботинки, ключи, — нет, к черту.

Мансебо внимательно смотрит на кузена и

отпивает глоток ликера. Он хорошо знает Тарика, его ничто не остановит.

— Я возьму судьбу в свои руки. Надо продавать всю эту дрянь и рвать когти. Считать копейки от ремонта обуви? Нет, надеюсь, что скоро я буду просто купаться в деньгах.

— А как же Адель?

— Что такого она делает здесь, чего не сможет делать в Саудовской Аравии?

И это истинная правда.

— Похоже, тебе, Мансебо, придется посылать кузену деньги?

До сих пор Мансебо не принимает участия в дискуссии, но Франсуа вовлекает его в разговор. Мансебо вздрагивает от одной мысли о том, что ему придется делиться деньгами с Тариком и Аделью. Ему становится страшно при одном упоминании об этом. Семья должна выручать своих.

— Но подожди, может быть, дела еще наладятся. Вы слышали историю про скорпиона, который хотел переправиться через реку?

Оба — Франсуа и Тарик — дружно качают головой. Им интересно послушать, что скажет Мансебо, а может быть, оба хотят избежать разговора о прожектах относительно парашютной школы в Саудовской Аравии.

— Жил-был скорпион. Этот скорпион как-то захотел переправиться через реку, но он не умел плавать. Тогда он спросил лягушку, не перевезет ли она его через реку на спине. «Но ты же меня ужалишь», — ответила лягушка. «Я никогда и ни за что этого не сделаю, потому что тогда утону вместе с тобой, не настолько же я глуп». Этот аргумент убедил лягушку. Скорпион сел ей на спину, и они поплыли через реку. Однако, когда они были на середине реки, скорпион ужалил лягушку. Они стали тонуть, и умирающая лягушка спросила скорпиона: «Зачем ты это сделал? Ты же теперь тоже умрешь». Скорпион ответил: «Прости, но такова моя природа».

Тарик кивает.

— Ты, следовательно, хочешь сказать, что у меня нет другого выбора, что я либо все выиграю, либо все проиграю, потому что в моей натуре движение, даже если это движение потянет меня на дно. Чертовски хорошая история.

Мансебо не вполне понимает толкование Тариком истории о скорпионе. Собственно, он рассказал ее для себя. Он должен проникнуть в обувную мастерскую, чтобы разобраться наконец, что там происходит. Теперь в его натуре, как в натуре частного детектива, заложен поиск ис-

тины, пусть даже этот поиск сопряжен с риском. Даже с риском утопить собственного кузена. Иного выбора у него нет. Мансебо твердо решает вечером поговорить с Амиром.

Пепел падает с балкона, словно грязный снег. Унизанная золотыми кольцами рука непринужденно стряхивает его. Собственно, Мансебо может прямо сейчас застукать Фатиму на месте преступления. Для этого ему не надо даже подниматься в квартиру, чтобы внезапно там появиться. Достаточно просто ее окликнуть. Фатима услышит, ведь она сидит всего на несколько метров выше его. Но что-то призывает Мансебо проявить сдержанность. Амир знает, но Мансебо дал ему слово, которое надо сдержать.

Вместо того чтобы и дальше сидеть под падающим пеплом, Мансебо встает, заходит в магазин и принимается надписывать ценники на бутылки с кетчупом, который ему привезли сегодня днем. Он видит, как Тарик поднимает руку в приветственном жесте, и жест этот не может быть адресован никому, кроме Фатимы. Значит, и Тарик знает. Мансебо вдруг начинает ощущать слабость во всем теле — скорее бы закончился этот день. Все всё знают, но, правда, им неведомо, что и он тоже знает. Следовательно, у него есть

преимущество, но как же трудно его реализовать в такой душной атмосфере. Как же трудно видеть действительность так отчетливо, как видит ее Мансебо.

Мансебо уверенно, хотя и против воли стучится в дверь Амира. Собственно, ему не хочется втягивать в эти дела сына, но иного выбора у него нет.

— Да?

Мансебо отмечает, что сын не говорит: «Войди», и остается стоять на месте.

— Что случилось?

— Я могу войти?

Амир открывает не сразу, и Мансебо видит, что сын не в духе. Лицо его красно и немного одутловато. Интересно, почему?

— У тебя есть время? Я хочу попросить тебя об одном одолжении.

Амир пожимает плечами. Мансебо начинает сомневаться в своем плане, видимо, в силу простой человечности. «Что я вообще собираюсь делать?» — думает он.

В конце концов он решительно входит в комнату и садится на кровать, не дожидаясь приглашения сына.

Мимо проезжает несколько пожарных машин, наполнивших ревом сирен комнату, в которой

отец и сын сидят в разных концах кровати. Сейчас над синим покрывалом потекут слова, слова, которыми окончится один рассказ и начнется совсем другой. Они слышат, как Фатима открывает окно, чтобы впустить в дом хотя бы каплю свежего воздуха. Отец и сын слышат, как она ходит по квартире взад и вперед, пыхтя и постанывая. Она делает это каждый вечер, но никогда они не слышали это так явственно, так значимо. Лицо Амира постепенно приняло свой обычный цвет, пожарные машины умчались во тьму, унеся с собой вой сирен. Где-то на улицах ночного Парижа они, видимо, уже достигли своей цели.

— Да, так что случилось?

У Амира усталый голос, и Мансебо понимает, что сейчас не самое удачное время для серьезного и важного разговора. Задание, которое Мансебо хочет поручить Амиру, требует сил, энергии и внимания, потому что исход дела будет зависеть только от него.

Внезапно дверь комнаты распахивается. Оба вздрагивают. Фатима позволяет себе входить в комнату Амира без стука. Войдя, она протягивает Амиру несколько выглаженных рубашек. Амир берет их, неестественно вытягивая руки, словно принимая грудного ребенка, которого передает

ему Фатима.

— Что это вы здесь сидите?

Мансебо смотрит на свою грузную, большую жену, потом переводит взгляд на сына. Трудно поверить, что этот маленький, хрупкий мальчик — сын такой женщины.

— Папа хотел узнать результаты экзамена по английскому языку для обучения за границей.

Фатима пристально смотрит на Мансебо, и он не отводит взгляда. Эта молчаливая дуэль длится несколько секунд. Но в чем причина этого соперничества? Фатима выходит, закрывает дверь, и они слышат, как она, шаркая, идет в спальню. Даже при всем ее неуемном любопытстве Фатима, видимо, слишком устала, чтобы разузнавать, о чем разговаривают ее муж и сын.

— Спасибо.

— Спасибо за что? — уныло спрашивает Амир.

— За экзамен по английскому.

Амир пожимает плечами.

— Ну и кстати, как ты его сдал?

Амир снова пожимает плечами.

— Результаты будут известны завтра.

Мансебо понимает, что Амир устал и хочет спать. Последнее, чего он сейчас хочет, — это выслушивать вопросы отца о малоизвестном

писателе и его рассказы о курении Фатимы. Но у Мансебо нет выбора. Надо начать неприятный разговор.

— Знаешь, я хочу попросить тебя об одной услуге. Мне нужны сведения из компьютера Тарика.

Амир широко распахивает глаза.

— Я уверен, хотя и совсем не рад этому, что ты — единственный, кто может мне в этом помочь.

— Зачем тебе это нужно?

Мансебо думает, ответить ли на вопрос прямо или просто продолжить рассказ.

— Я думаю, точнее сказать, я знаю, что Тарик замешан в каких-то темных делах. Собственно говоря, это не мои проблемы, но все же он мой кузен, мы рядом работаем, мы живем почти вместе, и я боюсь, что у него могут возникнуть проблемы… с полицией, законом, и таким образом все это может сказаться и на нас. Я просто хочу быть готовым к тому, что может произойти, и при необходимости помочь ему.

— И ты думаешь, что сможешь найти ответ в его компьютере? О чем мы говорим? О том, что он уклоняется от налогов? Я ничего такого не вижу.

Теперь плечами пожимает Мансебо.

— Не знаю. Возможно, что я ошибаюсь.

Амир смотрит на отца.

— Вспомни о том, что мама курит, — говорит Мансебо.

•

Фатима крепко спит, когда Мансебо выходит из комнаты Амира. До этого Мансебо казалось, что она стояла за дверью и подслушивала. Но он видит ее, лежащую в кровати, как морж на мели, и понимает, что спит она уже давно. В спальню она ушла, наверное, сразу после того, как отдала Амиру чистые выглаженные рубашки. В том, что она спит, у Мансебо нет никаких сомнений. Притворяющийся спящим человек не может лежать в такой комичной позе.

Мансебо кладет голову на подушку и чешет заросший подбородок. Через несколько часов начнется операция, которая продлится самое меньшее целые сутки.

* * *

Всем телом, каждой его клеточкой, я чувствовала, что наступил последний день. Странно, как может настроение менять восприятие дня, превращать его в нечто, не похожее ни на что привычное. Никогда вода утреннего душа не

казалась мне такой освежающей. Никогда еще цвета кремов не казались такими яркими, никогда не пахли так приятно, никогда я не варила кофе с такой тщательностью. С не меньшей тщательностью подобрала я и одежду. Я оделась так же, как в первый день. Я была готова точно вовремя. Я хорошо подготовилась к тому, к чему в принципе было невозможно подготовиться.

«Когда я приду за тобой в детский сад, все будет позади, — подумала я и погладила сына по мягкой нежной щеке. — Когда я сегодня вставлю ключ в замочную скважину, может быть, я наконец узнаю, кто такой месье Белливье, и, может быть, пойму, чем и ради чего занималась последние три недели. Может быть, я удивлюсь, устану, обрадуюсь, опечалюсь, разочаруюсь, испугаюсь… Что-то я в любом случае почувствую». Сколько дней, недель, месяцев я не чувствовала вообще ничего, когда отпирала входную дверь.

Соседская собака пролаяла мне вслед свое «до свидания», когда я нажала кнопку лифта.

Поезд метро, громыхая, подъехал к станции. Я села на свободное место и посмотрела на свое отражение в окне. Выглядела я утомленной. Конечная станция. Сотни людей одновременно выходят из вагонов. Многие бегут, видимо

опаздывая на встречи, многие нервничают из-за важных или не очень важных дел. Я совершенно спокойна и, проходя мимо цветочного магазина, приветливо здороваюсь с продавцом, потом, сделав несколько шагов, останавливаюсь и поворачиваю назад. Мне хочется задать продавцу несколько вопросов.

— Сегодня вы составили последний букет, да?

Он задумчиво смотрит на меня, словно решает, стоит ему разглашать эту тайну или нет.

— Да, это так, — произносит он наконец.

Я улыбнулась. Как прекрасно это знать. Значит, это и в самом деле конец. Я пошла к «Ареве».

— Мадам!

Я обернулась.

— На вашем месте я был бы… осторожен.

— Осторожен?

— Хотя слово «незаметный» подошло бы лучше.

— Незаметный?

Продавец выглядит немного сконфуженным.

— Я хочу сказать, что, если у человека есть преданный поклонник, то, возможно, найдутся те, кто этого не оценят.

Подошел покупатель, желавший подобрать несколько цветов для букета, и продавец с явным

облегчением повернулся к визитеру, который избавил его от лекции, которую парень собрался мне прочитать. Я несколько секунд потопталась на месте. Зачем он мне это сказал? Может быть, думал, что вся эта ситуация с самого начала была ненормальной — кто-то каждый день оставлял на проходной для меня цветы, выставляя месье Белливье сумасшедшим. Но ждать я больше не могла, и, чтобы не опоздать, ускорила шаг.

Я посмотрела на огромную башню «Аревы». Здание выглядело мрачно на фоне пасмурного неба. На этаже было темно. Женщина за стойкой приветливо поздоровалась со мной. Ничто в ее облике не говорило, что сегодня какой-то особенный день. Когда я вошла в контору, по стеклам ударил косой, почти горизонтальный дождь. Этот дождь почему-то поднял мне настроение. Последние дни дожди шли почти постоянно. Это было очень хорошо. Прекрасная погода, и вообще все прекрасно, сказала я себе и проверила, что в картонной коробке действительно нет ничего, кроме пенопласта. Я села за стол, включила служебный компьютер и погрузилась в захватывающее чтение дневника Юдифи. «Она пишет, чтобы не потерять силы», — пронеслось у меня в голове. Раздался короткий звонок. Я прочитала

цифровые коды, чтобы не пропустить ни одного сообщения, так как понимала, что сегодня что-то произойдет. Но пока цифры говорили мне, что работа еще не окончена.

Я прочитала половину дневника. Юдифь все еще оставалась в неволе, но, судя по датам, должна была вскоре обрести свободу. Я была не слишком хорошо знакома с литературой того времени и поэтому не знала, насколько уникальным был этот материал. Многие немцы названы там по именам, и, может быть, в этом было что-то ценное? Прочтя кусок, где говорилось о том, как один из пациентов Юдифи в подробностях рассказывал, как пытал трех евреев, я посмотрела в окно. Дождь продолжал хлестать по стеклам. Дочитав до того места, когда во двор въехала машина, на которой она покинула лагерь, я закрыла дневник. Странно, что месье Каро мог так живо и подробно рассказывать всю эту историю. Должно быть, он не один и не два раза перечитал эти записи.

Наступило время обеда. Несмотря на дождь, я решила выйти из здания. Мне надо пойти в церковь. Выключив компьютер, я сложила дневники Юдифи в сумку и вышла из своей конторы.

Дождь хлестал мне в лицо, пока я бежала до церкви, где едва не столкнулась со священником,

который тоже стал подниматься в помещение. Я впервые увидела его здесь. Мы кивнули друг другу, и я от души понадеялась, что он идет сюда не для того, чтобы кого-нибудь отпеть или отслужить мессу. Действительно, в помещении никого не было. Никаких церемоний, никаких молящихся. Впрочем, Кристофа в церкви тоже не было. Я села на скамью и сложила руки на груди, скорее для того, чтобы ощутить, что при этом чувствуешь. Ничего особенного я не почувствовала. Незаметно положила руки на колени и посмотрела на них. Без Кристофа здесь было пусто и неуютно.

Через несколько часов всей этой странной истории придет конец. Я сидела с закрытыми глазами и гордилась собой. Я была горда тем, что узнала и сделала за последние три недели. Из этого волшебного состояния меня вывел смех Кристофа. Он, видимо, пребывал в совершенно безоблачном настроении. Мы поздоровались и поцеловались.

— Произошло что-то особенное? У вас, я смотрю, чудесное настроение.

— Я очень рад видеть вас здесь, в церкви. Можно подумать, что вам здесь понравилось.

— Но я скоро уйду.

— О, мой бог. Вы всегда видите во всем прежде всего мрачную сторону.

Я помрачнела. До сих пор мы в наших разговорах обсуждали только себя и свои дела, но сейчас в наших репликах прозвучали нотки личных отношений. Это значило очень многое. Я прибежала сюда, в церковь, под сильным дождем, чтобы провести каждую секунду этого времени с Кристофом. Он был в прекрасном настроении, когда пришел, но я испортила ему настроение.

— По-вашему, я вижу все в черном свете, потому что ни в кого не верю? — спросила я серьезно.

Кристоф ничего не ответил.

— Кстати, насчет веры; вы знаете, где я была? Я была на еврейском празднике.

— Это имеет какое-то отношение к Юдифи?

— Почему это должно иметь к ней какое-то отношение?

— В прошлый раз вы рассказывали о книге, которую написала Юдифь, а потом пошли на еврейский праздник. Здесь вполне может быть какая-то связь.

— Да, пожалуй, но прямой связи нет…

— Есть ли на свете хоть один человек, которого вы считали бы мудрым?

Я собрала все свои силы, посмотрела ему в гла-

за и покачала головой. Мы продолжали молча сидеть на скамье. Мы стали намного ближе друг другу. Я встала и сказала, что мне надо идти.

Дождь по-прежнему стучал в окна. Теперь звуки эти казались мне неприятными. Что я буду делать, если не получу никакого вразумительного письма? Кто-нибудь вступит со мной в контакт до окончания рабочего дня? Что я буду делать, если не получу обещанного мне вознаграждения? И что я буду делать в понедельник? Деньги — не двигатель жизни, но будет печально, если я их не получу. Раздался звонок. Во мне проснулась самая умная собака Павлова. Письмо содержало комбинацию цифр. Наверное, это последнее письмо такого рода. Дождь внезапно прекратился. После того как кончилась эта барабанная дробь, мне показалось, что в помещении наступила оглушительная тишина. Конец. Одиночество. В сером тумане вдалеке высилась церковь Сакре-Кёр. Париж лежал у моих ног, словно поле битвы, а не великий город. Я вышла в лифтовый холл, свернула в коридор и обошла этаж, оглядывая двери в другие служебные помещения. Все они были одинаково пусты. Почему никто не использовал этот этаж при такой привлекательности площадей в этом районе?

Когда я сделала круг по этажу и вернулась к моей двери, раздался короткий звонок. Обычно цифровые комбинации не сыпались друг за другом с такой частотой. Сердце тяжело забилось. Да, на этот раз в письме не было цифровой комбинации. «Вы ждете месье Белливье? Давайте встретимся в четыре часа у стойки в холле. Вам надо оставить на месте компьютер, запереть дверь и взять с собой ключ». То есть мне надо было просто запереть дверь и уйти. Ничего больше от меня не требовалось. Через сорок семь минут я с кем-то встречусь. Может быть, с месье Белливье. Однако, может быть, и с кем-то другим. Это будет конец, заключительный аккорд.

В моем распоряжении был почти час на то, чтобы подготовиться к уходу, но я умудрилась не уследить за временем и, когда взглянула на часы, обнаружила, что опаздываю уже на целых пять минут. Мне стало холодно, что всегда служило признаком волнения. Я заперла дверь и еще раз проверила, лежат ли дневники Юдифи в сумке. У стойки в холле было необычно много народа. Наверное, из-за того, что была пятница и многие уходили с работы раньше обычного. Некоторые просто спустились попить кофе. Мне вдруг пришло в голову, что сейчас может не сработать мой

магнитный пропуск. Он запрограммирован на определенную дату и время, а я опоздала на целых шесть минут. Тем не менее карточка сработала, и на турникете зажегся зеленый индикатор. Я сразу почувствовала, что на меня кто-то смотрит, но не могла понять, с какой стороны.

Я села на одну из скамеек у окна. Здесь человек, назначивший мне встречу, мог легко меня увидеть.

— Хавьер Росси, — вежливо представился подошедший ко мне мужчина.

Человек, которого я встретила в кафе несколько недель назад, улыбнулся, и мы пожали друг другу руки.

Я встала и тоже представилась:

— Хелена Фоласаду.

— Как вы себя чувствуете?

Я не вполне поняла вопрос и недоуменно посмотрела на месье Росси.

— Как вам ощущение свободы?

Я не знала, что ответить на этот вопрос. Я не получила пока никаких объяснений и поэтому не могла считать себя свободной. Кажется, Хавьер это понял.

— Может быть, мы начнем с самого важного?

Он раскрыл черную папку и извлек оттуда чек

на сумму, проставленную в контракте.

— Это вам. И это тоже.

Он достал из папки еще один чек, но потом почему-то убрал их обратно.

— Наверное, сначала мне надо все вам объяснить. Первый чек — это ваше вознаграждение. Он ваш. Эта сумма просто будет вам выплачена. Потом вы получите второй чек, но его, или, точнее сказать, деньги, вы должны использовать.

Он тяжело вздохнул.

— Я не умею объяснять, несмотря на то что тренировался дома.

Неуверенность загнала его в ловушку, из которой он теперь изо всех сил пытался освободиться. Я устала ждать; мне надо было получить ответы на главные вопросы.

— Понимаете, у меня было такое же задание, как и у вас. Это было нечто похожее на… ну, скажем, письма счастья. Теперь вам надо найти своего преемника. Первый чек — это ваше вознаграждение. Потом вы получите еще один чек. Его вы должны определенным образом использовать. Каждый день ваш преемник должен что-то получать.

— Цветы?

Он кивнул.

— Но в принципе это может быть что угодно.

— Что получали вы?

Я и сама не поняла, зачем об этом спросила. У меня были наготове куда более важные вопросы, но по какой-то причине я пыталась избавиться от загадочности происходящего.

— Бутылки вина.

— Я бы сказала, что цветы полезнее.

— Да, вы правы. Мне осточертело это красное бордо.

Мы рассмеялись. Было такое впечатление, что мы играли в какую-то настольную игру, передвигали фишки, увязая в этой бесконечной игре.

— Таким образом, вы должны решить, кто станет вашим преемником и что он или она будут получать каждый день после работы.

Я обратила внимание, что чек подписан месье Белливье, однако строка с именем получателя пустовала.

— То же самое и здесь. — Он вынул из портфеля конверт и протянул его мне: — В этом конверте запасной ключ, который остается у вас, и контракт. В нем проставлена дата начала и окончания работы для человека, которого вы выберете. Вы приходите с этим новым человеком в холл, подходите к девушке за стойкой и получаете для

этого человека магнитный пропуск. Ваш пропуск вы сохраняете. В последний день вы приходите сюда в шестнадцать часов, как я, и забираете вот такой файл у девушки за стойкой. В файле будут два чека и новый контракт. Теперь вы получили все, что вам нужно. Всю информацию. Следовательно, вам надо найти новичка и привести сюда. Вы знаете, как это сделал я. Однако можете поступать так, как посчитаете нужным.

Месье Росси умолк.

— Кто этот месье Белливье?

Он пожал плечами:

— Я знаю так же мало, как вы.

— Но на чеке стоит его адрес.

— Я знаю. Я побывал по этому адресу, но там не оказалось человека с такой фамилией.

— Кто может это знать?

— Что вы имеете в виду?

— Может быть, женщина в приемной, за стойкой?

— Не знаю, а вы как думаете?

— Она знает. Иначе как бы она могла каждый день передавать цветы или вино? Или, например, уборщица?

— Мне думается, что мы все совершаем действия, сути которых не знаем, не понимаем, к

чему они могут привести. Думаю, что в этой жизни все мы в конечном счете занимаемся бессмысленной работой, что бы при этом ни делали. По сути, мы все — наемники месье Белливье.

Я смотрела на эти вещи несколько по-другому. Но я понимала, что у него было больше возможности размышлять о времени, проведенном в «Ареве». Мне это лишь предстояло.

— Что вы теперь обо всем этом думаете? — спросила я.

— Не знаю. Наверное, я понял, что человек повязан проклятым долгом управлять своим опытом. Не надо совершать ничего героического для того, чтобы им воспользоваться. Не надо оказаться на волосок от смерти для того, чтобы ценить жизнь. Сегодня вечером я уезжаю в Чили. Мне предстоит долгое путешествие. Мысль об этом путешествии возникла у меня в то время, когда я пересылал дальше какие-то бессмысленные сообщения. Теперь я понимаю, что должен уехать туда. Там живет мой биологический отец.

— Ну, я не знаю, чему меня научило все это или как я смогу использовать этот поистине бесценный опыт, — язвительно произнесла я.

— Напишите книгу.

Мы направились к вращающейся двери.

— Мадам!

Девушка за стойкой улыбнулась, и я получила букет цветов.

Месье Росси и я вышли под дождь.

— Мне туда, — сказал месье Росси и махнул рукой в сторону стоянки такси.

— Это вам, — торжественно произнесла я и протянула ему букет.

— Нет, это грех, тем более что я уезжаю.

— Мы все куда-нибудь уезжаем.

Он все же взял в конце концов букет и прыгнул в такси.

Прежде чем покинуть здание «Аревы», я еще раз бросила взгляд на стойку и вдруг увидела знакомую уборщицу, которая вытряхивала в бак мусор из корзины. Она подняла голову, но из-за ее косоглазия я не смогла понять, смотрит она на меня или нет. Я решила, что должна с ней попрощаться.

— Добрый день. Мне очень хотелось бы с вами попрощаться. Я больше сюда не приду.

Она взглянула на меня и одарила взглядом, который означал, что мне не стоит совать свой нос куда не следует.

* * *

Тарик, как обычно, врывается в магазин. Если бы он знал, какой день ему предстоит, думает Мансебо и кладет под кассу полученную утром почту.

— Привет, брат. Слушай, прежде чем ты унесешься к себе, я хотел бы попросить тебя об одном одолжении.

Тарик останавливается, кладет руки на прилавок и с нетерпением ждет продолжения.

— Амиру нужно сегодня ненадолго позаимствовать у тебя компьютер. Я не знаю, точно зачем, но думаю, что он хочет узнать результат экзамена. Он сдавал английский на право учиться за границей. Компьютер можно взять в библиотеке, но там большая очередь, а он не может ждать. Ничего, если он ненадолго зайдет к тебе до обеда?

Тарик облегченно вздыхает, словно ожидал чего-то совершенно другого, куда менее приятного.

— Конечно, мне будет приятно помочь парню, ты же и сам это знаешь.

— Спасибо.

— Но послушай, почему бы тебе не купить компьютер? Ты же знаешь, что Рафаэль с удовольствием тебе в этом поможет. Твоему парню

давно пора иметь дома Интернет.

— Да, думаю, что время пришло, — соглашается Мансебо и улыбается.

Тарик машет рукой на прощание и убегает. Мансебо берет нож и вскрывает первый конверт.

•

Приближается время обеда, когда появляется Амир. Все происходит очень быстро. Слишком быстро для того, чтобы Мансебо мог проследить за событием. Мансебо обслуживает старую даму, когда Амир машет ему с противоположной стороны бульвара. Одновременно с выслушиванием жалоб на старческие немощи Мансебо должен следить за тем, что происходит у сына. Когда дама наконец уходит, Мансебо видит, что Амир уже сидит в каптерке Тарика перед компьютером. Тарик сидит там же и занимается какими-то своими делами. Иногда он встает, подходит к Амиру, тычет пальцем в экран и что-то говорит. Оба смеются. Мансебо начинает нервничать. Если Амир не получит пароль, то весь план рухнет. Мансебо понимает, что затеял очень серьезную игру.

В магазин начинает проникать вездесущий запах еды. Наступает время обеда. Амир встает и отходит от компьютера. Тарик и Амир обмени-

ваются несколькими словами, после чего Амир выходит на бульвар. Мансебо близок к отчаянию. Но в этот момент Амир нагибается и начинает завязывать шнурки кроссовок. Это условный знак. Амир выполнил поручение отца. Теперь предстоит следующий этап. Мансебо запирает лотки с фруктами и овощами, а Тарик, бросив взгляд на кузена, понимает, что настало время обеда.

Все уже сидят за столом, когда Мансебо входит в комнату. Амир не обращает на отца ни малейшего внимания, чтобы ни у кого не возникло подозрений, что они в заговоре. Собственно, пока здесь некого разоблачать. Игра только началась. Фатима отгоняет нахальных мух, норовящих сесть на стол.

— Нам надо сегодня купить продукты.

Фатима обращается к Адели. Один раз в неделю они ходят во «Франпри», беря с собой сумки на колесиках. В магазине они покупают все, что Мансебо не привозит из Рунжи. Это единственное, что женщины делают вместе, если не считать походов в хамам по воскресеньям. Ну и разумеется, не считая совместных завтраков.

Амир бросает взгляд на отца, и Мансебо понимает почему. Он боится, что домашние хлопоты Фатимы и Адели сорвут их план. За последние

недели Мансебо развил у себя способность быстро соображать, и не успевает Фатима договорить до конца, как он уже понимает, что новая информация ничего не изменит. Наоборот, это очень хорошо, что Фатима и Адель исчезнут из дома на целый час. В худшем случае они вернутся, когда Амир будет в сапожной мастерской. В таком сценарии не будет ничего катастрофического.

Их план предусматривал даже самый худший, хотя и маловероятный вариант — если Тарик вдруг раньше времени вернется из «Ле-Солейль». Если дело повернется так, то Мансебо воспользуется мобильным телефоном и позвонит в мастерскую. Мансебо спокойно и уверенно кивает, надеясь, что Амир правильно истолкует его жест и успокоится. Амир действительно облегченно вздыхает и принимается за свежий хлеб.

Обед протекает сравнительно безболезненно для Мансебо. Он с аппетитом ест, хотя ему хватает о чем думать и помимо еды. Но когда на стол ставят апельсины, спокойствие и хорошее настроение покидает Мансебо.

— Пирожных сегодня не будет? — громогласно спрашивает Тарик, глядя на апельсины.

— Нет, должен же хоть кто-то в этом доме думать о здоровье. Здесь и так много курят и все

время едят пирожные. Надо лучше о себе заботиться. Вы уже не наивные юноши, пышущие здоровьем. Меньше сигарет и больше фруктов — от этого никому не будет вреда.

Фатима режет апельсины на дольки, кладет их в большое блюдо и идет по кругу, раздавая дольки, как медсестра в больнице раздает лекарства. Внезапно у Мансебо появляется ком в горле. Каждый раз, когда Фатима бьет его по пальцам за попытку взять сигарету сверх положенного ему табачного рациона, он воспринимает это как унизительный удар в лицо. «Почему она так ко мне относится? Почему моя семья все от меня скрывает?» Тарик криво усмехается, когда блюдо с апельсинами доходит до него, и берет себе целую горсть.

Блюдо доходит до Мансебо. Оранжевые дольки, словно противные рожи, ухмыляясь, смотрят на него. Эти рожи смеются над ним, потому что его держат в неведении относительно того, что происходит в его собственном доме. Эти рожи орут, что его обманывают. Все знают тайны Фатимы. И все недавние разговоры сводились к тому, что все смеются над неведением Мансебо. Он прекрасно все это понимает. Мансебо берет блюдо у Фатимы, как будто она сама уже не в состоянии

обойти стол, и передает его Адели, не взяв себе ни одной дольки. Адель вопросительно смотрит на Мансебо. Она не понимает, почему он ничего не взял, но молчит. Мансебо благодарен ей за это, потому что никто больше не заметил, что он отказался от десерта.

В магазин входят двое детей — мальчик и девочка. Мансебо здоровается с ними и улыбается. Он отлично знает, зачем они пришли. Он уже научился узнавать тех, кто приходит к нему за китайскими записными книжками. Звонит телефон. Мансебо берет трубку. Кто-то предлагает ему купить аппарат для приема платежей по банковским картам.

— Нет, спасибо, у меня есть такой аппарат, и он прекрасно работает, но у вас, случайно, нет аппарата для проверки купюр?

В трубке повисает тишина.

— Аппарат, — продолжает Мансебо, не дождавшись ответа, — который помог бы отличить настоящие купюры от фальшивых.

— Нет, я звоню из компании «Себекс», и мы производим только аппараты для обслуживания карт.

— Вы не могли бы сказать, куда мне обратиться, чтобы купить тот аппарат, который мне нужен?

— Нет, месье, я ничем не могу вам помочь.

— Тем не менее спасибо, и удачного вам дня.

Мансебо поворачивается к детям:

— Вы, конечно, хотите получить две записные книжки? Я прав?

Дети дружно кивают. Мансебо наклоняется и роется на полке под кассой. Книжек осталось очень мало. Он берет книжки с драконом и тигром и кладет их на кассу вместе со жвачкой, которую купили дети. Они расплачиваются и выбегают на улицу. При этом они едва не сбивают с ног Фатиму и Адель, которые стоят на тротуаре, собираясь идти во «Франпри». Мансебо понимает, что это шанс, который нельзя упускать. Тарик вышел из мастерской, чтобы помахать жене с противоположной стороны тротуара. Мансебо тоже выходит из магазина.

— Что скажешь, брат, не стоит ли нам последовать примеру наших жен и тоже уйти из дома?

Мансебо не привык надрывать глотку, перекрикиваясь через улицу, но сейчас у него просто нет иного выбора. В принципе для выпивки еще рановато, но нельзя выпускать из рук такое удачное стечение обстоятельств. Амир сможет спокойно и без помех выполнить поручение отца.

Прежде чем они с Тариком свернули к бару

«Ле-Солейль», Мансебо оборачивается и смотрит на окна своей квартиры. Амира он не видит. Мансебо овладевает беспокойство. Не пропустил ли Амир момент, может быть, он не заметил, что Тарик покинул мастерскую? Но ведь возможно, что он уже все понял и сразу пошел к Тарику, чтобы не тратить даром ни одной секунды драгоценного времени? В «Ле-Солейль» Мансебо изо всех сил тянет время, втянувшись в бессмысленный разговор с Франсуа о пенсионной реформе.

— Нас эта реформа ни черта не касается, потому что мы не ездим ни на автобусах, ни на поездах, — ворчит Тарик, которому уже не терпится вернуться в мастерскую.

Мужчины благодарят Франсуа и выходят на улицу, окунаясь в вечерний зной.

•

Во второй половине дня Тарик дважды закрывает мастерскую и садится в своей каптерке перед компьютером. Мансебо не затрудняет себя размышлениями о том, чем занимается Тарик, рассчитывая, что вечером все узнает, так зачем, спрашивается, тратить силы на гадание на кофейной гуще? Сейчас надо подумать и о работе. Никто же не оплачивает ему слежку за кузеном.

Тарик, возможно, заподозрит, что в мастерской кто-то был. Мысль об этом тоже приходит в голову Мансебо, но он отгоняет и ее. Догадается об этом Тарик или нет, не играет никакой роли. Амир скажет, что забыл у него в каптерке книгу, и заходил, чтобы ее забрать. Запасные ключи от обувной мастерской лежат в квартире. Амира Тарик ни в чем не заподозрит. Тем более никто не заподозрит в слежке старика, который сидит на улице у входа в свою бакалейную лавку. Наружность людей часто бывает обманчивой.

За ужином, после каждого возвращения женщин из супермаркета с покупками, повторяется один и тот же сценарий. Стол буквально ломится от разнообразных яств. Вместо каши овощные салаты, вместо жирных соусов легкие приправы на йогурте. Венчают ужин котлеты из тунца, который не имеет ничего общего со своими сородичами из консервных банок.

— Это же полная противоположность фейерверку, — говорит Тарик, попробовав один за другим все поставленные на стол деликатесы.

Адель смотрит на мужа, явно не понимая, что он имеет в виду.

— Я имею в виду, что фейерверк начинают с нескольких пробных залпов, а потом уже палят

на всю катушку. Но вы поступили наоборот. Вы пошли в магазин за большими покупками, а все кончилось очень скромным ужином.

Адель ждет, что скажет Фатима, и она не подкачала и не полезла за словом в карман.

— Что хочет сказать твой муженек? Он хочет сказать, что недоволен едой? Если это так, то пусть сам готовит себе ужин.

Фатима злится, так как хочет преподать урок Тарику. Но Фатиму трудно понять. Она может выглядеть очень злой, даже когда шутит. Тарик ищет поддержки у Мансебо, но не находит. Мужчины не объединяются, в противоположность женщинам, а один из мужчин, Амир, кажется, вообще не интересуется тем, что происходит за столом. Молчаливый и бледный, он машинально накладывает себе салат из авокадо.

Вид Амира вызывает у Мансебо смешанные чувства. Первое чувство — это облегчение, так как он понимает, что сыну удалось выполнить поручение. Судя по всему, Амир что-то нашел. Однако Мансебо все же волнуется, так как не знает, как именно Амир обо всем ему расскажет.

Амир внезапно встает из-за стола, благодарит за ужин и идет к двери, несмотря на то что Фатима и Адель еще едят.

— Я что-то неважно себя чувствую. Думаю, мне надо пойти и немного поспать, если вы не против.

Никто не обращает внимания на слова Амира. Фатима бормочет что-то насчет того, что экзамен по английскому языку выпил из Амира все соки, а Адель желает Амиру доброй ночи, когда он выходит из комнаты и из квартиры. Сначала Мансебо думает, что Амир специально притворился нездоровым, чтобы раньше времени выйти из-за стола. Они, правда, заранее ни о чем не договаривались, но, может быть, Амир хочет, чтобы отец последовал за ним и у них было бы время для разговора. Но чем больше Мансебо раздумывает, тем больше ему кажется, что Амиру на самом деле нездоровится. Связано ли это с тем, что делал Амир у Тарика, Мансебо не знает.

Некоторое время Мансебо продолжает сидеть, потом встает, извиняется и говорит, что хочет проведать сына. Никто и не думает удивляться. Мансебо уходит в разгар дискуссии об утилизации промышленных отходов.

В квартире темно. Прежде чем пойти в комнату Амира, он останавливается в гостиной и смотрит на темные окна квартиры напротив.

— Черные, черные, как черная кошка, окна, —

шепчет он самому себе, не зная зачем.

Потом он переводит взгляд на розовую блестящую птичку на комоде, а затем решительным шагом идет к закрытой комнате Амира и стучится в дверь. Ответа нет. Мансебо почти уверен, что Амир спит. Наверное, он и в самом деле заболел. Но это может означать, что он не выполнил поручения.

Мансебо не может ни в чем обвинить сына, ни в коем случае не может. Он и сам знает, что потребовал от Амира слишком многого. Слишком тяжкую ношу взвалил он на хрупкие плечи сына. Мансебо стучит в дверь еще раз. Ответа опять нет. Охваченный тревогой, Мансебо дергает за ручку и, к своему удивлению, обнаруживает, что дверь заперта. Он не помнит такого случая, чтобы Амир когда-нибудь запирал дверь своей комнаты. В их квартире вообще не принято запирать двери. Даже туалет не запирается, на что не раз жаловались гости. Мансебо снова стучится:

— Амир, ты здесь?

В комнате тихо. Никто не отозвался на стук. Мансебо стучит сильнее и прислушивается. Единственное, что он слышит, — это смех Адели, долетающий со второго этажа.

— Амир, дорогой мой, открой, я очень волну-

юсь.

Когда Мансебо выходит на кухню, чтобы взять топор и взломать дверь, она неслышно открывается. Мансебо видит, как Амир, не говоря ни слова, поворачивается к нему спиной и идет к кровати.

Амир неподвижно лежит в постели и безучастно смотрит в потолок. Мансебо начисто забывает о своем задании, он безумно рад, что видит сына. Он садится на кровать, несколько секунд колеблется, а потом нежно гладит Амира по щеке. Мансебо боится, что сын отпрянет от него из-за этого жеста, но Амир этого не делает, наоборот, он придвигается к отцу.

— Как ты себя чувствуешь?

Амир не отвечает, но щеки его постепенно приобретают свой естественный цвет. Мансебо видит, что сын очень зол.

— Почему ты заперся?

Амир садится и вперяет в отца обвиняющий взгляд.

— Наверное, нам всем пора запираться.

Амир встает и подходит к окну. Мансебо молчит, он понимает, что Амиру нужно время, чтобы собраться с мыслями. Потом Амир оборачивается, подходит к кровати и садится рядом с Мансе-

бо. Он делает попытку улыбнуться, но улыбка получается довольно жалкой. Амир собирается заговорить, но передумывает, встает, подходит к письменному столу, выдвигает ящик, глубоко запускает в него руку и извлекает оттуда китайскую записную книжку. Сначала Мансебо не реагирует, он уже привык к таким книжкам, так как видит их каждый день, но потом настораживается. Амир сразу понимает, в чем дело.

— Ой, прости, я увидел несколько таких книжек под кассой и взял одну на задание. Я поступил неправильно?

Мансебо быстро берет себя в руки и с гордостью смотрит на сына. Конечно, для выполнения важного задания нужна записная книжка. Шум разговора на втором этаже успокаивает обоих. Он означает, что они могут без помех поговорить. Амир раскрывает записную книжку, но потом снова ее закрывает.

— Сначала я скажу, что все прошло так, как мы и планировали. В первой половине дня я пришел в обувную мастерскую, и Тарик сразу изъявил готовность помочь мне. Я притворился, что мне надо открыть страничку школы, чтобы узнать результат экзамена и все такое прочее. У Тарика были клиенты, и я поэтому не успел подсмотреть

пароль, который он ввел. Я как будто случайно выключил компьютер. Он шепнул, что пароль лежит под клавиатурой. Это не очень умно.

Амир молчит, но Мансебо кивает, чтобы показать сыну, что он следит за его рассказом и что Амир может продолжать.

— Да, в самом деле, там оказался пароль. Он довольно часто меняет пароли, но просто стирает старый пароль и записывает новый. Странно, что он так часто их меняет…

— Что у него за пароли?

Амир листает записную книжку и находит нужную страницу. На ней около тридцати паролей.

— Здесь все его пароли.

Мансебо сжимает губы и снова кивает. Он горд за своего маленького товарища, который умеет сохранять хладнокровие в самых трудных ситуациях. Мансебо прочитывает все пароли еще раз и недоуменно чешет затылок. Доха. Аль-Кахира. Бамако. Уагадугу. Дубай. Рияд. Пенза… Мансебо снова чешет затылок. Амир видит, что у отца трудности с географией, и приходит ему на помощь.

— Большинство паролей — названия городов арабского мира, но среди них есть города Африки, и один раз встречается название города

в России.

Названия впечатляют Мансебо, однако он понимает, что все это ни на йоту не приближает его к ответу на главные вопросы. Может быть, кузен брал их с карты, которая, вероятно, лежит у него в мастерской.

— Прежде чем уйти домой, я нарочно оставил у Тарика книгу. Потом вернулся домой и стал ждать, когда мама и Адель пойдут в магазин. Когда они вышли, я открыл окно и услышал, как ты зовешь Тарика в «Ле-Солейль». Удача улыбнулась нам.

Мансебо улыбается счастливой, почти детской и немного глуповатой улыбкой.

— Когда вы скрылись из вида, я вернулся в обувную мастерскую.

Амир молчит, словно одно только воспоминание о мастерской вызывает у него страх.

— У меня не было никаких проблем с включением компьютера. Тарик очень небрежно хранит свои документы, он их даже не кодирует.

— Документы?

— Да, документы, то есть всю информацию, которая хранится в компьютере. Конечно, мне пришлось потрудиться, чтобы сложить этот пазл, но, думаю, я нашел все, что ты хотел знать. Даже

ключ от сейфа просто висел на стене. Там оказались две обувные коробки и…

Они услышали, как открылась дверь квартиры.

— Цыпленочек, как ты себя чувствуешь?

Это голос Фатимы. Амир закрывает записную книжку и быстро протягивает ее отцу.

— Здесь все написано. Сначала вся информация, а потом кое-какие мои обобщения. Ты все поймешь.

Фатима открывает дверь комнаты Амира и просовывает в щель голову. Золотые серьги качаются в такт с произносимыми ею словами.

— Как ты себя чувствуешь, мой маленький цыпленочек? Нам еще надо было помыть посуду, но ты плохо себя чувствуешь, и я сказала Адели, чтобы она сама помыла тарелки. Ты ничего не хочешь? Может быть, принести тебе чашку чая?

Амир энергично трясет головой.

— Я просто очень хочу спать, у меня сегодня был трудный день.

Мансебо закрывает записную книжку, которую он читал, сидя в кресле у окна. Давно он не читал ничего подобного. Отчет Амира был похлеще иного криминального романа. Всю эту информацию сын отыскал в компьютере Тарика.

Последние записи потрясли Мансебо до глубины души. Описание Амиром того, как он открыл сейф, вынул оттуда две обувные коробки и что он в них нашел, могло послужить сюжетом захватывающего детектива.

Мансебо судорожно сглатывает. Теперь он понимает, почему Амир запер свою дверь. Мансебо знает, что в его распоряжении минуты или даже секунды до того, как войдет жена. Потрясение, которое поразило Амира несколько часов назад, теперь острыми когтями вцепилось в душу Мансебо. В книжке было много неприятного и отвратительного о его близких. «О, великий Боже, и я родственник этого типа», — думает Мансебо и смотрит на обувную мастерскую, которая после наблюдений Амира выглядит теперь в глазах Мансебо совершенно не так, как раньше. Он даже думать не хочет о том, как теперь будет встречаться со своим кузеном.

Прежде чем резко открывается дверь и входит Фатима с кастрюлями, Мансебо решает, что лучший выход — это немедленно пойти спать. Это единственное, что может дать ему время на раздумье до того, как занавес поднимется и начнется представление. И это не простое сравнение. Спектакль — все, что происходит в этом доме. Все

играют свои роли. Фатима — роль тяжко работающей женщины, у которой нет времени даже на то, чтобы позавтракать, у которой аллергия на табачный дым. Она играет роль верной жены, которая никогда не изменит мужу ни с кем, особенно с табачным торговцем. Но за сценой она совершенно другая. Тарик играет роль довольного жизнью сапожника, который тачает обувь и делает ключи, а на самом деле торгует оружием. Поэтому вся его каптерка усеяна окурками, а в обувных коробках лежит отнюдь не обувь.

— Это все, что я пока знаю, но это еще не все, — тихо бормочет Мансебо себе под нос.

«Я бы никогда не узнал правду, если бы не вскрылась вся эта мерзкая история», — думает Мансебо, глядя в потолок. Рядом храпит Фатима. Потом Мансебо слышит, как Амир выходит на кухню налить себе стакан воды. Он не знает, делает ли это Амир из желания убедить Фатиму в том, что мальчик и в самом деле болен, а возможно, и в самом деле просто не может уснуть, и последнее было бы совершенно естественно после всех сегодняшних событий.

До рассвета Мансебо успевает вспомнить свое детство и юность, понять, как Тарик постепенно становился таким, каков он теперь. У родителей

Тарика был молокозавод и несколько сотен магазинов в Тунисе. Они были богатые и уважаемые люди. «Но что я могу об этом знать, — думает Мансебо и закладывает руки за голову. — Может быть, эти магазины были забиты контрабандой».

* * *

Этот квартал был для меня совершенно чужим. У всех парижан есть почти незнакомые им районы, где они очень редко бывают. Город со временем меняется и растет. Сакре-Кёр возвышается над горизонтом всей своей громадой. Эта белоснежная церковь стоит в незнакомом для меня районе, на Монмартре.

Для многих туристов это слово является синонимом Парижа. Это историческая часть города, но я воспринимаю ее как нечто созданное для современности, как квартал, сотворенный как кулисы, изображающие давно прошедший век, когда танцовщицы неистово подбрасывали вверх свои юбки перед пьющим абсент Тулуз-Лотреком, создававшим искусство афиши.

По бульвару, громко гудя, неслись машины. Я не знала, чего ждала от этого места, но, наверное, чего-то более интимного. У меня не умещалось в голове, что этот Белливье мог жить на большом

бульваре. Я шла, держа в руке чек, словно это был навигатор. Адрес я выучила наизусть. Я разглядывала его часами, так что могла бы со спокойной совестью положить чек в сумку, но почему-то продолжала держать его в руке.

Я обнаружила, что иду по нечетной стороне бульвара, и перешла на противоположную сторону, где стояли дома с четными номерами. Розовая вывеска с изображением туфельки служила мне путеводной звездой. Это был дом номер семьдесят восемь, и в нем располагалась обувная мастерская. Дверь мастерской была закрыта. Я осторожно заглянула в окно. Там внутри кто-то был. Неужели месье Белливье окажется сапожником?

Я постучала в дверь. Человек в помещении пошевелился, но было похоже, что ему нет никакого дела до моего стука. Я постучала еще раз, более настойчиво. Крепкий мужчина на этот раз решил выйти. Несмотря на то что он лишь немного приоткрыл дверь, в нос мне сразу ударил запах химикатов, кожи и табачного дыма. Сапожник молчал и лишь внимательно смотрел на меня. Я положила чек в сумку.

— Доброе утро. По этому адресу должен проживать месье Белливье. Может быть, вы знаете,

кто это?

Сапожник одарил меня взглядом, смысл которого было очень трудно понять. Потом улыбнулся странной улыбкой, но продолжал молчать.

— Вы не месье Белливье?

Мужчина вытер пот со лба.

— Нет, это не я, и мне незнаком человек с таким именем, но вы не первая, кто спрашивает о нем. Наверное, мне стоит повесить на мастерской объявление: «Здесь нет месье Белливье».

— Да, наверное, так и следует поступить, потому что, скорее всего, я не последняя, кто вас об этом спрашивает.

— Кто такой этот месье Белливье? Почему все за ним бегают и зачем его ищут? Между прочим, я не очень хочу это знать, не хватало еще мне впутаться в это безумие.

— Может быть, вы знаете, кто живет на втором этаже?

— Никто. Квартира пуста. Какая-то аптека использует ее под склад.

— А на третьем этаже?

— Не имею ни малейшего понятия. Кажется, какая-то пара.

Я постаралась рассмотреть, что находилось за спиной у сапожника. Может быть, смогла бы уви-

деть нечто изобличавшее этого человека во лжи, нечто, говорящее о том, что он и есть тот, кого я искала. Но за его спиной я не увидела ничего, кроме обычной обувной мастерской.

— Но вы месье Белливье, разве нет?

Это был мой последний шанс. Я ничего не теряла от этой отчаянной попытки. Человек прищурил глаза.

— Мадам, я не знаю, какие у вас проблемы, но мастерская еще не открыта, и я ничем больше не могу вам помочь. Вам это ясно?

— Ясно, но все равно спасибо.

Человек изобразил на лице фальшивую улыбку и закрыл дверь. Оставалась еще одна возможность, поискать месье Белливье на верхнем этаже. На той же стороне дома, где располагалась мастерская, я увидела пожарную лестницу. Я снова достала из сумки чек — как оправдание моих действий. Лестница была старая и ржавая, но в ней было какое-то неизъяснимое очарование. Наверное, потому, что это была необычная деталь парижского городского пейзажа. Такие пожарные лестницы часто встречаются в Америке, для Парижа они необычны. По какой-то странной причине мне вдруг показалось, что я иду по верному следу, когда начала подниматься

по лестнице.

Здесь, высоко над бульваром, у меня появилось то ощущение интимности, которого мне так не хватало, когда я выходила из метро. Именно здесь, и только здесь, мог жить месье Белливье. Я стояла перед дверью, на которой не было таблички с именем. Неужели за этой дверью и находился таинственный месье Белливье? Я окинула взглядом бульвар и постучала в дверь. С каждым ударом сердце билось все чаще и тревожнее. Может быть, именно так месье Белливье заманивает к себе своих жертв? Пустующую квартиру на втором этаже можно было использовать для чего угодно. Может быть, после аптечного склада там остались какие-нибудь неаппетитные лекарства. Фантазия унесла меня в заоблачную даль. Может быть, у сапожника была потайная лестница, которая вела непосредственно сюда.

Я отступила на шаг. Одной рукой ухватилась за перила, а другой продолжала держать чек, размахивая им, словно белым флагом. Но никто мне не открыл. Однако это ничуть не уменьшило мою нервозность.

Я постучала еще раз, а потом спустилась на один этаж. Дверь выглядела так, как будто ее не открывали уже много лет. Но я на всякий случай

все-таки постучала. Пустые квартиры в Париже — большая редкость, что делало эту квартиру еще более интересной.

Вдоль мастерской, по уровню второго этажа тянулся узкий, крытый железом козырек. Уж поскольку я пришла, надо было использовать и этот шанс. Если я зайду на этот козырек, то смогу заглянуть в пустую квартиру. Не думая о возможной опасности, я пролезла под перилами и ступила на козырек. Каждую секунду я ожидала, что меня сейчас кто-нибудь окликнет, и не знала, что на это отвечу. Какая-то пожилая женщина удивленно воззрилась на меня, но промолчала и продолжила свой путь по тротуару. Наверное, она испугалась, что ей придется что-то делать в случае, если я вдруг упаду. Мне, однако, удалось благополучно добраться до первого окна, откуда была видна вся квартира. Действительно, она оказалась совершенно пуста. Не было никаких следов ни людей, ни вещей. Я медленно двинулась в обратный путь к лестнице, как к островку безопасности. Решила не смотреть под ноги, пока не дойду до лестницы и не окажусь в безопасности. Руки мои были мокры от пота, и это наполнило меня радостью. Значит, тяги к смерти у меня нет.

Добравшись до лестницы, я обернулась и, как ни в чем не бывало, оглядела бульвар. Страшный сценарий, который я себе нарисовала — что под лестницей, у меня под ногами, собралась группа людей, — к счастью, не оправдался. Но у входа в бакалейную лавку на противоположной стороне бульвара стоял какой-то человек в синей куртке и рассматривал меня в бинокль.

Мужчина, всего несколько секунд назад смотревший на меня в бинокль, стоял ко мне спиной, когда я вошла в его магазин. В нем пахло какими-то неизвестными мне специями.

— Добрый день.

Мужчина обернулся.

— Чем могу быть вам полезен в такую жару? — спросил он.

— Ну… я хотела бы кое-что разузнать о человеке, который живет в доме напротив.

— В доме напротив?…

— Да, в доме номер семьдесят восемь.

— Нет, к сожалению, я не могу вам этого сказать.

— Хорошо… Но, видите ли, я заметила, что вы смотрели на меня в бинокль.

Я поняла, что подошла к истине ближе, чем когда-либо. Маленький человек посмотрел на

меня и удивленно вскинул брови.

— Это вы месье Белливье?

— Нет.

Человек произнес слово «нет» так отчетливо и многозначительно, словно отвечал на вопрос прокурора на судебном процессе, и ему было важно убедить всех присутствующих, что никогда, ни при каких обстоятельствах и ни за что на свете он не является человеком по имени месье Белливье. Он отрицал все так горячо, что я не стала спешить вычеркивать его из списка подозреваемых.

— Вы не знаете человека с таким именем?

Человек снова принялся все отрицать, на этот раз слишком уверенно для того, чтобы быть убедительным.

— Ну ладно, но вы стоите с биноклем и смотрите на меня. Вы всегда рассматриваете людей в бинокль?

Человек ненадолго задумался.

— Меня зовут Мансебо.

Я назвала ему свое имя.

— Почему для вас так важно знать, кто живет в квартире напротив? — серьезно спросил месье Мансебо.

У меня не было выбора. Если я хотела чего-то большего, то сейчас у меня появился на это шанс,

но взамен мне надо было что-то дать этому человеку. Похоже, он тоже хотел мне рассказать. Он вдруг встал и взял в обе руки по скамеечке.

— Давайте сядем на улице и немного поговорим.

Он поставил одну скамеечку на привычное место, что было видно по следам на асфальте, но потом передумал и переставил ее. Он проделывал это трижды. Видимо, у него навязчивые идеи, подумалось мне. Я опустила на глаза темные очки и села рядом с ним. Было очень странно сидеть рядом с незнакомым человеком и смотреть на дом, в котором, возможно, проживал месье Белливье.

— Так мы не бросаемся в глаза, — пояснил месье Мансебо.

Я улыбнулась. Про нас можно было сказать все что угодно, кроме этой фразы. Два человека сидят под палящими лучами солнца и пристально рассматривают стоящее на противоположной стороне бульвара здание. Это, конечно, никому не бросается в глаза.

— Я расскажу, кто живет в доме напротив, если вы, мадам, в свою очередь расскажете мне, почему этим интересуетесь. Хорошо?

Он начал свой рассказ.

— Сапожника из мастерской зовут Тарик. Это

мой двоюродный брат. Этаж над мастерской пустует, в чем вы, вероятно, уже и сами убедились. Раньше там находился аптечный склад, а сама аптека расположена дальше по бульвару. — Он немного помолчал. — Над пустующей квартирой живет некий Тед Бейкер, английский писатель. Он живет здесь со своей женой.

Он снова сделал паузу, и я поняла, что теперь наступила моя очередь рассказывать.

— Да, это, пожалуй, немного сложно… Понимаете, я несколько недель работала на какого-то человека, который назвался месье Белливье. Я никогда его не видела, но у меня есть документ, на котором проставлен его адрес, и… я решила прийти сюда и лично с ним встретиться.

Некоторое время мы сидели молча, но потом я решила вытянуть из собеседника еще немного информации.

— Не выполняет ли ваш кузен какое-то тайное задание, которое вам, возможно, неизвестно?

Месье Мансебо промолчал и опустил голову.

— Не знаю. Возможно. В последнее время мы отдалились друг от друга.

— Что вам известно о Теде Бейкере?

— Немного.

— Почему вы сразу ответили «нет», когда я

спросила, не знаете ли вы, кто там живет?

— Потому что я работаю на жену Теда Бейкера, и для меня этот вопрос немного… скажем, деликатный.

— Как ее зовут?

— Мадам Кэт.

— Кэт. Это звучит довольно странно.

— Почему?

— Обычно замужние женщины носят фамилию мужа. Конечно, Тед Бейкер может быть псевдонимом, он пишет под этим именем… но Кэт звучит как-то сомнительно.

— Как вы говорите — псевдадим?

— Псевдоним. Писатель может писать под каким-нибудь вымышленным именем. Это обычное и распространенное явление. А вы работаете на мадам Кэт? И что вы для нее делаете?

Не было никаких сомнений в том, что месье Мансебо посовещался с самим собой относительно того, надо ли говорить мне правду или нет.

— Сколько лет вы уже торгуете в этом магазине?

Мне, собственно говоря, был не важен ответ, и вопрос я задала только для того, чтобы завоевать доверие месье Мансебо, немного сблизиться с ним. Однако он предпочел ответить на предыду-

щий вопрос.

— Мадам Кэт попросила меня следить за ее мужем. Она подозревает его в неверности.

Эта откровенность меня не особенно впечатлила, но я все же была удивлена. В каком-то смысле этот человек получил такое же странное задание, как и я. Это не простая случайность, что месье Белливье указывает как адрес своего проживания место, где происходят такие вещи. Я все больше и больше убеждалась в том, что тот человек, которого я ищу, — это мадам Кэт. Таким образом, знакомство с сидевшим рядом со мной человеком приобретало для меня особую важность. Он вдруг вздрогнул, резко поднялся и вышел вперед, заслонив от меня солнце. Обернувшись, он прошептал:

— Человек, который сейчас поднимается по лестнице, — это Тед Бейкер.

Месье Мансебо бросился в магазин и скоро вернулся с пульверизатором в руках. Склонившись над лотками с фруктами и овощами, он принялся обрызгивать их водой. В его поведении была заметна некоторая искусственность. Я внимательно наблюдала, как месье Бейкер вошел в свою квартиру. Что мне теперь делать? Подняться по лестнице и снова постучаться в дверь? Месье

Мансебо перестал поливать фрукты и снова сел на скамеечку рядом со мной.

— В чем заключается ваша слежка за ним?

— Я должен следить, когда он уходит и когда возвращается.

— Вы никогда не пытались последовать за ним?

— Один раз, на машине.

Я решила подождать еще немного, а потом все же подняться по лестнице и постучать в дверь еще раз. Но дверь очень скоро открылась, и Тед Бейкер вышел на лестницу. Я встала и улыбнулась Мансебо, глаза которого округлились от удивления.

— Что вы собираетесь делать, мадам?

— Я пойду за ним. Может быть, он намерен встретиться с женой, а я тоже очень хочу с ней познакомиться. Думаю, что она — это тот человек, которого я ищу.

— Вы собираетесь следовать за ним?

— Нет, я просто посмотрю, куда он направляется, а потом спрошу, не знает ли он месье Белливье.

Месье Мансебо недоуменно посмотрел на меня, но у меня не было времени выяснять причины его удивления. Месье Бейкер уже спустился на

тротуар, и я, покинув маленького бакалейщика, быстро перешла на противоположную сторону бульвара.

* * *

Париж просыпается нехотя. Активно бодрствуют одни только туристы. До возвращения домой они хотят успеть всюду — подняться на Эйфелеву башню, сделать покупки в Галерее Лафайет, сфотографироваться на фоне собора Парижской Богоматери, а кроме того, поесть улиток в какомнибудь ресторане, в каком — особого значения не имеет. У туристов нет времени ждать, пока город окончательно проснется. Они не чувствуют запаха свежего хлеба, сочащегося из вентиляционных систем булочных и пекарен. Они не видят зевающих после ночной смены таксистов. Они не присматриваются к мусорщикам, которые стоят в кузовах огромных автомобилей и опустошают один мусорный бак за другим, ловко управляясь с механизмами одной рукой. У них нет времени насладиться спокойствием бульваров крупнейшего города Европы. У них нет времени почувствовать город, который просто жаждет, чтобы его открыли.

Одним из тех, кто не имеет ни времени, ни

желания открывать Париж, является Мансебо. У него нет ни малейшего желания что-то узнавать, во всяком случае, из любопытства и добрых побуждений. Он сидит на своей скамеечке, выставленной на тротуар, и смотрит на незнакомую женщину, которая начала охоту на Теда Бейкера. Мансебо смотрит на стоящую рядом пустую скамеечку. Всего несколько минут назад эта женщина сидела здесь и выспрашивала, что он знает о мадам Кэт, Теде Бейкере и Тарике. До этого она стучалась в дверь мадам Кэт, а после того, как ей не открыли, как помешанная по карнизу добралась до окна и заглянула в пустую квартиру на втором этаже. Именно в тот момент Мансебо, впервые после нападения, воспользовался биноклем.

Мансебо тяжело переводит дух. Он хорошо помнит, что произошло тогда, после сильного потрясения. Это ни в коем случае не должно повториться. Никаких больше мигреней и психических срывов. Поэтому Мансебо возвращается в магазин и садится за кассу. Под несколькими счетами на полке под кассой лежит газета «Ле Паризьен», и Мансебо принимается ее листать, больше для того, чтобы вернуться к реальности, или, быть может, для того, чтобы отвлечься от

своей собственной реальности. Он долго изучает старый прогноз погоды, но не находит в нем ничего неожиданного. Переворачивает страницу и натыкается на гороскоп. «Телец: эта неделя будет полна событиями, которые приятно вас удивят. Финансы: неожиданный доход сделает вас богаче. Карьера: не настало ли время менять профессию? Любовь: если у вас есть супруг, то вам предстоит открыть в нем новые, неведомые вам стороны».

Мансебо никогда не верил в гороскопы, но сейчас изменил свое мнение. Он листает газету дальше. Теперь этот старый гороскоп не на шутку его пугает.

Амир не пришел на обед, и Мансебо никак не может решиться спросить, где он. В конце концов он все же набирается мужества. Все-таки он глава семьи и несет ответственность за то, что происходит в доме.

— Амир не придет обедать?

Вопрос обращен к Фатиме. Она должна знать.

— Он скоро придет. Они встречаются сегодня с Халедом. И скоро придут оба.

— Ему стало лучше?

— Думаю, да; во всяком случае, он весь день на ногах.

Открывается дверь, и входит Амир с футболь-

ным мячом под мышкой. Мяч он аккуратно кладет на ковер. Халед, войдя, закрывает дверь и здоровается со всеми, уже сидящими за столом. «Давно Халед не был у нас в гостях», — думает Мансебо. Он понимает, зачем Амир привел с собой гостя. Мансебо тоже был бы не прочь привести с собой друга, а не члена семьи, но не может даже представить, кто бы это мог быть, и сильно от этого расстраивается. Он не знает, кому из знакомых может доверять. Рафаэлю? Он слишком близок с Тариком. Франсуа? Пожалуй, он не имеет никакого отношения к темным делам Тарика, но кто может знать это наверняка? Мальчики садятся за стол. Амир садится в конце стола рядом с Фатимой. Это понятно — чем дальше от торговца оружием, тем лучше. Тарик шутит с Халедом и показывает ему фокусы с ложками.

— Побереги силы до вечера, — фыркает Фатима, обращаясь к Тарику. — Вечером нам надо составить план отпуска. Когда мы поедем, у кого остановимся и так далее. Не хочу, чтобы было как в прошлом году, когда мне пришлось звонить во все гостиницы, чтобы нам было где переночевать.

Адель согласно кивает. Мансебо вдруг приходит в себя и вспоминает, что забыл одну очень

важную вещь. Несколько недель назад он решил, что закроет магазин на месяц и съездит в Тунис. «Я не поеду с ними, — думает Мансебо. — Ни при каких обстоятельствах». На лбу его выступают капли пота.

После обеда Мансебо отдает предпоследнюю записную книжку девочке в плиссированной юбке, которая купила у него два банана. Девочка говорит спасибо, делает книксен и убегает. Она сказала, что по гороскопу Кролик, но кроликов больше не осталось, и девочка получила дракона. Мансебо не успевает положить в кассу полученные от девочки деньги, когда в магазин входит не кто иной, как его подопечный, муж мадам Кэт, писатель Тед Бейкер. Мансебо, делая вид, будто не замечает вошедшего, берет губку только для того, чтобы занять руки, и отворачивается от двери. Мансебо протирает от пыли банки с консервированными шампиньонами. Ему никогда не приходило в голову, что писатель когда-нибудь вот так возьмет и зайдет в его лавку. Мансебо, однако, понимает, что было глупо не принимать в расчет такую возможность. В конце концов, писатель все же живет напротив его магазина.

Мансебо чувствует, что писатель молча стоит у него за спиной, но не слышит, чтобы он поставил

что-то на прилавок кассы. Значит, он ничего не выбрал. Это нехороший знак, думает Мансебо. Скорее всего, писатель пришел сюда вовсе не за тем, чтобы что-то купить. Мансебо думает, что писатель пришел в связи с недавним визитом той ненормальной женщины. Видимо, он заметил, что она последовала за ним. Теперь Мансебо придется расплачиваться за свой длинный язык. Зачем он рассказал постороннему человеку о том, что его задача — следить за месье Бейкером?

Тед Бейкер, писатель и объект наблюдения, нерешительно откашливается.

— Простите, месье.

Мансебо тяжело сглатывает, тупо смотрит на цветную губку, беззвучно произносит молитву и оборачивается.

— Чем могу вам помочь, месье?

При этом сердце Мансебо колотится так, словно вот-вот выпрыгнет из груди, и он уверен, что писатель прекрасно это видит.

— Мне хотелось бы купить бутылку шампанского.

— Конечно, конечно. Какое шампанское вы желаете?

Мансебо указывает на несколько запыленных бутылок, которые стоят на высокой полке за

кассой. Некоторые из них наверняка пылятся там уже больше года. Клиенты Мансебо редко покупают шампанское в его магазине. Случалось, шампанское покупал какой-нибудь американец, которому надо было спустить последние евро перед отлетом домой, но, как правило, шампанское люди покупают в других местах. Тед Бейкер, прищурившись, рассматривает четыре разные бутылки.

— Это должно быть нечто вроде аперитива.

Мансебо, к несчастью, ничем не может помочь писателю, потому что ниже его ростом и тоже не может отличить бутылки одну от другой.

— Можно я подойду поближе?

Тед Бейкер жестом просит разрешения подойти ближе к полкам, чтобы рассмотреть этикетки на бутылках. Однако Мансебо не хочет пускать его за кассу. Там лежат, во-первых, его отчеты для мадам Кэт, во-вторых, бинокль, и, в-третьих, книга Бейкера «Крысолов».

Но поздно. Месье Бейкер уже за кассой. Его синяя футболка находится всего в нескольких сантиметрах от книжки с отчетом обо всех его действиях в течение последнего времени.

— Я возьму «Брют Франсуа Жиро», — говорит наконец писатель, но не делает никаких попыток

снять бутылку с полки.

У Мансебо вдруг появляется ощущение, что писатель не делает этого из уважения к нему, как к владельцу магазина. Но это, помимо всего прочего, означает, что теперь Мансебо придется взобраться на скамеечку, чтобы достать бутылку с полки, что он и делает. Оказывается, это самая дорогая бутылка из четырех.

— Хотите что-то отметить?

Мансебо очень горд собой. Он совладал с эмоциями и даже способен задавать уместные вопросы.

— Да, можно сказать и так. Я только что закончил… один проект.

— Да, ну, значит, вам и на самом деле есть что праздновать. К сожалению, мне не во что завернуть бутылку.

— Ничего страшного, я живу очень близко, на противоположной стороне бульвара.

— В самом деле? Не помню, чтобы я вас видел раньше.

Мансебо не уверен, что этой последней фразой он не переступил границы допустимого. Ему показалось, что месье Бейкер на несколько секунд отключается. Он вдруг кусает губы, вертит в руках бутылку, ставит ее на прилавок и закрывает

ладонями лицо.

— Месье, что с вами?

— Простите… это от жары.

— Да, она всех нас доконает, — говорит Мансебо и облегченно вздыхает.

— Да, и посчитайте еще вот это.

Писатель ставит на прилавок стеклянную банку с темными оливками. Мансебо готов поручиться, что уже слышал звук от стекла, которое передвигают по деревянному прилавку. Он непроизвольно смотрит на стеклянную банку.

— Как вы считаете, месье, оливки подойдут к шампанскому?

— Они точно подойдут. Оливки подходят почти ко всему, — отвечает Мансебо.

Он протягивает писателю пакет с шампанским и оливками. Подумав, достает из-под прилавка последнюю записную книжку и тоже кладет ее в пакет.

Мансебо не проведешь. Он знает, что шампанское никогда не покупают только для себя. Шампанское писатель выпьет с кем-то. Мансебо начинает воображать возможные грехи писателя. Во-первых, он явно растерян. Он сказал, что закончил какой-то проект. Мансебо кажется, что писатель имел в виду конец любовных отноше-

ний. «Это единственное, на чем я сейчас должен сосредоточиться», — думает Мансебо. С кем будет пить шампанское Тед Бейкер? Здесь могут потребоваться другие способы наблюдения, и надо их хорошенько продумать и подготовиться. Мансебо задумчиво раскачивается на скамеечке и направляет на лицо струю воздуха от вентилятора.

Тарик поднимает руку, давая знать, что им пора идти в «Ле-Солейль», пропустить по стаканчику. К тому моменту, когда Тарик подходит к магазину, у Мансебо уже готов план действий. Они идут по бульвару. Послеполуденное солнце жаркими лучами освещает их путь. Когда они подходят к повороту с бульвара, Мансебо вдруг останавливается.

— Нет, елки-палки! Я же забыл оставить пакет с едой для месье Батона.

Несколько раз в месяц ему звонит старый ветеран войны по имени Жан Батон и заказывает продукты, главным образом консервы, потому что старик уверен, что скоро начнется война, и спешит сделать запасы. Обычно продукты старику относит Амир.

Месье Батон живет в квартире, расположенной над булочной, но он не звонил уже месяца два, а мадам Каннава рассказала Мансебо, что ветеран

вроде бы умер. Но Мансебо махнул на это рукой, надеясь, что Тарик ничего об этом не знает.

— Этот старик не может немного подождать?

— Я обещал, что продукты ему принесут до четырех часов. Продукты уже упакованы, их надо только отнести. Ты иди, а я приду попозже. Думаю, что успею.

— Амир не может их отнести?

Тарик вытаскивает из чехла мобильный телефон, потому что знает, что Мансебо редко берет с собой свой мобильник.

— Нет, мне не хочется его отвлекать. Он сейчас играет в футбол с Халедом.

Тарик засовывает телефон обратно в чехол, и Мансебо вдруг кажется, что этот чехол больше похож на пистолетную кобуру. Мансебо почти бегом пускается в обратный путь и приходит к магазину как раз в тот момент, когда дверь квартиры Бейкера закрывается. Все ясно, у писателя гости.

Мансебо занимает наблюдательный пункт на углу бульвара Батиньоль и улицы Клапейрона. Стратегически это очень неплохое место. Отсюда прекрасно видна пожарная лестница, а если вдруг раньше времени появится Тарик, то у Мансебо будет вполне достаточно времени, чтобы

скрыться. Фатима, Адель и Амир едва ли смогут увидеть его из квартиры и удивиться: интересно, что это он там делает? Для наблюдения, впрочем, это не самая идеальная точка, потому что отсюда он не может заглянуть в окна квартиры писателя и увидеть, в какой из комнат тот сейчас находится. Мансебо, впрочем, не настолько глуп, чтобы додумывать недостающую информацию.

Несмотря на экстраординарную ситуацию, Мансебо так спокоен, что ему мог бы позавидовать самый лучший частный детектив. Он спокоен потому, что, во-первых, может контролировать ситуацию, а во-вторых, потому, что дело, кажется, идет к развязке. Это порождает у Мансебо меланхолию, которая выливается в безмятежное спокойствие. Он смотрит на часы и отмечает, что визит гостьи длится уже добрых двадцать минут. Что ему делать, если она никогда не выйдет из квартиры? Нет, она в любом случае выйдет. Теперь он не повторит ошибки, которую совершил, когда увидел в окне женскую руку. В этой ситуации главное сохранять хладнокровие.

Мансебо решил не покидать свой наблюдательный пункт до того момента, когда увидит возвращающегося Тарика. Он может сослаться на словоохотливость месье Батона. «Скоро я поймаю

тебя, изменник, — думает Мансебо, — я сумею пригвоздить тебя к стенке».

У Мансебо учащается пульс. Что делать, если женщина выйдет из квартиры одна? Мансебо начинает испытывать неуверенность. Он понимает, что ситуация чревата неожиданными сюрпризами, а никаких сюрпризов ему не нужно. Однако выбора у него нет. Подумав, он решает, что если женщина выйдет одна, то он последует за ней, выяснит, где она живет, и, возможно, заговорит с ней. Другого решения Мансебо не видит.

Конечно, мадам Кэт не поручала ему выяснить, с кем обманывает ее муж, но, наверное, само собой разумеется, что она захочет это узнать. Если бы, допустим, Фатима его обманывала, то разве не захотелось бы ему узнать с кем? Мысль о том, что Фатима ему изменяет, кажется Мансебо неправдоподобной. Он смотрит на часы. Он чувствует себя лошадью на скачках, которая стоит в боксе и ждет, когда откроют калитку и она сможет галопом понестись по дорожке. Лошади обычно перед стартом пускают слюни, а у Мансебо во рту сухо, как в пустыне. Это конец. Это конец двойной жизни писателя, конец брака мадам Кэт и месье Бейкера, конец отчетам и деньгам в банке из-под оливок. Это, вероятно, конец всей истории, но

Мансебо понимает и то, что для него необратимо началась новая жизнь. Правое веко начинает непроизвольно подергиваться.

Вдруг Мансебо видит, как напротив входа в булочную останавливается белая машина. Мансебо может поклясться, что она ему хорошо знакома. Он узнает наклейки на ней. Вполне возможно, что Рафаэлю надо что-то починить в булочной, и он не собирается здороваться ни с Мансебо, ни с Тариком. Мансебо стоит неподвижно и лишь время от времени переводит взгляд с белой машины Рафаэля на пожарную лестницу и обратно. В машине рядом с Рафаэлем сидит какая-то женщина. Мансебо нисколько не сомневается, что это жена Рафаэля Камилла. Предположение превращается в уверенность, когда он видит, как они целуются. Все последующее происходит очень быстро. Женщина выходит из машины, а Рафаэль давит на газ и уезжает. Женщина накидывает на голову черный платок и опасливо озирается по сторонам, потом перебегает бульвар и входит в дверь, расположенную рядом с входом в магазин. Мансебо находится всего в паре метров от жены своего кузена, когда она закрывает за собой дверь.

Мансебо кажется, что на Париж опустилась сверхъестественная тишина. Ему даже пока-

залось, что сердце стало работать намного медленнее, а все окружающее сделалось каким-то ломким и нереальным. Однако времени на то, чтобы прийти в себя, у Мансебо нет. Дверь квартиры писателя внезапно открывается, и на лестницу выходит счастливая супружеская пара. Мадам Кэт смеется. Тед Бейкер одной рукой поддерживает жену под локоть, а во второй держит корзинку для пикника. Мансебо прижимается к стене так, словно хочет слиться с ней. Редкие прохожие с удивлением смотрят на странного маленького человека, который, словно боязливое привидение, вжимается в кирпичную стену. Мансебо на самом деле испытывает страх. Как ему переварить все, что на него свалилось? Он не должен снова сломаться. Он не желает снова встречаться с мадам Флуриант. Теперь он должен постараться спастись сам.

Мысль о том, что жизнь должна продолжаться, не умещается в голове Мансебо. Для него невыносима даже мысль о том, что должен продолжаться этот день. Он жаждет, чтобы поскорее наступила ночь и принесла ему успокоение. Пусть придет ночь, когда все улягутся в кровати и уснут. Но день неумолимо продолжается. Мансебо когда-то слышал, что в критических ситуациях в челове-

ке просыпается неведомая ему самому сила, но теперь он и сам ощущает, каким образом можно сохранить способность к нормальному мышлению, испытывая тяжелое потрясение. Чудовище никуда не исчезает, но часть мозга просто отключается. Зато начинает работать резервный мотор, включается автопилот в ожидании спасения, которое в этом случае придет ночью. Организм продолжает сносно работать, несмотря на нагромождение хаоса.

После того как Мансебо увидел Рафаэля и Адель, мир как будто провалился в черноту. Мансебо не помнит, что делал, но тем не менее он каким-то образом оказывается у входа в «Ле-Солейль». Он не помнит, пришлось ли ему ждать Тарика или тот вышел из бара, когда к нему подошел Мансебо. Он не помнит, о чем они говорили, когда шли обратно. Но они точно шли обратно, потому что сейчас он сидит на скамеечке за кассой.

Это единственное место, где Мансебо отваживается находиться. Он не знает, как сможет выйти в мир. Больше всего он хочет поскорее свернуться калачиком в кровати. Мансебо смотрит на часы и понимает, что с момента разоблачения прошло ровно два часа.

Мансебо думает о том, сколько приборов Адели

починил Рафаэль, и о том, что сделал бы Тарик, если бы застукал их. Последняя мысль вызывает у Мансебо неуемную дрожь.

Каждый раз, когда в магазин кто-то входит, Мансебо вздрагивает, не говоря уже о телефонных звонках. Двое мальчишек буквально вваливаются в магазин. Они, видимо, бежали к двери наперегонки, и на пороге столкнулись и упали. Мансебо не видит их до тех пор, пока они не просят у него две пачки печенья. Мансебо берет у них деньги, отсчитывает сдачу. Автопилот работает на полных оборотах.

— Не осталось ли у месье записных книжек?

— Нет, они закончились. Мне очень жаль.

* * *

Месье Бейкер шел по тротуару легким и быстрым шагом. Я нисколько не нервничала, следуя за ним. Скорее меня наполняло чувство ожидания. Собственно, это было единственное чувство, которое я испытывала все последнее время. Мне хотелось стать активной, вести такую жизнь, чтобы я чувствовала, что управляю ею сама. Для смены обстановки надо сосредоточиться на каком-то человеке, а не на мертвых компьютерных кодах. Впереди, в пятидесяти метрах, над входом

в метро возвышался желтый щит с названием станции. Мне не пришлось задержаться, потому что в сумке у меня оказался билет на проезд в метро. Месье Бейкер ступил на эскалатор и поехал вниз.

В вагоне мы сидели недалеко друг от друга. Большинство пассажиров вертели в руках телефоны, некоторые уткнулись в книги. Одна женщина тихо разговаривала сама с собой и полировала ногти. Молодая азиатская пара лихорадочно листала захватанный путеводитель по Парижу. Я вдруг поняла, что мы с писателем единственные пассажиры, у которых в руках ничего нет. Месье Бейкер не отрываясь смотрел в окно, в черноту туннеля. Временами он искоса заглядывал в книгу, которую читал его сосед. Я внимательно рассматривала карту метро на потолке и пыталась угадать, на какую станцию он едет. Перейдет ли он на другую линию? Если так, то выйдет на станции «Шарль де Голль — Этуаль».

Поезд едва успел отойти от серой и скучной станции «Терн», как снова замедлил ход. Я сидела перед месье Бейкером и почувствовала, что пора выходить. Здесь он перейдет на другую линию. «Шарль де Голль — Этуаль» самая худшая станция

для слежки за человеком. Подземные переходы ветвятся здесь, как аристократическое генеалогическое древо; люди в поле зрения сменяли друг друга стремительно, как узоры в калейдоскопе. Я была уже вполне уверена, что безнадежно потеряла из виду месье Бейкера, когда вдруг увидела его на эскалаторе. Я попыталась вспомнить, на какие станции можно отсюда перейти. Если у него назначена встреча на Елисейских Полях, то он повернет направо и пойдет до первого выхода. Я поднялась на несколько ступеней и случайно задела какую-то женщину, которая что-то прошипела мне вслед.

Месье Бейкер уже прошел сквозь ограждение, когда я сошла с эскалатора. Он пошел налево, а это означало, что он перейдет на другую линию. Я ускорила шаг. В этом не было ничего подозрительного или бросающегося в глаза. Спешили многие. Они никого не преследовали, они просто торопились — на работу, на свидания или на пригородную электричку.

Переход, куда направился месье Бейкер, вел на линию номер один. Конечная ее станция — «Ла-Дефанс». Месье Бейкер стоял в центре платформы, когда я вынырнула из перехода. Я подошла и встала у него за спиной. К платформе, громыхая,

подъехал поезд. Двери открылись, и из вагонов повалила толпа. Люди еще не успели выйти, как ожидающие стали теснить их и входить в поезд. Я не хотела подходить слишком близко к месье Бейкеру, но и не могла рисковать, так как он мог уехать без меня. По какой-то непонятной причине месье Бейкер не стал присоединяться к толпе, штурмовавшей поезд. Он, пропустив всех, не спеша вошел в вагон и встал, держась за поручень. Я протолкалась ближе к нему и пристроилась у двери.

Поезд дернулся, отправляясь от станции «Шарль де Голль — Этуаль», и какая-то женщина средних лет в красном платье едва не упала от толчка. В последний момент она успела схватиться за руку стоявшего рядом мужчины, и это спасло ее от падения. Женщина извинилась, но мужчина, по-видимому, был очень рад оказать ей пусть даже невольную услугу. Они начали говорить о городском транспорте, о том, почему на линиях до сих пор не ходят новые поезда. Похоже, месье Бейкер заинтересовался их разговором. До станции «Ла-Дефанс» оставалось пять остановок, и месье Бейкер мог выйти на любой из них. На каждой станции я была готова выйти и последовать за ним. Но месье Бейкер продолжал

спокойно стоять на месте и слушать тех двоих, которые по ходу разговора выяснили, что живут не далеко друг от друга. Поезд остановился на станции «Порт-Мэйо», и к выходу стала пробиваться семья с ребенком и множеством тяжелых дорожных сумок. Они извинялись перед каждым пассажиром, отведавшим острые углы их багажа. Эти люди наверняка направлялись к автобусной станции «Рианэр», откуда ходили автобусы до аэропорта Бове.

Поезд ехал дальше, приближаясь к конечной. На станции «Ле-Саблон» в вагон вошла старуха с грязными пластиковыми пакетами, в которых, видимо, находились все ее пожитки. Женщина была босая, но в теплой не по сезону одежде. Она с трудом удерживала все пакеты в одной руке и протягивала вперед другую руку в надежде, что кто-нибудь положит туда несколько евро. Она поворачивалась на тесном пятачке, освободившемся на станции, протягивая руку к пассажирам. Некоторые качали головой, некоторые отворачивались. Старухе, казалось, было безразлично, как люди реагируют на ее жест. Месье Бейкер внимательно посмотрел на лицо женщины и, когда она проходила мимо него, положил несколько монет в ее грязную руку.

Женщина кивнула в знак благодарности.

Женщина в красном платье и мужчина, который, сам того не желая, спас ее от падения с высоты тонких шпилек, облегченно вздохнули, когда старуха вышла из вагона. Поезд остановился, и они вместе вышли на станции «Пон-де-Нейи». Увидятся ли они снова? Будут ли встречаться? — успела подумать я до того, как закрылись двери. Когда поезд тронулся и отошел от платформы, месье Бейкер проводил взглядом этих людей, которые, вероятно, нашли друг друга. Наверное, и он начал фантазировать об их будущем. До конечной осталось две станции.

Поезд замедлил ход у станции «Эспланад-де-ла-Дефанс». Я поняла, что у месье Бейкера нет намерения выходить и здесь. Теперь он мог выйти только на конечной станции — «Ла-Дефанс». Мне было интересно, что он станет делать в деловом квартале в это время дня. Все пассажиры, словно по сигналу, принялись распихивать по сумкам и карманам телефоны, книжки, пилки и ножницы… Конечная станция. Все выходят. Я вернулась туда, где все началось. Правда, теперь я ничем не рисковала и была в одном шаге от цели.

По ошибке я подошла слишком близко к ме-

сье Бейкеру. Его синяя футболка терлась о мою сумку. Он находился сейчас всего в нескольких сантиметрах от чека, который там лежал. Стояла ли на нем его подпись или подпись его жены? Я пропустила его вперед и позволила выйти первым. Он ступил на эскалатор, поднялся наверх и вышел на площадку перед торговым центром. Не взглянув на «Ареву», он сразу направился к ЦНПТ. Стараясь не отстать, я ускорила шаг. Он явно шел на встречу. Я окончательно убедилась в этом, когда мы вошли в исполинский комплекс. Прозрачные стеклянные лифты сновали вверх и вниз, но месье Бейкер быстро прошел мимо них к другим лифтам, расположенным в глубине здания. Я зашла в мебельный магазин, чтобы дать ему возможность войти в первый лифт. Теперь я занервничала. Как только месье Бейкер вошел в лифт, я покинула свое укрытие за большими вазами. Он мог подняться только на тот этаж, где был расположен ресторан «Хилтон».

Несмотря на то что ресторан занимал почти весь этаж, я сразу увидела месье Бейкера за столиком у окна. Напротив него, спиной ко мне, сидела светловолосая женщина. Собственно, я могла сразу подойти к ним. Но решила сначала подойти к бару и взять чашку кофе, чтобы выиг-

рать несколько минут и собраться с мыслями.

Месье Бейкер, не говоря ни слова, держал женщину за руки. Они поцеловались, и эта первая ласка стала для меня сигналом к действию. Я решительно подошла к их столику. Женщина показалась мне знакомой. Я не сразу вспомнила, где видела ее. Месье Бейкер целовался с девушкой, которая сидела за стойкой в вестибюле «Аревы».

— Извините.

Месье Бейкер окинул меня дружелюбным взглядом. Девушка была испугана. Оба молчали.

— Мы с вами уже встречались, — сказала я и протянула девушке руку. Ее рукопожатие оказалось вялым. — Очень приятно видеть вас, — и посмотрела прямо в глаза месье Бейкеру.

Месье Бейкер перевел взгляд на девушку, ожидая от нее объяснений.

— Это она, — произнесла девушка и сжала руку своего любовника.

Писатель выглядел разочарованным. Я села за их столик, и писатель начал рассказывать. У него не было другого выбора. От его рассказа зависело, пойдет ли все и дальше по плану.

* * *

После ошеломляющих вчерашних открытий Мансебо решил последовать примеру Амира и прикинуться больным. Сразу после ужина поднялся в квартиру и лег в кровать. Ничего странного в этом не было. В конце концов, он мог заразиться от Амира. Ночью Мансебо встал и упаковал сумку. Теперь она лежит в магазине, в шкафчике с вениками, тряпками и ведрами. Весь день он просидел за кассой, потому что не хотел ничего и никого видеть.

Начало смеркаться. Мансебо идет в каптерку к Тарику, в его мастерскую. Двоюродный брат помогает ему составить бухгалтерский отчет и заполнить налоговую декларацию. Тарик думает, что Мансебо так рьяно взялся за бумажную работу, чтобы успеть закончить ее до отпуска, но это совсем не так. Мансебо тошнит от одного вида картонных коробок, среди которых ему сейчас приходится сидеть. Это же чистое безумие так открыто держать в мастерской оружие и контрабандные сигареты. Но это, конечно, гениальный ход — никто не заподозрит, что улики можно хранить на виду у всех. Тарик складывает все документы в стопку. Убирает их в папку и торже-

ственно вручает кузену.

— Готово, брат, теперь можешь ехать в отпуск с чистой совестью.

Выйдя из мастерской Тарика, Мансебо видит, что кто-то стоит у двери его магазина, и, не оглядываясь, спешит перейти бульвар, едва не угодив под машину. Водитель отчаянно сигналит и тормозит. У двери лавки стоит женщина, которая вчера пошла за месье Бейкером, и улыбается, глядя на Мансебо. Единственное, что сейчас хочет Мансебо, — это как можно скорее увести женщину в магазин. Он садится рядом с ней на скамеечку и благодарит Бога за то, что она сразу переходит к делу. У него сегодня нет ни малейшего желания знать что-то сверх необходимого.

— Ну вот, я вернулась, чтобы рассказать, что произошло после того, как я пошла за месье Бейкером. Это может быть интересно и вам.

И даже очень может быть, думает Мансебо.

— Итак, я пошла за ним, а он поехал в одно кафе у станции «Ла-Дефанс», где ждал…

У женщины в сумке пискнул мобильный телефон, и она, умолкнув, достала его и долго смотрела на дисплей. Мансебо чувствует себя так, словно рядом с ним сидит невоспитанный подросток, который непринужденно углубился

в свой телефон в присутствии другого человека. «Дорогуша, — думает Мансебо, — у меня нет сил ждать. Для меня уже и так все кончено, я капитулировал. Расскажи мне, что знаешь, и уходи, оставь меня в покое».

— Да, так вот, значит, у писателя в кафе была назначена встреча с его коллегой-писателем, мужчиной.

«И это все?» — разочарованно спрашивает себя Мансебо.

— Так что никаких признаков любовницы я не заметила. Впрочем, откуда я могу знать точно.

Мансебо старается мыслить логически.

— Вы получили ответ на свой вопрос?

— Да, месье Бейкер — это и есть месье Белливье.

— Так, значит, Тед Бейкер — это седоним?

— Псевдоним. Да, это его псевдоним. Выходит, что нам обоим был нужен месье Белливье.

Мансебо снова смотрит вслед уходящей вдоль бульвара женщине. Рот его полуоткрыт. Внутри совершенная пустота. Все кончено.

— Я не помешал? — спрашивает Амир, входя в магазин.

Мансебо оборачивается, закрывает рот и пустым взглядом смотрит на сына. Всего несколько

недель назад Амир ни за что не обратился бы к нему, а просто прошел мимо. Но теперь Амир проникся уважением к отцу, теперь он знает, чем вынужден каждый день заниматься Мансебо. А тот не успевает сразу вернуться к реальности и по инерции продолжает смотреть в никуда.

— У тебя все хорошо, папа?

Мансебо кивает.

— Мама куда-то собирается… Я подумал, что тебе это будет интересно.

— Пусть идет.

— Да, но после всего, что произошло… Она поговорила по телефону и вдруг куда-то заторопилась. Я спросил, куда она собралась, и она ответила «делать деньги». Может быть, она пошутила, но после всего…

Амир входит в магазин и стоит у двери, напряженно глядя вдоль бульвара.

— Да, как я уже сказал, она и правда сильно торопится, — говорит Амир и кивает.

Мансебо выглядывает на улицу и видит, как Фатима торопливо идет по тротуару, держа под мышкой белую картонную коробку. «Отлично, — думает Мансебо. — Я сделаю это ради сына. Возможно, это будет последнее, что я сделаю».

— Я тебя понял. Ты сможешь побыть в магазине

несколько минут?

Амир кивает. Мансебо кажется — или, может быть, просто внушил это себе, — что он видит в глазах сына восхищение. Действительно, зачем ему было спускаться в магазин и говорить отцу, что Фатима собирается куда-то бежать, если бы он не хотел увидеть, как его отец выйдет на охоту?

— Можешь положиться на меня, папа, — говорит Амир и щурится, глядя на вечернее солнце.

— А ты можешь положиться на меня, сынок.

Мансебо выбегает на улицу. Полы его куртки развеваются на ветру.

Фатима, свернув на улицу Рима, замедляет шаг, и Мансебо тоже сбавляет темп. Он уже знает, куда идет Фатима. Она направляется за занавеску. Там-то он их и застукает, думает Мансебо. Но за каким делом он, собственно говоря, собирается их застукать? Он что, рассчитывает увидеть там толстого табачника со спущенными штанами и Фатиму… Картина кажется ему настолько гротескной, что Мансебо чувствует, что сам будет виноват больше всех, если вздумает подсмотреть эту сцену. На лбу Мансебо выступает пот, он идет еще медленнее, хотя и понимает, что рискует потерять Фатиму из виду. Но это не страшно — ведь он знает, куда она направляется. Нельзя подойти

к табачному магазину слишком рано. Надо выждать несколько минут и дать им возможность приступить к делу. Нельзя войти слишком рано, но нельзя и опоздать, думает Мансебо. Интересно, как поступает табачник? Запирает магазин?

Фатима исчезает из поля зрения, Мансебо видит табачный магазин и смотрит на часы. «Я дам им десять минут… нет, пять, — думает он. — Я дам им пять минут и ни секундой больше». Но уже через минуту терпение Мансебо иссякает, и он с того места, где стоит, пытается рассмотреть, что творится в магазине. За занавеской происходит какое-то движение. Нет, он даст им еще полторы минуты, а потом войдет.

Он осторожно открывает дверь — так, чтобы не зазвенел колокольчик. Теперь Мансебо понимает, зачем табачному торговцу нужен дверной колокольчик. Мансебо вытирает со лба пот, видя, как ритмично колышется занавеска.

Стараясь двигаться бесшумно, Мансебо натыкается на прилавок и роняет на пол кипу вечерних газет. Словно хищный зверь, готовый к броску, Мансебо на мгновение застывает на месте. Секунду он раздумывает, как ему поступить — поднять занавеску или отодвинуть ее в сторону. Он не помнит, к какому решению пришел, потому что

был разгорячен настолько, что для него самым главным было хоть как-то отдернуть занавеску. Кончилось тем, что он сильно ее дернул и тут же оказался перед табачником и своей женой, сжимая занавеску в руках, как коричневую тряпку.

Жена Мансебо и табачник с ужасом смотрят на незваного гостя. Фатима, обычно такая разговорчивая, молчит, словно набрала в рот воды. Мансебо, обычно такому неуклюжему и косноязычному, требуется теперь всего несколько секунд, чтобы овладеть ситуацией. На столе, стоящем за сорванной занавеской, громоздятся картонные коробки, набитые пачками сигарет. В том, что эти коробки принесены из мастерской Тарика, у Мансебо нет никаких сомнений. За много лет Мансебо словно впервые видит, что эти коробки плохого качества и развалятся от малейшей сырости. Тарик по дешевке покупает их в какой-то фирме грузовых перевозок в северном пригороде Парижа. Теперь Мансебо все понимает. Фатима отчаянно трясет головой. Глаза ее бегают. Торговец закрывает одну из коробок и чешет жирный затылок.

— Да, игра окончена, — несколько театрально объявляет Мансебо.

Фатиме требуется несколько секунд, чтобы

попытаться вернуть свои позиции.

— Игра? Не надо такого драматизма!

Она пытается изобразить на лице улыбку.

— Ну нет, игра и в самом деле окончена, потому что я все знаю.

Фатима озадаченно смотрит на мужа.

* * *

Они сами не могли сразу сказать, кому из них первому пришла в голову эта идея. Все началось с того, что секретарша приемной рассказала своему любовнику о давно пустующем верхнем этаже здания, где она работает. Однажды вечером, когда они сидели в «Хилтоне», месье Бейкер неохотно признал, что у него творческий кризис. Он не мог больше писать так, как ему хотелось. Издательство в Англии сильно давило, и надо было срочно придумывать что-то новое.

В другой раз, тоже в «Хилтоне», писатель сказал, что его начала тяготить необходимость сидеть наедине с собой в кабинете. Каждое утро он видел в окно, как другие люди спешили на работу. Ему хотелось стать одним из них. Когда-то он читал статью о бедуинах киберпространства, о людях, которые со своей работой кочуют из одного кафе в другое, и это превосходный выход для таких,

как он, людей, вынужденных работать в одиночку. Может быть, и он смог бы стать одним из этих кочевников.

Однажды бессонной ночью любовнице вдруг пришла в голову идея, которой она уже на следующее утро поделилась с месье Бейкером. Сначала он загорелся. Этот эксперимент даст ему множество сюжетов, и, может быть, от новизны к нему снова вернется вдохновение. Но потом он утратил мужество. Эксперимент показался ему слишком сложным, но любовница смогла убедить его в том, что возьмет на себя всю практическую часть, а сама идея до чрезвычайности проста. Все будет происходить как бы само собой. Как в игре с цепными письмами. С помощью оплаченных чеков месье Бейкер, он же месье Белливье, сможет выяснить личности подопытных участников, а после окончания эксперимента соберет вечером всех этих людей и расспросит о том, какой опыт они приобрели и что пережили во время своей работы. Это была уникальная идея, и у писателя получится книга, не похожая ни на одну книгу из всех тех, какие он написал раньше.

Эксперимент стоил недешево, но у писателя не было только вдохновения, недостатка в деньгах он не испытывал. И месье Бейкер пожелал

посмотреть, как творческие личности, бедуины киберпространства, справятся с изоляцией и унылой, практически бессмысленной работой. После окончания каждого рабочего дня эти люди должны были получать произвольно выбранные подарки. Единственной целью этих подарков было наблюдение реакций. Будут ли эти люди довольствоваться отсидкой положенных часов или попытаются узнать, кто такой месье Белливье, или понять, зачем они выполняют свою тягостную работу?

Но я разоблачила их. Ни писатель, ни его любовница-секретарша ни о чем меня не просили, но дали мне понять, что были бы очень рады, если бы я не стала прерывать эту цепь. Прежде чем покинуть их, я задала только один вопрос: сколько еще будет преемников после меня? Они сказали, что два, и после этого эксперимент будет окончен. Мне не надо было ничего немедленно решать. Если я возьму второй чек, то это будет означать, что в «Ареве» появится новый гость. У меня было время подумать.

Я уже забыла, когда в последний раз вечером гуляла по Парижу. Впервые с моим сыном остался бебиситтер. Я подняла голову и посмотрела на пожарную лестницу, но не смогла представить

себе, как выглядела, когда балансировала на краю узкого карниза. Розовая туфелька светилась, а значит, обувная мастерская была открыта. Однако бакалейная лавка оказалась запертой. Месье Мансебо, видимо, отлучился куда-то по своим делам. Я решила подождать его несколько минут, потому что спешить мне было некуда. Если не дождусь его, подумалось мне, то я смогу прийти в другой день. Так мне, во всяком случае, казалось.

— Добрый вечер, мадам.

Мне не пришлось долго ждать. У месье Мансебо был очень решительный вид, когда он отпер магазин и вошел внутрь. Я последовала за ним. По какой-то необъяснимой причине я чувствовала себя в этом магазинчике как дома, хотя до этого была здесь всего один раз.

— Все спокойно? — спросила я.

— Да, сейчас многие в отпусках и… Или вы спрашиваете о том, что делается через дорогу?

Он едва заметно кивнул в сторону дома, где жила чета Белливье. Собственно, я и сама не знала, что имела в виду.

— Ну вот, я вернулась, чтобы рассказать, что произошло после того, как я пошла за месье Бейкером. Это может быть интересно и вам.

Я вернулась, чтобы рассказать правду. Он помог

мне, и я считала своим долгом помочь ему, ведь именно на этом держится мир. Месье Мансебо выдвинул из-за кассы две скамеечки, но на этот раз поставил их внутри магазина, и я села под полкой с оливковыми консервами.

— Итак, я пошла за ним, а он поехал в одно кафе у станции «Ла-Дефанс», где ждал…

У меня в сумке звякнуло. Я извинилась и достала из нее телефон. Сегодня мой сын, впервые в жизни, остался дома с бебиситтером. Это была фотография, сделанная месье Каро. Они с сыном сидели перед шахматной доской. На фото попала лишь половина лица моего сына, и я поняла, что для месье Каро это был первый опыт селфи. «Все хорошо. Он еще жив», — написал мне месье Каро. Я улыбнулась. За несколько секунд мысленно снова пережила три недели, проведенные в «Ареве».

Начало смеркаться. У входа в магазин на тротуаре прыгала маленькая птичка, и до меня внезапно дошло, что именно я собиралась сделать. Если я все расскажу месье Мансебо, то поставлю точку во всей этой истории. Я помешаю другим пережить то, что пережила сама. Я разгадала загадку. Пусть месье Мансебо сам разгадывает свои. Если он не сможет этого сделать,

то пусть вся история останется тайной. Все к лучшему. Я снова посмотрела на фото. Мне было совсем нетрудно уговорить месье Каро посидеть с моим сыном.

— Да, так, значит, у писателя в кафе была назначена встреча с его коллегой-писателем, мужчиной.

Месье Мансебо вопросительно посмотрел на меня.

— Никаких признаков любовницы я не заметила. Правда, откуда мне знать точно.

— Вы получили ответ на свой вопрос? — спросил он.

В этих словах слышалось требование объяснить, зачем я вернулась, если, как мне удалось выяснить, ему было некого разоблачать.

— Да, месье Бейкер — это и есть месье Белливье.

— Так, значит, Тед Бейкер — это седоним?

— Псевдоним. Да, это его псевдоним. Выходит, что нам обоим был нужен месье Белливье.

Я вышла с бульвара Батиньоль и двинулась в направлении площади Клиши. Шла я навстречу потоку. Было такое впечатление, что тротуар — это улица с односторонним движением. Люди шли навстречу, но никто не уступал мне дорогу.

Несколько проституток готовились к ночи, сойдясь у выхода из метро. Наверное, отсюда они направятся на улицу Сен-Дени или возьмут такси и поедут в Булонский лес.

В ночной аптеке наркоман конкурировал с молодыми родителями, которые хотели купить какого-нибудь лекарства, чтобы хоть немного поспать ночью. Вид у них и в самом деле был измученный. Рестораны приняли первых вечерних посетителей. Пока все было спокойно, но официанты выглядели озабоченными. Они всегда озабочены. Так им положено по работе. Какие-то африканские женщины протягивали друг другу пластиковые пакеты. Создавалось впечатление, что они зачем-то меняются овощами. Пожилые люди играли в петанк на узкой полоске песка на разделительной полосе проспекта. Группа молодых людей ссорилась, а другие их подзадоривали. Недалеко от них сидел парень, явно в состоянии наркотического опьянения. Мимо медленно проехал полицейский автомобиль, но полицейские не обратили внимания на парня.

Люди один за другим проходили мимо, и каждый производил на меня особое впечатление. Потом я вышла на открытое место и сразу увидела его. Он не шел мне навстречу, он стоял, как

препятствие, мешавшее пройти. Он словно почувствовал, что я подхожу к нему сзади, потому что обернулся, когда я приблизилась.

— Теперь моя очередь дарить вам цветы, — сказал Кристоф и протянул мне букет.

Я поняла, что еще не разучилась ценить цветы.

* * *

Совершенно ясно, что у Фатимы было время рассказать Тарику о произошедшем. О том, что Мансебо застал ее у табачного торговца. Точно так же ясно, что и Тарик успел придумать более или менее правдоподобное объяснение. Мансебо продолжает анализировать случившееся. Тарик знает, что Фатима курит. Фатима знает, что Тарик торгует оружием и что Адель изменяет Тарику. Она просто не может этого не знать.

Но что знает Адель? На этот счет у Мансебо нет никакой уверенности. Она должна знать, что Фатима курит, но, может быть, это и все? У нее не хватит ни нервов, ни сил для того, чтобы справиться с остальным. Или как раз знание обо всех тайных махинациях так сильно расшатало ей нервы? Мансебо понимает, что теперь ситуация у него под контролем. Он запирает лавку и, насви-

стывая, поднимается по лестнице на ужин, чтобы приблизить развязку затянувшейся драмы.

Наверху его встречает тишина. Фатима улыбается ему. Такого он не помнит. Раньше она никогда не улыбалась. Больше в комнате никого нет.

— Где все? — интересуется Мансебо.

Фатима явно испытывает облегчение, как будто этот вопрос означает, будто ее муж будет вести себя как обычно, словно ничего не произошло, и не станет копаться в том, что случилось сегодня днем. Однако она ошиблась.

— Адель сушит волосы, а Тарик поехал за Рафаэлем. Мы сегодня пригласили его на ужин.

Это хорошо, думает Мансебо, очень хорошо, лучше не придумаешь.

— И это хорошо, потому что Амира сегодня вечером не будет дома, — сообщает Фатима и исчезает на кухне.

Хорошо, думает Мансебо, просто отлично. Он погружается в мечтательное состояние. «Амир умен, — думает Мансебо. — Из моего сына выйдет толк, он станет большим человеком». Входит Адель и набрасывает на голову платок, но расчетливо оставляет на лбу соблазнительную прядь. Мансебо прекрасно понимает, зачем она

это делает. Он откидывается на спинку стула и закуривает сигарету. Адель смотрит на него круглыми глазами и истерически хихикает.

— Ты что? Ты получил разрешение курить до ужина?

Фатима наверняка слышит слова Адели, но не выходит из кухни. Мансебо уверен, что она не высунет оттуда носа до тех пор, пока не приедут Рафаэль и Тарик. Мансебо глубоко затягивается дымом. Ему нравится вкус. «Это самые лучшие сигареты, какие я курил за последнее время», — думает он и смотрит на дом на противоположной стороне бульвара. Адель бросает на Мансебо укоризненные взгляды. Они слышат, как внизу хлопает входная дверь. Мансебо тушит недокуренную сигарету и закуривает новую. В комнату входят Рафаэль и Тарик. Тарик выдавливает искусственную улыбку, приблизительно такую же, какую совсем недавно состроила Фатима. «Как они похожи, эти двое, — думает Мансебо. — Можно даже подумать, что они родня».

— Ты видел, что он курил до ужина? — смеясь, говорит Адель.

— Да, но что можно поделать с этим человеком? — отшучивается Тарик.

Фатима возвращается из кухни. Адель напря-

женно ждет, что скажет и сделает Фатима, когда увидит курящего мужа.

— Ты не заметила? — не выдержав, выпаливает она.

Фатима вопросительно смотрит на нее.

— Твой муж курит до ужина! Это уже его вторая сигарета!

— Ну что с ним поделаешь, — бурчит Фатима и снова уходит на кухню.

Адель несколько озадачена такой вялой реакцией Фатимы. Рафаэль пожимает руку Мансебо и целует в щечку Адель. Какой лицемер, отмечает про себя Мансебо и делает глубокую затяжку. Фатима приносит с кухни блюдо за блюдом и расставляет их на столе.

— Ну что ж, пора приниматься за еду, — говорит она и садится за стол.

Теперь наступает очередь Мансебо. Сейчас он это сделает. Надо воспользоваться ситуацией. Можно, конечно, немного потянуть время, но тогда он рискует упустить благоприятный момент. Может вернуться Амир, Рафаэль может взяться за какой-нибудь ремонт, Адель может сослаться на недомогание и уйти спать… Нет, упускать шанс нельзя, надо действовать немедленно.

Мансебо извлекает из блюда с рисом тяжелую

ложку и тщательно вытирает ее салфеткой. Никогда прежде он не стучал ложкой о бокал, чтобы привлечь всеобщее внимание и произнести речь. Пожалуй, он делает это слишком сильно, и выглядит это так, словно он хочет не привлечь всеобщее внимание, а разбить бокал. Но желаемого эффекта достигает. Все замолкают и поворачиваются в его сторону, и раньше всех Адель, которая весело улыбается, продолжая жевать.

— Да, я хочу кое-что сказать. Это не займет много времени.

Тарик и Фатима стараются не выказывать нервозность и сохранить спокойствие. Они даже непринужденно улыбаются. Адель и Рафаэль спокойны, хотя и немного смущены.

— Я недавно понял, что у всех нас есть тайны. Тайны могут приносить вред. Ваши тайны больно ранили меня, и я решил поделиться с вами тем, что понял и узнал, чтобы мои раны больше не болели. Мы, сидящие за этим столом, — взрослые люди и должны отвечать за наши действия и поступки.

— Дорогой, мы не можем поговорить об этом позже; разве ты не видишь, что у нас гость?

Фатима кивает в сторону Рафаэля. «Я прав, —

думает Мансебо. — Рафаэля пригласили, чтобы он стал буфером, защитой, чтобы вечер прошел спокойно и гладко для них».

— Нет, наоборот, сейчас самое время поговорить обо всем этом именно потому, что у нас в гостях Рафаэль.

Адель бросает взгляд на Рафаэля, который тяжело переводит дух, прежде чем посмотреть на любовницу.

— Всегда бывает очень трудно начать говорить, но я начну с того, что касается лично меня. Моя жена продает контрабандные сигареты толстому табачному торговцу с улицы Шеруа. Эти сигареты она берет у Тарика, который, собственно, и занимается контрабандой сигарет.

Мансебо оглядывает людей, сидящих за столом, и осознает, что эта информация едва ли является новостью даже для Рафаэля. Он так хорошо их всех знает, что может читать по их лицам, хотя все они по-разному реагируют на сказанное.

— Ты преувеличиваешь, — возражает Фатима. — Я продала всего несколько блоков, которые остались после того, как Тарик получил сигареты от одного своего друга. Я тебе об этом уже говорила. Ну что, теперь мы можем начать есть?

— Нет, еще рано. Тарик владеет обувной мастер-

ской, мы все это знаем, но на самом деле основной работой Тарика является торговля оружием, к которой он присоединил как побочную деятельность торговлю контрабандными сигаретами.

— Нет, тебе лучше заткнуться, идиот! — кричит Фатима.

Тарик смотрит на Фатиму, словно спрашивая, каким образом мог его двоюродный брат все это узнать. Может быть, она сама ему разболтала, чтобы обелить себя после разоблачения с сигаретами?

Мансебо снова обводит всех взглядом. То, что он сказал, стало новостью для Адели и Рафаэля.

— Не слушай то, что он говорит, — шепчет Тарик на ухо Адели и берет ее за руку. Видно, что кузен в бешенстве.

Адель со страхом смотрит на мужа.

— Да, а теперь я скажу о том, что касается Адели и Рафаэля.

Наступил момент, которого Мансебо жаждал больше всего. Он обращается к Тарику:

— Твоя жена обманывает тебя с Рафаэлем.

Это знают все, кроме Тарика, быстро констатирует Мансебо. Тарик выпускает руку жены, а она закрывает ладонями лицо.

— Ты соображаешь, в чем обвиняешь нас? —

рычит Рафаэль.

— Да, — весомо и отчетливо отвечает Мансебо. — Сейчас я в первую очередь не бакалейщик, а частный детектив. Ну а теперь можно и поесть.

* * *

Я довольно быстро сообразила, как мне разумно передать дальше свою эстафетную палочку. Для этого мне пришлось заняться предварительной работой. Собственно, я не знала, предусмотрено это было правилами игры или нет. Существовали какие-то негласные правила, согласно которым очередной жертвой должен был стать совершенно незнакомый человек, с которым я никогда в жизни не встречалась. Но я решила смягчить условия и сделать своим избранником человека, которому несколько дней назад улыбнулась в кафе, где он работал за компьютером.

Одна газетная статья подсказала мне идею относительно ежедневного подарка, на который я собиралась израсходовать деньги со второго чека. Речь в статье шла о том, что французы предпочитают эклеры всем другим видам выпечки. Значит, эклер будет ждать его каждый день на выходе с работы. Количества отпущенных мне денег как раз хватало на то, чтобы в течение трех

недель кормить этого человека эклерами.

Я зашла в самый большой кондитерский магазин в торговом центре. Дама, стоявшая за прилавком, странно посмотрела на меня и попросила немного подождать. Через некоторое время пришла женщина постарше и спросила, что мне нужно, хотя, конечно, ей уже передали мою просьбу. Она, видимо, пожелала услышать из моих уст о том, что им действительно закажут эклеры, которые надо будет ежедневно, в течение нескольких недель, доставлять в какую-то контору.

Женщина покачала головой и сказала, что такие заказы они не принимают. Конечно, я могла повернуться и уйти, могла заказать что-то другое или на худой конец обратиться в другую кондитерскую, но мне хотелось довести дело до конца. Я объяснила, сколько денег могу заплатить за эту услугу. Пожилая дама окинула меня взглядом и предложила несколько минут подождать. Теперь весь персонал был занят моим поручением. Женщины переглядывались и время от времени улыбались мне. Было трудно истолковать их улыбки. Вероятно, они жалели меня, как жалеют безобидных сумасшедших. Первая дама вернулась к прилавку.

— У нас есть практикантка, она будет доставлять ваш заказ, но для этого мы должны знать точный адрес, а также дни и часы доставки.

Я была необычайно горда собой. Я достала из сумки чек и переписала оттуда все необходимые данные.

Действительность преследовала меня по пятам. Что мне делать теперь? Мне надо было преодолеть много препятствий, чтобы уговорить того человека согласиться на странную работу. Если у меня ничего не выйдет, то цепочка прервется, а это было бы весьма прискорбно. Я вошла в кафе. Мужчина сидел на своем привычном месте. Теперь или никогда. К горлу подступила тошнота. На его толстом безымянном пальце красовалось золотое кольцо с печаткой. Ненавижу кольца с печаткой. Но делать нечего, я подошла к его столу. Он положил на стол газету и сдвинул ее в сторону. Я улыбнулась.

— Не вы ждете… месье Белливье?

Месье Росси не дал мне никаких инструкций относительно того, что я должна была задать именно этот вопрос, но, похоже, и это было частью игры. Если этот человек отзовется, то, может быть, последует очередной шаг. Я решила немного модифицировать вопрос и преднамеренно

затянула паузу, прежде чем произнести фамилию Белливье. Я давала понять, что на самом деле не существовало никакого месье Белливье, а сам вопрос был лишь поводом завязать разговор.

— Жду ли я месье Белливье? — с игривой интонацией ответил он вопросом на вопрос.

Он не желал демонстрировать свою неуверенность. Во всяком случае, мне. Хорошо, что он был испуган, это вполне соответствовало игре. Я нащупала в сумке ключ от конторы, достала его и принялась вертеть в пальцах. Собственно, я хотела отложить это действие на некоторое время, но мне вдруг стало понятно, что в этом случае я не знала бы, что делать. Я кивнула в ответ на его вопрос. Я прикусила губу, моя импровизация стремительно становилась похожей на дурную пародию. Меня выручила газета.

— Он выбрал не ту женщину, — сказала я.

Первую страницу газеты украшал портрет Доминика Стросс-Кана, бывшего директора Международного валютного фонда. Стросс-Кана обвиняли в изнасиловании горничной какого-то нью-йоркского отеля.

Сомнений больше не оставалось. Мужчина был теперь убежден, что я хочу его подцепить.

— Вы бы оказались *той* женщиной? — спросил

он и нервно рассмеялся.

Кажется, он был доволен своей репликой. Я протянула руку к окну.

— Это недалеко отсюда — вон там.

Я указывала рукой на «Ареву». Ее здание стоит рядышком с «Хилтоном».

Всего несколько недель назад я страшно боялась, что меня примут за девку из эскорта, и вот теперь изо всех сил пыталась играть эту роль. Человек был теперь на сто процентов уверен, что я собираюсь отвести его в отель. В номер, который используют в течение нескольких часов уставшие или сексуально озабоченные бизнесмены.

Может быть, он пожалеет, что пошел со мной, когда увидит, что мы идем к небоскребу. Но вероятно, и нет.

Может быть, он был возбужден настолько, что требовалось некоторое время, чтобы остудить его пыл. Мужчина закрыл ноутбук и надел пиджак. Я заглянула ему в глаза и увидела в них отчаянную попытку сохранить ясность мыслей, невзирая на охватившее его вожделение. Он огляделся и последовал за мной в твердом убеждении, что хочу затащить его в постель.

Наступил момент, когда надо было охладить его страсть, посеять в его душе сомнение.

— Нам надо будет подняться на верхний этаж. Вам знакомо имя Джованни Аньели, генерального директора «Фиата». Он занимал верхний этаж, там располагалась его квартира!

Мы подошли к стойке администратора, и тут мне стало жалко свою жертву. Теперь я могла успокоиться. Девушка подняла голову и увидела меня. Она изо всех сил постаралась сдержать улыбку, но не смогла. Она встала, отошла в служебное помещение и вернулась оттуда с магнитным пропуском.

— Спасибо, мадам, — коротко поблагодарила я.

Девушка бросила на меня многозначительный взгляд. Она осталась участницей игры. На лбу у мужчины выступил пот. Я подозревала, что сейчас он раздумывает, не поставить ли ему на этом точку.

Звякнул лифт, и мы стали подниматься наверх. Я понимала, что действовать надо быстро и напористо, и протянула ему ключ. Моя рука повисла в воздухе. Мужчина уже не испытывал ни полового возбуждения, ни интереса к продолжению игры. Мне в голову вдруг пришла шальная мысль: не взять ли его за мошонку? Я была в отчаянии, он спрятался в свою скорлупу, и чем дольше мы поднимались, тем меньше становился его ин-

терес. Мы вышли из лифта, и я протянула ему контракт.

— Месье Белливье хочет, чтобы вы прочли это и посмотрели, устраивает ли вас сумма.

Мне удалось снова пробудить у мужчины интерес к происходящему упоминанием о деньгах. Он читал контракт, пока мы шли по коридору. Я остановилась у двери. Ключ я уже передала.

— Это ваша контора.

Он принялся рыться в карманах, и я подумала, какая неловкость возникла бы сейчас, если бы мы на самом деле пришли сюда заниматься сексом. Страсть угасает, когда приходится выворачивать наизнанку карманы, чтобы найти нужный ключ. Он отпер дверь и решительно, с хозяйским видом, вошел в помещение, что вызвало у меня неприятное чувство. Все же это было еще мое помещение, моя контора. Как давно я не была здесь, как давно не любовалась громадой Сакре-Кёр.

— Садитесь и еще раз, внимательно, перечитайте контракт, а я сейчас принесу кофе.

Я не знала, правильно ли поступила, оставив его одного, но тем не менее спустилась по лестнице на один этаж и быстро вернулась в комнату с двумя стаканами кофе. Он сидел на моем стуле, за моим письменным столом и перед моим

компьютером. Я воспринимала его как оккупанта. Вероятно, мне никогда больше не доведется смотреть на Париж с такой высоты, с какой я смотрела на него в течение трех, так быстро промелькнувших недель. Теперь этот человек будет жить моей жизнью — жизнью, которая, впрочем, не была вполне моей. Я взяла ее взаймы у месье Росси, который, в свою очередь, занял ее у кого-то еще. Мужчина обернулся, словно спиной угадав мои мысли.

— Вы успели прочитать контракт?

Он провел ладонью по подбородку. Он явно чувствовал себя обманутым, поняв, что никакого секса не будет. Нельзя сказать, что он был особенно привлекателен и до этого, но теперь поведение его разительно изменилось.

— Да-да, — произнес он наконец. — И это сумма, которую я получу по окончании… проекта, или как это можно назвать?

— Да, разве я вам этого не говорила?

Мне надо было поставить его на место, мне надо было вселить в него неуверенность, чтобы успокоить и привести в чувство. Я получила что хотела. Он, кажется, решил, что его вопрос может оказаться роковым и что он в наказание не получит причитающийся ему гонорар.

— Да, вы правы, но надо быть уверенным во всем, прежде чем подписывать документ.

— Разумеется, — согласилась я и поставила перед ним стакан с кофе.

Он встал, подошел к окну и довольно долго простоял там. Я нисколько не волновалась, потому что была теперь на сто процентов уверена, что он подпишет контракт. Создавалось впечатление, что, стоя у окна, он с чем-то прощается. С путешествием, с другом, с работой.

Я протянула ему ручку, и он поставил под контрактом свою подпись. Необходимость расписаться своим именем давала мне последний шанс держать его в подвешенном состоянии. Я внимательно пригляделась к каракулям росчерка и услышала, как он тяжело сглотнул. Он быстро протянул вперед руку. Этот человек, видимо, привык торговаться. Вероятно, он все же не терял надежды заняться со мной сексом, ради которого он, собственно, и последовал за мной. Однако его остановила мысль о деньгах. Мотив секса был теперь явно неуместен.

— Простите, — сказала я и сделала вид, что мне звонят.

Вышла из помещения в лифтовый холл. Молча помолившись, вернулась.

— Это был месье Белливье.

Мужчина улыбнулся и сел за стол.

— Он просил меня передать вам привет и поблагодарить за то, что вы приняли его предложение. Он также сказал, что ему известно, как вы любите американских писателей, и если вам станет скучно, то в коробке под столом вы найдете книги, которые немного вас развлекут.

Мужчина ничего не ответил. Пусть даже он согласился на это только ради денег, ему все же надо было, видимо, о чем-то подумать.

— Следовательно, гонорар я получу от вас, как мы договаривались?

«Торгашеская твоя душа», — подумала я, напомнив себе, что он пошел со мной только ради секса.

— Все написано в контракте. Есть еще одно условие, но вы наверняка и сами это понимаете. Вы не должны вступать в контакт с другими сотрудниками.

На первый этаж мы спустились молча. В холле стояло несколько мужчин в деловых костюмах. Они разговаривали и громко смеялись. Какая-то пухлая секретарша выбежала в холл, догнала молодого человека и отдала ему забытый в офисе документ. В стороне сплетничала группка

женщин. Один мужчина возился с запонками, одновременно разговаривая по телефону. Девушка за стойкой притворилась, что не видит меня.

Я протянула мужчине руку и попрощалась.

* * *

«Какой дурацкий цирк, какой балаган!» — думает Мансебо, оглядывая комнату. Разбитый на три части фен Адели валяется на полу. «Попробуй теперь его починить!» — кричал Тарик Рафаэлю, круша фен перед его носом. Весь ковер засыпан рисовыми зернами. Рафаэль, позорно бежавший из квартиры, в спешке забыл свой телефон. В нем Тарик обнаружил доказательства обоснованности обвинения Мансебо.

А сначала Рафаэль на голубом глазу все отрицал. Как они могли подумать, что он станет подкладывать такую свинью своему лучшему другу! Тарик с деланым спокойствием попросил Рафаэля дать ему свой телефон. После этого спокойствие словно ветром сдуло.

После того как Рафаэль ретировался, Тарик поволок свою жену в мастерскую. Из окна Мансебо видел, как он тащил упиравшуюся Адель через бульвар. О чем они говорили в мастерской, Мансебо не имел ни малейшего представления.

Фатима по просьбе Тарика поднялась к себе.

Мансебо сидит за столом один. Стол уставлен яствами на пять персон. Мансебо ест и курит между блюдами. Снизу слышен стук в дверь. Мансебо встает, подходит к окну и смотрит на окно мастерской. Тарик устроился в кресле за конторкой, а Адель сидит напротив него, закрыв лицо руками. Стук раздается еще раз. Должно быть, стучат в дверь магазина. Мансебо тушит в пепельнице сигарету и выходит на лестницу.

Дверь в квартиру Тарика и Адели он оставляет открытой, потому что не знает, есть ли у них с собой ключи. К тому же Рафаэль может вернуться за своим телефоном, или же самому Мансебо потом захочется еще перекусить. Если придут взломщики, то они наверняка приоткроют дверь, увидят, что коллеги нет на месте, и уйдут. Так, во всяком случае, рассуждает Мансебо. Стук повторяется, на этот раз сильнее.

— Да, да, да, я уже иду, — ворчит Мансебо, спускаясь по лестнице.

В темноте светятся ее зеленые глаза. Мансебо впускает в магазин мадам Кэт. Она выглядит утомленной. В руках держит белую картонную коробку, отчего у Мансебо замирает сердце. Сегодня он уже насмотрелся этих коробок.

В последний раз Мансебо выдвигает из-за кассы две скамеечки и ставит их посреди магазина. На противоположной стороне бульвара Тарик кричит на Адель, неистово размахивая руками. Чертов бульвар, думает Мансебо, и в этот момент прорывает мадам Кэт. Она начинает плакать.

После нескольких попыток успокоить женщину, обняв ее за плечи и говоря, что все будет хорошо, Мансебо решает дать мадам Кэт выплакаться. Мадам Кэт утыкается в плечо Мансебо, и тут крышка коробки соскальзывает, и он видит внутри тельце мертвой птички. Это та самая птичка, которая разбилась о стекло двери магазина. Мансебо не знает, почему он в этом так уверен. Он слегка отстраняется от мадам Кэт. У нее под мышкой труп, и это должно что-то значить. В мафиозных группировках, как слышал Мансебо, трупы животных посылают в тех случаях, когда хотят дать понять адресату, что расплата близка. Не стоит забывать, что он в принципе совершенно не знает эту женщину.

— Мадам Белливье, что у вас в коробке?

Мансебо очень горд собой. Пусть даже она попытается его убить, но, во всяком случае, этим изящным замечанием он дал ей понять, что знает ее настоящее имя.

— Ой, простите. Это птичка. Я нашла бедняжку на тротуаре у вашего магазина. Это было довольно давно.

Сначала держала ее на подоконнике, но она мешала мужу работать, и тогда я положила ее в морозильник. Конечно, не самое подходящее место для несчастной мертвой птички, но у меня не было времени ее похоронить. И вот я решила сделать это сегодня вечером. Наверное, это будет символично, ведь одновременно я похороню и всю эту историю.

Мансебо успокаивается, понимая, что его предположение насчет мафии не подтвердилось, но он разочарован, потому что она никак не отреагировала на то, что он назвал ее настоящую фамилию.

— Я получила ваш отчет и зашла поблагодарить вас. Вы хорошо работали.

— Я не знаю, чем смог вам помочь…

— Но вы же сделали все, о чем я вас просила. По крайней мере, я теперь знаю, что эта женщина никогда не приходила в мой дом. Все-таки, несмотря ни на что, он сохранил уважение ко мне.

— Вы все еще думаете, что муж неверен вам?

Мадам Белливье грустно смотрит на Мансебо.

— Я не думаю, я знаю.

Мансебо убежден, что мадам Кэт сейчас сошлется в качестве доказательства на женскую интуицию или на странное поведение мужа. То есть на то, что не примут во внимание ни в одном суде. Однако вместо этого мадам Кэт сует руку в карман черного платья без рукавов.

— Будьте добры, подержите, пожалуйста, — говорит она, протягивая Мансебо коробку.

Мансебо неохотно берет коробку и держит ее на расстоянии. От коробки пахнет мертвечиной. Тем временем мадам Белливье достает из кармана два листка бумаги.

— Это два платежных документа. Я нашла их в бумагах мужа. Он купил виноградник в долях со своей любовницей. Кроме того, он покупал цветы. Три недели подряд каждый день он покупал цветы для нее. Это я называю ухаживанием.

Мадам Белливье показывает тонким пальцем сумму, уплаченную за доставку цветов.

— Я пошла в тот цветочный магазин узнать, нет ли иного объяснения, но все было ясно и очевидно…

Какое невезение, думает Мансебо.

— Что вы будете теперь делать, мадам?

Мадам Белливье некоторое время смотрит пря-

мо перед собой, а потом пожимает плечами.

— Не знаю. Уверена только, что не могу больше находиться здесь. Но не знаю, куда мне идти и что делать.

«Так же, как я», — думает Мансебо, но ничего не говорит, хотя его так и подмывает рассказать и свою историю.

— Теперь я могу взять коробку.

Мансебо до того потрясен доказательствами, которые добыла эта женщина, что забыл о коробке с птичкой.

— Да, сейчас я пойду и похороню ее.

Мадам Белливье делает попытку улыбнуться.

— Я составлю вам компанию, — говорит Мансебо.

Он забирает сумку из хозяйственного чулана и в последний раз запирает свой магазин. Мансебо и мадам Белливье выходят на бульвар и видят на горизонте Сакре-Кёр. Впервые за много лет Мансебо признается сам себе, что его лавка находится отнюдь не у подножия Монмартра.

* * *

Последнее предложение дневника Юдифи я перечитываю дважды. Здесь мне совершенно не хочется ставить точку. Теперь я понимаю, что

передо мной уникальный материал. Я аккуратно закрываю дневник и оглядываю кафе. С каким нетерпением я ждала этого дня. Казалось, все было впереди. Но теперь я ощущаю лишь пустоту и печаль. Однако я вспоминаю своего соседа, который поставил точку не по собственной воле, собираю свои вещи и выхожу из кафе.

На вентиляционной решетке метро, свернувшись калачиком, лежит бездомный. Матрац его составлен из нескольких войлочных одеял, между которыми засунута бутылка вина. Выглядит это как пародия принцессы на горошине. Ноги бездомного обуты в огромные, не по размеру, ботинки, а из полуоткрытого рта на щеку стекает струйка слюны. Рядом с этим человеком лежит собачий поводок. Однако никакой собаки рядом не видно. В поисках щенка я приоткрываю коробку с золотой надписью на крышке и вижу внутри свежий шоколадный эклер. Печаль покидает меня. Жизнь продолжается.

•

Из пепельницы к потолку поднимается тонкая струйка дыма. Дым идет всякий раз, когда Мансебо оставляет сигарету лежать в пепельнице, предоставляя ей погаснуть самой. Ему нравится

сидеть и смотреть на дым, который, извиваясь, поднимается к потолку закрытой комнаты.

Вокруг тяжелого мраморного стола стоят три больших коричневых кожаных кресла. Жалюзи опущены, но их планки повернуты так, что беспощадный солнечный свет проникает в комнату.

В окне высится громада Сакре-Кёр. Рядом с пепельницей, на мраморном столе, стоит маленькая черная машинка, которую можно принять за устаревший электронный калькулятор. Однако эта машинка не умеет считать, но зато она может распознавать фальшивые купюры. Красный индикатор редко мигает, машинка готова принять в свое чрево захватанные, замусоленные деньги, чтобы определить их подлинность. Рядом с машинкой лежит бинокль.

Звонит телефон. Кому-то в этом мире нужна его помощь. Мансебо так и подмывает броситься к телефону, чтобы ответить, но он выжидает, чтобы потенциальный клиент не решил, что ему нечего делать. Пусть думает, что Мансебо занят трудным делом. Интересно, с чем будет связано новое поручение — с подозрением на темные махинации, с сомнением в супружеской верности, с исчезновением человека…